Ральф ПИТЕРС

Война 2020 года

Домино

Ральф ПИТЕРС

Война 2020 года

6543210

Ralph
PETERS

THE WAR IN 2020

Ральф
ПИТЕРС

ВОЙНА 2020 ГОДА

В 2-х книгах

КНИГА ПЕРВАЯ

Москва

ВАГРИУС

Минск
БелВагриус
1994

ББК 84(7США)
П 35
УДК 820(73)-31

Серия основана в 1994 году

Перевод с английского

Питерс Р.
П 35 Война 2020 года: В 2-х кн. Кн. 1: Пер. с англ.— М.: Вагриус; Мн.: БелВагриус, 1994.— 447 с.— (Домино).
ISBN 5-7027-0041-4 (Вагриус)

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

П 8200000000

ISBN 5-7027-0041-4 (Вагриус)

Copyright © 1991 by Ralph Peters
© Издание на русском языке. Издательство «Вагриус», 1994
© Перевод. С. Луговой, Т. Сиднева, 1994
© Обложка. А. Сальников, 1994

Памяти
ЭМОРИ АПТОНА

На свете происходят вещи,
На которые нельзя смотреть без боли.
Таков закон: нет находок без потерь.
И, злобствуя, Небо наказывает
Прекрасных женщин.

СКАЗ О КЬЕУ
Перевод с вьетнамского

Пролог

В год от Рождества Христова 2005-й Соединенные Штаты Америки совершили роковую ошибку. В ходе очередного внутреннего кризиса в пост-мобутовском Заире ЮАР захватила обширный и богатый полезными ископаемыми район в провинции Шаба. Связанные обязательствами полузабытых договоров, абсолютно не ориентирующиеся в тонкостях обстановки на местах и охваченные стремлением рассеять зародившиеся в мире сомнения относительно нашей роли сверхдержавы, мы высадили в Киншасе Восемнадцатый воздушно-десантный корпус. Операция проходила медленно и с многочисленными срывами. В период эйфории разоружения девяностых годов, когда сухопутные войска стали считаться анахронизмом и нелепостью, армия оказалась обескровленной. Однако мы все еще верили в свои силы.

Восемнадцатый воздушно-десантный корпус высадился на смертельно больном континенте. Богатые державы всего мира давно махнули рукой на большинство африканских стран. Неспособная прокормить свое население, неспособная платить по счетам и раздражающая всех

неумением хоть как-то управлять сама собой, Африка не могла предложить ничего, кроме все еще открываемых то тут, то там месторождений и редеющих стад диких животных, которые постепенно становились в глазах цивилизованного мира более ценными, чем миллионы обездоленных африканцев. Континент умирал. Сперва пандемия СПИДа убила всю прелесть сафари с фотоаппаратом в руках, затем в самом начале нового столетия еще одна беда выросла из зарослей буша.

Но подобные соображения не остановили американцев. Мы убедили себя, что доносившиеся до нас слегка фальшивые звуки — не что иное, как зов долга, и отправили на этот зов лучшее из того, что имели. Пыхтя и отдуваясь от усталости, наши воины подняли флаг США в самом сердце страны, для которой они были плохо экипированы, плохо подготовлены и о которой они пребывали в счастливом неведении. Но все это вроде бы не имело значения. Американцы все-таки высадились, да и сама операция казалась не более чем пустой формальностью для тех людей, которые принимали решения.

Никто всерьез не верил, что южноафриканцы станут драться.

ПУТЕШЕСТВИЕ

1

Африка
2005 год

К аэродрому подлетаешь над ковром колышущихся трав. От грохота и бегущей по земле тени железных птиц животные сперва обращаются в бегство, а потом долго глядят ей вслед. В летном комбинезоне и шлеме невыносимо жарко, и воды уже не хватает, но все же патрулирование вносит хоть какое-то разнообразие в монотонность лагерной жизни. Вы проноситесь над светло-коричневым морем травы, едва не цепляясь за корявые ветки кустарника, и голос далекого авиадиспетчера усыпляюще гудит в наушниках. Потом рельеф местности начинает меняться. Но только чуть-чуть. Терриконы у шахт виднеются издалека, и нет необходимости следить за показаниями приборов.

Ему хотелось летать. Ему всегда хотелось летать. Разве осталось еще какое-нибудь достойное занятие в нашей однообразной жизни? Но теперь, когда уже видна база эскадрильи, сидящий в пилоте прагматик торопится поскорее оказаться на твердой земле.

Заходя на посадку, он облетает самую высокую пирамиду из пустой породы, и металлические крыши добывающего комплекса вспыхива-

ют в лучах высокого солнца Южного Заира. Провинция Шаба, иначе — Катанга. Бормоча себе под нос ругательства, он слегка отворачивается. Теперь, когда солнце больше не слепит глаза, он видит россыпь военных палаток и идеально ровные ряды вертолетов, отдыхающих в пятнистой тени маскировочных сеток. Красно-белый флаг воздушно-десантных войск ожил на единственном двухэтажном здании, и пыль, вздымаясь, тянется к его машине. Солдат с непокрытой головой в авиаторских очках и закрывающем рот и нос коричневом хлопчатобумажном платке поднимает руки. Иди к папочке. Африка исчезает в буром урагане.

Вот он и дома. Разминая затекшие в полете ноги, он смотрел на знакомый аэродромный пейзаж, одинаковый в любом уголке земного шара: заправщики, линии разметки, предупреждающие знаки, переносные сигнальные фонари, ветряные „сачки", палатки медиков с закатанными вверх пологами и аккуратными рядами коек, а на них — тщательно свернутые или сложенные спальные мешки, солдаты в футболках и с именными медальонами, похожими на дешевые украшения. Разорванные коричневые картонки из-под сухих пайков. Техасская жара. И никакой войны.

Привычная рутина жизни в полевых лагерях быстро вступила в свои права. Регулярные патрульные полеты над пустынными южными районами. Ожидание боевых действий сменилось естественным и очевидным чувством разочарования, к которому примешивалось и некоторое облегчение. Солдаты проклинали погоду, безрадостный ландшафт, насекомых и вездесущих змей, пайки и начальство, которое никогда не

знало, что же в точности происходит, и, соответственно, все делало не так. Некоторые бурчали, что армия США снова сделала плохой выбор и что все заирцы — ни на что не годные бестолочи. Те несколько книг, которые солдаты, собираясь в дорогу, сунули в рюкзаки и полевые сумки, уже были прочитаны, сменили владельцев и прочитаны еще раз.

— Привет, Джордж, — бросил его приятель капитан, проходя вдоль шеренги походных коек. — Что почитываешь?

Капитан Тейлор молча показал ему книгу в бумажном переплете.

— Похоже на роман ужасов, верно?

— Не совсем, — отозвался Тейлор, лениво растянувшись на койке.

— „Черное сердце". — Приятель рассмеялся. — Мне сразу вспомнилась одна из моих подружек. Хочешь пивка, Джордж?

— У меня есть.

Капитан добродушно улыбнулся. „Капитан Джордж Тейлор, командир звена. Летчик милостью Божьей". И он зашагал по направлению к полевой столовой.

Тейлор и его товарищи проводили свободное от полетов время, покрываясь великолепным загаром и слушая англоязычную станцию южноафриканского радио, которая ловилась здесь лучше всего и передавала самую хорошую музыку. Женщины ведущие, с их будоражившим воображение иноземным акцентом, никогда ни словом не упоминали о кризисе, эпидемии или появлении американских войск, но по мере того как ситуация начала, похоже, входить в норму, все чаще стали посвящать песни „одиноким со-

лдатам на севере" Всеобщей любимицей стала девушка по имени Марни Уайтвотер, которую армейские слушатели быстро переименовали в Марни-Отсоси-У-Меня. Когда не было полетных заданий и жаркое солнце выгоняло всех из душных палаток, Тейлор любил лежать в сетчатом гамаке с приятно холодившей кожу баночкой пива на животе, покрываться бронзовым загаром, от которого дома девочки посходят с ума, и слушать по радио дразнящий голос. Он знал, что она непременно блондинка. И испорченная сверх всякой меры.

Никакой войны. Только палящее солнце, скука и дурная пища. В части Тейлора никто не заразился болезнью Рансимана, и гулявшие среди солдат слухи об участившихся случаях БР ближе к Колвези или в Киншасе мало волновали авиаторов в их замкнутом мирке. То была чья-то чужая головная боль, казавшаяся гораздо менее важной, чем разговоры о том, сколько еще им здесь торчать до возвращения домой. Они спорили, водились ли когда-нибудь в этой части Африки слоны, и обалдевшие от скуки молодые пилоты нарушали летную дисциплину, пытаясь сфотографировать на память других, не таких крупных представителей африканской флоры, которых они замечали во время патрульных полетов. Порой, как озарение, Тейлора посещало предчувствие, что эти бесконечно длинные жаркие дни — не что иное, как райская идиллия перед катастрофой. Но такие мысли быстро исчезали, и большую часть времени его просто тяготила бессмысленность и монотонность его нынешней жизни.

Как-то раз он пролетал над деревушкой, где на пыльной немощеной улице то тут, то там

валялись раздутые от жары трупы. Эпидемия. Его руки, сжимавшие штурвал, задрожали. Но увиденное повлияло на него не сильнее, чем неприятный кадр из фильма. Он только отвернул вертолет в сторону, поднимаясь в чистое голубое небо.

Последнее утро казалось особенно ясным, и в воздухе, когда они взлетали, все еще была разлита ночная свежесть. Они получили самое обычное задание — патрулировать вдоль течения реки Луалаба в южном направлении в сторону границы с Замбией. Никаких трюков в воздухе. Только вчера командир эскадрильи строго-настрого предупредил всех пилотов после того, как один лейтенант едва не угробил свой „Апач", пытаясь сфотографировать какое-то животное, — он клялся, что гепарда. Так что предстоял день скучного полета в строю, и не было никаких причин ожидать чего-нибудь необычного. Начальник разведки эскадрильи даже перестал снабжать вылетающих информацией о возможном местонахождении противника.

Тейлор пребывал в мрачном настроении и, что на него не похоже, переговаривался по радио с подчиненными отрывисто и строго. Ему только недавно сообщили, что один из его однокашников по училищу в Форт-Ракер почти что близкий друг, служивший на главном командном пункте сто первой дивизии, умер от болезни Рансимана. Как нелепо, ведь Чаки Моссу досталась самая безопасная работа — катать старших офицеров на самом ухоженном вертолете во всей дивизии. Чаки только недавно женился, порой был не прочь подурачиться, и ему еще даже не исполнилось тридцати. То, что он

умер, когда еще не прозвучало ни одного выстрела, казалось глупым и несправедливым.

Сегодня Тейлору никак не удавалось сосредоточиться. Вспомнив Чаки на сумасшедшей вечеринке в Панама-сити во Флориде, он вдруг мыслями перенесся в постель своей старой подружки — Джойс Уиттакер. Совершенно сумасшедшая бабенка. Он припомнил, как Чаки с банкой пива в руке смеялся по поводу доносившихся до него звуков и заявлял, что старушка Джойс сильна энергией, а не рассудком. Еще он вспомнил тело Джойс, блестящее от пота, ее закрытые глаза... Тем временем под брюхом его вертолета миля за милей проносилась пустынная, поросшая кустарником земля. Солнечные лучи начали пробиваться сквозь затемненный щиток перед его лицом, и Тейлор снял спасательный жилет, готовясь к неминуемому наступлению жары.

Не прошло и десяти минут после взлета с аэродрома, как экран радара на вертолете Тейлора замутился и по нему побежали бледные бесцветные пятна. Тейлор решил, что техника опять не в порядке, ибо даже в лучшие дни новые электронные приборы на „Апачах-А5" отличались изменчивым нравом, а к тому же пыль полевого аэродрома влияла на них далеко не лучшим образом.

— Один-четыре, говорит Девять-девять, — вызвал Тейлор ближайший вертолет. — На моем радаре помехи. Осуществляйте наблюдение за горизонтом.

— Говорит Один-четыре, — раздался в наушниках взволнованный голос. — На моем экране ни черта не разберешь. В чем дело?

Вдруг в разговор вклинился голос старшего уорент-офицера*, ветерана, летевшего над одной из замыкающих машин:

— Черт возьми, нам ставят помехи.

Тейлор сразу понял, что старый служака прав, и обругал себя дураком, что не сообразил, что происходит. Заснул он, что ли? Никто не ожидал враждебных действий.

— Всему звену, всему звену. Рассыпаться. Быстрее. Боевая готовность номер один, — скомандовал Тейлор. В ту же секунду он увидел, как подчиненные ему машины веером разошлись в стороны.

От экранов радаров по-прежнему не было никакого толка. Но в зоне прямой видимости враг не показывался. Тейлор пожалел, что не выслал вперед несколько разведывательных машин, но их полеты прекратили как ненужные ввиду отсутствия реальной угрозы.

— Сьерра шесть-пять, говорит Майк девять-девять. Прием, — передал Тейлор сигнал тревоги на аэродром.

Никакого ответа.

— Сьерра шесть-пять, говорит Майк девять-девять. Мне ставят помехи. Прием. — Ничего. Только низкий воющий звук, возможно, просто что-то в моторе.

— Сьерра...

Краем глаза он увидел ослепительную вспышку в небе на месте одного из своих вертолетов. Лейтенант Росси. Когда вспышка исчезла, изуродованная машина на глазах у Тейлора устремилась к земле. Авторотация не сра-

*Уорент-офицер — в армии США промежуточный чин между сержантским и офицерским составом.

ботала, и вертолет камнем рухнул, ударившись о землю с такой силой, что узлы и куски фюзеляжа снова подлетели в воздух, в то время как основная часть вертолета исчезла в облаке огня.

У Тейлора помутилось в глазах. На миг ему показалось, что весь мир распался на мелкие, как в мозаике, части. Тем временем его голос автоматически продолжал:

— Сьерра шесть-пять...

— Господи Иисусе! — раздался чей-то голос в переговорном устройстве. — Господи Иисусе!

Тейлор лихорадочно осматривался по сторонам.

Ничего. Абсолютно ничего. Чистое, горячее, голубое марево.

— Всем. По прямой не лететь. Надеть защитные жилеты. — Судя по приборной доске, его бортстрелок, новичок, которого Тейлор едва успел узнать, спешно возился с вооружением. — Один-один, — приказал Тейлор. — Покиньте строй и проверьте, не осталось ли там кого в живых. Выполняйте! — Тейлор связался со старшим уорент-офицером в замыкающей машине. — Один-три, что у вас там? Кто-нибудь сзади?

— Нет. Никого. — От волнения тот говорил фальцетом. Впервые за год знакомства Тейлор услышал в его голосе след каких-то эмоций. — Девять-девять, нас атаковали спереди. И в живых там никого не осталось. Росси и Кох мертвее мертвых, а если сейчас начнется заваруха, то Один-один нам здесь больше понадобится.

На миг Тейлор разозлился, что его приказы обсуждают. Но уже через секунду он понял, что уорент-офицер прав.

Он чувствовал себя совершенно беспомощным — врага не было видно нигде — ни на земле, ни в воздухе.

— Один-один, предыдущий приказ отменяется. Займите свое место.

— Вас понял.

„Апачи" не должны так падать, — твердил про себя Тейлор. — „Апачи" не горят. „Апачи" не разламываются на части. „Апачи" не..."

— Ну где же они, черт возьми? — рявкнул Тейлор в микрофон. — Кто-нибудь видит хоть что-нибудь?

— Ничего.

— Ничего.

— Один-четыре, вы что-нибудь видите?

— Я ни хрена не вижу.

— У них где-то здесь лазер. Большой поганый лазер, — вмешался уорент-офицер голосом, осипшим от внезапной догадки. — Это была лазерная атака, чтоб я сдох. Я видел такую фигню на полигоне в Уайт Сэндс.

Невозможно. У южноафриканцев нет лазерного оружия. Тактических лазеров вообще ни у кого нет, существуют только несколько специальных приборов для вывода из строя навигационной аппаратуры. Ими нельзя убивать. Лазерное оружие используется только на стационарных объектах для защиты от ударов из космоса. Это стратегическое вооружение. Никому пока не под силу создать такой миниатюрный источник энергии, который позволил бы использовать лазеры в тактических целях.

Тейлор чувствовал себя таким маленьким в огромном пустом небе. Ему ничего не приходило в голову, кроме как продолжить полет, хотя ему было очень страшно. Летный костюм весь промок от пота, а кожа покрылась белыми и красными пятнами. Как ему хотелось развернуться и укрыться на безопасном аэродроме! Но настоящие солдаты так не поступают.

Он снова попробовал связаться с базой.

— Сьерра шесть–пять, говорит Майк девять–девять. Вероятный контакт с противником, повторяю, вероятный контакт с противником.

Ничто не предвещало опасности, но еще один из его вертолетов вспыхнул белым и золотым огнем, а потом беспомощно устремился к земле. На сей раз „Апач" стал разваливаться еще в воздухе.

— Снизиться! — приказал он оставшимся машинам. — Прижмитесь вплотную к этой чертовой траве. — Тейлор надеялся, что сможет укрыть вертолеты от невидимого врага, если они будут лететь впритирку к земле. — Спускаемся, — предупредил он своего стрелка. — Держись.

Он хотел ответить ударом на удар. Стрелять во что–нибудь. У него даже руки чесались пульнуть в пустое небо. Все, что угодно, только не беспомощное ожидание, когда и его постигнет судьба двух сбитых машин.

— Вот они, — услышал он в наушниках голос старшего уорент–офицера. — Вверху!

Посмотрев сквозь верхнюю часть фонаря кабины, Тейлор с трудом различил у самого горизонта далекие черные точки. Его глаза разбо-

лелись от напряжения, слезы мешали сфокусировать взгляд.

Враг находился вне пределов досягаемости. И уже сбил двоих.

Тейлор кожей чувствовал, как ждут оставшиеся в живых его решения, его приказа, который мог стать главным в их судьбах.

Оставалось только два варианта. Бежать... Попытаться уйти от них... либо атаковать, сблизиться настолько, чтобы произвести хотя бы несколько выстрелов с дистанции поражения.

— Сьерра шесть–пять, говорит Майк девять–девять. Подтверждаю контакт с противником. Имею потери — два вертолета. Заходим для атаки.

Капитан не сомневался, что его группе противостоят более совершенные летательные аппараты. Он всегда верил в старика „Апача", в его надежные многоцелевые ракеты, в добрую, старую пушку Гатлинга со снарядами, начиненными обедненным ураном. Но теперь он знал, что кто–то поменял правила игры, что не было бы большой разницы, если бы он сейчас сидел на лошади с саблей и револьвером.

— Старшой, — прокричал в микрофон Тейлор, забыв о кодах. — Прими резко вправо и прикрывай нас с фланга. Идем прямо на них. Маневрировать бесполезно — от них не увернешься. Вперед, храбрецы! — На его глазах черные точки явно становились все крупнее и крупнее. — Покажем сучьим детям!

Но от храбрецов уже мало кто оставался. Еще одна вспышка швырнула его ведомого на спекшуюся от жары землю. Лопасти зарылись в заросли кустарника, фюзеляж сначала нелепо

задрался высоко в небо, а затем с грохотом рухнул вниз.

Старший уорент-офицер не послушал приказа Тейлора. Набирая высоту, на полной скорости он помчался прямо навстречу противнику и выпустил ракету еще с безнадежно далекого расстояния, словно желая безумной храбростью напугать врага.

Прежде чем вертолет Тейлора успел подняться повыше, невидимая сила обрушила на него удар и бросила в штопор. Хотя Тейлор чувствовал, что его руки по-прежнему лежали на штурвале, глаза его видели только мерцающую белую пелену. За миг до того, как вертолет боком врезался в кусты, Тейлор успел крикнуть стрелку:

— Стреляй, черт подери, стреляй!

Он не знал, видел ли тот перед собой цель, видел ли он что-нибудь вообще, был ли он еще жив. Тейлор знал только, что он не хотел умирать, не нанеся ответного удара, и последнее, что он чувствовал, прежде чем сила удара вышибла из него сознание, была ярость, огромная, как само небо.

Никто в общем-то не ожидал, что южноафриканцы станут драться. Все, казалось, сводилось к хорошо рассчитанному риску, к принятию воинственных поз, обнародованию угрожающих заявлений, передислокации войск. Вашингтон мудро рассудил, что южноафриканцы просто-напросто блефуют перед всем миром, считая, что у Европы нет ни сил, ни воли на серьезные действия, а Соединенные Штаты не осмелятся послать свою армию. И Вашингтон самоуверенно отправил за океан Восемнадцатый воздушно-десантный корпус, не сомневаясь, что

все сведется к демонстрации мускулов. Ребята из разведки знали, что у южноафриканцев имелось соглашение с Японией о проведении испытаний японской военной техники последнего поколения. Но там решили, что дальше разговоров дело не пошло. И к тому же единственный вооруженный вертолет компании „Тошиба", который удалось заполучить разведывательному ведомству, содержал некоторые интересные новинки, но ничего такого, что могло бы изменить соотношение сил на поле боя. Позже стало ясно, что американцев надули, подсунув им болванку, лишенную ключевых узлов. Но до начала интервенции никто ничего так и не заподозрил.

Южноафриканцы спокойно наблюдали за суетливыми перемещениями вокруг Киншасы неповоротливого американского корпуса. Армия США помогала им как могла, добавив неразберихи в последний момент, когда начальство приняло решение доукомплектовать корпус частями из других соединений, лишь бы не призывать резервистов. После сокращения вооружений и численности войск, волной прокатившихся в девяностые годы, равно как и после урезанных донельзя в начале века расходов на оборону, даже наиболее боеспособные части испытывали нехватку во всем, начиная от врачей и переводчиков и кончая боеприпасами и запчастями. Переброска корпуса происходила в обстановке полной неразберихи — транспортные самолеты ВВС не могли туда летать, и все же ВВС настояли на развертывании в Киншасе бомбардировщиков Б-2, хотя никто не мог придумать, какие боевые задачи они могли бы там решать. Флот выслал две боевые группы авианосцев, но ни самолеты, ни ракеты, ни орудия не годились про-

тив врага, рассредоточившегося вне пределов досягаемости в глубине Африки. Конечно, никто всерьез не рассчитывал сражаться, но всем хотелось поиграть в войну. Военная разведка оказалась бессильной. Система сбора данных еще более или менее работала, но не нашлось аналитиков, способных обрабатывать полученную информацию, ибо армия давно уже перешла на полную автоматизацию, а автоматизированные системы не были запрограммированы на такую неожиданную задачу, как воздушный десант в африканской глуши. Но самой большой проблемой вскоре стала нехватка медицинского персонала, обученного для работы в экстремальных условиях.

С каждым днем высокое начальство все больше и больше утверждалось в своей уверенности, что южноафриканцы никогда не будут воевать. В Вашингтоне много шутили на эту тему, гораздо чаще, чем в Киншасе, где неразбериха, постоянная нехватка то того, то сего и закон Мерфи* редко оставляли время задумываться о стратегических вопросах. Однако даже командование корпуса считало, что захоти южноафриканцы воевать, их единственным шансом было бы нанести удар, пока американцы только десантировали свои передовые группы, а не ждать, пока они дислоцируют весь корпус.

Поначалу южноафриканцы оставались в провинции Шаба и не предпринимали никаких шагов, в то время как американцы угрожали дальнейшим продвижением войск на территорию самой провинции. Некоторое время обе стороны

*Шутливый закон, выведенный американским сатириком Мерфи, — о неизбежной неразберихе в учреждении вследствие его бюрократизации.

только принимали воинственные позы, пристально наблюдая друг за другом, ибо никто в армии США не имел представления о том, каким образом можно наступать, когда до противника — полконтинента, где автомобильные и железные дороги были либо разбиты, либо вообще отсутствовали.

Но, наконец, Восемнадцатый воздушно-десантный корпус начал медленно продвигаться вперед, пытаясь угрожать противнику, но при этом не навязывая ему боев. Теперь возникли некоторые основания для беспокойства, и с каждым днем их становилось все больше, ибо появился новый и страшный враг.

К моменту начала интервенции в Заир эпидемия СПИДа уже шла на убыль. Огромные пространства Африки практически превратились в безлюдные пустыни, так как эффективные вакцины были слишком дороги, чтобы широко применять их среди местного населения. Но западный мир наконец почувствовал себя в безопасности, и даже в Африке болезнь свирепствовала не так, как раньше. Только в Бразилии размеры эпидемии оставались на критическом уровне, в то время как ситуация в других южноамериканских странах, похоже, стала достаточно контролируемой. Мало кто обратил серьезное внимание на сообщения о новой заразе, поразившей уцелевших жителей отдаленных областей Уганды и Танзании, и даже Всемирная организация здравоохранения поначалу считала, что имеет дело всего лишь с сильной вспышкой холеры. Трудность оценки ситуации усугублялась нежеланием самолюбивых африканцев признать истинные размеры возникшей на задворках их стран проблемы. Болезнь достигла Мо-

замбика. Чиновники международных организаций здравоохранения начали подсчитывать потери среди своего медицинского персонала и обнаружили, что количество смертельных случаев беспрецедентно велико. Прошло совсем немного времени, и почти вся Восточная Африка оказалась на пороге вымирания.

Остальное человечество ничуть не обеспокоилось. На границах пораженных болезнью стран силами международных организаций установили карантин. Эпидемия стала всего-навсего еще одной проблемой Африки.

В Уганде и Кении болезнь прозвали „огненной лихорадкой" из-за шрамов, похожих на ожоги, которые оставались на коже выживших счастливцев. Но вскоре у нее появилось цивилизованное название, когда сэр Филипп Рансиман сумел выделить в лаборатории в Момбасе новый, ни на что не похожий вирус. Болезнь Рансимана ухитрилась сочетать свойства и высокий уровень смертности, характерные для вирусных заболеваний, с симптомами, типичными для бактериальных инфекций. Первичные ее признаки действительно напоминали холеру, в частности быстрое обезвоживание организма из-за постоянного поноса и тошноты, однако одновременно поражалась и нервная система, а это отмечалось впервые. Болезнь быстро переходила в следующую стадию, когда кожа высыхала, а тело покрывалось бесцветными пятнами. В то же время в худших случаях начинал разлагаться мозг, что причиняло жертве мучительную боль и, как правило, приводило к летальному исходу. Заболевших ждало одно из трех: смерть, наступавшая при отсутствии лечения в восьмидесяти пяти случаях из ста; жизнь с по-

раженным мозгом и полной или частичной потерей контроля над основными функциями тела и, наконец, выздоровление, при котором счастливцы отделывались только изуродованной внешностью.

Вопрос, связанный с болезнью Рансимана, возникал во время спешной подготовки к высадке в Заир наряду со многими другими, волновавшими Комитет начальников штабов. Но правительство считало, что сроки поджимают, существовала опасность еще одного контрзаговора в Киншасе, который придал бы вид законности южноафриканской оккупации Шабы. И к тому же госдепартамент заверил президента и Совет национальной безопасности в том, что правящая Великая Демократическая Партия Заира предоставила гарантии полного отсутствия признаков заболевания в районе среднего и нижнего течения реки Заир (Конго), равно как и в Южном Заире. И уж конечно в провинции Шаба.

Вдобавок пришла телеграмма от посла США в Заире, где он утверждал, что национальные интересы и репутация Соединенных Штатов находятся под угрозой и, хотя действительно имеются сообщения об отдельных случаях болезни Рансимана в отдаленных уголках страны, это заболевание, при условии принятия разумных мер предосторожности, не будет представлять реальной опасности для американских военнослужащих.

Армия США начала высадку.

Госдепартамент выработал специальное соглашение с правительством Заира с целью „облегчить эффективное и недестабилизирующее размещение войск США", согласно которому

указанным войскам надлежало оставаться в пределах строго ограниченной территории вблизи аэропорта Киншасы вплоть до их последующей передислокации в провинцию Шаба. Представитель госдепартамента сообщил прессе, что соглашение имело целью исключить видимость американской агрессии против Заира и всякую возможность недопустимого вмешательства во внутренние дела данного государства. Но американским военнослужащим не понадобилось много времени после прибытия, чтобы понять истинную причину вводимых ограничений.

В трущобах Киншасы свирепствовала эпидемия. Положение оказалось настолько тяжелым, что, получив приказ вывозить тела погибших от болезни, заирские военные взбунтовались. Окраины столицы напоминали картины глубокого средневековья.

Командование десанта немедленно доложи ло о сложившемся положении. Но царивший в армии и правительстве дух сознания своей мис сии и ответственности не поколебался. Не под даваясь панике, штаб Восемнадцатого воздуш но-десантного корпуса и командование пере довыми частями ВВС США в Африке приняли меры для обеспечения строжайшего карантина. Да, разумеется, приходилось делать исключе ния. Командиры и штабные офицеры не могли не встречаться со своими заирскими коллегами, американским и местным авиадиспетчерам при ходилось работать бок о бок, отбросы надлежа ло вывозить за пределы аэропорта, а старшие офицеры имели светские обязанности, которые невозможно было игнорировать, смертельно тем самым не обидев местное начальство.

И к тому моменту, когда армия США с ревом и грохотом начала переброску в район, являвшийся предметом споров, всем уже стало очевидно, что болезнь Рансимана, или БР, как быстро обозвали ее солдаты, была не только болезнью африканской бедноты.

Тем не менее операция проходила достаточно успешно. Вторая бригада Восемьдесят второй воздушно-десантной дивизии блестяще осуществила переброску в степной район под Колвези, город в центре провинции Шаба. Американцы обнаружили, что южноафриканцы оставили город, предварительно предав его огню. Парашютисты быстро подготовили обширный плацдарм для высадки десанта. Вскоре на нем начала садиться вторая волна транспортных самолетов. Южноафриканцы и пальцем не шевельнули, чтобы помешать операции. Даже их местоположение не удалось обнаружить. Похоже, они передумали сражаться и эвакуировались из провинции.

Дальнейшее продвижение армии США продолжалось, напоминая теперь скорее учебные занятия по отработке материально-технического обеспечения войск в сложной обстановке. На месте действия — в Шабе, в штабе корпуса в Киншасе и в Вашингтоне воцарился дух торжества. Было решено, что американские силы останутся в Заире на срок, достаточный для того, чтобы расставить все точки над „i" и чтобы их безусловная поддержка нынешнего заирского правительства стала очевидной для всех заинтересованных сторон.

Когда к Тейлору вернулось сознание, он не смог удержать крик боли. В затылке стучало так

сильно, что было больно дышать, двигаться, даже лежать неподвижно. Глаза его саднили, будто его долго колотили кулаками, обсыпанными перцем, а голова казалась слишком большой для стягивавшего ее летного шлема. Через некоторое время он понял, что у него к тому же сильно болит спина и что лучше не шевелиться вовсе.

Но он начал двигаться. Точнее даже, он вскочил как безумный, при мысли о том, что вертолет, возможно, горит. Он рывком освободился от ремней безопасности, с криком вывалился из кабины, словно охваченный паникой ребенок. Он зацепился за борт вертолета и упал лицом вниз. Под его весом остатки корпуса вертолета задрожали. Он отчаянно дернулся, пытаясь освободиться, на миг ему даже показалось, что он тянет за собой обломки машины. Наконец материал летного комбинезона поддался, и острая зазубрина впилась в ногу. Ему почудилось, что вся боль мира вылилась на него одного, и он сжался в комочек, тихо скуля, хотя ему казалось, что он кричит в голос, все еще в любой момент ожидая смерти.

Пламени не было Изуро́дованный корпус вертолета ровно стоял посреди полегшей травы, с пушкой, торчащей, как заусенец, прижавшись мордой к карликовому деревцу с листьями, жесткими словно сухая кожа. Хвостовая часть отвалилась, а лопасти винта походили на сломанные пальцы. Многоцелевых ракет не было — возможно, в последний момент их все же запустили либо их сорвало, когда машину протащило через заросли кустарника. Тейлор настолько поразился тому, что он жив, не обгорел и что его вертолет выглядел после падения так, как

ему и полагалось, что прошло довольно много времени, прежде чем он вспомнил о бортстрелке.

Все сегодня пошло наперекосяк. Предполагалось, что мы летаем и воюем лучше, чем противник. Предполагалось, что мы должны с триумфом прилететь назад. А если твой героизм и самоотверженность не смогли предотвратить катастрофу, то первым делом полагалось подумать о товарище. Но Тейлор мог думать только о своей боли, о своем собственном страхе, об ужасе, который он испытывал при мысли о перспективе сгореть заживо.

Бортстрелок, весь обмякнув, сидел в своем закутке. Не шевелясь. Такой же неподвижный, как и сам вертолет.

Молодой уорент-офицер, только что из учебки. В ответ на недоуменные вопросы, зачем он взял себе в экипаж самого неопытного из своих подчиненных, Тейлор всегда отвечал, что его обязанности как раз и заключаются в том, чтобы должным образом учить солдат. Но еще ему хотелось иметь рядом кого-то податливого, кто станет делать то, что ему сказано. Не какого-нибудь упрямого старого ворчуна, повидавшего на своем веку добрую дюжину взводных.

По существу, Тейлор еще не успел как следует узнать своего бортстрелка. Как командир звена он всегда держал некоторую дистанцию с подчиненными, к тому же здесь сыграл свою роль и скрытный характер Тейлора. И вот теперь, оглушенный и раздавленный, сквозь застилавшую взгляд пелену он смотрел с земли на безжизненное тело внутри вертолета, потрясенный итогом своей некомпетентности.

Все, абсолютно все должно было быть совсем не так. Он ничего не сделал правильно, испортил все. Его звено превратилось в разбросанную по пустыне груду обломков, а человек, за которого Тейлор отвечал прежде всего, лежал то ли мертвый, то ли без чувств, в то время как его командир, бравый капитан воздушно-десантных войск, спасал себя, не вспомнив ни об одной живой душе. Все должно было быть совсем не так.

Но в то же самое время Тейлор не мог подавить в себе чисто физическое чувство восторга, в чем-то похожее на упоение сексом, при мысли о том, что он в самом деле жив, что он спасся.

Он с трудом поднялся на ноги, доковылял до вертолета и принялся тянуть и дергать за ручку кабины. Металл погнулся, и фонарь заклинило. В конце концов Тейлору пришлось разбить остекление камнем. За все это время стрелок не сделал ни единого движения, лишь раскачиваясь в такт неловким попыткам Тейлора проникнуть внутрь машины.

— Бен!

Молчание.

— Бен! Ты жив?

Стрелок не отвечал. Но пелена перед глазами Тейлора рассеялась достаточно, чтобы заметить, что бедняга все еще дышал, хотя и совсем слабо.

Несколько темных пятен проступили на груди летной куртки бортстрелка, и на глазах у Тейлора большая муха уселась рядом с нашивкой, на которой было написано имя раненого.

— Бен! — Тейлор расстегнул шлем, слишком большой для головы мальчишки, и стащил его, стараясь не причинить стрелку боль.

Освободившись от жесткого шлема, голова раненого нелепо повисла набок.

У него оказалась сломанной шея. Он должен был давно уже умереть. Однако с его губ впервые за все время сорвался тихий стон.

— О Боже, — пробормотал Тейлор, не зная, что ему теперь делать или говорить. — О Боже, прости. Я не хотел причинять тебе боль. О Боже...

Стрелок так и не открыл глаза. Но он снова застонал, и Тейлор не знал, стонет ли тот от боли или в ответ на звуки его голоса.

— Бен! Ты меня слышишь? Ты понимаешь, что я говорю? — Тейлор плакал от стыда, отчаяния и горечи поражения. — Я не могу тебя отсюда вытащить. Понимаешь? Тебе надо оставаться пристегнутым. Я не могу тебя шевелить. Ты меня...

Еще одна муха села на лицо стрелка и не спеша побрела вниз по щеке, туда, где под носом темнела струйка засохшей крови. Тейлор согнал ее, стараясь не задеть лица товарища, чтобы не причинить ему еще большего вреда. Глядя на запекшуюся кровь, Тейлор вдруг понял, что мухи, наверное, сидели вот так несколько часов, прежде чем он сам пришел в сознание.

Где же спасательный вертолет? Вокруг царила полная тишина.

Стрелок издал стон, скорее похожий на всхлип тяжело раненного животного, чем на звук человеческой речи. Потом, неожиданно, он четко произнес одно-единственное слово:

— Воды.

От безнадежности всего происходящего Тейлор снова заплакал. В нем ничего теперь не

осталось от прежнего воздушного аса, бесстрашного пилота-разведчика.

— Бен... Ради Бога... Тебе нельзя пить. Я не могу тебе ничего дать. Тебе нельзя шевелить головой.

Раненый застонал. Ничто не говорило о том, что он находится в сознании. Единственное произнесенное им слово могло оказаться всего лишь восклицанием, вырвавшимся во время коматозного бреда.

— Пожалуйста... воды.

В течение всего дня и последовавшего за ним вечера стрелок периодически начинал просить воды или бормотал слово „пить". Он так ни разу и не открыл глаза. Тейлор соорудил над ним из обломков что-то вроде навеса, но не было спасения от жары в узкой кабине. Тейлор пытался обмахивать несчастного, но скоро оставил это нелепое занятие. Он устроился в жалкой тени от разбитого вертолета, положив рядом с собой ракетницу, чтобы стрелять при первом звуке приближающейся поисковой группы. Он старался как можно бережнее расходовать неприкосновенный запас воды, но сдерживать себя становилось все труднее. Жажда мучила его все больше и больше. Однако всякий раз, когда он позволял себе пригубить горьковатой влаги, стрелок начинал просить воды, как будто он следил за Тейлором и укорял его за то, что тот присваивает его долю. Время от времени Тейлор поднимался и прогонял мух с лица и рук раненого. Но они тут же возвращались. Губы бедняги уже распухли и кровоточили.

Ночью Тейлор проснулся от ужасного крика. Но теперь юноша не просил воды. Он говорил с кем-то третьим:

— Вы меня не заставите туда спуститься. Нет. Я не стану... спускаться туда... — Потом он застонал и снова погрузился в сон.

Тейлор еще раз попробовал вернуть радиоприемник к жизни. Но безуспешно. И с аварийным ответчиком тоже что-то случилось после удара о землю. Тейлор боялся разжечь костер — боялся, что его могут заметить враги, боялся, что огонь может привлечь диких зверей, вместо того чтобы держать их на расстоянии. После криков стрелка он уже не мог снова заснуть. Все его тело болело. Но что еще хуже, к нему вернулась ясность мышления. Он понял, что хотя он и хотел, чтобы стрелок выжил — очень хотел, — но он без колебаний предпочтет спастись сам, если предстоит выбирать. Он всегда считал себя самоотверженным человеком, готовым принести себя в жертву. Но теперь ему стало очевидно, что больше всего на свете ему хотелось жить и что для него его собственная жизнь гораздо важнее, чем жизнь любого другого. За год службы в Колумбии во время войны с наркомафией ему не представилось возможности по-настоящему себя проверить. Если не считать того, что противник время от времени постреливал из стрелкового оружия из зарослей джунглей или с вершин гор, самым главным врагом там была скука, и он считал себя абсолютно бесстрашным, настоящим суперменом. Но капитанские нашивки на плечах, все слова, произнесенные им на десятках торжественных церемоний, его самолюбование... все рассеялась как дым. В самый ответственный момент он ничего не смог сделать, и как себя не успокаивай, дело обстоит именно так. Сейчас, если бы ему предложили оказаться в теплой, безопасной постели

любой из десятка его подружек вместо того, чтобы разыгрывать здесь из себя медсестру рядом с раненым бортстрелком, он бы ни минуты не колебался. Сейчас, дрожа от страха в темноте африканской ночи, под зловеще чистым небом, он понял, что за все двадцать девять лет своей жизни так ничего о себе и не узнал. В зеркале он видел не себя, а наряженную куклу.

Новая острая боль вернула его из забытья, и в утреннем свете он увидел, что полчища муравьев снуют по его телу и вгрызаются в рану на ноге. Тейлор подскочил, в ужасе прихлопывая на себе насекомых. Он прыгал на месте в диком танце, давил маленьких кровососов кулаками, расчесывал кожу на щиколотках и ступнях, рывком расстегнул все молнии на летном комбинезоне, чувствуя, как уколы отмечают передвижения муравьев по его ногам.

Только раздевшись почти догола, он наконец выиграл битву. Все еще задыхаясь и дрожа, Тейлор пошел посмотреть на бортстрелка.

Его лицо казалось черным от муравьев. Глаза были открыты и мигали — единственная защита, которую мог позволить себе несчастный. Зрачки оставались неподвижными, уставившись прямо на сломанный пульт, однако в них явственно горел огонек жизни. И чувства.

— Нет! — вырвалось у Тейлора. Он постарался как можно аккуратнее очистить лицо товарища от насекомых, но ему с трудом удавалось сдерживать судорожные движения своих рук. Ему казалось, что они ползали по его собственному лицу.

Как Тейлор ни старался, он все же толкнул голову стрелка, и тот застонал. Потом его взгляд сместился, и он посмотрел на Тейлора

ясными и чистыми глазами, которые казались чужеродными на распухшем до неузнаваемости лице.

— Бесполезно, сэр, — прошептал стрелок удивительно спокойным голосом. — Они повсюду. Я их чувствую. — Он сделал паузу, как будто они всего лишь обсуждали какую-то мелкую неприятность. — Я вот только боялся, что вы ушли. Я думал, вы рассердились, что я не стрелял.

Тейлор аккуратно расстегнул молнию на куртке раненого. Когда он потянул замок вниз, муравьи градом посыпались наружу. Пол кабины, даже ботинки юноши как ковром были покрыты медно-рыжей шевелящейся массой.

— Пожалуйста, дайте мне чего-нибудь попить.

Тейлор почувствовал, что муравьи снова карабкаются по его щиколоткам.

— Всего один глоточек.

— Бен... Ради Христа... если я...

— Я знаю... — произнес стрелок. Из-под его распухших век покатились слезы. — Все равно. Я хочу пить.

Тейлор побежал за флягой.

— Бен...

Стрелок закрыл глаза.

— Трудно говорить... — прошептал он. Казалось, он собирается с силами, чтобы преодолеть невообразимую боль.

Как можно осторожнее Тейлор поднес флягу к губам раненого. Но они уже были неподвижны. Аккуратно Тейлор начал лить воду. Муравьи ползли по его рукам.

Стрелок резко подался вперед. Его голова качнулась навстречу фляге, из горла вырвался клекочущий звук — его тело уже не могло принять воду.

Тейлор чуть не выронил флягу. Но инстинкт самосохранения был все еще слишком силен в нем. Он отшатнулся, пролив только самую малость драгоценной влаги. Огонь муравьиных укусов нестерпимо жег ему руки, но он тем не менее тщательно закрутил крышку. Потом вытащил пистолет и выстрелил в лоб своему борт-стрелку.

Поначалу карта была бесполезной, так как вокруг простирался однообразный ландшафт, и он просто шел по компасу на север. Пролетая над поверхностью земли, легко было находить своеобразную красоту в диких зарослях травы и кустарника, но теперь, когда пришлось передвигаться пешком, африканская земля обернулась бесконечным кошмаром, в котором не находилось места ни для чего, кроме жары, колючек, мошкары и змей. Целый день прошел в упорной утомительной ходьбе, прежде чем вдали показались знакомые терриконы горнорудного комплекса. Потом кончилась вода. Словно задавшись целью свести скитальца с ума, далекие холмы отработанной руды упрямо отказывались расти на его глазах, а кусты цеплялись за его одежду, словно не желая выпускать путника из-под своей власти. Его летный комбинезон порвался под мышками, и горячие струйки пота жгли обнаженное тело. В панике он выстрелил из пистолета в змею, которая неожиданно возникла прямо перед ним. Тейлора начала бить дрожь, потом появились галлюцинации. В мину-

ты просветления он никак не мог понять, от чего он страдает больше — от страха или от жажды. Он заставлял себя сосредоточиться только на конечной цели пути, не отвлекаться на посторонние мысли и не давал себе думать о том, что добравшись до лагеря своей эскадрильи, может найти его покинутым. Еще он думал о воде и об отдыхе в безопасном месте, где подстерегавшие его в дороге опасности не подкрадутся к нему во время сна.

Когда в спускающихся сумерках Тейлор наконец приблизился к лагерю, он с замиранием сердца принялся выискивать хоть какие-нибудь признаки жизни. В воздухе не было ни одного вертолета. Машины не поднимали клубы пыли на грунтовых дорогах. Чувствуя, что находится на грани безумия, он прибавил шагу, почти побежал, хромая и спотыкаясь, не сгибая поврежденного позвоночника, словно верхняя часть его тела была вырезана из единого куска твердого материала.

Нет, конечно, они не могли бросить его на произвол судьбы.

Вода.

Отдых.

Как в тумане он засеменил вверх по отрогу горы из шлака, что скрывала лагерь от глаз.

И отшатнулся, словно кто-то с размаху ударил его в грудь. Потом уселся на породу, не в силах оторвать взгляд от простиравшейся внизу картины.

Лагерь и аэродром превратились в свалку обугленных обломков. Разбитые вертолеты и машины нелепо замерли посреди обрывков палаток и маскировочных сетей.

Они не услышали его сигнала тревоги. И не успели среагировать. Или не справились с лучше вооруженным противником, как не справилось с ним его звено, ныне обломками рассеянное по пустыне.

Через какое-то время он нашел в себе силы встать и долго, как во сне, бродил среди того, что осталось от его части. Кое-что все-таки уцелело. Несколько автомобилей, полевая кухня, различные предметы полевого оборудования... даже драгоценный бак с водой отступавшие просто бросили. Мертвых тел, правда, не было. По американской традиции живые, уходя, забирали с собой раненых и погибших товарищей. Но больше — почти ничего. Над двухэтажным административным зданием безжизненно повис на флагштоке забытый красно-белый флаг воздушно-десантных войск.

Тейлор понимал, что ребятам здесь, должно быть, пришлось очень туго. Но он не мог испытывать к ним сочувствия. Ему просто было очень плохо, и, как всякий больной, он сосредоточился только на своей боли. Он жадно припал к крану бака с водой, затем подставил голову под струю. По тому, какую боль вызвал стекавший по лицу и шее прохладный поток, он понял, насколько сильно обгорела его кожа. Но Тейлор не стал обращать внимания на такую мелочь. Он хотел спать.

Непроглядная африканская ночь обрушилась на землю моментально, будто кто-то спустил занавес в театре. Спотыкаясь о валяющийся повсюду мусор, Тейлор поднялся на плоскую крышу административного здания, где висел флаг. Он надеялся, что там его не побеспокоит никакая живность. В нем развился детский ужас

перед всякой ползущей мелюзгой, даже перед мухами. Он чувствовал, что по горло сыт ужасами дикой природы, и ему хотелось одного — чтобы его хоть ненадолго оставили в покое.

Тейлор проснулся от солнечного света. Он резко подскочил на своей жесткой бетонной постели. Вертолеты! Он слышал звук вертолетов. Но, еще не встав на непослушные ноги, еще не осмотрев небо, он уже понял, что за рев боевых машин принял жужжание мух.

Ноги плохо служили ему, и он с трудом спустился вниз по лестнице. Опять попил, на сей раз почувствовав вкус воды, горькой и теплой. Вокруг грузовика валялась груда коробок с сухим пайком. Но от мысли о еде Тейлора затошнило. Однако день принес с собой надежду. Он жив. И мог выбрать себе любую из нескольких исправных машин. Он мог при желании взять грузовик или легковой автомобиль. Вдруг Тейлор понял, что, несмотря ни на что, ему все-таки может посчастливится выжить.

Он мог передвигаться только медленно, но старался собираться методично. Он загрузил легкий универсальный грузовичок коробками с сухим пайком, десятигаллоновыми канистрами с бензином и флягами с водой. Он облазил остовы вертолетов в поисках забытых аварийных комплектов. Боеприпасы, спички, аптечки, ракетницы. Даже в самых разбитых машинах находилось что-нибудь полезное. Но ему так и не удалось обнаружить исправного радиоприемника. А наиболее современные аппараты связи, попадавшиеся иногда среди обломков, оказались с расстроенными программами и стертой памятью. Кто-то позаботился о секретности.

В административном здании стояли телефоны гражданской линии, но они молчали. И все же, порывшись в брошенных бумагах, он смог подобрать вполне приличный набор карт. Некоторые из них устарели, на других не имелось почти никаких отметок, но все же это было явно лучше, чем одна-единственная полетная карта небольшого участка местности, что расползалась по швам у него в кармане. Тейлор составил план дальнейших действий. Нет никакого смысла добираться до Колвези, не зная ситуации на фронтах. Лучше направиться на север, придерживаясь берегов реки Луалаба, насколько позволят местные дороги. На развалинах палаточного городка он порылся в обгорелых походных сумках и чемоданах. Его собственная сумка сгорела, но ему удалось подобрать несколько комплектов формы нужного размера на том месте, где стояли палатки рядовых. Он даже мог бы захватить с собой целую библиотеку порнографических журналов, но предпочел забросить в грузовик спальный мешок.

Теперь Тейлор был готов. Он все еще чувствовал слабость, но в нем крепла уверенность, что он осилит дорогу. На секунду он даже почувствовал в себе былую силу духа и подумал: „Джордж Тейлор против Африки — второй раунд". Он сложил карту и пристроил ее рядом с рычагом коробки передач. Пистолетами и ножами он обвешался, как ковбой из мультфильма. Наконец, Тейлор завел двигатель, но, бросив взгляд на флаг воздушно-десантных войск, остановился.

С трудом Тейлор снова поднялся по ступеням. Он ухватился одной рукой за ткань флага

и кинжалом срезал его с флагштока. Впервые за много дней он улыбнулся, заметив, что какой-то молодой солдат написал на ткани маленькими печатными буквами бытовавший среди нижних чинов девиз:

„ЕСЛИ ТЫ НЕ ДЕСАНТНИК, ТО ТЫ — ДЕРЬМО".

Тейлор сложил флаг и засунул его во вместительный карман униформы. Через несколько минут он оставил позади себя поле поражения и отправился на покорение континента.

Путешествие длилось четыре месяца. Тейлор надеялся нагнать соотечественников в пункте материально-технического обеспечения командования корпусом в Лубуди, но нашел там только груды матрасов, спальников, палатки ремонтников да разграбленный медицинский склад — все это было брошено американцами и перешло в собственность местных оборванцев. Трупы африканцев валялись то тут, то там на территории лагеря — жертвы БР, до которых никогда никто не дотронется, уж тем более не похоронит. Тейлор прибавил газу в надежде, что поток встречного воздуха унесет прочь витавшую вокруг заразу, так и не рискнув расспросить местных.

Он двигался вдоль течения реки. Его соотечественники расположились где-то к западу или северо-западу, но он не мог знать, насколько далеко оттеснила их война. Река с рассеянной по ее берегам горсточкой редких грязных поселений оставалась его последней надеждой. Городок Букама тоже находился на грани гибели, однако небольшая группка правительственных чиновников и несколько бельгийских миссионеров продолжали бороться, сжигая трупы

погибших от болезни. Тейлор почувствовал вонь еще за много миль до того, как перед ним показалась убогая городская окраина. На паромной переправе какой-то ливанец предложил купить все, что Тейлор согласился бы продать из своих запасов, но тот твердо решил беречь свое богатство, чтобы его хватило на весь долгий путь до Киншасы. Когда Тейлор на ломаном арабском спросил о местонахождении американцев, ливанец разразился сердитой тирадой на смеси французского языка и местного наречия, из которой Тейлор смог понять лишь то, что его собеседник понятия не имел, где американцы, и знать не хотел, где они могут быть. Еще Тейлор смог разобрать слово „смерть", которое тот повторил несколько раз подряд. Вскоре после того как начало темнеть, грузовик Тейлора заглох посреди проселочной дороги. Как он ни старался, машина так и не завелась, и ему ни чего не оставалось, как оставить на произвол судьбы все те сокровища, которые так хотел приобрести ливанец.

Тейлор продолжил свой путь пешком, порой расплачиваясь остатками припасов за то, чтобы его подвезли то на древнем грузовике, то на пароме или пароходике, насквозь пропитанном заразой. Его мучил понос, иногда набрасываясь на него со всей силой, иногда отступая, чтобы возвратиться вновь. При каждом новом приступе боли он думал, что у него начинается болезнь Рансимана. Но все ограничивалось приступами острой боли в животе и расстройством переполненного паразитами желудка. И своего первого врага он убил совсем не так, как рисовалось ему в мечтах о боевой славе, — в грязном кафе он пристрелил бандита, который, замешкайся Тей

лор хоть на миг, убил бы его самого. А через минуту он выстрелил в бармена — сообщника бандита, и как завороженный следил, как выскальзывает из ослабевших рук негодяя старое охотничье ружье. Еще одна ловушка для путешествующих по умирающей земле.

Он оставил позади себя тысячу с лишним извилистых миль, прежде чем добрался до огромных водопадов и призрачного города Кисангани, чье население сперва выкосил СПИД, а теперь добивала болезнь Рансимана. Здесь никто не мог помочь Тейлору, но проститутки, отчаянно пытавшиеся зарабатывать на жизнь на опустевшем торговом пути, сказали ему, что да, где-то шла очень большая война.

— Как добраться до Киншасы?

Ему никто не ответил.

— Где американцы?

В ответ — золотозубые улыбки.

— Где южноафриканцы?

Тоскующие без дела проститутки очень хотели угодить путнику, но Тейлор, чья память сохранила со школьных дней лишь жалкие остатки французского, никак не мог толком объяснить им, что именно он стремился узнать. Целых два года он просидел в школе, витая в облаках и думая только о стройной блондинке, которая мечтала над грамматикой за первой партой. И вот теперь, за тысячу миль и целую жизнь от школьных дней, драгоценные слова не всплывали в памяти. Еще одна проститутка протянула к нему руку — длинную кость, обтянутую тонким, обгоревшим пергаментом.

От всего этого невозможно было укрыться. Почта не работала, телефонная связь преврати-

лась в далекое воспоминание. Остались только простые вещи и понятия: грубая пища, непривычная и не задерживавшаяся в желудке; кошмарного вида проститутки, думавшие, что в карманах своей потрепанной формы он носит огромное богатство; невероятно живучие торговцы, которые путешествовали вниз и вверх по реке на пароходиках, ходивших без всякого расписания. Тейлор видел погибшие города и деревни, в которых не осталось ни одного живого человека. Те, кто выжил после болезни Рансимана, скитались по зарослям кустарника и по джунглям, ожидая смерти. Многие из них просили подаяния, некоторые сошли с ума. Больше всего Тейлора поражало, как быстро он научился ничего не замечать, ни на что не обращать внимания.

Отдельные отголоски войны достигали берегов великой реки — обрывочные и вне всякой хронологической последовательности. У кромки воды, между вертелами с копченым обезьяньим мясом и развалами яркой хлопчатобумажной ткани торговец рассказал Тейлору, что американцы устроили „большой огонь“, но больше он ничего не знал. Большой огонь, большой огонь... Только добравшись до Кабало, он был потрясен, услышав из уличного громкоговорителя мимолетное упоминание о том, что несколько недель назад США нанесли по Претории тактический ядерный удар. Наконец, последний из чудом уцелевших сотрудников спасательной службы позволил Тейлору просмотреть ворох старых газет, пока они стояли в очереди в туалет. Страшно волнуясь, Тейлор проглядел их. Не веря своим глазам, остановился и начал все сначала, разложив газеты по датам.

Армия Южно-Африканской Республики устроила ловушку, неожиданно нанеся сильный скоординированный удар по войскам США, развернутым в провинции Шаба, в глубине страны, и оставшимся в Киншасе. В то самое утро, когда погибло звено Тейлора, южноафриканские командос и мятежники из числа военнослужащих заирской армии уничтожили все шестнадцать бомбардировщиков Б-2, праздно стоявших на столичном аэродроме. Каждый самолет обошелся Соединенным Штатам намного больше миллиарда долларов. Южноафриканцы же уничтожили их ручными гранатами, примитивной взрывчаткой да еще потратили какое-то количество патронов для стрелкового оружия — все вместе обошлось им в сумму, меньшую чем месячная зарплата рядового солдата. В ходе боев в глубине страны находившиеся на вооружении у южноафриканцев боевые вертолеты японского производства с установленными на борту лазерами и оснащенные новейшими электронными приборами внесли новый фактор в современную войну. В девяностых годах США и Советы заключили договор о разоружении, и, несмотря на сопротивление военных, единственным новым видом вооружений, введенным в строй, чтобы не отставать от времени, были чудовищно дорогие самолеты и боевые корабли, так никогда и не доказавшие свою целесообразность. Единственной действующей, несмотря на нехватку средств, программой оставалась стратегическая система противокосмической обороны. Однако если кто и участвовал в практических боевых действиях за все время, прошедшее после операции „Щит пустыни", так это обыкновенные сухопутные войска, совершившие ряд

операций против наркомафии в Южной Америке. Но даже тогда сказывалась нехватка транспортных самолетов — их принесли в жертву гораздо более эффектной программе создания бомбардировщиков нового поколения. Пока авианосцы заходили с дружескими визитами в порты всего мира, а бомбардировщики-невидимки патрулировали воздушное пространство над пустынями Невады, пехота с мачете в руках пробивалась сквозь джунгли Латинской Америки и яростно и успешно сражалась против гораздо лучше вооруженных банд баронов наркомафии. Когда армия получила приказ двинуться в Заир, ее боевое вооружение, по крайней мере, на поколение отставало от того, что создали японцы, — причем в большинстве случаев используя американские разработки в рамках стратегической противокосмической обороны.

Восемнадцатый воздушно-десантный корпус дрался отчаянно, но южноафриканцы так и не выпустили инициативу из рук. Японские боевые электронные системы оказались неуязвимыми для американцев, в то время как нехватка хорошо подготовленных специалистов по анализу разведывательной информации не позволила военной разведке использовать свое оборудование. Южноафриканцы же, похоже, всегда знали местоположение американских частей и их уязвимые места. Японские средства радиоэлектронной борьбы и борьбы с постановщиками помех делали армию США глухой и слепой, и тогда в дело вступали боевые вертолеты „Тошиба", за которыми шли менее современные машины, использующие боеприпасы объемного взрыва.

Потери американцев росли настолько быстро, а их беспомощность стала настолько очевидной, что командующий Восемнадцатым воздушно-десантным корпусом после нескольких сеансов связи с президентом предложил начать переговоры о прекращении огня.

Южноафриканцы проигнорировали предложение и продолжали наносить удары по колоннам американских войск, прорывавшимся на север в иллюзорной надежде обрести там безопасность.

Наконец, командующий корпусом решил отдать приказ о капитуляции всех оставшихся в провинции Шаба частей и соединений американской армии в целях предотвращения дальнейших жертв.

В ответ южноафриканцы обстреляли растянувшуюся на пятьдесят миль колонну отступавших улучшенными напалмовыми снарядами.

Президент приказал новейшей подводной лодке „Рейган" с баллистическими ракетами на борту, базировавшейся в Индийском океане, нанести удар по Претории.

В конце концов Тейлору удалось связаться по коротковолновому передатчику, установленному на станции у реки, с посольством США в Киншасе. Но в ответ он услышал лишь то, что, учитывая общую ситуацию в стране, ему не приходится рассчитывать, что ради него отрядят спасательную экспедицию. Ему придется самому преодолеть еще тысячу миль пути вниз по течению реки Заир.

Он плыл на астматических пароходиках, матросы которых отпихивали баграми от бортов плавающие в воде трупы. Капитаны вели свои суда по каналам и протокам исключительно в

надежде, что следующий речной порт окажется тем самым местом, где эпидемия уже отбушевала и отступила. На одном таком умирающем суденышке Тейлор открыл хлипкую дверь примитивного туалета и увидел внутри труп, лежащий прямо на дыре, со спущенными штанами и вывернутыми карманами. Другой раз ему пришлось просидеть начеку всю ночь с пистолетом в руке, подкарауливая больных, которые требовали, чтобы он поделился с ними волшебным лекарством, охраняющим белых от заразы. И действительно, его как будто оберегала незримая сила, настолько легко давалось ему путешествие в стране мертвых и умирающих — легко, если не считать преследовавшего его запаха собственного давно немытого тела. Он начал подозревать, что обладает природным иммунитетом против заразы. Когда он достиг Киншасы, все, что у него оставалось, была эта вера, потрепанная форма, именной медальон, пистолет с наполовину расстрелянной обоймой и сложенный, пропитанный потом красно-белый флаг воздушно-десантных войск.

Киншаса, его цель, город его мечты, встретил его самым тяжелым испытанием за все время путешествия. Тейлор ожидал, что его с радостью примут назад, в надежный, цивилизованный мир белого человека, что его наконец-то незамедлительно увезут из этой умирающей страны. Однако когда он, заросший и оборванный, добрел до посольства США, морские пехотинцы-охранники в защитных костюмах взяли его на прицел: „Назад! Не касаться ворот!“ Тейлор бушевал до тех пор, пока наконец из канцелярии не вышел офицер морской пехоты, но и тот остановился на почтительном расстоянии.

Он объявил, что если Тейлор действительно служащий американской армии, то ему следует обратиться к офицеру по вопросам взаимодействия на военном аэродроме. Если все окажется в порядке, то Тейлора эвакуируют в карантинный лагерь на Азорских островах. Почти все оставшиеся в живых американские солдаты уже покинули Заир под прикрытием соглашения о прекращении огня, единственного позитивного результата ядерного удара по Претории.

С ненавистью глядя на соотечественника, Тейлор все же потребовал, чтобы он рассказал ему обо всем. О войне, о событиях в мире, о товарищах и о родной стране. Но морскому пехотинцу не терпелось поскорее закончить разговор и вернуться в караулку.

Выше по реке эпидемия создавала атмосферу безразличия, словно болезнь — это воля богов, от которой некуда укрыться. Несмотря на стоны и траурные песни, смерть в лесах обретала некий оттенок достоинства. Но в Киншасе, с ее жалкими потугами на цивилизацию, зараза только еще больше развратила и испортила людей. Без гроша в кармане Тейлор пешком побрел через весь город, с новой силой охваченный страхом теперь, когда он оказался в одном шаге от спасения. Только усилием воли он заставлял себя идти. Ни одна из редких машин не остановилась, чтобы подвезти незнакомца, они проносились мимо с поднятыми, несмотря на жару, стеклами. Мужчины и женщины выходили на улицы, чтобы умереть, не желая оставаться во мраке своих хижин или внутри некогда элегантных колониальных особняков. На коже заирцев отметины болезни выступали пурпурно–черным цветом у только что умерших и пепельно–серы-

ми пятнами, как после ожогов кислотой, у тех, кому посчастливилось выжить. И, однако, несмотря на ужасы эпидемии, в городе царила буйная, на грани истерики жизнь. Дети с воплями грабили мертвых и умирающих, играли в темных переулках в какие-то новые игры, а для тех, кого изуродовала болезнь, вошли в моду шелковые маски. Выше по реке, в маленьких придорожных поселках, женщины, ожидавшие своей очереди умереть, иногда делали робкие и неуверенные попытки завлечь странников, но здесь, в столице, проститутки с лицами, скрытыми яркими вуалями, зазывали клиентов мелодичными, кокетливыми и даже угрожающими голосами. В убогих барах и кафе все так же шла шумная торговля, и, проходя мимо этих битком набитых заведений, Тейлор радовался, что выглядит таким бедным, что никто не возьмет на себя труд убить его. После всего увиденного он вдруг понял, насколько логичной и естественной была бы его смерть сейчас, в самом конце долгого путешествия. Всякий раз, благополучно миновав очередной перекресток, он чувствовал, что еще раз обманул судьбу.

Самой яркой сценой, увиденной им в Киншасе и надолго запавшей в память, было публичное, прямо на улице, совокупление огромного мужчины и женщины в красной шелковой маске. Они прислонились к дверному проему в замусоренном переулке. Не меняя ритма движений, мужчина повернул голову и проводил проходящего незнакомца взглядом, сохраняя на лице равнодушное, как у собаки, выражение.

— Да, сэр, выглядите вы не ахти. Но мы вас поставим на ноги, — сказал старый мастер-сер-

жант, проведя Тейлора через дезинфицирующие души приемного отделения при аэропорте Киншасы.

У него было такое чувство, будто горячие струи душа с трудом добираются до его кожи сквозь слой грязи. Мастер–сержант бросил все, что осталось от формы Тейлора, в контейнер для отходов с надписью „Опасно!". Туда же он хотел отправить и измятый флаг. Но внезапно изменившееся выражение лица Тейлора — возможно, такой огонек безумия горел в глазах любого обитателя джунглей или именно так он выглядел за миг до того, как убил бандита и бармена, — заставило старого служаку передумать, и он вручил Тейлору специальную сумку и расписку о том, что сданный предмет будет возвращен владельцу после стерилизации.

— Наверное, в глубинке творится черт знает что, — заметил мастер–сержант достаточно громко, чтобы Тейлор, стоя под душем, мог его расслышать.

К Тейлору еще не вернулось желание разговаривать. Но сержант не умолкал, возможно, чувствуя в полусумасшедшем офицере, только что выбравшемся из ада, потребность слышать человеческую речь, или просто потому, что он любил поговорить — о женщинах, о войне, о мелких неприятностях жизни. Он казался Тейлору удивительно знакомым — ворчливый, ругающийся, надоедливый символ Дома. Тейлор хотел найти какие–нибудь слова в ответ. Но разговор давался ему с трудом. Гораздо легче было просто прислушиваться к тому, как стекали по телу струи дезинфицирующего душа.

— Здесь ад кромешный, скажу я вам, — продолжал сержант. — Капитан, я воевал в Ко-

лумбии с девяносто седьмого по девяносто девятый, я высаживался пару раз в Боливии. Но нигде я не видел такого кошмара, как здесь. Надо просто уйти отсюда, и пускай туземцы сами во всем разбираются.

— Я... был в Колумбии, — заметил Тейлор, прислушиваясь к звуку собственного голоса.

— Да? А в какой части? Я служил в Седьмой пехотной дивизии. Ну, знаете: „туда пешком, назад бегом". Эх, дела там творились!

— Я служил в Шестьдесят четвертой авиационной бригаде. — У Тейлора дрожали руки, когда он пытался удержать под потоками воды здоровый кусок мыла.

— А, ясно. Летуны. Знаю. Возможно, вы меня когда-нибудь подвозили.

— Я летал на боевых вертолетах.

— Вам повезло. Не могу передать, каково горбатиться на этих горах в джунглях. Боже, как мы вас тогда проклинали. Только не обижайтесь. Вертолетчики взлетали прежде, чем мы успевали соскочить на землю. Конечно, все это мелочи по сравнению с тем, что сделали моряки, когда нас обосрали южноафриканцы.

— А что такое?

— Как, сэр, вы не слышали? Ах да. Наверное, вы тогда как раз блуждали по лесам. Как только потери резко возросли — особенно из-за БР, — наша доблестная авианосная ударная группа, что торчала у побережья, взяла да и смылась. Во избежание ненужных потерь, как они выражаются. А на самом деле они не желали пускать больных на свои драгоценные корыта. Но, с другой стороны, что тут удивительного? ВВС тоже пока что вывозят нас только

потому, что президент отдал специальный приказ. Ну не ловко ли? Все с радостью готовы оставить нашего брата, пушечное мясо, околевать, как собак в канаве. Наверное, они там наверху поняли, что на сей раз не приходится ожидать никаких наград и повышений.

— Не может быть. Как же тогда, по их мнению, нам следовало эвакуироваться?

Мастер-сержант расхохотался, и его смех эхом разнесся под бетонными сводами.

— Умники из ВВС... хотели, чтобы мы заказывали чартерные рейсы. Они утверждали, что так удастся сэкономить больше средств. Конечно, у них малость поостыл боевой задор после того, как горстка ковбоев уничтожила бомбардировщики Б-2 на двадцать миллиардов долларов. Как говорят морячки, надо избегать ненужных потерь.

Усилием воли успокоив дрожь в руках, Тейлор завернул кран. Когда он вышел из узкой кабинки, крепко растираясь полотенцем, как будто пытаясь полностью стереть воспоминания о четырех последних месяцах своей жизни, мастер-сержант оглядел его с ног до головы и покачал головой.

— Похоже, вам не помешало бы плотно пообедать, капитан.

Тейлора отправили в карантин на Азорских островах с эвакуационным рейсом для тех, кто еще не заразился БР. Сидя в своей плохо пригнанной форме с прошедшим обработку флагом воздушно-десантных войск в нагрудном кармане внутри салона транспортного самолета ВВС, он испытал самое большое в своей жизни чувство облегчения, когда машина с ревом оторвалась от африканской земли. Тейлор проглады-

вал старые номера журнала „Старз энд страйпс", но даже пессимистический тон статей не мог погасить охватившего его радостного возбуждения.

В слабо освещенном чреве транспортного самолета он узнал, что ядерный удар по Претории оказался достаточным, чтобы вынудить южноафриканцев отступить. Южноафриканцы все-таки тоже зарвались. Но США потеряли больше, чем приобрели. Весь мир осудил поступок американцев. Никто не поддержал их, даже самые близкие союзники. Наоборот, случившееся послужило сильнейшим толчком для роста движения за запрещение всех видов ядерного оружия. Японцы использовали американскую акцию в качестве повода для развязывания беспрецедентной торговой войны. Десятилетие за десятилетием они медленно вытесняли США и даже страны Европейского Сообщества с главных мировых рынков электроники и высоких технологий, а теперь объявили, что не станут отныне торговать с любой страной, сохранившей торговые отношения с США. Японцы мотивировали свое решение этическими соображениями. Впрочем, они выразили намерение продолжать продавать свою продукцию Соединенным Штатам, ибо полное эмбарго могло бы, по их мнению, слишком больно ударить по невинным людям...

Американское правительство оказалось бессильным. На внутреннем рынке не нашлось аналогов многих элементов, необходимых для существования неотехнологического общества. К тому же без запчастей японского производства целые отрасли американской экономики остановились бы уже через несколько недель. У войны

неожиданно открылись такие стороны, где бессильны были военные с их невидимыми для радаров бомбардировщиками или огромными флотами авианосцев. Даже сама военная машина, как выяснилось, всецело зависела от важнейших компонентов, первоначально разработанных в США, но усовершенствованных и более эффективно производимых в Японии.

Пресса надрывалась, крича об экономическом Пирл-Харборе* со страниц газет, отпечатанных на суперсовременных печатных станках, изготовленных в Иокогаме, с экранов телевизоров „Панасоник", „Тошиба" или „Хитачи" с повышенной четкостью изображения, сигнал на которые поступал по японским системам связи. И новая битва при Мидуэе казалась мало вероятной в обозримом будущем. Разумеется, даже стратегическое военное противодействие исключалось, не только из-за разгрома, устроенного армии США в Африке и царящих во всем мире антиамериканских настроений, но также и потому, что защищавшая Японские острова система воздушно-космической обороны была гораздо совершеннее, чем не полностью развернутая система противокосмической обороны США, которая в свое время послужила первоначальным толчком и основой для создания ее японского аналога.

Соединенные Штаты обвинялись во всех бедах современности, включая и распространение болезни Рансимана. В восторге от унижения Америки страны Европейского Сообщества бы-

*В декабре 1941 года японцы почти полностью уничтожили Тихоокеанский флот США в бухте Пирл-Харбор. Два года спустя в битве при Мидуэе американцам удалось нанести поражение японскому флоту.

стро забыли, что поначалу поддерживали интервенцию в Заир. Во всем мире господствовало чувство, что американцы наконец-то получили по заслугам, и европейцы поздравляли себя, что еще в девяностые годы прошлого столетия так успешно развалили Североатлантический блок. Военными действиями больше невозможно ничего решить, утверждали они и в качестве примера приводили собственные миниатюрные армии — едва достаточные для хорошего парада — как наиболее эффективные в мире, где обескровленные гиганты как Востока, так и Запада в равной степени оказывались загнанными в угол. Основной целью европолитики стало, похоже, стремление разделить мировые рынки сбыта с Японией и менее могущественными государствами Тихоокеанского региона, даже ценой существенных уступок Стране восходящего солнца. В конце концов, рассуждали европейцы, их собственный внутренний рынок останется незатронутым соглашениями, и вообще Европейское Сообщество стало почти столь же замкнутым в себе, как Китай.

Единственное, к чему европейцы оказались не готовы, так это к болезни Рансимана, к тому удару, который она нанесла мировой экономике вообще и европейской, в частности. Только японцы сумели организовать действительно эффективные защитные меры, напрочь закрыв доступ на свои острова, но продолжая экспортные операции через открытый на Окинаве торговый порт.

Тейлор пролистал списки погибших, не чувствуя себя еще готовым вчитываться в них более внимательно. Точно так же он не мог заставить себя детально изучить подробности проиг-

ранных сражений. Он еще не дочитал все до конца, но в нем уже начало расти чувство протеста. Он выжил, и его страна преодолеет все свалившиеся на нее беды так же, как Тейлор преодолел тяготы своего путешествия по джунглям.

Наконец, он отбросил замусоленные газеты, натолкнувшись глазами на заголовок, который как бы подводил итог под мозаикой печальных новостей:

„КОНЕЦ АМЕРИКАНСКОГО СТОЛЕТИЯ".

У Тейлора мало что осталось в памяти об Азорах. Только бесконечная скука палаточного городка, где каждому эвакуированному предстояло провести девяносто дней, переселяясь из одной „стерильной" секции в другую. А еще он запомнил свое удивление, когда узнал, что считается погибшим и что посмертно удостоился награждения крестом „За летные боевые заслуги". Оказывается, станция военной разведки все же приняла и записала его последние отчаянные призывы. Еще одно воспоминание — капитан военной разведки по имени Такер Уильямс, который божился, что собирается выжить хотя бы только ради того, чтобы исправить положение дел в разведке. Тейлор в пол-уха слушал его рассказы о том, как погоня за чинами развратила военную разведку: „Мы стремились только к тому, что приносило ощутимые плоды в мирное время, — командным должностям, званиям — ко всему, кроме опыта разведывательной работы. И когда страна призвала нас, мы отправились в Африку целой бандой старших офицеров, но без аналитиков, специалистов по сбору информации и по радиоэлектронной борьбе, без

которых войны–то и не выиграешь... И Богом клянусь, что я исправлю положение, даже если мне придется пистолетом расчищать себе дорогу к должности начальника штаба военной разведки". Тейлор не имел столь ясной картины своего будущего. Он подозревал, что все–таки останется в армии, хотя теперь, после поражения в африканском небе, у него поубавилось уверенности в том, что он прирожденный военный. Но превыше всего ему хотелось получить шанс реабилитироваться в собственных глазах, исправить сделанные ошибки. Заплатить долги.

Он не боялся болезни Рансимана, даже когда от нее свалились два его соседа по палатке. Он уверил себя, что обладает к ней природным иммунитетом. Если уж и Африка не смогла его погубить, то Азоры он и подавно переживет. Но как–то ночью он проснулся от собственных криков и невыносимой боли в животе. Сперва он решил, что дело в бесчисленных паразитах, от которых лечили его армейские врачи. Но потом, за миг до того как потерять сознание, он осознал страшную правду.

Помимо первого потрясения, он почти ничего не помнил о болезни. Только долгий сон, проснувшись после которого, он увидел в зеркале лицо чудовища вместо своей прежней мальчишеской физиономии.

По крайней мере, ему повезло в том, что его умственные способности не пострадали. Целая серия тестов, через которые проходили все выздоровевшие, не выявила никакого снижения его умственного потенциала. Немного позже армейское командование даже предложило ему сделать бесплатную пластическую операцию, на которую мог рассчитывать любой американский

военнослужащий, заразившийся БР при исполнении служебных обязанностей. За годы эпидемии хирурги добились ощутимых успехов в восстановлении пораженной болезнью кожи. Результат их работы нельзя было, конечно, назвать идеальным, но, по крайней мере, вы могли прийти в ресторан и не испортить аппетита окружающим.

Тейлор отказался от операции. За все годы испытаний, выпавших на долю его страны, много медалей и лент за участие в разных кампаниях украсили его форму. Но когда он оставался наедине с зеркалом, то видел там свой единственный настоящий знак отличия, вечное напоминание о войне и о своем поражении в то ясное африканское утро.

2

Лос-Анджелес
2008 год

Первый лейтенант Говард Мередит, для друзей просто Мерри, сын обеспеченных родителей, стоял посреди трупов. Врачи уехали, пожимая плечами, и он остался наедине с пареньком, которого только что убил. Обе стороны понесли большие потери, хотя лейтенант еще не знал точных цифр. Кто-то выкрикивал слова приказов — военные принялись налаживать на улице нормальную жизнь. Но и знакомые слова команд, и жалобы штатских невнятным шумом отдавались у него в ушах, не затрагивая сознания. Еще один вертолет прогрохотал над головами, бросив зловещую тень на место недавнего боя. Из установленного на его борту громкоговорителя раздавались призывы к жителям близлежащих домов не покидать помещений. Ветер, поднятый винтами вертолета, шевелил одежду на теле паренька, как будто кто-то невидимой рукой обыскивал его карманы. Что ж, настанет время и для этого.

Цвет крови казался бледным на фоне наряда убитого. Вызывающе кричащая форма улицы. В таком безвкусном сочетании искусственного атласа и блестящих цепочек Мередит не решился

бы показаться даже на костюмированном балу. Подобная одежда была ему почти так же чужда, как яркие свободного покроя платья из набивных тканей, которые так любили женщины в Заире. Он не желал иметь ничего общего с ними со всеми.

И вместе с тем они были частью его. Нечто до конца непонятное, необъяснимое, а возможно, и выдуманное, сочиненное им самим. Глаза мертвого парня казались огромными и ослепительно белыми на его черном с темно-бордовым оттенком лице. Даже в смерти не обретя покоя, юноша, скорее, походил на персонаж из старого вульгарного комикса. Дешевый клоун, неожиданно столкнувшийся лицом к лицу с призраком.

Ничего общего, убеждал себя Мередит. Все это чушь.

Про себя он отметил, что вокруг было очень светло. В мягком, зимнем свете, залившем улицу, все предметы вырисовывались особенно четко. Дым от выстрелов улетучился, и над замерзшим городом почти не висело смога. Если отбросить груз предрассудков, нищие дома смотрелись почти живописно. Бедный район в красивом южном городе, дремлющий в солнечный день. Мередит не понимал, почему при таком ярком освещении он так плохо видит дорогу.

Мерри Мередит, рожденный для ясной и безмятежной жизни, красивый и на редкость умный, дрожащими руками совал пистолет обратно в кобуру. Он отвернулся от тела убитого им юноши и начал выкрикивать слова команд своим людям. В его голосе звучала блестящая уверенность актера, который твердыми шагами

выходит на сцену, оставляя за кулисами жизнь, полную горя и неудач.

Далеко позади остался его родной город Энн Арбор, где Говард впервые в жизни столкнулся с предрассудками, когда его родители пришли в ужас от выбранной им профессии. Он всегда с теплотой и благодарностью думал о родителях и только жалел об одном: что так и не сумел найти время, чтобы серьезно поговорить с ними как взрослый человек со взрослыми людьми и объяснить, почему его жизненный путь должен был так сильно отличаться от их судьбы. Впрочем, он вряд ли сумел бы подобрать нужные слова. Слишком многое в его решении шло от чувств, от интуиции.

Эпидемия с удвоенной яростью набросилась на семьи университетских преподавателей, словно в отместку за то, что не нашла себе жертв в опустевшем студенческом городке. Похоже, болезнь Рансимана отличалась большим стремлением к знаниям, не делая различия между либералами и консерваторами, преподавателями математики или литературы английского средневековья. Его отец был историком, специализировавшимся в изучении истории Соединенных Штатов с точки зрения ее влияния на судьбы расовых меньшинств, а мать, социолог, искала объяснения проблем негритянского населения Америки — того самого населения, с которым она, несмотря на темный цвет кожи, не имела абсолютно ничего общего благодаря своему богатству, образованности, происхождению и образу жизни. Эпидемия унесла их обоих в одночасье, словно соблазнившись их ученостью, прежде чем вернувшийся из заирского ада сын смог обнять родителей в последний раз.

Он часто вспоминал их, и, как правило, перед ним вставали либо картины золотого, на удивление беспечного детства, либо яростные столкновения, когда родительское отчаяние, возмущение и любовь к сыну вступали в конфликт с его упорным желанием пойти в Уэст-Пойнт*.Слабая улыбка тронула уголки его губ при воспоминании об их упреках, порожденных заботой о нем же: что мы сделали не так? Где мы ошиблись? Как случилось, что мы настолько не сумели передать собственному сыну систему наших жизненных ценностей, что он захотел стать военным? Признайся Говард в гомосексуальных наклонностях или даже в пристрастии к наркотикам, и то они не ощущали бы так остро свою несостоятельность как родителей. Они дошли до того, что соглашались, чтобы он остался дома и поступил в Мичиганский университет. Он даже мог продолжать занятия футболом...

Что ж, он действительно играл в футбол, в той команде Уэст-Пойнта, которая впервые за многие десятилетия завоевала чемпионский титул. Так ребенок, некогда вынужденный прятать от родителей игрушечных солдатиков, как другие дети прячут не до конца им понятные порнографические открытки, стал офицером армии Соединенных Штатов Америки. Его родители все-таки приехали на выпускную церемонию, но мать все время отчаянно рыдала, а отец сохранял на лице стоическое выражение человека, чей сын только что женился на городской шлюхе.

---

*Военная академия в США.

А потом детство кончилось. За два дня до окончания отделения офицеров военной разведки он получил приказ прибыть для прохождения службы в Восемнадцатый воздушно-десантный корпус, размещенный в Форт-Брэгг. Ему надлежало отправляться туда немедленно, без положенного отпуска. Почти все его однокашники оказались там же: в ходе заирского кризиса армия отчаянно спешила доукомплектовать до штатного расписания хотя бы несколько основных частей. В Форт-Брэгг его срочно зачислили в штат, дали расписаться в получении полевого обмундирования и запихнули в транспортный самолет, вылетавший вдогонку за уже убывшей в Киншасу частью.

Говарда охватило чувство возбуждения, и только изредка где-то внутри шевелился легкий холодок страха. Он летел на войну. Скоро ему понадобятся все его знания. Перед ним открывались полные драматизма, хотя и несколько туманные, перспективы.

Но войны он не увидел. Вместо этого он застрял в грязном, охваченном болезнью пригороде Киншасы, где и просидел за пультом станции сбора разведданных, глядя на мерцание разноцветных дисплеев и так абсолютно ничего и не сделав, чтобы изменить ход кампании.

Но все же Говард многое понял. Он понял, насколько бесполезно все то, чему его учили на войне, и, главное, окончательно осознал себя американцем до мозга костей. Несмотря на все его упрямство, родители тем не менее сумели заронить в душу Мередита частичку веры в то, что африканское происхождение таинственным образом связывает его душу с землей предков. Их видение мира обещало встречу с природной

жизненной мудростью, более глубокой и щедрой человечностью и яркостью характеров, не испорченных влиянием холодных бледнолицых выходцев из Северного полушария.

Вместо всего этого он увидел эпидемию. И такой размах коррупции, корысти и бесчестья, которые до основания потрясли его душу среднего американца. Он не заметил ни единого признака духовной широты и благородства, ничего, что говорило бы о дремлющем величии расы. Говард пытался закрывать глаза на реальности африканской жизни, отчаянно отрицал очевидное, не желая даже сейчас убедиться, насколько заблуждались его родители в представлениях, которые сформировали их мировоззрение.

В конечном итоге ему пришлось признать, что у него больше общего с каким-нибудь белокожим рядовым из алабамской глубинки, нежели с заирцами. Культура, любовь к телевизору, видео, компьютерным играм, музыка, реклама, учебники, манеры, удобства современной цивилизации, полуфабрикаты для завтраков, представление о том, что прилично и что нет, да и просто понятия „добра и зла" — все это перевешивало реальные и мнимые расовые узы. Вместо романтики он нашел лишь грязь. Да и сами африканцы не испытывали к нему братских чувств. Их интересовали только его деньги.

Родителям же он писал, что хотя боевые действия и эпидемия ограничивали для него возможность получше узнать страну, рассвет над большой рекой являл собой величественную картину, а растительность исключительно живописна.

А потом, так до конца и не поняв, почему судьба так жестоко обошлась с *его* армией, с *его* страной, он закинул свои пожитки в другой транспортный самолет и отправился в карантин на Азорах. По счастливой случайности болезнь Рансимана не задержалась у его койки. В лагере творился такой кошмар, что практически каждый приготовился умереть или в лучшем случае пострадать от эпидемии. Уровень самоубийств среди ожидавших своей судьбы мужчин и женщин подскочил до невиданной отметки. Как-то раз отказал последний бульдозер, и тем, кто еще не заболел, пришлось вручную копать траншеи для захоронения мертвых. Потом кончились пластиковые пакеты для трупов. Тогда вышел приказ сжигать тела. За ним последовал другой — выкопать ранее похороненных и сжечь их тоже. Умирая от страха, Мередит вызывался добровольцем на самые опасные работы. Он убедил себя, что в этом заключается его долг — компенсировать то, что он в безопасности просидел в Киншасе все то время, когда его товарищи погибали в сердце Заира.

Но хотя насыщенный дезинфектантами дым от костров жег ему ноздри и выедал легкие, у него ни разу не поднялась температура, желудок работал, как часы, и его кожу так и не украсили памятные знаки африканской кампании. Ему часто приходило в голову, что, возможно, Всевышний берег его для неких важных дел, хотя он суеверно гнал от себя такие мысли.

На острове живые говорили в основном только об одном — о возвращении домой, на безопасную, здоровую землю. Но болезнь Рансимана опередила их, и, когда Мередит сошел с транспорта в Довере, эпидемия уже бушевала в

Соединенных Штатах точно так же, как и во всем остальном мире. Сперва прекратились занятия в школах и университетах. Затем закрылись театры и рестораны. Потом появились замки на дверях магазинов, которые торговали товарами не первой необходимости. Но умилостивить эпидемию не удалось. Болезнь змеей сползла с транспортерных лент в аэропортах, извиваясь, потянулась по основным магистралям страны, проследила второстепенные шоссе до их пересечения с проселочными дорогами, а потом по неотмеченным ни на каких картах колеям добралась до ферм, ранчо и поселков. На Среднем Западе разбросанные то тут, то там городишки съеживались и умирали. Дичали и зарастали поля. Но основной удар пришелся по большим городам.

Общественные службы рассыпались, как карточные домики. Бесполезными оказались все меры профилактики, допустимые в свободном обществе. От врачебных масок и перчаток толку было не больше, чем от птичьих клювов и ароматических шариков средневековых целителей времен эпидемий чумы. Болезнь пожирала жизни работников коммунальных служб, полицейских, транспортников, ремонтников, медиков. Горожане бросились в сельские районы, рыская на своих машинах в поисках обойденного заразой хуторка, где можно снять комнату. Они разносили болезнь, пока у них не кончался бензин, пока они не умирали в мучениях где-нибудь на обочине или пока какой-нибудь местный житель не пристреливал их на пороге своего дома. Маленькие города и деревни пытались перекрывать ведущие к ним дороги. Но в наше время, когда даже хлеб привозят издалека, не-

возможно жить, отгородившись от остального мира. И БР приходила все равно, даже если грузовики с продовольствием застревали где-то в пути.

Эпидемия пробудила в людях самые худшие черты их характеров. Страну в мгновение ока заполнили шарлатаны, предлагавшие за огромные деньги чудесные лекарственные снадобья; телевизионные пророки, обличавшие современников в духе Апокалипсиса, тут же требовавшие денег, дабы они замолвили перед Богом словечко за слушателей; уголовники, без колебаний вламывающиеся в дома больных, чтобы ограбить и убить уже обреченных людей; врачи, отказывавшиеся лечить жертв БР. В этой стране люди познали всю меру добра и зла в других и в себе. В маленьких местечках отряды вооруженных добровольцев все чаще и чаще окружали те дома, где поселилась зараза, а потом сжигали их дотла вместе с живыми и мертвыми обитателями. В тех районах, где все еще существовал закон, школы и оружейные склады Национальной гвардии были превращены в больницы, но врачи мало что могли сделать, помимо внутривенных вливаний в обезвоженный болезнью организм, и в основном просто ждали, кто умрет, а кто выкарабкается самостоятельно. Через некоторое время начал ощущаться дефицит стерильных растворов, ибо спрос подскочил до невиданных размеров, а производства позакрывались, к тому же рухнула некогда отлаженная система доставки. Те питательные растворы, которыми торговали на черном рынке, убивали столь же часто, сколь спасали жизнь. По сотрудникам „скорой помощи“ нередко стреляли, а их машины сжигали, так как слухи объявили

именно их основными разносчиками заразы. А выжившие после болезни подчас возвращались домой только затем, чтобы узнать, что их семьи или любимые, хозяева их домов или соседи не собираются пускать их назад, и вдоль шоссейных магистралей и железных дорог выросли поселки, населенные обезображенными людьми. Беженцы же все чаще образовывали колонии в национальных парках, где угроза полуночных рейдов местных линчевателей казалась менее вероятной.

И все же стремление жить по нормам цивилизованного общества полностью не исчезло в людях. Всегда находились добровольцы, мужчины и женщины, которые вопреки здравому смыслу и инстинкту самосохранения шли работать в командах „скорой помощи" или таскать пропитанные химикатами мешки для умерших — производство таких мешков выросло за время эпидемии в целую индустрию. Мужчины, всю предыдущую жизнь проведшие за конторскими столами или за дисплеями компьютеров, вручную убирали с улиц горы мусора или пополняли ряды полиции и водителей грузовиков. Когда губернаторы штатов объявили мобилизацию Национальной гвардии, на их призыв откликнулись пусть не все, кто в свое время принимал присягу, но достаточно людей, чтобы развозить основные продукты питания, копать братские могилы, патрулировать наиболее опасные городские улицы и дороги. Никто не мог предсказать заранее, кто именно струсит и убежит, а кто станет рисковать жизнью ради общего блага. Ни религиозная или расовая принадлежность, ни возраст, ни размеры доходов не давали поводов для обобщений. Но храбрецы всегда на-

ходились, пусть не так много, как хотелось бы, но всегда больше, чем можно было бы ожидать, исходя только из логики самосохранения.

Самый тяжелый удар эпидемия нанесла по прибрежным мегаполисам Калифорнии. Схваченная на живую нитку инфраструктура бесформенного Лос-Анджелеса распалась в мгновение, и никакие старания немногих уцелевших чиновников вкупе с добровольцами не могли восстановить прежний порядок. Банды, всегда чувствовавшие себя как дома в Восточном Лос-Анджелесе и в прочих облюбованных люмпенами районах города, становились сильнее год от года и теперь безраздельно господствовали на своих территориях. Они решали даже, кого допускать к дележу продуктов питания, жалкой струйкой поступавших в город. Эпидемия предоставила им долгожданные возможности. Вскоре банды шагнули за пределы своих владений — сперва прочесали наиболее богатые кварталы Лос-Анджелеса, затем стали снаряжать экспедиции, чтобы грабить окрестные маленькие города, поселки и отдельные дома. В конце концов, они добрались даже до границ штата Юта. Гангстеры не только пополнили свои ряды и разбогатели за прошедшие десятилетия, они еще и выучились довольно ловко манипулировать общественным мнением. В то время как поставщики продуктов боялись посещать контролируемые бандами районы, так как знали, что их груз разворуют, а водителей — если их и пощадит зараза — изобьют или просто убьют, представители гангстеров, подделываясь под голос народа, по радио и телевидению обвиняли правительство в том, что оно нарочно загоняет болезнь Рансимана в гетто и бараки и пытается

уморить голодом национальные меньшинства. Даже коммерческие средства массовой информации предоставляли им слово, устав показывать старые фильмы и объявлять приказы властей. А гангстеры казались такими яркими, увлекательными... даже забавными.

Попытка ввести в Лос-Анджелес Национальную гвардию штата Калифорния закончилась плачевно — в город вошли малочисленные от ряды, мало или совсем не подготовленные для стоявшей перед ними задачи. Стоило им появиться на улице, как они подвергались постоянным нападениям, — направлялись ли они разгружать ящики с консервами или на уборку мусора. То, что рано или поздно они откроют ответный огонь, было неизбежно. И тогда пресса подняла вой о жестокости гвардейцев и принялась лить слезы над их жертвами. Репортажи из Лос-Анджелеса возымели столь воспламеняющее действие, что по всей стране начали вспыхивать стычки, даже в тех местах, где ситуацию прежде удавалось держать под контролем.

В Лос-Анджелесе погасло электричество, водопровод работал от случая к случаю, а в резервуарах вода оказалась зараженной. Тела умерших лежали прямо на улицах. Поредевшие ряды полиции и Национальной гвардии не имели доступа во многие части графства Лос-Анджелес и изо всех сил старались защищать хотя бы те районы, где банды не пустили глубоких корней. Но тем самым они навлекали на себя еще более яростные обвинения в расизме — как со стороны брошенных на произвол судьбы бедняков, так и со стороны репортеров, которые все свои расследования вели по телефону, боясь и нос показать на улицы, где хозяйничали бо-

лезнь и гангстеры. Пресса все чаще стала полагаться на видеоинформацию, поставляемую бандитами.

Побоище в Кингмане, населению которого пришлось с оружием в руках отстаивать свой заброшенный городок от значительно лучше вооружённых отрядов гангстеров, в конце концов привлекло к себе внимание самого президента. Вопреки советам наиболее умудренных политиков из своего окружения он объявил графство Лос-Анджелес районом бедствия и приказал ввести туда армейские части.

Армейское начальство обратилось к добровольцам. Многие из откликнувшихся на призыв переболели БР и не боялись по крайней мере одного из ожидавших их в Лос-Анджелесе врагов. Неудивительно, что первые вошедшие в город подразделения являли собой не самое привлекательное зрелище в истории американской армии. Но были и другие добровольцы — те, кто поставил на карту все, услышав зов долга. Командиры частей не знали порой, следует ли им стыдиться того, как много их подчиненных отказалось ехать в Лос-Анджелес, или, напротив, гордиться тем большинством, которое оправдало свое звание американского солдата и без громких слов дало подписку добровольца. Да, то была армия, чей боевой дух оказался в значительной мере подорванным африканской катастрофой, но которая все же нашла в себе достаточно сил, чтобы взяться за выполнение задания, обещавшего стать еще более неблагодарным.

Лейтенант Мередит получил относительно спокойную работу в Форт-Девенс, штат Массачусетс, где он работал над компьютерными про-

граммами, пытаясь проанализировать крах африканской кампании, беспрестанно оплакивая в душе не сбывшиеся мечты своих покойных родителей. Эпидемия, похоже, уже отсвирепствовала в округе, и Мередит медленно начал оправляться от кошмара смертей и вида обезображенных лиц, которые преследовали его от Киншасы до Азор. Говарду всегда нравилась его внешность. Но тем не менее он подал рапорт о переводе в спецвойска, направлявшиеся в Калифорнию. Он не смог объяснить причины столь неразумного шага ни своему ошарашенному командиру, ни себе самому. Более того, стоило ему начать анализировать совершенный поступок, как ужас переполнял его сердце. То, что он сделал, не поддавалось ни логике, ни здравому смыслу. Ему даже не могли предложить разведывательскую работу, соответствовавшую его квалификации. Однако имелось множество вакансий командиров взводов в разведывательных и пехотных подразделениях, где офицеры, похоже, умирали сразу же, как только вдыхали воздух восточного Лос-Анджелеса.

Так Говард оказался командиром взвода разведки воздушно-десантных войск, выполнявшего задачи сопровождения грузов к востоку от автомагистрали 710-210. Он не прошел никакой переподготовки — не было времени. Взвод был примерно на шестьдесят процентов укомплектован личным составом, а командир его роты, казалось, сам только вчера встал с больничной койки. Сеть отталкивающих шрамов покрывала его лицо и руки, и, хотя, по слухам, он был одним из немногих настоящих героев, выбравшихся живым из заирской мясорубки, от Мередита потребовалась вся его сила воли, чтобы по-

жать руку, протянутую ему начальником при первой встрече.

Мередит оказался между молотом и наковальней. Белые жители боялись и не доверяли ему. Латиноамериканцы набрасывались на него с оскорблениями, ярость которых не мог притупить даже языковой барьер, и забрасывали его машину дохлыми крысами и дерьмом. Но больше всего ему доставалось от членов негритянских банд и их „шестерок". На Мередита обрушился поток жутких, неслыханных им до сих пор обвинений в предательстве. Дырки от пуль изрешетили его вездеход, а однажды в него едва не попала зажигательная бомба. В другой раз по возвращении с пешего патрулирования он обнаружил сидящим за рулем машины разлагающийся труп.

К счастью, на самокопание оставалось слишком мало времени. Постоянно не хватало взводов для охраны конвоев, постоянно трещали перенасыщенные графики, ибо бригады „скорой помощи" ждали сопровождения, а улицы — патрулирования. И еще были солдаты, за которых отвечали их лейтенанты.

Это оказалось очень трудным делом, возможно, одним из самых трудных — держать солдат в руках. Молодым ребятам было очень сложно не потерять контроля над собой и не отвечать на провокации, имея под рукой заряженное оружие. Кроме того, бандиты постоянно пытались совратить солдат, подсовывая им деньги, женщин и наркотики, — и не все солдаты оказывались святыми. За первые три месяца службы в Лос-Анджелесе Мередиту пришлось отослать каждого пятого из своих подчиненных, включая одного худого, как жердь, парня с гор, услышав,

как тот бахвалится, что приехал в Калифорнию только для того, чтобы на законных основаниях вдоволь поохотиться на „черномазых".

Постепенно, однако, ситуация стала налаживаться. Появились признаки того, что эпицентр эпидемии с наступлением зимы перейдет южнее, надежнее заработала система пунктов распределения питания, медицинская служба и сеть карантинов. Чаще начали предлагать свои услуги добровольцы из числа гражданского населения — в основном мужчины и женщины, переболевшие БР. Армия наконец установила порядок в городе в дневное время, да и ночью стало поспокойнее. Средства массовой информации так и не подверглись цензуре, однако им посоветовали высылать собственных репортеров на место происшествия, когда они хотели публиковать отчет из зоны военного положения, а также называть источники информации, полученной из вторых рук. Репортажам, основанным на слухах и переданным по телефону через весь континент, пришел конец. Те журналисты, которые имели смелость сопровождать военных в самые горячие точки, начали вскоре передавать и печатать статьи, уже не игравшие бандам на руку. Различные инциденты и даже перестрелки еще продолжались, но уже не оставалось сомнений, кто одерживает верх. Реорганизованная Национальная гвардия даже начала брать на себя кое-какие задачи из тех, что раньше в графстве выполняла только армия.

Гангстеры стали действовать более решительно. Возросло количество солдат, погибших от пуль снайперов и в уличных перестрелках. Бандиты принялись угрожать смертью добровольцам. Настоящим сражением обернулась по-

пытка отряда, объединявшего несколько банд, захватить концентрационный лагерь для гангстеров, устроенный в Форт-Ирвин, штат Калифорния. За четыре часа кровопролития, когда охране лагеря пришлось одновременно отбивать атаку снаружи и усмирять бунт заключенных внутри, армия потеряла несколько десятков человек, а бандиты — сотни убитых и раненых. Поднятый по тревоге вертолетный отряд перекрыл нападавшим путь к отступлению, и многие участвовавшие в налете бандиты оказались в лагере рядом с теми, кого они пытались освободить. Тем же, кто ускользнул, пришлось еще хуже. Даже спустя много месяцев армейские патрули находили в пустыне их трупы.

Мередит почувствовал себя увереннее. Его по-прежнему, как заговоренного, не трогали ни пули, ни болезнь, а его навыки офицера военной разведки весьма пригодились в передрягах на улицах Лос-Анджелеса. Он даже стал чем-то вроде любимчика у своего ротного, произведенного тем временем в майоры и назначенного исполняющим обязанности командира батальона. Прежний командир, подполковник, погиб от взрыва брошенной в его машину гранаты. Майор Тейлор был суровый, немногословный человек, чьи симпатии проявлялись в том, что он давал заслуживавшим его наибольшего доверия офицерам самые трудные задания. Мередиту, только на днях получившему серебряную полоску первого лейтенанта, доставалось больше других, и он потихоньку надувался от гордости.

А потом случилось неизбежное. Абсолютно неожиданно. День начинался совершенно обыкновенно. Просто еще один конвой с продуктами, который предстояло провести до четырнад-

цатой зоны. Медленное продвижение по улицам. Никакой расслабленности. Автоматчики стоят наготове на подножках машин. Все ведут наблюдение.

Вот только наблюдать было не за чем. Лишь медленное пробуждение к жизни тяжело переболевшего города. Вновь открывшийся киоск, да обычные переговоры по рации. С одних сонных улиц конвой сворачивал на другие, где начала возрождаться примитивная торговля. Уличный сброд по привычке выкрикивал ругательства вслед военным, но в голосах звучала скука. Впереди оказалась еще одна обшарпанная улица, на которой Мередиту как-то вечером пришлось очень тяжело. Все привычно, все как всегда.

Машина Мередита ехала посреди длинной колонны. Отсюда удобней было контролировать весь конвой. Он не увидел, из-за чего прекратилось движение. Головной автомобиль уже свернул за угол.

— Один-один, отзовитесь, — проговорил он в микрофон. — Что там такое? Прием.

Не дождавшись ответа, Говард приказал водителю ехать в голову колонны. Теперь до его ноздрей уже донесся запах горящих шин.

Едва завернув за угол, он увидел, что улицу перегораживает дымящаяся баррикада из наваленного мусора. Из подъездов и переулков, из опустевших лавок и из подвалов высыпали люди. Мередит сразу понял, что имеет дело с тщательно подготовленным гангстерами „инцидентом".

Шофер резко налег на тормоза. Перед машиной, раскинув руки, лежал человек. Невозможно было определить, то ли это жертва болезни, то ли просто местный пьянчужка, упивший-

ся контрабандного виски. Так или иначе, вездеход Мередита остановился.

Он теперь видел голову колонны и понял, почему сержант Розарио не ответил на вызов. Его машину облепила толпа.

— Один-один, вас вижу. Держитесь. Конец связи. — Мередит включился в сеть оперативной связи. — Дельта четыре-пять, вас вызывает Танго ноль-восемь. Прием.

Ответ пришел незамедлительно:

— Говорит Дельта четыре-пять. Слушаем вас, Ноль-восемь.

— У нас ЧП. Находимся между точками восемьдесят восемь и шестьдесят три. Похоже, что-то серьезное. Телят около двухсот, количество пастухов неизвестно. Стволов пока не видно, но их присутствие чувствуется. Прием.

— Ноль-восемь, папа вышел. Ждите.

Мередит прикинул в уме. Если вертолеты выполняют более важное задание, подмога выйдет на машинах... от двух до трех минут на выезд по тревоге... ехать сюда по меньшей мере двадцать пять минут... Да, эти полчаса покажутся вечностью.

Вдалеке Мередит видел возвышающуюся над толпой массивную фигуру сержанта Розарио. Он встал на пассажирское сиденье открытой машины, надеясь успокоить окруживших его людей.

— Я выхожу, — предупредил Мередит водителя. — Слушай радио. — Он повернулся к пулеметчику и стрелку, сидевшим позади него. — Будьте начеку, ребята. И не делайте глупостей.

Лейтенант выпрыгнул из машины и рысцой побежал вдоль застывшей колонны грузовиков,

положив руку на кобуру пистолета, — скорее придерживая ее, чтобы она не хлопала, чем намереваясь вытащить оружие. Именно благодаря самообладанию он благополучно выкрутился из бесчисленного множества неприятных ситуаций. Если ты можешь игнорировать ядовитые замечания и оскорбительные намеки, то у тебя больше шансов выжить. Бандиты обычно избегали вступать в прямые вооруженные столкновения с армейскими частями.

Он видел, что сержант Розарио тоже не взял в руки оружия. Весь секрет заключался в том, чтобы казаться уверенным в себе, но не производить излишне угрожающего впечатления. Тут требовались крепкие нервы. Говард попробовал припомнить, кто из рядовых ехал сегодня в машине Розарио. Он надеялся, что все они умеют держать себя в руках. Паника может наделать страшных дел.

„За рулем там Уолтерс, — вспомнил он. — Уолтерс — молодец. Он выдержит. А на пулемете Янковски. И кто же еще?" Мередит забыл. Очень уж большая текучка кадров. Мало экипажей машин и огневых групп подолгу сохраняли неизменным свой состав.

Сердце гулко стучало у него в груди. Жители, стоящие у подъездов или толпившиеся кучками на тротуаре, холодно глядели ему вслед. Население здесь определенно в основном составляли потомки индейцев, и среди окружающих он не видел никого, кто мог бы вызваться добровольцем поработать в Красном Кресте.

Враждебные лица. Лица людей, не раз близко видевших смерть. Шрамы от БР, шрамы от драк. Невозможно на глаз определить, кто из толпы вооружен.

Мередит перешел на шаг. Он не хотел показаться взволнованным. И он уже подошел достаточно близко, чтобы различать голоса.

— Макаронник ты вонючий, — кричал на Розарио чернокожий мужчина в маленькой кожаной кепочке, перекрывая шум толпы. — Нечего тебе здесь делать. Никто тебя сюда не звал с твоими пушками. Вся эта еда, все это дерьмо принадлежит народу.

Народ соглашался. Громко соглашался. Розарио попытался отвечать, объяснить что-то о том, что еду как раз и везут, чтобы раздать нуждающимся, но в его голосе сквозили нотки неуверенности. Розарио был хорошим сержантом, но Мередит почувствовал, как от него перестало исходить ощущение силы. Лейтенант вдруг понял, что есть что-то особенное в этой толпе, в этой улице, в этом воздухе. Он не смог бы облечь свои предчувствия в слова, но по его коже морозцем пробежала дрожь обреченности.

Розарио сделал ошибку. В отчаянии сержант рявкнул на толпу:

— Вы нарушаете закон!

Несколько мужчин из числа окруживших его рассмеялись, и их смеху начали вторить все остальные.

Потом кто-то выкрикнул: „Пошел ты!"— и без дальнейшего предупреждения звук выстрела из автоматического оружия, словно треск огромной застежки-молнии, вмиг поменял все законы времени и пространства.

Еще не успев смешаться с толпой, Мередит теперь видел только Розарио. Он заметил удивленное выражение на лице сержанта, почувствовавшего, как что-то быстро меняется в его теле.

Автоматическое оружие было малого калибра, и Розарио еще несколько долгих секунд стоял выпрямившись, набычившись, не в состоянии поверить в происходящее. Снова грянул выстрел. На сей раз сержант опрокинулся навзничь и исчез за головами и плечами обступивших его людей.

Вдоль всей трубы улицы загремели выстрелы. Толпа бросилась врассыпную. Повинуясь инстинкту, Мередит укрылся за мусорным баком в начале переулка и выхватил пистолет.

Среди какофонии пальбы он с легкостью отличал резкий треск армейского оружия. Но сам он не мог найти себе цель. Только бегущие гражданские, все безоружные. Двое парней свернули в переулок, едва не налетев на Мередита. Но их заботило только одно — поскорее убраться отсюда.

Лейтенант решил рискнуть и посмотреть, что делается с другой стороны его металлического щита. Экипаж машины Розарио, наверное, дерется за свою жизнь. Если их только всех уже не перестреляли.

Толпа между Мередитом и головным вездеходом колонны в основном рассосалась. Около десятка человек лежали на земле раненные либо просто напуганные, руками прикрывая головы. А дальше, на капоте автомобиля Розарио стоял человек с автоматическим пистолетом в руках и разряжал обойму в тела находившихся там солдат.

Мередит упал на колено и двумя руками навел пистолет. Однако первые две пули прошли мимо и лишь третья попала в цель. Бандит качнулся назад и головой вниз рухнул на асфальт.

С оглушительным звоном церковного колокола пуля срикошетила от стенки мусорного бака. Мередит оглянулся по сторонам. Кругом звучали выстрелы. Но стрелять было не в кого.

Он всем телом вжался в бак, внимательно осматриваясь вокруг. Из-за грузовика, куда ее загнала судьба, выбежала женщина. Ничего не видя перед собой, она неслась прямо на Мередита. Потом вдруг остановилась и замерла, глядя на него во все глаза.

— Ложись! — крикнул Мередит.

Но женщина продолжала смотреть на него, как завороженная. Затем сорвалась с места и побежала, но в противоположном направлении. Она испугалась человека в форме. Люди здесь жили в чужом, неведомом мире. Женщина почти добежала до середины улицы, когда вдруг запнулась за какое-то препятствие и ткнулась лицом в асфальт.

Однако споткнулась она на ровном месте, а блузка на неподвижном теле скоро начала темнеть от крови.

Мередиту показалось, что он заметил, откуда стреляли. Он открыл огонь по оконному проему. Но мелькнувшая там тень исчезла.

Кое-кто из штатских, залегших после начала стрельбы, попытался медленно, с частыми остановками переползти в безопасное место, стараясь не привлекать к себе внимания. Но воздух казался густым от пуль. Мередит понимал намерения противника. Даже если при вскрытии в телах невинно пострадавших не найдут пуль армейского образца, в их смерти все равно обвинят военных. Гангстеры стремились увеличить как можно больше число жертв столкновения, независимо от того, кто именно пострадает.

Около минуты прошло с того момента, как первые пули поразили сержанта Розарио. И тут Мередит услышал отдаленный звук пулеметного огня.

Он огляделся. Вскочил на ноги и побежал размахивая руками.

— Нет, — надрывался он. — Нет! Не стреляйте!

Его вездеход пробирался вперед, осыпая всю округу пулеметными очередями. Они спешили ему на помощь.

— Прекратить огонь!

Не было подходящей цели для пулемета. Единственным результатом могли стать новые жертвы среди населения.

Пулемет продолжал биться в судорогах огня, когда машина затормозила рядом с лейтенантом.

— Вы целы, сэр? — прокричал водитель.

— Перестаньте! — рявкнул в ответ Мередит. — Прекратить огонь.

Но он еще не успел договорить, как пулеметчик вдруг подскочил и перевалился за борт машины, словно лейтенант до смерти напугал его. Мгновение спустя парень уже лежал на земле с открытыми глазами, и лужа крови растекалась под ним.

— Сдай назад и встань между грузовиками, — приказал Мередит. Сам же он склонился над пулеметчиком. — Хендрикс, Хендрикс, ты слышишь меня? — Он попытался нащупать пульс на шее у молодого солдата, но жилка не билась. И открытые глаза смотрели неподвижно.

Мередит рванулся к своей машине, беспорядочно стреляя на бегу. Враг так и не показывался.

Обойма пистолета опустела. Говард перелетел через заднее крыло вездехода и забился между треногой пулемета и рацией. Шофер и стрелок уже покинули машину и отстреливались из-за ее корпуса, зажатого между двумя огромными грузовиками. Отстреливались от призраков.

Мередит схватил микрофон:

— Все станции группы „Танго". Все станции группы „Танго". Пятая схема, пятая схема. Остерегайтесь снайперов.

Согласно схеме номер пять остальные автомобили его взвода сейчас поедут вдоль колонны и займут ключевые позиции по обе ее стороны, так что прибывшее подкрепление сможет выйти из машин и спасти как можно больше водителей грузовиков.

Треск выстрелов, сопровождаемый звоном разбитого стекла и теньканьем пуль о металл, по-прежнему переполнял улицу.

Мередит переключился на сеть оперативной связи:

— Один-четыре, Один-четыре — веду бой. Несу значительные потери, оставаясь в прежней точке. Сукины дети стреляют изо всех окружающих домов.

Батальонная сеть тут же отозвалась:

— Занять посты по боевому расписанию. Повторяю, занять посты по боевому расписанию.

Мередит узнал голос майора Тейлора. Как всегда, он подействовал успокаивающе. В голо-

се командира не звучало даже намека на панику. То говорил человек, абсолютно владеющий ситуацией, опытный и несуетливый. Конечно, теперь все кончится хорошо.

Автоматная очередь полоснула по капоту машины. Краем глаза Мередит увидел, как водитель вдруг вскинул вверх руки, словно пытаясь поймать на лету пулю. Потом он — совсем еще мальчишка — шатаясь, вышел из-за прикрытия и растянулся перед автомобилем.

Мередит перемахнул через борт вездехода и прижался к земле. Он вогнал в пистолет новую обойму. У него очень болело колено, хотя он понятия не имел, что с ним случилось. Говард поискал глазами стрелка.

Паренек сидел, скрючившись, под крылом грузовика, тесно вжавшись в огромные колеса, и плакал. Мередит в несколько прыжков преодолел расстояние до него и схватил его за отвороты кителя.

— Уходи. Иди к другим машинам. Прячься за грузовиками. Вперед!

Мальчишка уставился на лейтенанта абсолютно не понимающими глазами, словно тот говорил на иностранном языке.

Мередит не знал, что делать дальше. Никто не готовил его к таким переделкам. Раньше даже в самых тяжелых ситуациях ему удавалось контролировать положение. Но теперь, что бы он ни сделал, ничего бы не изменилось. Пригнувшись, он побежал вокруг вездехода туда, где лежал водитель. Мертв. Все его тело было изрешечено пулями, словно кто-то из снайперов упражнялся на нем в меткости. Мередит попытался оттащить тело за машину. Но противник тут же обрушил на него град пуль. Мередит

забился в крошечную „мертвую зону" между грузовиком и вездеходом.

Говард представил себе, как он сейчас выглядит со стороны: загнанный в ловушку, сжавшийся в комочек, в то время как уличная шпана потешается над ним. В ярости он привстал и несколько раз выстрелил в ту сторону, откуда в последний раз прилетел рой пуль. Но в результате почувствовал себя еще более глупым и беспомощным.

Обернувшись, Мередит увидел, что солдат, плакавший под грузовиком, исчез. Оставалось надеяться, что он ушел в нужном направлении. На его совести уже достаточно смертей его подчиненных.

Он поглядел вокруг другими глазами. Холодный гнев пришел на место ослепляющей ярости. Даже испытываемый им страх стал каким-то другим, превратившись в энергию, которую сильная воля могла направить в нужном направлении.

Не отдавая еще себе полного отчета в своих действиях, он начал движение. Вперед, прячась за грузовиками, от колеса к колесу.

Добравшись до кабины головного грузовика, он протянул руку и дернул за ручку двери.

Заперто.

— Ради Бога, выходите оттуда. Скорее! — крикнул Мередит.

Приглушенный голос изнутри доходчиво и ясно пояснил ему, к какой именно матери ему следует отправиться.

Мередит побежал к следующему грузовику. Он слышал, что его солдаты, как на учениях, принялись прикрывать его огнем.

Перед его глазами мелькнуло яркое пятно цветастой одежды и оружие. *Оружие.* Молоденький паренек с автоматическим пистолетом в руках. Он направлялся туда же, куда и лейтенант, — к кабине грузовика. На мгновение противники замерли от неожиданности, уставившись друг на друга.

За этот миг Мередит успел с удивительной ясностью рассмотреть своего врага, навсегда запечатлев в памяти все мельчайшие детали его внешности. Красно-зелено-черный вязаный берет. Пиджак с блесками и фальшивые драгоценности. Брюки из темного атласа. И короткое, неуклюжее на вид оружие, ствол которого быстро поднимался вверх. Живые, блестящие, умные, очень непростые глаза.

Мередит выстрелил первым, лишь на долю секунды опередив противника. На сей раз он попал и продолжал стрелять, пока тот не рухнул на землю. Ответный огонь поверженного противника пришелся по двум баллонам колес грузовика, которые с грохотом лопнули. Парень упал как-то нескладно. Казалось, ударившись об асфальт, он испытал большую боль, нежели от ран. Почувствовав слабость в ногах, Мередит облокотился о крыло машины, задыхаясь, как загнанное животное.

В небе над разоренным городом сначала тихо, потом заполняя все вокруг, раздался знакомый звук вертолетных двигателей. Совсем рядом Мередит слышал, как его солдаты продвигаются вперед, беря ситуацию на улице под свой контроль. Он слышал, как они перекликаются между собой, выкрикивают приказы, на практике применяя те самые приемы боя в го-

родских условиях, бесконечную отработку которых они раньше так проклинали.

Стрельба и крики, доносившиеся от головы колонны, заметно стихли. Бандиты начали сдаваться.

С пистолетом в вытянутой вперед руке Мередит сделал несколько шагов по направлению к скрюченной, истерзанной болью фигуре только что застреленного им человека. Оружие его противника отлетело далеко в сторону, но Мередит не мог убрать палец со спускового крючка. Ему не хватало воздуха, и он чувствовал, как раздуваются его ноздри.

На вид пареньку было лет пятнадцать — восемнадцать. Гримаса, исказившая его лицо, не позволяла точнее определить его возраст.

Когда Мередит приблизился, раненый перестал корчиться от боли. Его глаза расширились, и он снизу вверх уставился на высокого человека в армейской форме, который только что вдребезги разбил идеальную машину его тела. Сначала лейтенанту показалось, что огонек сознания уже потух во взгляде поверженного противника. Но мало-помалу его глаза сфокусировались на победителе поединка.

Паренек злобно посмотрел на Мередита. С каждым выдохом на его губах пузырилась алая пена. Потом их глаза встретились, и Говард не смог оторвать взгляд даже тогда, когда раненый приподнялся, протянул вперед руку и, обессиленный, снова рухнул.

— Ты думаешь, что ты важная штучка... — сказал он Мередиту голосом по-прежнему ясным и чистым. Его губы искривились в презрительной усмешке. — А на самом деле... ты просто орудие в чужих руках.

Мередит опустил пистолет, стыдясь своего страха, и молча смотрел, как увешанная цепочками грудь мальчишки борется с земным притяжением. Слов не было. Только острое чувство реальности окружающего — жесткого асфальта, бетона, стали, разбитого стекла.

Плоть и кровь.

Мальчик вдохнул полной грудью, словно собираясь разом задуть все свечи на юбилейном торте. Потом воздух вырвался наружу, сопровождаемый звуком скорее животным, чем человеческим. Легким больше не требовался кислород.

— Врача! — закричал Мередит. — Врача!

При окончательном подсчете выяснилось, что погибли шесть солдат и трое ранены, потери гражданского населения составили пять убитых и двенадцать раненых. На поле боя также остались четверо погибших в перестрелке, без сомнений являвшихся членами банды. В ходе операции по окружению и прочесыванию района столкновения, проведенной силами военных, удалось задержать еще четырнадцать подозрительных личностей. Солдаты ненавидели всей душой эту операцию не только из-за боязни нарваться на засаду, но и из-за опасности натолкнуться при осмотре зданий не столько на преступников, сколько на гниющие трупы жертв болезни Рансимана. Мало кому из подозреваемых удастся выжить. Их всех отправят в лагерь в Форт-Ирвин дожидаться суда. Но правосудие безнадежно запаздывало, задыхаясь под грудой дел, а в переполненном лагере свирепствовала эпидемия, взявшая на себя миссию орудия закона.

В тот вечер Мередит отправился к майору Тейлору. Отыскать исполняющего обязанности командира батальона не составляло никакого труда. Если он не выезжал на очередное задание, то сидел у себя в кабинете, где фактически и жил. Позади письменного стола, рядом с государственным флагом и знаменем части стояла старая армейская походная кровать, на краю которой лежал туго свернутый спальный мешок. Идеальный порядок, царивший в комнате, нарушала только гора книг, постоянно возвышавшаяся на полу рядом с койкой. Всякий раз, когда Мередиту доводилось переступать порог кабинета начальника, его взгляд привычно останавливался на книжном развале — его очень занимало, какую литературу читает этот жесткий, необычный человек.

Мередит постучал в дверь решительнее, чем обычно, услышал приказ заходить и, чеканя шаг, несмотря на боль в перевязанном колене, остановился ровно в трех шагах от стола Тейлора. Он встал по стойке „смирно", отдал честь и отрапортовал:

— Сэр, первый лейтенант Мередит просит разрешения обратиться к командиру батальона.

Тейлор оторвался от компьютера, с которым работал, удивленный формальностью тона. Несколько секунд он задумчиво разглядывал молодого человека, стоявшего навытяжку перед ним. Потом он заговорил, разочаровывающе буднично:

— Подожди минутку, Мерри. Дай разобраться с этой программой.

И, словно забыв о присутствии лейтенанта, о его напряжении и настойчивости, Тейлор вернулся к монитору и клавишам компьютера.

Мередит принял стойку „вольно по-парадному". Но напряженность позы теперь казалась ему глупой. Вскоре он встал в обычную стойку „вольно" и огляделся по сторонам. Его злило, что Тейлор не почувствовал всей серьезности его намерений, что командир не уделил ему достаточно внимания.

Сегодня стол Тейлора казался больше, чем обычно, завален бумагами. Мередит заметил, что стопку писем еще не вскрывали. Батальонный офицер по оперативным вопросам заболел БР, и его эвакуировали, а должность начальника штаба оставалась вакантной уже несколько месяцев. В голове у Мередита промелькнула мысль, что, возможно, ему не стоит отнимать у Тейлора время. И так тот спал крайне мало, и даже шрамы на лице не могли скрыть черные круги, постоянно темневшие под глазами.

Но лейтенант намеревался идти до конца. После нескольких часов мучительных раздумий он наконец решился. И теперь не собирался менять свое решение.

Тейлор возился с компьютером бесконечно долго. Мередит чувствовал, как сами собой опускаются у него плечи. Он вдруг понял, что очень, очень устал.

Его взгляд блуждал по комнате и наконец остановился на кипе книг у койки Тейлора. Мередита всегда удивляло разнообразие заглавий. Не менялись только учебники и словари испанского языка. Сегодня Мередит разобрал названия работ по городскому планированию, книгу о „Черной смерти" в Европе, „Гекльберри Финна", рассказы Джозефа Конрада и последний номер военного журнала „Милитари ревью". Мередит пытался прочитать заглавие еще одной

полускрытой книги, когда Тейлор наконец заговорил с ним, заставив лейтенанта вздрогнуть от неожиданности.

— Ну ладно, Мерри, что стряслось? — Тейлор снова взглянул на компьютер. — Знаешь, в армии, наверное, было гораздо легче, когда наука не придумала еще ничего сложнее пишущей машинки. Тогда существовал хотя бы физический предел тех глупостей, которые ожидает от тебя система.

Мередит стоял перед человеком, старше его всего на несколько лет и на целую жизнь. И ему оказалось очень трудно заставить себя заговорить, произнести те решительные слова, которые он так тщательно подготовил.

— Тут что-то серьезное, — пробормотал Тейлор, и лейтенант так и не понял, почудилось ему или в словах командира действительно промелькнула нотка иронии.

— Сэр, я прошу отстранить меня от занимаемой должности и перевести в обычную часть.

Тейлор вскинул голову и внимательно взглянул на собеседника. Мередит всегда с трудом разбирал выражение лица Тейлора — мешала испещренная шрамами кожа. Он почувствовал, как пот выступил у него на лбу и на позвоночнике. Майор не отвечал долго, необъяснимо и мучительно долго. Мередит ожидал встретить удивление... возможно, гнев, возможно — разочарование. Но это молчаливое раздумье оказалось столь же неожиданным, сколь и невыносимым.

Когда Тейлор наконец ответил, он произнес только одно слово:

— Почему?

Мередит замялся в поисках нужного ответа.

— Сэр, мне кажется, что я не подхожу для такой работы.

Тейлор слегка кивнул, но то был знак раздумья, а не согласия. Потом он напрягся и слегка подался вперед, как большой кот, заметивший что-то интересное.

— Не ходи вокруг да около, Мерри. На самом деле ты считаешь, что сел в лужу. И тебе себя жалко. — Он свел вместе кончики пальцев. — Ну, хорошо. Скажи, что, по-твоему, тебе сегодня следовало сделать по-другому.

Вопрос застал Мередита врасплох. Он растерялся и по-детски разозлился. Похоже, Тейлор хочет его унизить. Он задумался над резким, твердым ответом, который поставит на место исполняющего обязанности комбата.

Но это оказалось непросто. Он ведь все сделал как положено. Он предпринял действия, предписанные в подобных ситуациях. Ведь не было никаких сведений, что готовится такая крупная акция. При всем желании он не мог придумать, каким образом можно было реально изменить события прошедшего дня. Тут требовался бы дар предвидения, не свойственный человеку. Он сделал все возможное в рамках отведенной ему роли. Единственное, что еще он мог бы сделать, так это погибнуть вместе с Розарио и остальными, но даже в охватившей его ярости он понимал бессмысленность такого варианта.

А мальчик, умиравший на улице? Его глаза, его слова? И вообще, зачем все это? Неужели родители Мередита оказались правы, и он — всего лишь мальчишка-переросток, играющий в очень опасную игру с живыми игрушечными со-

лдатиками? В его голове царил слишком большой сумбур, чтобы он мог разумно ответить себе на нахлынувшие вопросы. Он хотел чувствовать себя виноватым. Но в глубине души не мог не заметить некоторой фальши в своем самобичевании.

— Сэр, я не знаю. Но я знаю, что я провалил задание.

Ничто не дрогнуло на кошмарной маске тейлоровского лица.

— Вздор. Я с удовольствием сообщу вам, когда вы провалите задание, лейтенант. А пока у меня каждый офицер на счету. — Тейлор глубоко втянул воздух, словно в бешенстве от детского поведения Мередита. Он явно не желал даже попытаться его понять.

— Ваша просьба отклонена.

— Сэр... — начал Мередит, охваченный яростью. Он не находил слов, но чувствовал, что ни за что не сможет продолжать служить, как раньше. Он никогда больше не вернется на эти улицы. По крайней мере, в форме.

— Лейтенант, — оборвал его Тейлор. — Было бы прекрасно, если бы военная служба состояла только в том, чтобы принимать правильные решения в очевидных обстоятельствах, в том, чтобы разбивать в пух и прах каких-нибудь зловредных чужеземцев с хвостами и рогами, а потом проходить победным маршем по родным улицам. — Тейлор не отрывал горящего взгляда от глаз Мередита. — К сожалению, наша служба состоит еще и в том, чтобы найти это чертово правильное решение, когда приказы нечетки, задание отвратительно и все идет наперекосяк. Долг солдата, — отчеканил Тейлор громовым голосом, — заключается в том, чтобы

честно делать свое дело в бесчестные времена... и найти наилучший возможный выход из наихудшей ситуации. Это означает... твердо верить, что есть вещи поважнее, чем твои личные амбиции... и даже твои личные убеждения. Это означает готовность пожертвовать... всем. — Тейлор сел назад в кресло, не отрывая глаз от глаз подчиненного. — А иногда это означает — просто завязать потуже шнурки на ботинках, когда весь мир идет к чертям собачьим. Понятно, лейтенант?

— Да, сэр. Понятно, — соврал Мередит, чувствуя, что у него все смешалось и в голове, и в сердце.

— Тогда убирайтесь отсюда и идите отоспитесь.

Мередит встал по стойке „смирно" и отдал честь в надежде скрыть внутренний разлад за внешним ритуалом самообладания. Он четко развернулся и, печатая шаг, направился к двери. Он больше не злился на Тейлора. Он просто ненавидел его — за силу, за превосходство.

— Да, лейтенант! — окликнул его Тейлор с порога.

— Сэр?

— Я слышал, вы сегодня убили человека. Полагаю, впервые?

— Да, сэр.

Тейлор задумчиво посмотрел на молодого человека через всю комнату, воздух которой, казалось, потрескивал от напряжения. — Вы... случайно не заметили, какого цвета была у него кожа?

Мередит почувствовал такой взрыв ярости, по сравнению с которым померкла вся его предыдущая злость.

— Я убил *черного человека*, сэр.

Тейлор кивнул. Он смотрел на Мередита спокойно, не обращая внимания на ярость, на неуважительный тон лейтенанта.

— Лейтенант, я лично считаю... что жалость к себе погубила больше достойных людей, чем все порочные женщины за всю историю человечества. К завтрашнему дню определитесь, кто же вы на самом деле, черт побери... и, если вы по-прежнему станете настаивать на переводе, я отдам соответствующий приказ. Можете идти.

Мередит вернулся к себе и колотил кулаками по шкафчику до тех пор, пока не разбил в кровь костяшки пальцев и боль не стала невыносимой. Он не знал, сломал ли он какую-нибудь кость, да и не желал знать. В часы предрассветного полумрака он твердо решил завтрашним утром, не откладывая, поймать Тейлора на слове. Потом он заснул, невзирая на горящую боль в разбитых руках, под отдаленный гул вертолетных патрулей.

Разбудил его стук в дверь. Стучал незнакомый Мередиту лейтенант испанского происхождения. Новичок выглядел смущенным.

— Простите, что разбудил вас.

Мередит что-то пробормотал в ответ, пытаясь сосредоточиться.

— Меня зовут Мэнни Мартинес, — представился он, протягивая руку. — Я новый начальник службы тыла. А вы лейтенант Мередит, верно?

— Угу.

— Меня послали к вам из штаба. Лейтенант Баррет заболел, и майор Тейлор хочет поручить

вам выполнение его задания. Я говорил, что и сам могу, но...

Пожимая новичку руку, Мередит рассмотрел его. Серьезный молодой человек. Он казался совсем юным, хотя Мередит видел, что на самом деле они оба примерно одного возраста. В акценте ночного гостя так и звучало: „Я из Техаса, и я получил надлежащее образование, слава Богу", и в отличие от большинства испанцев он не растягивал гласные.

— Ничего, все в порядке, — успокоил его Мередит, понимая, что ни за что не допустит, чтобы вместо него на улицы города вышел этот необстрелянный офицер.

— Сержант из штаба говорил, что это будет обычный рядовой конвой. По вашему вчерашнему маршруту. — Новый лейтенант заметно нервничал, во всех его словах сквозила бесконечная неуверенность в себе. — Я говорил им, что с радостью возьмусь...

— Не волнуйся, старина. Все нормально, — сказал Мередит. — Вот только выпью чашечку кофе.

3

Мексика
2016 год.

— Его называют „Эль Диабло", — сказал разведчик, все еще отдуваясь после долгого подъема. Ущелье, где партизаны прятали свои машины, находилось гораздо ниже высокогорной деревни. — Местные утверждают, что он восстал из мертвых.

— Что он говорит? — требовательным тоном спросил капитан Морита, прикомандированный к отряду японский военный советник. По-испански он выучил только несколько слов и вовсе не стремился пополнять свой словарный запас. Все приходилось переводить для него на английский.

Полковника Рамона Варгаса Морелоса такая ситуация вполне устраивала. Он очень гордился своим английским, который выучил в приграничных городках еще в те годы, когда трудился в поте лица, переправляя грузы контрабандных наркотиков, задолго до того, как стать Героем Революции. К тому же слабое знание испанского позволяло легче контролировать японца.

Варгас нарочно тянул с ответом. Советник задал вопрос слишком настойчиво, без должного уважения. В конце концов, Варгас — полков-

ник, поэтому он выдержал паузу, с важным видом оглядывая закопченный трактир. Неровные ряды разномастных столов и стульев. Старый пес, скребущий у себя за ухом неверными движениями придурка. Варгас не торопясь изучил все помещение, избегая, однако, смотреть на японца. Бутылки, беспорядочно расставленные позади стойки, зеркало, пересеченное по диагонали похожей на молнию трещиной. Выцветшие открытки с видами Таксона и Пасадены, блестевшие в свете „летучей мыши".

Наконец он повернулся к Морите.

— Он говорит, — начал Варгас, — что у нового командира гринго есть прозвище. Его называют „Дьявол". — Он не взял на себя труд переводить ту часть донесений, что касалась предполагаемого воскресения американца. Японский офицер не понимал подобных вещей, и Варгас уже достаточно наслушался замечаний об отсталости своих соотечественников.

Морита хмыкнул:

— Не очень-то полезная информация.

Варгас на секунду повернулся спиной к Морите и разведчику и облокотился на стойку.

— Эй ты, шелудивый пес, — крикнул он трактирщику. — Подай мне две рюмки своей паршивой текилы.

Трактирщик выполнил заказ в мановение ока. Удовлетворенный Варгас развернулся назад и вновь очутился с разведчиком лицом к лицу. Спиной и локтями он привалился к длинной деревянной стойке.

— Продолжай, Луис, — протянул полковник. — Расскажи мне еще об этом дьяволе, который спит со своей собственной матерью.

Лицо разведчика блестело от пота. Вечера в горах стояли прохладные, но подъем по тропе к широкому, похожему на чащу плато, где спряталась их деревушка, вытянул всю влагу из тела разведчика. Хороший признак. Значит, он серьезно относится к своим обязанностям, подумал полковник. Войди он в трактир свежим и отдохнувшим, Варгас застрелил бы его.

— Его очень боятся, мой полковник, — продолжил Луис. — Гринго перевели его из Сан-Мигель-де-Альенде. Говорят, он натворил там дел. Говорят, у него лицо дьявола. Он носит серебряные шпоры и насвистывает старую ирландскую песню. Еще говорят, что тому, кто услышал свист и звон его шпор, недолго осталось жить.

Варгас поднял одну из двух маленьких рюмок с текилой и знаком приказал разведчику взять вторую. Он уже давно перестал предлагать выпивку японцу, который все равно всегда отказывался.

— Что он сказал? — нетерпеливо поинтересовался капитан Морита.

Варгас холодно взглянул на японца, затем резким эффектным жестом осушил рюмку.

— Он сказал, что американец — клоун. Носит шпоры. И свистит.

— Он долго говорил, — настаивал японец. — Что еще он сказал?

— Что наш американец — дерьмовый болван.

— А что известно о его прошлом? Получил ли ваш человек какую-нибудь информацию об излюбленных приемах боевых действий нового

командира? Насколько серьезную угрозу он собой представляет?

Варгас расхохотался. Громко. Потом провел тыльной стороной ладони по выросшей на щеках щетине.

— Слушай, что за ерунду ты болтаешь? Ни хрена он нам не опасен. — Варгас ткнул пальцем в свой ремень, сделанный из мягкой черной кожи, с круглой золотой пряжкой. — Знаешь, откуда он у меня, Морита? Я его снял с американского *генерала*. Все твердили: „Эй, Варгас, этот парень — твердый орешек. Будь настороже". И знаешь, что я сделал с этим ублюдком? Я перерезал его сраную глотку. В его собственном паршивом доме. Потом я оттрахал его старуху. А потом заставил ее съесть его яйца. — Варгас смачно плюнул на пол.

— Спросите своего человека, — упрямо повторил Морита, — удалось ли ему узнать что-нибудь действительно важное о новом командире противника?

Варгас театральным жестом подозвал трактирщика.

— Еще пару. Ты слишком беспокоишься, друг, — заявил он японцу. Но все же вновь обратился к разведчику: — Эй, что за дела, Луис? Ты приходишь к нам с какими-то сказками. Нам не надо твоих поганых сказок. Расскажи мне что-нибудь вправду серьезное об этом ублюдке.

Разведчик со страхом посмотрел на него.

— Мой полковник, он всегда играет не по правилам. Он делает сумасшедшие вещи. Говорят, он совсем не похож на остальных гринго. Он хорошо говорит по-испански и ведет себя как большая шишка. — Луис замолчал, и Варгас

увидел, что он взвешивает каждое слово. — Он привез с собой своих людей. С ним черный человек, хорошенький, как девушка.

— Может, они педики, — ухмыльнулся Варгас. Разведчик засмеялся ему вслед. Но не так весело, как следовало бы. У Варгаса зародились сомнения.

— И еще, мой полковник, с ним мексиканец с севера, из-за границы. Этот толком не говорит по-испански, но прекрасно знает английский.

— Это нам на руку, — твердо сказал Варгас. — На севере все мексиканцы превращаются в полное дерьмо.

— Еще там офицер, который говорит с акцентом. Говорят, он еврей. Из Израиля.

— Тоже слабак, — определил Варгас. — Луис, похоже, твой паршивый дьявол не так уж и страшен.

Разведчик снова рассмеялся. Но в его голосе звучали тревожные нотки. Так смеются испуганные женщины, а уж никак не солдаты революции.

— Знаешь, Луис, — проговорил Варгас, пододвигаясь поближе, чтобы тот мог чувствовать запах его дыхания и осознать себя полностью во власти командира. — Мне кажется, есть что-то еще. Возможно, что-то такое, что ты не хочешь мне рассказать. И вот я не знаю, почему ты не желаешь рассказать своему полковнику все?

— Мой полковник... — начал было разведчик.

Варгас легонько шлепнул разведчика по затылку своей огромной ладонью. Японцу со стороны могло показаться, что то был всего лишь

дружеский жест. Глупые счастливые мексиканцы. Вечно обнимаются, пожимают друг другу руки, хлопают друг друга по плечам... Но разведчик отлично понял смысл невинного движения.

— Значит, так, — сказал Варгас. — Выпей еще текилы. А потом давай поболтаем, Луис.

Бедняга быстро проглотил водку, забыв об обязательном ритуале.

— Мой полковник, — объявил он с нескрываемым волнением, — говорят, что это он убил Гектора Падилью в Гуанахуато.

Варгас застыл. Так прошло довольно много времени, затем он фыркнул, как рассерженный зверь. Полковник снял руку с затылка разведчика и поднял ее жестом, включавшим в себя одновременно и угрозу, и утверждение.

— Фигня, — скривился он. — Гектор погиб в катастрофе. В горах. Это всем известно.

— Мой полковник, — робко протянул разведчик. — Я только передаю, что говорят другие. Утверждают, что катастрофу подстроили. Это Эль Диабло подослал своих людей в лагерь команданте Падильи. Что...

— Луис, — холодно прервал его Варгас. — Как давно мы знаем друг друга?

Разведчик принялся считать в уме месяцы. Месяцы выстроились в год, потом в другой.

— С Закатекаса, — наконец объявил он. — С хороших времен. Еще до прихода гринго.

— Правильно, брат. И я тоже тебя хорошо знаю. Например, я знаю, когда у тебя есть что мне сказать. Как сейчас. — Варгас рассек рукой воздух. — Что ты болтаешь о Гекторе Падилье, когда у нас шел разговор вовсе не о Гекторе

Падилье. — Полковник внимательно посмотрел в бегающие глаза собеседника. — Ведь не о нем?

— Нет, мой полковник.

— Так о ком мы тогда разговаривали, Луис?

В желтом свете трактира разведчик серьезно и внимательно поглядел на Варгаса.

— О вас, мой полковник. Говорят, этого гринго прислали... за вашей головой.

Варгас рассмеялся. Но смеху предшествовало мгновение тягостного молчания, когда тень смерти неожиданно промелькнула между двумя собеседниками.

Варгас хлопнул ладонью по стойке. Потом хохотнул опять и плюнул на пол.

— О чем вы разговаривали? — настойчиво спросил японский советник. — Что он говорит?

Варгас перестал смеяться. Он знаком приказал разведчику убираться из трактира, что тот и сделал с видимым облегчением. Полковник повернулся и, широко расставив ноги, уставился на крохотного желтолицего человечка, что так уверенно сидел за его столом. Варгас не доверял японцам. Он никогда не верил, что они помогают спасти революцию только по доброте сердечной. Тут речь шла о власти. Борьба за власть пронизывала все. Отношения между мужчиной и женщиной, между друзьями. Между правительствами и странами.

Японцы рвались к власти. Они с ума сходили от нее, как старик, потерявший голову из-за молоденькой женщины.

Как жалко, что у японцев такое хорошее оружие. И без него не обойтись.

— Он сказал, — доложил Варгас своему инквизитору, — что мне предстоит убить еще одного вшивого гринго.

— Он говорил не только это, — холодно заметил Морита. — Гораздо больше. Согласно соглашению между моим правительством и Народным Правительством Игуалы, вы должны снабжать меня любой информацией, которая требуется для выполнения моей задачи.

Да, подумал Варгас. Народное Правительство Игуалы. Все, что от него осталось, прячется, как стая крыс, в горах Оаксаки. Дни славы давно миновали. Из-за проклятых гринго. Теперь каждый боролся за собственную жизнь, укрывшись в своем убогом убежище, в своем крохотном королевстве. Много воды утекло с тех пор, как они маршировали в парадном строю по бульварам Мехико под гордым знаменем революции.

Варгас презрительно фыркнул:

— Правительство Игуалы, правительство Монтеррея — все они не стоят здесь и ломаного гроша, приятель. Ты знаешь, что такое правительство, Морита? — Полковник вынул автоматический пистолет с инкрустированной слоновой костью рукояткой, снятый им с тела американского генерала, и со стуком положил его на стол перед японцем. — Вот настоящее правительство.

Варгас внимательно посмотрел на своего советника. Тот старался не показывать страха, но происходящее явно обеспокоило его. Морита еще не привык к Мексике, к здешней пище и воде, к тому, как мало значила здесь жизнь. Его недавно прислали взамен другого советника, погибшего несколько месяцев назад. Все вокруг разладилось. Люди Варгаса получили новейшие зенитные ракеты без инструкций на их родном языке, их никто не обучал, как обращаться с

незнакомым оружием. Варгас целый сезон промучился, практически не имея защиты от американских вертолетов. Он мог организовывать только мелкие операции — налеты, обстрелы из засады, грабежы. Потом наконец через горы до него добрался этот въедливый капитан.

И вот теперь они готовы встретить вертолеты. Варгас стукнул по стойке. Еще текилы. Когда трактирщик подошел, полковник мощной рукой схватил его и подтащил поближе через стойку.

— Ты что-то долго копаешься, старик.

Трактирщик побелел. Стал совсем как гринго. Варгас улыбнулся. Да, теперь пусть прилетают вертолеты. И пусть приходит тот дьявол в шпорах.

Гринго всегда были слишком мягкотелыми. Здесь их слабое место. Они не в состоянии понять, какой суровой страной стала Мексика. Они слишком уважительно относились к смерти.

— Ваш агент, — заметил японец, — похоже, обеспокоен появлением нового командира американцев. Более того, он явно напуган.

— Луис? Напуган? Из-за какого-то поганого гринго? — Варгас покрутил головой, как бы умиляясь абсурдности такого заявления, хотя отлично знал, что так оно и есть и что некоторые вещи бывают настолько очевидны, что не требуют никакого перевода. — Морита, ты не знаешь, как мы здесь делаем дела. Ты не знаешь, как мексиканцы живут, как у нас работает голова. Мы — эмоциональный народ, дружище. Луис просто-напросто устал с дороги. И он рад встрече со своими братьями. Но он не испуган.

Нет, такого не может быть. Мы с ним воевали вместе со времени битвы при Закатекасе. Я своими собственными глазами видел, как он голыми руками убил полдюжины сукиных сынов монтеррейцев. — Варгас помолчал, давая собеседнику возможность переварить информацию. На самом деле единственный случай, когда разведчик у него на глазах убил человека голыми руками был тогда, когда тот задушил пленного.

— Возможно, — сказал японец, — нам следует усилить оборонительные порядки. Возьмем, например, ваших часовых. Я заметил, что у некоторых позиций узкий сектор обстрела. Защита вашего штаба должна быть организована лучше.

Варгас подтянул брюки и поправил свой драгоценный пояс.

— Морита, ты слишком много суетишься. Я знаю мою страну. Я воюю здесь уже шесть лет. И я пока еще жив.

Где-то за окном один из его людей включил радио. Веселое пение трубы настойчиво звало куда-то, скорее всего, поближе к женщине. В темноте раздался смех, второй голос ответил обычным ругательством.

— К тому же, — продолжил Варгас, — сюда никто не заберется, приятель. Бесполезно. Чтобы одолеть эту дерьмовую дорогу, нужен здоровенный грузовик. А он так ревет, что мы услышим его издалека. И увидим намного раньше, чем они заметят нас. Единственный другой путь — тащиться напрямик через горы, где тебя достанут если не гремучие змеи, так солнце.

— Они всегда могут организовать атаку с воздуха, — напомнил Морита.

— Да. Но тут в игру вступаешь ты со своими сраными ракетами. Во-первых, им надо нас найти. Потом пробиться сквозь ракеты. Верно? И даже если они высадят здесь всю американскую армию, мы их просто перестреляем, как собак. — Варгас с улыбкой превосходства поглядел на советника. — Вот ты сам, хотел бы ты сесть здесь на вертолете?

— Нет, — признался японец.

— Так о чем же ты беспокоишься, друг? — воскликнул Варгас, радуясь, что успокоил *сам себя*. — Кроме того, долго мы тут не засидимся.

Откуда-то издалека донесся глухой вибрирующий звук. Очарование безмолвной ночи растаяло, как дым.

Варгас с проклятиями бросился вон из комнаты.

— Ведь тысячу раз говорил этим охламонам: не включайте больше генераторы. У нас...

Он уже достиг двери, занавешенной старым одеялом. Шум стал гораздо сильнее и уже не напоминал знакомое урчание генератора.

— Боже милосердный! — вырвалось у Варгаса. Он повернулся и недоуменно уставился на японца.

Лицо Мориты в точности отражало те же чувства, которые охватили полковника.

— Вертолеты, — полушепотом произнес советник.

Варгас выхватил пистолет и выстрелил в темноту.

— Подъем, сукины дети, — взревел он, громыхая сапогами по улице. — Гринго! Чертовы гринго!

Морита побежал по пыльной улице к ближайшему зенитному посту. Теперь уже двигатели вертолетов гремели подобно грому. Казалось, что несколько сотен их кружит вокруг плато, огибая гору. По всей деревне партизаны открыли огонь из автоматов по ревущим призракам.

Варгас бросился к ближайшей куче стрелков и отпустил тяжелую затрещину первому из тех, кто подвернулся под руку.

— Куда ты стреляешь, кретин безмозглый? Ты же ни черта не видишь!

— В гринго, — ответил тот.

— Побереги пули, черт возьми. Подожди, пока хоть что-нибудь увидишь. Все — по местам.

Люди спешно разбежались, и Варгас рысью припустился вслед за японским советником. Взлетали ракеты, освещая широкий луг между деревней и низким гребнем горы на западе — единственный участок, пригодный для посадки вертолетов. Пулемет дал очередь, проверяя зону обстрела.

Вертолеты все не показывались. Они оставались рядом, но все же за пределами освещенного ракетами круга. Оглушительно грохотали двигатели. Американцы подлетели вплотную, но никак не делали последнего шага. Они все кружили и кружили вокруг ближайших вершин. Варгасу вдруг показалось, что враг исполняет какой-то безумный военный танец.

Он добрался до первой переносной зенитной установки как раз тогда, когда стрелок запустил ракету, прочертившую в небе огненный след.

— Не стрелять! — по-английски завопил на солдата Морита. В неверном свете вспышек он размахивал ручным радаром. — Я же говорил тебе не стрелять, идиот. Они вне пределов досягаемости.

Втроем они следили за полетом ракеты. Она достигла максимальной дальности полета, не найдя цели, и включился механизм самоликвидации.

— Положи пусковое устройство на землю, — потребовал Морита.

Даже при плохом освещении Варгас видел, что стрелок решил просто не обращать внимания на японца. Да и в любом случае, он не понимал английского языка Мориты.

На другом конце деревни в небо взлетела еще одна ракета.

— Полковник Варгас, — сказал Морита голосом, в котором не звучало должного уважения, — прикажите своим людям прекратить огонь. Вертолеты все еще находятся вне пределов досягаемости. — Японец старался перекричать царивший вокруг хаос и шум, и от его презрительного тона кровь прилила к щекам Варгаса. — Нельзя тратить ракеты впустую.

Мексиканец не торопился соглашаться с советником. Да, ракеты действительно приходилось доставлять контрабандными путями, которые становились все длиннее и длиннее, и в конце концов на ослах поднимать в горы. И это было действительно великолепное оружие, с таким можно поставить гринго на место. Но, с другой стороны, Морита явно не понимал психологию боя. Варгас не возражал против того, чтобы потратить еще несколько драгоценных

ракет, лишь бы произвести эффект, чтобы держать американцев на расстоянии. Он знал, что те панически боятся чрезмерных потерь, и надеялся, что даже сейчас сможет отпугнуть их. А утром его отряд переберется в другое укрытие.

Вдруг рев двигателей усилился, как будто вертолеты направились наконец к деревне.

— Огонь! — скомандовал Варгас. — Огонь!

— Мне сначала надо зарядить это говно, мой полковник. Трудно в темноте.

— Морита, — рявкнул Варгас, вырвав оружие из рук солдата. — Возьми ее и стреляй сам.

— Они все еще далеко, — отозвался Морита голосом, в котором звучало все охватившее его напряжение и огорчение. — Вертолеты всегда звучат громче по ночам. Да еще и эхо из ущелий. Я ничего не могу поделать, пока они не подлетят поближе.

— Что за ерунду ты несешь! — взорвался мексиканец. — Может, прикажете мне камни швырять в гринго?

Еще одна ракета молнией взлетела в небо с противоположной стороны деревни.

— Бесполезно, — воскликнул Морита. — Они стреляют впустую.

— Ты ни черта не понимаешь! — заорал Варгас на японца. — Почему, по-твоему, чертовы гринго еще не высадились? Боятся ракет, приятель.

Действительно, складывалось впечатление, что американцы опасались японского оружия. Час за часом вертолеты кружили вокруг деревни, то приближаясь, то удаляясь. Но они всегда держались на безопасном расстоянии. „Тру-

сы, — решил Варгас. — Что ни говори, а гринго всегда можно прижать. Они ожидают, что их машины все сделают за них. Но стоит приблизиться к ним с ножом в руке — и вот они уже наложили в штаны".

Время от времени кто-нибудь из людей Варгаса выпускал очередь из автомата в звездное небо. Но в конце концов бессмысленное кружение вертолетов и их ложные атаки вымотали всех. Уши заложило, головы гудели. Паника, охватившая партизан при первых звуках приближающихся американцев, сменилась чувством, близким к скуке. Людей начало клонить ко сну.

— Возьмите. — Морита предложил Варгасу свой инфракрасный бинокль. Некоторое время мексиканец разглядывал черных механических жуков, метавшихся у горизонта. Но он достаточно в своей жизни насмотрелся на вертолеты.

— Слабаки, — сообщил Варгас японцу. — Они только даром жгут топливо, дружище. Боятся высадиться. — Он сплюнул. — Знаешь, что я бы сделал, будь я гринго! Я просто раздолбал бы всю гору к чертям собачьим. Но гринго слабаки. Не хотят, видите ли, чтобы пострадали невинные люди. — Варгас расхохотался. — Запомни, Морита, не бывает невинных людей.

Непроглядная темнота ночи постепенно начала сменяться серой предрассветной дымкой, и Варгас вдруг почувствовал, как сильно он замерз на ночном холодном воздухе. Пот страха увлажнил его одежду, и он уже собирался послать кого-нибудь в трактир за шинелью, когда гул вертолетов стал гораздо тише.

Варгас по-прежнему не мог разглядеть машины противника невооруженным глазом, но он и так все понял. Вертолеты улетали, так ничего

и не предприняв. У них не хватило пороху сделать хотя бы одну попытку высадить десант.

— Отступают, — удивленно проговорил Морита. Ему уже не приходилось перекрикивать шум моторов.

Варгас улыбнулся, глядя на светлеющий небосклон.

— Слабаки, — повторил он.

Полковник быстрым шагом направился обратно в трактир, поправляя на ходу пояс на животе. В очередной раз гринго ничего не смогли с ним поделать. Чувство уверенности в себе с новой силой охватило старого вояку — и что-то еще, кроме того. Ему казалось, будто он доказал правоту революции, пусть со всеми ее ошибками и неудачами. И будет доказывать и впредь. Еще настанет день, когда он помочится на могилы врагов революции и перетрахает их дочерей.

Трусливая болтовня разведчика, вся та ерунда ненадолго вывели его из равновесия. Но сейчас все вошло в норму.

— Мы истратили зря слишком много ракет, — проворчал японец.

Варгас совсем забыл о маленьком человечке, что семенил рядом с ним по улице. Полковник провел рукой по небритому подбородку, стирая с губ воспоминание о прошедшей ночи, и плюнул в бледно-серое утро.

— Пустяки, Морита. Тебе еще многому предстоит научиться. Ценой потерянных ракет мы одержали победу. — Он громко расхохотался. — Гринго, наверное, в штаны наложили со страху.

Варгас откинул в сторону висевшее в дверном проеме одеяло и ступил в приятное темное тепло трактира.

— Эй! — крикнул он. — Ну-ка быстро зажги свет.

— Мой полковник, — раздался голос из мрака. Говорил Рамон, один из его капитанов. — Я сейчас вызывал передовые посты по полевому телефону. Четвертый пост не отвечает.

Варгас чертыхнулся. Еще один дезертир. На его глазах полная бригада дивизии Камачо превратилась в горсточку деморализованных беглецов, которых удерживали вокруг него только его воля и тяжкий груз их преступлений. И все же изо дня в день то один, то другой из его солдат просто исчезал в горах, либо ускользал под юбку какой-нибудь бабы в Гвадалахаре, или сдавался в надежде на амнистию. Гринго коварны. Обещают проявить милосердие. Но Варгас подозревал, что уж ему-то не приходится рассчитывать ни на какую амнистию.

Вспыхнула спичка, и язычок пламени заплясал внутри фонаря. Сквозь не закрытую одеялом щель в дверном проеме Варгас видел, что на улице стало уже светлее, чем в трактире с его подслеповатыми окнами и низкими потолками.

— Эй, Морита, — позвал Варгас. — Вперед. Будем праздновать победу. — Варгас стукнул кулаком по стойке. — Куда запропастился этот чертов трактирщик? Иди сюда, сукин сын. Веди себя с почтением, иначе я позавтракаю яичницей из твоих яиц.

— Я не хочу пить, — усталым голосом сказал Морита. — Пора спать.

— Сперва выпьем, — настаивал Варгас. Он чувствовал, как вокруг него все крепче засыпает утомленная бессонной ночью деревня. Но он еще не хотел ложиться. Что-то беспокоило его. Что именно — он никак не мог понять. Он снова стукнул по стойке. — Скорее, ты, паршивый пес! — Потом опять повернулся к Морите. — Сперва мы выпьем. Как два больших, могучих мужика. Как лучшие мужики в Мексике. А потом, возможно, отправимся спать.

От грохота неожиданных взрывов зазвенели бутылки на полке позади стойки. Звон стекла еще не утих, когда утренний воздух заполнился новым звуком — глухим топотом. Варгасу показалось, что земля задрожала у него под ногами.

— Что за хреновина? — спросил он Мориту по-английски.

Японец ответил ему непонимающим взглядом.

Раздалось несколько выстрелов. Еще через несколько секунд утреннюю тишину взорвал грохот ожесточенного боя. Грохот становился все ближе и ближе, он звучал уже совсем рядом с деревней, накатывался на нее зловещей волной.

Сперва Варгас решил, что началось землетрясение. Но вскоре новая серия взрывов вернула его к реальности — шел бой.

Он бросился к дверям, на ходу выхватывая пистолет. Странный незнакомый звук, похоже, теперь уже доносился отовсюду.

Полковник отбросил одеяло, и в трактир ворвался треск выстрелов, крики и дикие вопли. Оказавшись на улице, он припустился в сторону

длинного и узкого луга, что лежал сразу за последними хижинами деревни. И застыл пораженный.

Кавалерия. Эти суки скакали на лошадях. Призраки из прошлого столетия галопом неслись по дороге, что вела в долину из-за хребта на западе. Он едва успел окинуть взглядом всю картину атаки, нереальной, как во сне, и одновременно ужасающей, когда первый отряд всадников уже ворвался на главную улицу деревни, заслонив собою все остальное. Кавалеристы орали, как безумные, и на ходу палили из автоматов.

— Пулеметы! — вскричал Варгас. — Бейте их из пулеметов, черт подери!

Но он знал, что уже поздно. Дважды он выстрелил в сторону всадников, а рядом с ним рухнул один из его солдат, сраженный пулей снайпера.

Гринго, сволочи, подкрались на лошадях под прикрытием шума вертолетных двигателей. Поднялись по чертовой горной дороге. К тому же всюду в деревне засели их снайперы. Пулеметы не смогли бы сделать ни единой очереди.

Кавалерийская атака. Проклятье! Кому могла прийти в голову такая безумная идея?

Там, на улице, люди в форме американской армии соскальзывали с седел и со стрельбой вламывались в дома. Другие продолжали мчаться дальше, крича изо всех сил и поливая все вокруг огнем.

Вдруг Варгас отчетливо понял, кто придумал безумный план атаки. Его рука, сжимавшая пистолет, дрогнула. Тот, о котором рассказывал разведчик. Тот самый Дьявол.

В прозрачном высокогорном воздухе Варгас отчетливо различал каски и летные куртки всадников. Он видел болтающиеся у них на поясах ручные гранаты и грязно-коричневые нагрудные патронташи. И еще — раздувающиеся ноздри и огромные глаза лошадей.

Полковник припустил назад в обманчивую безопасность трактира, в спешке оттолкнув Мориту. В тот же миг японец вскинул руки в утреннее небо и, весь в крови, рухнул в завешенный одеялом дверной проем.

Пуля предназначалась Варгасу.

В жизни всякого порой случаются поражения. В таких случаях остается одно — выжить, чтобы отомстить когда-нибудь после.

Под грохот копыт вражеской кавалерии Варгас отчаянно рванулся через зал трактира, в спешке сметая стулья с пути. Он пересек жилую комнату трактирщика и его семьи. В темноте вскрикнула женщина. Варгас стукнулся коленом обо что-то.

Чертыхаясь, он распахнул хлипкую дверь черного хода и уже собирался юркнуть в ближайший загон для скота.

Они были везде.

Он ринулся назад в трактир, и тут же пули застучали по стене дома.

За его спиной визжала и молилась жена трактирщика, а муж бранил ее и требовал, чтобы она заткнулась.

В ярости от собственного бессилия Варгас застрелил их обоих.

Вернувшись в зал, он первым делом стволом пистолета разбил фонарь. Но уже достаточно рассвело, чтобы он мог различить удивление, за-

стывшее на лице Мориты. Из трупа японца продолжала вытекать кровь на неструганые доски пола.

Стрельба на улице затихала. Варгас слышал голоса, выкрикивающие с английским акцентом команды из простейших испанских слов. Приказы военнопленным.

Он съежился за стойкой. В противоположной стене зияло разбитое окно, но он инстинктивно чувствовал, что там ему не найти спасения. Он подумал, не стоит ли сдаться. Но страх возмездия оказался сильнее. Он сделал слишком много такого, за что не мог рассчитывать на снисходительность гринго.

Трясущимися пальцами он сорвал свой любимый пояс, снятый им с убитого американского генерала, и засунул его в шкаф между пивными бутылками.

Варгас был очень испуган и отчетливо понимал это. Ему даже не верилось, что он может так сильно перетрусить.

Теперь до его ушей только изредка доносилось лошадиное фырканье или стук копыт. В мире воцарилась немыслимая тишина. Она давила ему на уши сильнее, чем несколько часов назад — грохот вертолетов.

Варгас услышал слабое позвякивание шпор.

Ладонь его правой руки вдруг стала такой мокрой, как будто он опустил ее в кадку с водой. Он осмотрел скользкий пистолет и убедился, что патрон дослан в патронник.

Звон шпор приближался. Он уже различал стук сапог.

Потом кто-то начал насвистывать.

Безумие. Кошмар. Почему такая веселая и беззаботная мелодия? Нотки птицами порхали в утреннем воздухе. Под такую музыку хотелось танцевать.

Шаги приблизились к трактиру. И все стихло. Смолк металлический перезвон шпор. Стих стук сапог. Свист тоже резко оборвался.

Варгас пригнулся пониже. Он боялся выглянуть, боялся, что его самого заметят. Его била дрожь. Он не мог себе представить, что умрет здесь, в пыльной глухой дыре. Он не был готов к смерти.

Вдруг полковник понял, что плачет. И молится. Это началось как-то само собой, и он не мог остановиться. Пресвятая Матерь Божья...

Он услышал тихое шуршание ткани и понял, что кто-то откинул висевшее в дверях одеяло. Самое время встать и выстрелить. Но он не мог заставить себя пошевелиться.

Снова запели шпоры. Но теперь они вызванивали более медленную мелодию, как оркестр на похоронах. Варгас вслушивался в каждый шаг. Одна нота прозвучала громче других — незнакомец переступил через тело Мориты. Шпоры звенели невыносимо, неестественно громко.

Где-то посреди комнаты противник остановился.

Тишина.

Варгас приготовился. В спешке он перекрестился рукой, сжимавшей пистолет. Он хотел, но никак не мог набрать полную грудь воздуха.

— Не двигайся, гринго, — выкрикнул он. Но и сам не смог шевельнуться. По-прежнему он сидел скрючившись в своем узком убежище, выглядывая из-за стойки, откуда его взгляду от-

крывалась лишь облупившаяся краска на потолке.

Варгас крепче сжал в руке пистолет и собрался с силами. Представил себе человека, замершего где-то в пустоте комнаты.

— Я знаю ваши вшивые законы, парень, — крикнул Варгас. — Ты не можешь убить меня. Я — военнопленный, дружище.

Молчание. Оно тянулось так долго, что за это время можно было вздремнуть. Потом раздался голос, лениво произнесший на чистейшем испанском:

— Брось оружие через стойку. Потом подними вверх руки. Ладони держать открытыми и развернутыми ко мне. Вставай медленно.

— Хорошо, друг, — прокричал Варгас голосом, срывающимся на визг. Он уже распрямлялся. Он все еще держал в руке пистолет и начал было наводить его на звук голоса американца. Но он нажал на курок слишком рано.

Последнее, что увидел Варгас в своей жизни, было лицо дьявола.

РУССКИЕ

4

Москва
2020 год

Настоящие ветераны, те женщины, которые бывали здесь так часто, что сбились со счета, утверждали, что бояться совершенно нечего. Сущая ерунда, легче, чем удалить зуб. Но от схваток, медленно растекавшихся в глубине ее тела, Вале хотелось подтянуть ноги к подбородку и сжаться в крохотный комочек. Однако она не пошевелилась. Ей казалось, что вместе с кровью из нее вытекла вся энергия, и уютная поза оставалась неосуществимой мечтой. Ноги лежали неподвижно. Мертвые, чужие. После того как санитары оставили ее, неподвижную, как труп, она смогла только повернуть голову. Она уставилась в стену палаты, стараясь не думать о себе, о своей жизни, вообще ни о чем. Просто смотрела на обшарпанные трубы и штукатурку, которых десятилетиями не касались ни кисть маляра, ни даже тряпка уборщицы.

Бездумно она глядела на дорожку коричневых капель, что протянулась на серой стене. Старые пятна, большие и маленькие, так давно стали неотъемлемой частью стены, что теперь уже никто не смог бы сказать, что это такое —

засохшая кровь или просто грязь. Валя и раньше болезненно переносила операцию. Но она не припоминала, чтобы ей когда-нибудь приходилось так тяжело. Да, она всегда воспринимала ее как своего рода наказание. Но все же не такое суровое. Закрашенные окна, оставляющие за стенами больницы все краски холодного дня. Железные скрипучие кровати. Из операционной доносились резкое звяканье металла и отрывистые короткие слова команды. Но унизительная неспособность пошевелиться, тяжесть и боль внизу живота, казалось, отгородили ее от мира реальности. Если уж ей никто здесь не может помочь, то пусть хотя бы не трогают, оставят в покое, одну, на этой койке с несвежим бельем, на которой день за днем одна женщина сменяла другую.

Сквозь всеподавляющий запах дезинфекции прорывалась отвратительная вонь. Что-то знакомое, название вертелось на кончике языка, но все время ускользало, доводя Валю до сумасшествия. И собственное неумение найти нужное слово еще более усиливало испытываемое ею чувство одиночества. Она вспомнила, как ей пришлось врать — снова слова, слова, — чтобы на день вырваться из школы. Интересно, что они знают, о чем догадываются. Нет ничего отвратительнее маленьких начальников. Вспомнила детей с бледными лицами. „Употребление определенного и неопределенного артикля в английском языке...“

Нет. Она не станет думать об этом сейчас. Особенно о детях. И о Юрии. Где он сейчас? Проклятая война. Неужели где-то шла война? Невозможно себе представить. Ее грохот не до-

носился сюда. Только одни и те же сообщения в выпусках вечерних новостей. Юра ушел на войну. Она знала. Но истинный смысл происшедшего не достигал ее сознания. К тому же нехорошо думать о Юре сейчас.

Сейчас ей хотелось бы избавиться вообще от всяких мыслей. Волшебным образом стереть из памяти все воспоминания. Но чем сильнее она старалась отключиться от действительности, тем явственнее возникали перед ней картины ее жизни, выплывая из самых далеких закоулков памяти. Чужие кровати, вранье, предательство. Самое ужасное — предательство. И щетина на лице чужого мужчины, царапающая ее подбородок. Запах его дыхания.

Более всего на свете она ненавидела слабость. В первую очередь свою собственную, и всегда старалась ее перебороть. Но только для того, чтобы оказаться в итоге еще слабее, еще большей дурой. И вот теперь эта тупая физическая слабость, приковавшая ее к постели. И постоянное подташнивание.

Большая часть ее соседок по палате лежали молча. Никто здесь не хотел заводить новые знакомства, остаться в чьей-то памяти. Подобно грязному железнодорожному полустанку, клиника была тем местом, где не следовало задерживаться и откуда все старались убраться как можно быстрее и незаметнее.

С какой-то девушкой случилась истерика. Валя старалась не отрывать взгляда от пустынной поверхности оштукатуренной стены. Но голос, молодой и полный боли, не смолкал. Валя подумала, что, найди она в себе силы встать, она бы врезала девчонке. И посильнее.

— Новенькая, — объявила одна пациентка соседкам. В ответ раздались смешки и хихиканье.

Раздались шаги.

Против воли Валя прислушалась. Тяжелая поступь. Как у мужчины. Шаги дешевых ботинок по растрескавшемуся кафелю. Валентина зажмурилась. Сейчас она все отдала бы, чтобы еще несколько минут полежать вот так, чтобы ее никто не беспокоил. Ее лучшее платье, замечательное красное платье из Америки. Французский жакет, подаренный ей Нарицким перед вечеринкой с иностранцами. Маленькие радости ее жизни. Возьмите все.

— Больная! — сухо произнесла сестра привычное слово. — Больная, ваше время истекло.

Валя неохотно открыла глаза и слегка повернула голову.

— Больная, вам пора идти.

— Я... плохо себя чувствую, — проговорила Валя, сама себя презирая за страх и подобострастие, звучавшие в ее голосе. Но все же продолжила: — Мне надо полежать еще несколько минут. Пожалуйста.

— Здесь вы не дома. Ваше время истекло. И у вас нет кровотечения.

Валентина взглянула с подушки на бесформенную фигуру, возвышавшуюся над ее кроватью. В ней с трудом угадывалась женщина. Серый халат медсестры выглядел так, как будто его в последний раз выстирали давным-давно, притом в грязной воде. На отвислой груди, высохшей за долгие годы недоедания, полы халата стягивала пластмассовая пуговица, отличная от всех остальных. Когда медсестра говорила, в ее

голосе не звучала злость. Вообще никакие эмоции не оживляли ее речь. Только бесчувственный голос долга, уставший от бесконечных повторений. Поэтому и спорить с ней казалось бесполезным.

Несколько секунд Валя глядела в лицо медсестры, пытаясь перехватить ее взгляд. Но в глазах женщины не было блеска жизни. Так, осколки стекла в прорезях маски, испещренной красными прожилками вен, и нос пьяницы между ними.

„Неужели и я стану такой? — подумала Валя, охваченная внезапным ужасом.— Неужели точно такое же существо сидит во мне и дожидается своего часа?" Такая мысль казалась страшнее смерти.

В последней инстинктивной попытке избавиться от медсестры Валя покачала головой.

Казалось, ничего не изменилось в лице медсестры, но за миг до того, как она открыла рот, Валя увидела перемену. Ее черты затвердели, оделись в броню профессионального безразличия, она видела перед собой не человека, а просто очередного пациента, одного из многих.

— Нам нужна кровать. Вставайте.

Валя сама удивилась, что смогла подняться без посторонней помощи. Она чувствовала внутри себя пустоту, холодную рану, и ее поразило, как легко ей удалось свести ноги вместе и спустить их с кровати.

— Кажется, у меня открылось кровотечение, — сказала Валя.

— Ничего подобного, — отрезала медсестра. — Я бы увидела.

Но ее взгляд все же скользнул по Валиному животу и в ее глазах мелькнула искорка сомнения.

— Одевайтесь и пройдите в регистратуру.

Она ушла. И не успела Валя натянуть на себя одежду, как появилась еще одна молодая женщина. Ее нетерпеливо тащила за собой толстая тетка в халате, которая могла бы приходиться родной сестрой той, что подняла Валю.

Вновь прибывшая оказалась бесцветной блондинкой, гораздо менее яркой и живой, чем Валентина, ее волосам и цвету лица не хватало тех красок, которые ищут мужчины в женщинах. Однако кто-то же ее захотел. Девушка смотрела сквозь Валю. Она еще не вернулась в реальный мир. Ее кожа была бледной до прозрачности, как будто после потери большого количества крови. Повинуясь медсестре, она рухнула на грязную койку, как сама Валя незадолго до того, не замечая ни Валентину, ни вообще никого на целом свете, и уставилась немигающим взглядом в потолок.

Валя прислонилась к стене, чтобы натянуть чулок. Медсестра удалилась. Девушка осторожно ощупала себя, словно опасаясь найти в себе какую-то страшную перемену. Потом ее нижняя губа задрожала. Сперва Валя решила, что та хочет что-то сказать, возможно, попросить помощи. Но она просто начала рыдать — долговязый подросток, раздавленный миром взрослых.

Валентина отвела глаза, не желая связываться. Но, отвернувшись, она наткнулась на взгляд плотной невысокой женщины, чьи волосатые икры свисали с края кровати. Черноволосая, за тридцать, с усами. Похожая на грузинку. На ее

лице виднелись шрамы от болезни, но в остальном она выглядела совершенно здоровой, словно только что после приятной прогулки. Она ухмыльнулась Вале, как будто той всего-навсего измерили температуру.

— Кто не может терпеть последствия, тому не следует торопиться раздвигать ноги, — заявила она с легким акцентом, с видом превосходства кивая в сторону несчастной девушки, сменившей Валентину на койке. — Все не прочь повеселиться, только никому не хочется платить.

Валя с усилием оторвала от нее взгляд и нетвердым шагом побрела прочь по проходу между кроватями. Но чем сильнее она старалась ничего не видеть, тем больше она замечала. Она попыталась не отрывать глаз от пола, но вид грязи, подтеков, щербин и трещин лишь усилил в ней чувство беспомощности. Почему они не могут вымыть пол? Это же антисанитария. Едва держась на подкашивающихся ногах, она вдруг с пугающей отчетливостью увидела свое будущее. Еще одна безликая больница. Еще одна кровать с грязными простынями, но не настолько грязными, чтобы персонал вынужден был их поменять. Еще один...

Разве это жизнь?

С трудом волоча за собой сумку с кое-какими необходимыми вещами, Валя встала в очередь к окошку регистратуры. Она глубоко вздохнула, пытаясь побороть тошноту, но только наполнила легкие зловонным больничным воздухом. Она чувствовала, как пот струится по ее телу, собирается в капельки на лбу. Валентина подумала, что вот сейчас упадет, забьется

в судорогах. Тогда они увидят. Тогда они поймут...

Но ничего не произошло. Очередь медленно тянулась, и наконец она очутилась перед окошком. За столом сидела женщина с затянутыми в узел волосами, и кожа туго обтягивала острые черты ее лица, в котором не было места ни доброте, ни состраданию. Она не отрывала взгляда от бумаг.

— Фамилия?

— Бабрышкина, Валентина Ивановна.

— Есть жалобы?

Валя на миг представила себе, что случится, если она скажет сидящей перед ней женщине, как плохо она себя чувствует, как сильно ей хочется еще немного полежать.

— Нет.

— Распишитесь здесь, товарищ.

Валя наклонилась вперед. Перед ней простиралась бездна, и она становилась все глубже и шире с каждой новой мыслью, с каждым новым движением. Ей почти хотелось почувствовать на ногах страшную влагу, чтобы они позволили ей отдохнуть еще чуть-чуть.

Она подписала бланк.

— И еще здесь, товарищ. В двух местах.

Валя не нашла в себе силы прочитать содержание бланков. Она расписалась, где сказано, охваченная желанием поскорее уйти отсюда.

Все так же не отрывая глаз от стола, регистраторша произнесла:

— Следующая.

Нарицкий ждал ее в конце квартала, облокотившись на автомобиль. Еще не разглядев выражения его лица, Валя уже знала, что сейчас

он очень гордится собой. За то, что так долго ждал ее. Валентину начало мутить от одной мысли о Нарицком, и ей на мгновение показалось удивительным, как только она могла позволить ему прикасаться к себе, обладать собой. Но как ни жалела она себя, все же не следовало кривить душой. Ей нравилось его общество. И в постели с ним ей было хорошо. По сравнению с прямолинейным Юрием, Нарицкий в сексе отличался гораздо большей изобретательностью. Нарицкий был вульгарный тип. И в сексе ей это нравилось.

Нарицкий был красивым мужчиной, но ее привлекло вовсе не это. Она могла бы обойтись и без секса. И она не помчалась по мужикам, едва Юра уехал в Среднюю Азию. Но Нарицкий показался ей ее шансом, последним шансом.

Когда-то и Юрий показался Валентине таким шансом. Молодая дура. А она-то считала себя такой мудрой. Офицер, мол, никогда не останется без работы. А Юра был такой умный, настоящий идеал офицера. Все предрекали ему блестящее будущее. Но о каком будущем может идти речь в этой стране...

„Эх, офицеры, офицеры, — с презрением подумала Валя. — Жизнь серая, как армейская шинель". В разваливающейся стране, где все давно уже прогнило, где ничего не работало, где не осуществлялись никакие планы, Юра казался таким сильным, надежным, способным обеспечить ей достойную жизнь. Но как обманчива оказалась внешность! Под грубой офицерской формой он скрывал беззащитную, жалкую любовь. Кому нужна его слюнявая преданность? Доверчивый слабак. А ей нужна от него твердость. Все мужчины — размазни.

„А кто же тогда я?“ — спросила себя Валя.

Вот и Нарицкий. С улыбкой в пол-лица. Рядом с новенькой машиной. Не слишком уж шикарной — Нарицкий не такой дурак. Нарицкий вообще очень не глуп, но куда делся весь его ум в нужный момент?

Их познакомила подруга. „Присмотрись к нему. Работает с иностранцами. Деловой человек. Ну, сама понимаешь. Ничего незаконного. Ну, то есть ничего серьезного, понимаешь? На худой конец у него могущественные друзья. Но он ищет хорошую переводчицу с английского языка. Заработаешь немного денег, в свободное от работы время, поправишь свои дела. И он может доставать чудесные вещи. Вот посмотри...“

„Чудесные вещи. На мужчин-то я не больно падка, — подумала Валя. — У меня слабость к красивым тряпкам“. Когда все рухнуло, у нее мелькнуло желание уничтожить все то, что давал ей Нарицкий. Но, подобно мимолетному испугу, это настроение быстро прошло, точнее, она его подавила. Она знала, что у нее никогда не хватит сил изорвать, изрезать и выкинуть то, что вносило хоть какие-то краски в ее серую жизнь.

А как же Юрий? Я плохая баба, Юра. Я лгала тебе. И, когда ты встал перед выбором, ты выбрал свою расчудесную армию. Чего же ты тогда хотел?

И все же она знала, что никогда ничего не расскажет. А если он сам узнает, она будет все отрицать. Да он все равно простит ее, что бы она ни натворила. Юрий безнадежен.

„И слава Богу“, — подумала Валя.

Что ж, она оступилась. Убедила себя, что может контролировать ситуацию с Нарицким. Что может использовать его. Но теперь, когда бесцветным октябрьским днем она выползла из больницы, не оставалось никаких сомнений, что она совершила ошибку. Ничего она не контролировала. Нарицкий использовал ее как шлюху, расплачиваясь за услуги тряпками и безделушками, и она ослепла от их блеска. А ему они ничего не стоили.

Одно время она подумывала, а не выдать ли его. Но поняла, что ничего этим не добьется. У Нарицкого имелись слишком обширные связи. А откупиться от милиции ему будет еще легче, чем от нее. Пара электронных безделушек. Или даже несколько упаковок импортных презервативов — тех самых, которыми он отказывался пользоваться.

А она-то воображала, что Нарицкий женится на ней, стоит только получить развод у Юрия. Но Нарицкий никогда не думал о женитьбе. Какое счастье, что она не написала Юрию, не успела предпринять никаких шагов.

Она вела себя как круглая дура.

Пьяный Нарицкий расхохотался ей прямо в лицо: „Ты — надкусанное яблочко, дорогая".

Позже он попытался щедрыми подарками загладить свою убийственно честную оговорку. Но Валя уже поняла, как сильно она заблуждалась.

И вот теперь Нарицкий стоял, небрежно облокотившись о свою маленькую голубую машину, в пиджаке нараспашку, невзирая на холод. Богатый человек в нищающей день ото дня стране. В стране, которая после ста лет пустых обещаний не могла снабдить своих граждан нор-

мальными противозачаточными средствами. В стране, которая не может прокормить себя. Обещания, обещания... Как мужские клятвы глупой любовнице.

При приближении Вали Нарицкий помахал ей рукой, но не двинулся ей навстречу. По такому случаю он выбрал для себя маску глубокого сочувствия, при виде которой Вале захотелось закричать: „Лжец, отвратительный лжец!"

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

Валя поплотнее запахнула свой легкий модный жакет и поправила шарф. Кивнула. Здесь не место для сцен, и сейчас не время для принятия окончательных решений. И Нарицкий, похоже, что-то почувствовал. Он не прикоснулся к ней, а только открыл ей дверь машины. Валя машинально собралась садиться.

Потом остановилась.

— Мне лучше подышать свежим воздухом. Я хочу пройтись пешком.

Нарицкий неуверенно посмотрел на нее.

На какой-то миг Вале показалось, что он ее боится. Боится, как бы она не устроила ему неприятности. Но ведь он с легкостью справится с ней. Это ей следует опасаться, ведь это она может в одночасье потерять все.

— Валя, — начал он ласковым, рассудительным тоном. — Тебе сейчас не нужно ходить пешком. Тебе требуется отдых. Садись.

Неожиданно для себя Валя вышла из себя:

— Я пойду пешком. Неужели не ясно? — Тут она замолчала, сама удивляясь и тому, что у нее, оказывается, сохранилось так много энергии, и тому, как легко она потеряла контроль над собой.

— До твоего дома слишком далеко, — не отступал Нарицкий. В его голосе зазвучали непривычные для него нотки неуверенности.

— Сяду на троллейбус.

— Ну, пожалуйста. Ты плохо себя чувствуешь. Тебе следует отдохнуть.

Он снова овладел собой. Казалось, он способен заглянуть в самые далекие закоулки ее души и знает ее как свои пять пальцев, а она-то считала себя такой мудрой, повелительницей всех мужчин на свете.

— Не разговаривай со мной, как с ребенком, — срываясь на крик, ответила она.

— Валя, успокойся.

— Я хочу идти пешком. И не ходи за мной.

Нарицкий сделал шаг назад, словно она обвинила его в уголовном преступлении. Он открыл было рот, чтобы ответить, но в последний момент передумал.

Валя бросила на него несчастный и одновременно яростный взгляд и отвернулась.

— Я позвоню попозже, — крикнул он ей вслед. — Узнать...

Валентина заставила себя думать о сексе с Нарицким и с остальными тоже. Специально, чтобы чувствовать себя еще хуже, хотя она и сама прекрасно понимала, что ее отвращение вызвано эмоциональной и физической реакцией и оно скоро пройдет. Она даже поклялась, что больше никогда в жизни не позволит ни одному мужику забраться на себя, но тут же сама рассмеялась над собственной вопиющей неискренностью. Тут ей снова стало плохо, пришлось облокотиться на стену, увешанную изодранными плакатами, уверявшими: „Будущее принадлежит нам!"

Обман, кругом сплошной обман. Весь мир строится на обмане. На обещаниях, которые нарушаются, едва прозвучав. Она заставила себя двигаться дальше, стараясь побыстрее скрыться с глаз Нарицкого.

Переулки, по которым пролегал ее путь, казались ей невыразимо серыми и нищими. Всю свою жизнь Валя отчаянно стремилась выбраться из этого болота. Но куда идти? Все хорошие люди на поверку оказывались безнадежными дураками. А плохие заботились только о себе. Приходили реформаторы, но их реформы проваливались или, что еще хуже, срабатывали только наполовину. В этой стране вообще все работало только наполовину. Потом реформаторы исчезли. Но и реакцию на реформы тоже никогда и никто не доводил до конца. Валя брела по щербатому асфальту и чувствовала себя так плохо, что ей казалось, будто она медленно тонет, что всю свою жизнь она только и делала, что медленно тонула, не замечая этого, ибо все вокруг тонуло тоже.

Над головой на балконах висели гирлянды выстиранного белья, собирая на своей поверхности ядовитую грязь московского воздуха. Она не понимала, почему другие так легко мирятся с окружающим миром, с грязными коммуналками, где невозможно укрыться от соседей, с вечной борьбой за нездоровую пищу, с мужчинами, которые замечают своих женщин только тогда, когда они возбуждены или пьяны или и то и другое, вместе взятое.

Проходя мимо мясного магазинчика, Валя машинально глянула в окно. Мясники в белых халатах и маленьких белых колпачках стояли, лениво облокотившись о пустые прилавки. Но

зато витрину украшали муляжи разнообразных колбас и сочных кусков мяса, словно в надежде обмануть прохожего иллюзией картонного изобилия.

От вида такой „еды" Вале стало еще хуже. Страна пустых магазинов. И пустых женских маток. Ее вдруг начало знобить.

За углом стояла очередь, но сейчас Валю не интересовало, что там вдруг выкинули. Ей хотелось одного — скорее пройти мимо сбившихся в кучу женщин в пальто, пропахших нафталином. Несколько праздношатающихся мужчин тоже затесались в очередь, и они оглядели Валю с ног до головы.

Она усмехнулась про себя. Видели бы вы меня час назад! Видели бы вы то кровавое месиво. Интересно, захотели бы вы меня тогда?

Возможно, да. А потом начали бы ныть, что им достались чьи-то объедки. Все мужики — свиньи. Валя слегка споткнулась. Ближайшие к ней люди настороженно повернули тупые лица, опасаясь, как бы она не полезла без очереди. До ее ушей долетело слово „апельсины". Удивительно — откуда, каким чудом могли здесь появиться апельсины сейчас, в октябре, когда на их родине бушует война. Конечно, в этом году их больше не увидишь. Но сейчас ей было не до апельсинов.

Возможно, Юра сейчас воюет как раз среди апельсиновых плантаций. Недурное местечко для войны. Возможно, сейчас он счастливее со своими танками, ружьями и солдатами, чем был за все прошедшие годы с нею. В письмах он не распространялся о своей жизни там, только без конца пережевывал сентиментальные воспоминания.

Валя попыталась сосредоточиться. Решить, куда же она все-таки идет. Она попробовала думать о троллейбусных и автобусных остановках, о маршрутах и расписаниях. Но она плохо знала эту улицу. Внезапно приняв решение, она повернула.

В голове у нее еще не прояснилось. Все прохожие казались на одно лицо. Даже шрамы были одинаковы. Ужасные шрамы. Она вступила на мост, перекинутый через обводный канал. Бездумно дотронулась до старых чугунных перил, ржавого послания из ушедших столетий. Холод пронзил кончики пальцев, она вцепилась в покрытые патиной острия ограды, стараясь удержаться на ногах. Волна неожиданной боли поднялась от живота, охватила желудок, и струйка слюны потекла из уголка ее рта. Только теперь, слишком поздно, она ощутила, что влага течет у нее по ногам. Ха-ха! Еще одно наказание Валентине, которая всегда владеет ситуацией. Закрыв глаза, она еще крепче ухватилась за решетку, чтобы не упасть на тротуар. Но с закрытыми глазами стало еще хуже.

Она подняла веки, и боль внезапно отступила, но ощущение влаги осталось. Быстро остывая, жидкость текла по внутренней стороне ног.

Некоторое время она стояла, не в силах двигаться, уставившись в грязную муть канала. Радужные нефтяные пятна. Почти никакого течения. Вдоль берегов — ожерелья мусора. Острова отбросов, которые накидали из окон близлежащих домов. Когда с деревьев срывались листья и, кружась, опускались на поверхность канала, вода, казалось, поднималась им навстречу и всасывала их, чтобы поскорее покрыть их грязью.

Высокие стены жилых домов по обеим сторонам канала были испещрены пятнами, как кожа древнего старца.

Ей хотелось в туалет, но она понятия не имела, куда идти. Эта страна даже отходы жизнедеятельности своих детей не может принять как следует. Валя вдруг представила, как она умрет здесь, так и не дождавшись помощи. Мимо просеменили две старушки, вслух сокрушаясь о всеобщем пьянстве, и Валя вновь ощутила прилив сил — и холодной, бессильной ярости.

Она покрыла себя грязью. Она смешала с грязью всю свою жизнь. А если Юра когда-нибудь узнает? Тогда она потеряет даже его. Свою последнюю соломинку.

Валя заставила себя идти дальше. Вошла в первый попавшийся незапертый подъезд и под лестницей попробовала привести себя в порядок. Ее трусики насквозь промокли от крови, и носовой платок оказался слишком мал, чтобы исправить положение. Сперва неохотно, а потом решительно она стянула с шеи шелковый шарф. Еще один подарок Нарицкого. И Валя начала обтирать себе ноги, думая только о том, как бы не упасть или не потерять сознание, уже не заботясь, увидит ее кто-нибудь или нет.

Она прислонилась спиной к стене, глубоко вдыхая затхлый воздух. Разжала руку, сжимавшую шелковую тряпку, и та тяжело шлепнулась на пол. Когда ее глаза привыкли к темноте, она различила ряд мусорных ведер. Из некоторых торчали старые газеты. Решительным движением она вырвала наиболее чистые на вид страницы, скомкала их и попыталась остановить кровотечение. Ее одежда промокла от пота, и она очень замерзла.

Валентина прижимала газеты, пытаясь прогнать боль и одновременно остановить льющуюся кровь. „Почему мужчины становятся такими беспомощными при виде крови", — подумала она. Боже, видели бы они ее, Валю, сейчас. И она снова рассмеялась, припав головой к грязной стене и запустив руки в волосы.

Она снова вышла в серый день и, полностью потеряв представление о времени, брела и брела, пока не оказалась в маленьком, полузнакомом парке. Там она свернула на извилистую дорожку, что вела к скамье, и тяжело рухнула на нее, словно уронив невидимые костыли. Она долго сидела, уставившись в серую пустоту, сознавая, что очень замерзла, но тем не менее странно спокойная и неподвижная. К чему дрожать? Это требует слишком больших усилий. Слегка опустив взгляд, Валя посмотрела на истощенные белые деревья. Облетают. Последние сухие листья то тут, то там шелестят на ветках. От досок холод поднимался вверх по костям. Она все еще чувствовала мокроту, но кровотечение прекратилось.

Обман.

Внезапно она ощутила голод, даже несмотря на то что ее продолжало подташнивать. „Возможно, все дело в пустоте, — подумала она. — Мое тело снова хочет быть наполненным. Все равно как и чем". В растерянности Валя спрятала лицо в ладонях. И тут, наконец, ее начало трясти от холода.

Ее уединение нарушили звуки женского голоса. Что-то на иностранном языке. Английский, но с очень сильным акцентом. Может быть, американка. Валя подняла взгляд.

Сперва Вале бросилась в глаза одежда женщины, потому что она заслуживала большего внимания, чем сама ее хозяйка, — та казалась просто крупной и откормленной. Но богатство ткани, из которой было пошито пальто, щедрая небрежность покроя, глубокий кожаный блеск и строчка туфель — все это не шло ни в какое сравнение с лучшими вещами из Валиного гардероба. На женщине был шарф глубоких неярких тонов, и Валя со стыдом поняла, что у нее не хватило бы вкуса выбрать себе такую вещь, что она не обратила бы на него внимания, по-детски отдавая предпочтение кричащим цветам, излишне смелому рисунку. С первого взгляда перед Валей открылась вся глубина ее невежества о том мире, частью которого она себя считала, и она поняла, что ее поражение еще сокрушительнее, нежели ей казалось.

Женщина держала в руках книжку и в спешке листала страницы пухлыми розовыми пальцами. То был „Путеводитель по Москве" на английском языке. Женщина бормотала под нос по-английски: „Ну, где же это? Никак не могу найти". Она закусила нижнюю губу, перебирая страницы, и ни разу не взглянула на Валю.

„Возможно, я не стою даже мимолетного взгляда", — пронеслось в голове Вали.

Незнакомка бормотала, копаясь в книге. Ее английский совсем не походил на те звучные, тщательно составленные фразы, которыми Валя пичкала своих учеников-мальчишек в пиджачках с короткими рукавами и девочек в белых фартучках. Эта иностранка говорила в нос, очень неприятным голосом.

Она не отличалась особой красотой. Но ее кожа и волосы мерцали матовым блеском, таким

же глубоким и богатым, как и ее одежда, — результат роскошной зарубежной жизни. Даже после всего, что произошло, американцы оставались очень богатыми. Валя никак не могла понять, зачем им вообще нужно приезжать в Москву. Проводить отпуск на кладбище?

Может быть, она жена дипломата. Ну, конечно. Во время войны не бывает туристов. Или, возможно, ее муж солидный бизнесмен. Нарицкий говорил, что бизнес никогда не прекращается. Даже когда идет война.

Лицо крупной женщины просветлело, она кивнула сама себе, как лошадь, собирающаяся заржать. Она нашла нужную страницу и начала говорить.

Подразумевалось, что по-русски. Но получился набор нечленораздельных звуков. Валя не поняла ни слова. Но она упрямо не желала отвечать по-английски.

Иностранка замолчала и уставилась на Валю с надеждой. Ее недавно обретенная уверенность в себе снова испарилась. Но Валя избегала встречаться с нею взглядом. С нее было довольно вида мягкой, толстой, свободнопадающей ткани зимнего пальто и чудесных мягких туфель иностранки, рядом с которыми жалкой подделкой казались Валины туфли из склеенных кусочков винила и пластика. Валентина не сомневалась, что эта женщина никогда не страдала, что судьба не била ее. Что она могла пить надежные маленькие таблетки или пользоваться каким-нибудь другим удобным приспособлением, чтобы спасти свое тело от адских мук, а душу — от проклятия. По случайности рождения незнакомка имела все, о чем Валя только мечтала. Жизнь без нужды, без боли.

Так пусть пострадает сейчас. Хоть немного.

„Корова" — как окрестила ее про себя Валя — предприняла новую попытку, на сей раз медленнее, тщательно выговаривая слова. И все равно Вале удалось с трудом понять лишь самую суть.

— Где ближайшая станция метро?

Валентина даже не подумала отвечать. Она только посмотрела на иностранку, впервые встретившись с ней глазами, посмотрела с такой испепеляющей ненавистью, какую ни разу еще не ощущала в жизни. Она не испытывала ничего подобного ни по отношению к грубой медсестре в клинике, ни к унизившему ее Нарицкому, ни к другим женщинам, которые крали у нее мужчин или красивую одежду.

Иностранка, конечно, ничего не поняла. Или не обратила внимания. Она просто ушла прочь, унося с собой свое недоумение и роскошь, все то, о чем мечтала и на что надеялась Валентина.

Валина злость потянулась за нею следом, слабея с каждым шагом удаляющейся женщины, и наконец исчезнув вместе с ней. Для злости требовалось слишком много сил. Истощенная, Валя бессильно привалилась к жестким доскам спинки скамейки. В ее сознании наконец воцарились мир и пустота. Она чувствовала, что скоро ей потребуется собрать все свои силы и двинуться в путь. Но сейчас, еще одну спокойную минуту, она сидела без движения.

Порыв ветра подхватил и закружил вокруг ее ног сухие осенние листья, потом обрывок какой-то листовки упал ей на юбку, на миг задержался и слетел на дорожку. Валя успела разобрать только буквы выцветшего заголовка:

„ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ, ТОВАРИЩИ!"

5

Западная Сибирь
Омская область
1 ноября 2020 года

Полковник Джордж Тейлор стоял, расправив плечи, в шинели советского офицера и ждал машину. Он подставил холодному ветру свое изуродованное лицо и углубился в мысли о старых и новых врагах, о надвигающемся решающем моменте и о постоянной нехватке запчастей. Он вернулся мыслями к недавнему столкновению с одним из своих подчиненных, навязанным ему генеральским сынком, а потом непонятным образом переключился на воспоминания об оставленной за океаном женщине. Женщине, в своих отношениях с которой он так до сих пор и не разобрался. Мысли о ней, при всей своей противоречивости неизменно доставлявшие ему радость, приходили всегда неожиданно, стоило Тейлору хоть немного отвлечься от текущих дел.

Полковник быстро овладел своими мыслями. В глубине души он подозревал, что в ней вообще нет ничего хорошего. К тому же у него имелись проблемы и посерьезнее, Советскую Армию били в хвост и в гриву, и у него оставалось все меньше и меньше надежд, что положение выправится.

Стоя на холодном ветру, он машинально начал насвистывать „Гарри Оуэн", старый ирландский плясовой мотивчик, давным-давно занесенный кем-то в обиход американской армии. В Мексике свист являлся частью тщательно продуманного облика, который он специально разработал для пользы дела, но затем от этой привычки оказалось невозможно полностью избавиться. Она превратилась в своего рода причуду, в нечто вроде навечно оставшегося шрама, во что-то такое, о чем забываешь, пока удивленная реакция незнакомца не напомнит тебе о ней.

Стоял зверский холод. Еще не начались зимние снегопады, но в заброшенной промышленной зоне, служившей убежищем полку под командованием Тейлора, царило ледяное дыхание зимы и холодного ржавеющего железа. Тейлору казалось, что в таком месте никогда не бывает по-настоящему тепло, хотя Мерри Мередит и утверждал, будто в этой части Западной Сибири летом иногда устанавливается сумасшедшая жара. Их окружало царство запустения, десятки квадратных километров, на которых были брошены на произвол судьбы огромные богатства: цеха с просевшими крышами, с торчавшими над ними скелетами кранов со сломанными стрелами, выщербленные фабричные трубы и лабиринты давно опустевших трубопроводов. За металлическими стенами гнили десятки тысяч никому не нужных древних станков. Заброшенный комплекс самой своей безбрежностью наводил тоску. Но он был идеальным местом для того, чтобы втайне разместить здесь воинскую часть.

Однако вряд ли нашелся бы кто-нибудь, кто захотел бы прийти сюда по доброй воле. То

было кладбище, пронизанное испарениями древних трупных ядов. Помимо нескольких кустиков чахлой травы, ни один признак жизни не радовал здесь взгляд. Полковой врач и фельдшеры из сил выбивались, чтобы очистить хоть несколько островков земли, на которых токсичность оставалась бы на приемлемом уровне, — удержать смерть подальше до тех пор, пока полк не пойдет в бой. И Тейлор не мешал им, воздавая должное их усилиям, хотя в глубине души и подозревал, что все их профилактические меры ничуть не более эффективны, нежели заклинания и начертанные на дверях кресты. Советские отравили эту местность точно так же, как они отравили всю свою страну. Здесь простиралась земля мертвых. Холодный, пронизывающий до мозга костей ветер казался пропитанным запахом смерти. Заводские катакомбы и склады, в которых ждали своего часа его машины, источали тлетворный дух. И причиной тому было не только длившееся десятилетиями отравление земли — человек, попадая сюда, заболевал душой. Солдаты и офицеры здесь либо шептали, либо говорили слишком громко. Изо всех мрачных мест, куда заносила его служба, мало откуда Тейлору так хотелось убраться побыстрее. В заброшенном промышленном комплексе чувствовалось нечто враждебное, зловещее, словно он ревновал к живым.

Тейлор хохотнул, заставив вздрогнуть стоявших вокруг офицеров. Ему пришло в голову, что, в конце концов, между ним и этим пейзажем имелось нечто общее.

— У вас хорошее настроение, сэр, — удивленно отметил майор Мартинес, дрожа от хо-

лода. Тейлор повернулся изуродованным лицом к начальнику службы тыла, изобразив улыбку.

— А как же, Мэнни. Русские опаздывают, идет кошмарная война, мы застряли в этом... в этом советском Диснейленде и все пытаемся делать вид, будто не отморозили задницы. Как же мне не быть в хорошем настроении?

Он еще не договорил, когда наигранная улыбка сползла с его лица. У него на душе кошки скребли, как никогда. Он до дрожи в коленках беспокоился за успех своей миссии, за благополучие своих людей. Но он хорошо знал, как сильно каждый из его офицеров рассчитывает, что он проявит перед ними силу, даже если он не всегда мог оставаться сильным наедине с собой.

— Да, здесь не Техас, — отозвался Мартинес и преувеличенно задрожал.

— И не Мексика, — подхватил Мерри Мередит. Человек с кожей кофейного цвета, такой красивый, что многие недооценивали заключенную в нем опасность. Самый отчаянный разведчик, какого когда-либо знал Тейлор. Верный до самого конца. И, без сомнения, безумно скучающий по своей огненно-рыжей жене и детишкам.

— И не Лос-Анджелес, — отпарировал Мартинес. Они поддразнивали друг друга, припоминая самые трудные передряги, в которых им доводилось побывать.

— И не Заир, — вдруг произнес подполковник Хейфец с неловкой, дружелюбной улыбкой. Хейфецу, по прозвищу Счастливчик Дейв, с огромным трудом давалось общение с коллегами-офицерами на любые темы, кроме профессиональных, и он имел репутацию величайшего сто-

ика, человека без эмоций. Но Тейлор понял истинный смысл его неловкого замечания, его чересчур веселой ухмылки. Хейфец тоже испытывал потребность почувствовать плечо товарищей в меркнущем свете умирающего дня.

Тейлор никогда не говорил о Заире. И все тактично следовали этому правилу. Все, кроме Счастливчика Дейва, чье умение держаться в обществе начало сходить на нет еще много лет назад, в другой стране.

Тейлор кивнул своему невезучему подчиненному. Даже сейчас, по прошествии стольких лет, он оказался неспособен на большее.

Но Хейфец так ничего и не понял. Его несло дальше. Его еврейский акцент всегда становился более заметным, когда он волновался, и сейчас он звучал отчетливо, как никогда.

— Да, пожалуй, — протянул Тейлор. — Наверное, в Заире самый паршивый климат в мире. И вообще, там паршиво.

Тейлор передернул плечами, избегая встречаться глазами с сослуживцами.

— Особенно в верховьях большой реки, — добавил он. — В верховьях плохо. А вот в долинах еще ничего.

— Но куда же запропастились русские? — быстро вставил Мерри Мередит. Мередит дольше всех служил с Тейлором.

— Не понимаю, зачем они заставляют нас дергаться, — подхватил Мэнни Мартинес. Мартинес всю жизнь старался забыть о своем родном Сан-Антонио. Но его тело все же жаждало тепла южного солнца.

— Не думаю, чтобы они это делали нарочно, Мэнни, — заметил Тэйлор. — Что-то случилось. Я нюхом чую.

— Здесь все наперекосяк, — отозвался Мередит. В качестве начальника полковой разведки он, согласно освященному годами разделению труда, отвечал за информацию о противнике, погоде и о местности.

— Советский фронт трещит по швам. Дошло до того, что я не знаю, на какой участок обращать основное внимание. — Он невесело хохотнул. — Черт, наверное, одна из причин, почему я торчу здесь, в том, что я не могу уже слушать приемник. Информация о ходе боевых действий поступает не переставая. И ни одной хорошей новости.

Тейлор обвел взглядом пустынные окрестности. По-прежнему никаких признаков русских. Это внушало особое беспокойство, ибо до сих пор они пунктуально являлись на все встречи, несмотря на испытываемые ими огромные трудности и неудачи.

— Почему бы вам всем не зайти в помещение и не выпить по чашечке кофе? — предложил Тейлор. — Давайте, давайте. Мне нужно немного подумать. Мерри, если будет что-то новенькое, доложишь.

Тейлор знал, что все они хотели вернуться в просторный цех, где разместился штаб полка. Там было немногим теплее, но достаточно, чтобы перестать постоянно думать о холоде. Однако никто не пошевелился. Никто не хотел проявить нелояльность к Старику.

— Какого дьявола, парни! — воскликнул Тейлор. — Если я приказываю идти в помещение, то идите. Ясно?

Хейфец решительно двинулся к перекошенной железной калитке, прорезанной в массивных двустворчатых воротах цеха. Хейфец все-

гда незамедлительно выполнял приказы, не высказывая ни одобрения, ни несогласия. Из всех офицеров — Тейлор знал — Хейфец был самым равнодушным к внешним удобствам. Точно так же он пошел бы, прикажи ему командир зайти в ледяное болото.

Мартинес опустил глаза, потом двинулся широким шагом, всем своим видом выражая недовольство, перемешанное с детским чувством облегчения. Остался Мерри Мередит.

— Принести вам чашку кофе, сэр? — спросил Мередит.

— Нет, спасибо. Я только хочу насладиться прелестью советского пейзажа.

Мередит задержался, почти собравшись было уходить.

— Их надо пожалеть, — сказал он.

В перерывах между годами совместной службы в Лос-Анджелесе и Мексике Мередит закончил специальный курс по изучению иностранного языка, а также обычаев и истории страны изучаемого языка. Мередит учил русский, и Тейлор знал, что темнокожий выходец из солидной буржуазной американской семьи немного влюбился в предмет своего изучения.

— Наверное, — согласился Тейлор.

— Ну, вот посмотрите вокруг. Насколько хватает глаз — все бесполезно, мертво. И вся эта чертова страна такая же. А еще тридцать лет назад это был один из самых лучших индустриальных комплексов в Советском Союзе.

— Ты говорил. На брифинге.

— Знаю, — согласился Мередит. — А может, я просто пытаюсь убедить самого себя, что это правда.

Тейлор слегка отвернулся от молодого человека.

— На их месте могли бы оказаться и мы, Мерри. И чуть не оказались. Да, я знаю, что ты неравнодушен к русской культуре, и все такое. Но там, где ты видишь Антона Чехова, я вижу Иосифа Сталина. — Тейлор на миг замолчал. В его мозгу теснились десятки других имен, олицетворявших как красоту, так и уродство. — Запомни одно. Они это все сделали своими руками. А теперь мы пришли сюда, чтобы таскать за них каштаны из огня. И еще неизвестно, справимся ли. А вдруг нас засветят? А вдруг какой-нибудь сукин сын в Вашингтоне в последнюю минуту струсит? Черт побери, Мерри, у меня нет времени их жалеть. У меня один-единственный полностью оснащенный десантный полк во всей армии США — и весьма вероятно, вообще единственный, который мы окажемся в силах оснастить. А что за нашей спиной, если нас разобьют? Пара потрепанных бронетанковых частей с машинами тридцатилетней давности? Ведь у ребят из легкой пехоты полон рот забот в Сан-Пауло. И нам придется держать гарнизоны в Мексике еще добрый десяток лет. — Тейлор покачал головой. — Мы в тяжелейшем положении, приятель. И нам приходится подставлять под удары свои задницы, потому что наши советские братцы потратили целое столетие на то, чтобы превратить в помойку богатейшую страну мира. И не надо мне талдычить о том, как они старались исправиться. Слишком мало, и слишком поздно. Они все сделали лишь наполовину. И заодно едва не разорили всю Европу. Ты знаешь цифры лучше меня. Все эти огромные займы под перестройку вылетели в трубу.

А потом, когда ушел этот, как его там, они даже не смогли удержать те небольшие победы, что купили им европейские деньги. — Тейлор твердо посмотрел в глаза Мередиту, предупреждая его контраргументы. — Они превратили свою страну в гигантскую помойную яму, а теперь мы здесь, чтобы выковыривать их оттуда чайной ложкой. И мы это сделаем, клянусь Господом. Если это вообще возможно. Но не жди от меня любви к ним.

Тейлор окинул взглядом лежащий в руинах промышленный комплекс. Казалось, ему нет границ. Черный, заброшенный. Он знал, почему он здесь, понимал все политические, экономические и стратегические причины. Он даже хотел попасть сюда. Но тем не менее сидевший в нем рационально мыслящий дисциплинированный офицер подозревал, что здесь таится неисправимая ошибка.

— Пойди выпей кофе, Мерри, — сказал Тейлор.

— Вы точно не хотите чашечку, сэр?

Тейлор покачал головой:

— Я от него только в туалет чаще бегаю.

Майор повернулся, чтобы идти. И с исторической, и с этнической точек зрения он выглядел нелепо в серой советской шинели, какие носили все офицеры в целях конспирации. Затем он заколебался, еще не вполне убежденный.

— Дело в том, — сказал Мередит, — что когда я вижу все это... Я воспринимаю то, что нас сейчас окружает, как неудавшуюся мечту. Некоторые из них по-настоящему верили. В возможность рая на земле, в запланированную утопию, в лучший мир. В самом начале, я думаю,

существовали искренне верующие... а вышло все совершенно не так.

Тейлор пожал плечами.

— На их месте могли бы оказаться и мы, — повторил он.

„Важно оставаться объективным, — убеждал себя Тейлор. — Важно, чтобы эмоции ни в коей мере не влияли на принимаемые решения". Но такой подход давался с трудом. Он всегда быстро проглядывал разведывательные отчеты Мередита, выискивая в них хоть какое-нибудь упоминание о японцах. Он знал, что, скорее всего, ни один из его подчиненных за всю кампанию не увидит японского солдата. Японцы слишком хорошо прикрывали свое присутствие. Когда-то они спрятались за спинами южноафриканцев. На сей же раз они стояли за союзом, медленно, но верно возникшим в процессе борьбы с продолжавшимся господством русских в Советской империи: повстанцы-националисты из азиатских республик, иранцы и мусульманские фундаменталисты. Ни один японский офицер ни разу не отдал лично ни одной команды. Но, однако, оружие было японским, „советники по связям", цементировавшие союз в боевую силу, инструкторы и ремонтники тоже все были японцами, и все в конечном итоге служило японским же интересам. Влияние. Господство. Первенство. Можно мудрствовать лукаво, можно играть словами, подобно прожженному дипломату, но все сводилось в конце концов к борьбе за самый богатый в мире источник сырья, причем в век оскудевающих ресурсов.

Тейлора и его людей послали, чтобы поддержать Советский Союз, ослабевший, подобно

больному старику, чтобы вырвать из рук у японцев еще одну блестящую победу. Но в глубине души Тейлор знал, что он и сам болен. Неизлечимо болен желанием отомстить японцам. Причинить им столько страданий и унижений, чтобы с лихвой заплатить старые долги. Он боялся того дня, той минуты, когда Мерри Мередит придет и доложит о японском командном пункте, обнаруженном в зоне действия полка. Тейлор сомневался, что сможет тогда принять взвешенное решение, не забудет о главном. Он боялся превратиться в бешеного зверя, только внешне напоминающего человека.

Тейлор хотел остаться порядочным и добрым человеком. Но даже здесь, посреди безжизненного сибирского царства ржавого железа, он по-прежнему чувствовал себя молодым командиром взвода, самоуверенно и бездумно летящим навстречу гибели своих людей и унижению своей страны. Даже сейчас, несмотря на седеющие волосы, старые шрамы и начинающее слабеть тело, он оставался в душе мальчишкой-капитаном, который завис в бездонно голубом небе над саванной, сжавшись в ожидании залпа японских ракет. И он боялся, что Африка так же безвозвратно погубила его душу, как она изуродовала его лицо. Тейлор хотел оставаться добрым человеком. Но он со страхом спрашивал себя, не превратился ли он где-то в тайных уголках своей души в убийцу и расиста. В воина, для которого его противники больше не были людьми. В умного, хитрого, обученного зверя.

Когда в Мексике его люди впервые убили военного советника — японца, Тейлор испытал такую радость и удовлетворение, которые никак

не сочетались с нормальной человеческой порядочностью. И потом при каждой подобной ситуации его эмоции не притуплялись. Внешне, в словах и поступках как командир он вел себя безупречно. И, однако, он не знал, не дал ли он каким-нибудь образом понять своим подчиненным, что есть категория людей, которых в плен лучше не брать. Трудно сказать, невозможно восстановить прошлое, так же невозможно, как предсказать будущее.

На его губах играла тонкая улыбка, значение которой он не смог бы никому объяснить. „Возможно, — подумалось ему, — я и в самом деле дьявол".

Внезапно крыша ближайшего цеха взлетела на воздух и разлетелась на куски. Но это оказалась всего-навсего огромная стая птиц. Они опять собрались в черную тучу и потянулись на юг. Туда, где шла война.

Тейлор не отводил взгляда от последней ярко-зеленой полоски света на западе. Будет очень холодно. Он надеялся, что холод не скажется на функционировании его боевой техники. Они приняли все возможные меры предосторожности. Но новейшие идеальные машины смерти еще ни разу не ходили в бой, и относительно них существовало немало сомнений. М-100 были настолько сложными системами, что с ними могло случиться, казалось, бесконечное множество неполадок.

— Позади нас нет никого, — напомнил себе Тейлор.

До его ушей донесся металлический скрип открываемой двери цеха, и он забавы ради попытался, не глядя, угадать, кто из его офицеров

сейчас подойдет к нему. Весьма вероятно, Мередит с последней информацией. Но он поставил на Счастливчика Дейва. Полковник знал, что Хейфеца сводило с ума ожидание. Обездоленный маленький человечек из новой диаспоры, в которого вселилась душа прусского штабного офицера, Хейфец просто не мог выносить хаоса, царившего в Советском Союзе. Сам близкий к совершенству в своем деле, Счастливчик Дейв не терпел непрофессионализма в других.

— Полковник Тейлор, разрешите обратиться?

Хейфец.

— Мы наконец связались с русскими. Они говорят, что скоро будут здесь.

Тейлор кивнул.

— Мы не можем себе позволить терять столько времени, — продолжил Хейфец. — Это просто безответственно. Противник может обнаружить нас с минуты на минуту. Нам и так пока что слишком везет.

Везучий Давид Хейфец. Счастливчик Дейв. Родные убиты, родина уничтожена. Счастливчик Давид Хейфец, носящий форму чужой страны, потому что не оставалось больше уголка на земле, куда он мог бы податься, не оставалось другого пути, кроме как в солдаты. Везучий Давид Хейфец, который никому другому во всем полку не открыл бы своей тревоги и неуверенности. Хейфец, который не позволял себе заводить друзей.

Тейлор повернулся, впустив в свой внутренний мир краешек мира внешнего, словно приоткрыв полог палатки. Хейфец совмещал функции начальника штаба и начальника оператив-

ного отдела, ибо составители штатного расписания объединили эти две должности в отчаянной попытке сэкономить на вакансиях. Слишком тяжелый груз для одного человека, но Хейфец справлялся настолько хорошо, насколько вообще возможно. Однако напряжение сказывалось, и выглядел подполковник намного старше своих лет.

Конечно, его изможденный вид объяснялся и другими причинами. Тейлор увидел мысленным взором молодого командира танка, остановившего машину на пыльной дороге на пути к Дамаску. Защитные очки подняты — красивый молодой израильтянин, энергичностью компенсирующий недостаток физической стати. Тейлор представил, как он застыл, когда радио передало сообщение о ядерном ударе по Тель-Авиву, где офицер оставил молодую жену и ребенка и где они должны были быть в безопасности.

Это случилось очень давно. До всемирного запрета на применение ядерного оружия. Последняя ближневосточная война, развязанная коалицией фанатиков, которые увидели свой шанс в том, что США разгромлены в Заире и, очевидно, беззащитны. Безумная война, начатая союзом, готовым в конце концов разменять Дамаск на Тель-Авив в огне взаимного истребления. Во время недолгого конфликта Тейлор был так сильно болен, что взирал на события из безразличного далека, и еще недостаточно окреп позже, чтобы принять участие в эвакуации уцелевших израильтян с земли, отравленной радиацией и химическим оружием.

Уголок рта на испещренном шрамами лице Тейлора приподнялся в полуусмешке.

— Объяснили ли наши русские друзья хоть как-то свою задержку, Давид?

Израильтянин решительно покачал головой.

— Никак. Только пообещали все объяснить по прибытии. Я говорил со „вторым я" Козлова — ну, знаете, с тем, который все время размахивает руками. Он клянется, что Козлов лично все объяснит. — Хейфец помолчал, задумавшись. — Они все чем-то очень взволнованы. Мне это не нравится.

— Мне тоже, — согласился Тейлор. — Мы здесь как в мышеловке. — Он вопросительно приподнял бровь. — У Мерри есть что-нибудь новенькое?

— Ничего особенного. Одно хуже другого. Весь вопрос в том, какой из своих многочисленных кризисов советские считают сейчас самым опасным. И почему. Иногда я не понимаю их логики.

— Вы думаете только как военный, — пояснил Тейлор. — Для них же... ведь это их страна. Сейчас нам приходится опасаться их эмоциональных срывов.

Хейфец слегка отшатнулся, словно Тейлор сурово отчитал его. Для человека, являющего миру такой суровый и бескомпромиссный облик, Счастливчик Дейв порой бывал на удивление раним. „Конечно, — подумал Тейлор,— из всех нас он единственный по-настоящему понимает, что такое находящаяся в опасности родина и что такое эмоциональные срывы. Но он борется с ними".

— Я что подумал, Давид, — начал Тейлор. — Ведь вы так далеко от дома.

— От какого дома? — переспросил Хейфец с холодком под стать вечернему сибирскому морозу.

— Ну, от Израиля, наверное. По крайней мере, я его имел в виду.

— Израиль я ношу с собой в сердце. А мой дом — армия.

„Да, — подумал Тейлор. — Если не эта армия, то другая. Вечный солдат".

— Что нового в эскадрильях? — сменил тему Тейлор.

Хейфец с облегчением перешел к служебным делам:

— Они просто молодые солдаты. Отличные молодые солдаты, готовые драться, хотя они не совсем понимают, против кого и даже где. Уровень готовности прежний.

— Вы думаете, мы готовы? — Подобный вопрос можно было принять и за шутку. Но Тейлор задал его серьезным тоном. Хейфец ответил столь же серьезным взглядом.

— Половина базы поддержки до сих пор не прибыла. Пятнадцать процентов экипажей даже не имеют достаточного налета. Полдюжины машин стоят на ремонте, причем у трех серьезные поломки... — Неожиданно Хейфец улыбнулся. Удивительно щедрая, уверенная улыбка. Приятный знак для Тейлора. — Но мы можем драться, — продолжал он. — Если на то Божья воля, мы готовы.

Тейлор ответил ему улыбкой:

— Да, Дейв. И я тоже так считаю. Теперь, наверное, все зависит от этих чертовых русских.

Тейлор был далек от того, чтобы разделять приверженность Мередита ко всему русскому.

Но, с другой стороны, он не хотел предвзято относиться к новым союзникам. Он пытался найти разумную, трезвую золотую середину. К тому же кое в чем русские проявили себя совсем неплохо. Даже сейчас, когда их мир трещал по всем швам, они ухитрились провести изумительную отвлекающую операцию, прикрывая секретную и спешную переброску огромного десантного полка сперва на кораблях, якобы груженных зерном, затем по железной дороге через европейскую часть России, Волгу, Урал и прямо до этого превратившегося в пустыню индустриального комплекса, затерянного посреди пустыни природной. И ничего не позволяло предположить, будто противник засек операцию. Даже замечательные японские разведывательные системы, похоже, удалось убаюкать. Мередит шутил, что советские так хорошо выполняют операции по обману противника потому, что они так долго обманывали сами себя.

Дверь цеха снова распахнулась. На сей раз кто-то бежал к ним. Мэнни Мартинес.

— Они прибывают, сэр, — объявил он, слегка задыхаясь. Он плохо переносил холод. — Звонил контрольный пункт „Дельта". Я послал старшего сержанта за штабными офицерами и офицерами связи. Мерри хочет еще пару минут поторчать в радиорубке. У него какие-то важные известия.

Начальник службы тыла еще не закончил, когда до ушей Тейлора донесся гул моторов. Теперь, когда ожидание почти подошло к концу, он наконец почувствовал, как сильно он замерз. Как здорово будет залезть в один из маленьких „джипов" с включенной печкой. По

крайней мере одного у советских машин не отнять: отопительные системы у них всегда в порядке.

Тейлор успел познакомиться с советскими автомобилями, увы, слишком хорошо. Учитывая количество оборудования, которое его полку предстояло втайне разместить, была достигнута договоренность с русскими, что американцы оставят свои легкие машины поддержки и станут пользоваться советскими грузовиками и „джипами". Того же требовали и соображения секретности. И русские незамедлительно предоставляли машины и водителей по первому требованию. Однако громоздкая система запросов и ответов все равно подразумевала большие потери во времени, что лишало рутинную работу привычной четкости. Русские не захотели просто передать автомобили, ссылаясь на безнадежную нехватку техники.

Возможно, они и не врали. Все данные, находившиеся в распоряжении Мередита, подтверждали, что Советы действительно оказались в жутком положении. Но Тейлор еще и подозревал, что таким образом они контролировали местонахождение американцев и получали гарантии, что те не выдадут раньше времени свое присутствие, раскатывая по Западной Сибири и Средней Азии. Полковник не стал возмущаться из уважения к четкости и блеску, с которым русские разработали и провели операцию по дезориентации противника. Так что проблем до сегодняшнего дня не возникало.

Он слушал, как постепенно усиливался гул моторов. Машины с выключенными фарами медленно пробирались через захламленную территорию. Внезапно они разом замолкли. Значит,

достигли внутреннего КПП, где молодые ребята из Арканзаса или Пенсильвании в неудобной советской форме тщательно проверяют удостоверения личности прибывших. Тейлор представил, как его мальчишки, привыкшие к удобной полевой форме разведчиков, яростно костерят устаревшие шерстяные гимнастерки и галифе своих недавних противников.

Двигатели заурчали вновь, и Тейлор явственно услышал щелчки коробок передач. Он почувствовал себя старым индейцем-разведчиком, поседевшим в засадах. Как легко ему удавалось определять скорость, вычислять расстояния. Одна из машин в колонне нуждалась в ремонте. Ехали они легко, не неся в себе большого груза.

Небольшая группа офицеров постепенно собралась вокруг командира полка. Люди, разрабатывавшие планы, работавшие на тех, кому предстоит их планы реализовывать. Тейлор подозревал, что их ждет долгая ночь работы с русскими, даже если принесенные ими новости окажутся хорошими. Время ожидания закончилось. Взошел Марс.

Мерри Мередит подошел к нему поближе.

— Сэр, — прошептал он. — Плохо дело. Чертовски плохо. Они полностью потеряли контроль над ситуацией.

Тейлор остановил подчиненного.

— Знаю, — сказал он.

Головной „джип" подъехал очень близко к цеху и остановился лишь в нескольких метрах от горстки американских офицеров. В тот же миг с сиденья рядом с водителем соскочила нескладная фигура и поспешила к ожидавшим ее теням. По вечно опущенным плечам Тейлор уз-

нал подполковника Виктора Козлова. Козлов осуществлял связь Тейлора с командующим советским фронтом генералом Ивановым.

Интуитивно Козлов направился прямо к Тейлору. Несмотря на свои бесспорные достоинства, советский офицер стал притчей во языцех среди американцев. У него были гнилые зубы и страшно воняло изо рта. Тейлор уже как-то устроил головомойку одному из своих штабных капитанов за шуточки в адрес Козлова. Голосом более громким, нежели обычно, полковник просветил смущенного офицера о мастерстве русского союзника и о его вкладе в советско-американскую операцию. Теперь Тейлор сам с ужасом ждал приближения русского.

Козлов отдал честь, его рука в перчатке мелькнула, как ночная птица в полете. Потом подошел совсем близко.

— Полковник Тейлор, — начал русский, волнуясь и заражая своим волнением окружающих. — У нас возникла серьезная проблема в секторе Кокчетава. Очень серьезная проблема. Противник прорвал линию фронта.

6

Северный Казахстан
Северо-западнее Кокчетава
1 ноября 2020 года
22 часа 00 минут

Майор Бабрышкин тщательно вставил последний чистый фильтр в противогаз, прислушиваясь к звукам катастрофы. Чихающие моторами перегруженные гражданские легковушки и грузовики пробирались к северу, не включая фар, а перед ними брели толпы навьюченных скарбом беженцев, не желая сворачивать на обочину.

Если не считать изредка вспыхивавших перебранок, никто в веренице оборванных людей не тратил энергии на слова. Толпа, черная в ночи, издавала присущие только ей звуки: шарканье и топот ног, кашель, скрип перегруженных машин и особое молчание страха. Тысячами тянулись люди — тепло одетые мужчины, женщины и дети, едва волоча ноги в тяжелой обуви, похлопывая для тепла руками в варежках. На них орали нетерпеливые водители легковых автомобилей и грузовиков, уведенных из гаража какого-нибудь заброшенного предприятия. Время от времени темный силуэт просто падал рядом с дорогой — незначительное нарушение установившегося порядка, почти никем не замечаемое. Иные бросались к солдатам, вымаливая еду. Но

большинство шли и шли себе вперед, подгоняемые воспоминаниями об увиденных смертях, о едва-едва миновавшей гибели, о страшных слухах. Заставляя всех вздрогнуть, вдруг иногда принималось блеять или реветь невидимое в ночи животное, которому передавался смертельный ужас ведшего его хозяина. И снова наваливалась тишина, тяжелая тишина казахских степей, впитавших в себя грохот десятков сражений и сотен стычек. Только зарево, мерцавшее на горизонте, напоминало о непрекращающейся битве. Смерть одного казалась незначительным событием по сравнению с такой необъятной тишиной.

Резкие металлические звуки вгрызавшихся в промерзшую землю лопат и урчание инженерного оборудования указывали местонахождение команды Бабрышкина. Она разместилась по обе стороны бесконечной грунтовой дороги — главной в этих краях, — закрепившись за гребнем небольшой возвышенности, такой незначительной, что ее трудно было заметить даже днем. А что поделаешь?

Еды оставалось мало. Бабрышкину пришлось запретить делиться пайками с беженцами — русскими и другими славянами, осуществлявшими исход из Социалистической Республики Казахстан. Последние драгоценные остатки пайков теперь стали топливом, без которого нельзя вести бой. Так же как бензин, как тающие на глазах боеприпасы. Без еды люди не выдержат бессонницы боя, тяжелой обязанности вкапываться в замерзшую степь, изнурительного холода осенних ночей. Бабрышкину самому очень тяжело было оказаться в непосредственной близости от колонны своих бездомных сограждан.

Он весь сжимался внутри при мысли о необходимости выслушивать их мольбы хоть о крошке еды, мольбы, которые, натыкаясь на молчание или отказ, так часто сменялись оскорблениями в адрес „зажравшейся" армии или, еще того хуже, армии бездарной.

Еды оставалось мало. И лекарств тоже. Врачи пытались оказывать помощь раненым и больным у обочины дороги, стараясь приспособить современные знания и средства к условиям жизни предшествующих столетий. Оставалось мало боевой техники и солдат, но и этим не хватало боеприпасов. Связь не работала. Постоянно недоставало времени. И ответы на запросы не приходили.

Вот уже больше тысячи километров они отступали, время от времени пытаясь окопаться и остановить противника, но всякий раз неудачно. Бои были кошмаром, грохочущей неразберихой, когда обе стороны поливали друг друга огнем до тех пор, пока оставшимся в живых русским не приходилось всякий раз снова отходить. Короткие ожесточенные перестрелки, длившиеся порой всего несколько минут, чередовались с днями, а то и неделями маневрирования и бесконечных перемен позиций. Настоящие бои отличались скоротечностью и беспощадностью. Шесть недель назад Бабрышкин начинал командиром мотострелкового батальона. Теперь в его подчинении находились остатки всей его бригады, которая, если не считать саперов и бойцов противовоздушной обороны, по численности уступала его прежнему батальону. Штабные офицеры сели за рычаги танков, а повара превратились в пулеметчиков. Никто официально не приказывал Бабрышкину принять командование

над обескровленным подразделением. Он просто оказался старшим из оставшихся в живых полевых офицеров.

Бабрышкин старался сохранить контроль над своей частью, продолжать оказывать хоть слабое, но все же сопротивление противнику, пытался отсрочить неизбежный финал, прикрыть человеческие реки, струящиеся к северу, еще немного задержаться на этой земле, многие сотни лет назад присоединенной к России армиями нескольких царей.

Страшнее всего были химические атаки. Время от времени противник обрушивал на войска Советов массированные удары, вынуждая солдат подолгу жить в защитных костюмах и противогазах, которые сначала сушили, а потом увлажняли кожу на лицах и шеях. Бесспорно, скоро их настигнет новая химическая атака. Теперь уже не приходилось ожидать предупреждения — похоже, вся система оповещения вышла из строя, — и он уже много дней не получал никаких сообщений из штаба корпуса, за исключением одного случайно прорвавшегося сквозь эфир послания, которое напоминало всем офицерам, что все потери следует фиксировать согласно установленным формам.

Бабрышкин с радостью вдыхал свежий ночной воздух — приятная перемена после сражений и внезапно налетавших химических ураганов. Он даже улучил минуту и набросал записку Вале, хотя и не имел представления, когда сможет ее отправить, да и работает ли почта вообще. Согласно последней дошедшей до него информации, густонаселенные центры в глубине России пока не подвергались ударам. Война, при всей ее жестокости, как ни странно, огра-

ничивалась территориями среднеазиатских республик, Кавказа и Кубани. Это означало, что Валя находится в безопасности.

Однако он с легкостью мог себе представить, как она тащится в этой толпе, не созданная для таких испытаний. Мысли о Вале успокаивали его. Он знал, что в прошлом, по меньшей мере однажды, она изменила ему. Она неумна. И эгоистична. Но он — мужчина, много повидавший, возможно теперь даже слишком много, и он в ответе за нее. Милая, ненадежная Валя, его жена. В огне бесконечных боев он приучился ценить прошлое счастье, и ему казалось, что его ждет замечательная жизнь, если он только доживет до нее.

Холодные струи воздуха приятно овевали его исцарапанное, обветренное лицо — как раз то, что надо, чтобы ослабить боль. Он разрешил своим людям снять защитные костюмы, чтобы легче было копать. Он знал, что поступает опрометчиво, ибо химические снаряды или бомбы могли обрушиться на них в любой момент. Но еще он знал, что им нужен отдых, нужна возможность снова почувствовать живительный ветерок. Позже он прикажет им снова облачиться в старые прорезиненные балахоны. В этих костюмах люди жили и сражались, и в каждом из них можно было насчитать десятки отверстий, сквозь которые легко проникли бы отравляющие вещества. Но замены ждать не приходилось.

„Все же, — подумал он, — его люди в гораздо лучшем положении, нежели гражданские". Химические удары по незащищенным колоннам беженцев убивали всех подряд. И ничего нельзя было поделать.

Он помнил мертвецов в Атбасаре — тысячи покрытых волдырями трупов, застывших в мучительных позах, — картина гораздо страшнее, чем его детские воспоминания об эпидемии чумы в Горьком, когда река кишела мертвецами. Но сочетание отравляющих веществ общеядовитого и кожно-нарывного действия с огромными дозами нервно-паралитических газов рождало на свет такие сцены, которые, он знал, останутся с ним до конца его дней.

В конечном итоге сейчас шла война между расами. Свершилось невозможное. Конечно, мало кто из его современников — а то и вообще никто — верил в болтовню о братской интернациональной дружбе, которой их пичкали в школе. Но никто и не ожидал, что народы Советского Союза способны взорваться ненавистью такой силы и беспощадности.

Бабрышкин гадал, с кем из многочисленных врагов ему доведется схватиться в следующий раз. От боя к бою, мечась с одного участка фронта на другой, его тающая бригада сталкивалась то с иранцами, то с танками Исламского легиона, то с повстанцами, чье вооружение и форма как две капли воды походили на амуницию его собственных людей. Он не раз задумывался, были ли среди офицеров противника его соученики по танковому училищу: казахи, узбеки, туркмены, таджики, киргизы. Всегда ощущалась нехватка курсантов из среднеазиатских республик, и сейчас это сказывалось на действиях повстанцев. Даже после военной реформы, разрешившей призывникам из окраинных республик служить в своих национальных частях недалеко от дома, туда постоянно требовались офицеры русской, украинской и прочих евро-

пейских национальностей, для того чтобы заполнить командные и штабные вакансии. Большинство из них погибли или попали в тюрьму в первые же дни мятежа, и теперь отряды повстанцев испытывали острую нехватку квалифицированных командиров. Бабрышкин снова и снова разметал по степи подразделения мятежников — только для того, чтобы, в свою очередь, отступать при возвращении неуязвимых штурмовиков японской постройки или при появлении иранцев или Исламского легиона на их могучих танках, чье качество, казалось, всегда гарантировало успех, независимо от того, хорошо или плохо задумана и исполнена операция. Применяемые противником средства радиоэлектронной борьбы лишали Бабрышкина связи и дезориентировали его приборы обнаружения целей. Против них оказались бессильными даже самые современные советские танковые системы обнаружения целей и управления огнем. Советские ракеты и снаряды летели совсем не туда, куда нужно. И даже когда людям Бабрышкина удавалось накрыть противника огнем, его основная боевая техника часто оказывалась неуязвимой.

Он боялся, что терпению его людей скоро придет конец, что наступит момент, когда тающая не по дням, а по часам часть просто растворится. Но ребята держались. „Возможно, — думал он, — ими владели примерно те же эмоции, что и мной. Отчаяние, оскорбленное чувство патриотизма и, прежде всего, испепеляющая ненависть, которая может стать холодной, ничего не потеряв при этом в силе". Бабрышкин никогда не считал себя человеком, способным испытывать наслаждение от убийства и стремя-

щимся не просто уничтожить врага, а убить его как можно более жестоким и мучительным способом. Однако сомнений не оставалось — он превратился именно в такого человека. Радость, испытываемая им при виде взорванного вражеского танка, при всем различии оттенков не уступала по силе тем чувствам, которые он испытывал в свои первые, лучшие ночи с Валей. Со временем, после стольких зверств, свидетелем которых ему довелось стать, акт убийства приобрел в его глазах некую чистоту, что было немыслимо для того человека, каким он был в прошлом.

Бригада Бабрышкина принадлежала к числу укомплектованных славянами частей, что размещались в Казахстане неподалеку от „братских" национальных соединений, в соответствии с демографической картиной района расположения. И вот теперь кровные русаки длинными колоннами тянулись к северу, оставив позади землю, бывшую родной для многих поколений их предков. Землю, которую они обрабатывали в поте лица, которую старались сделать процветающей. Они бежали от слепой ярости тех людей, которых они долгое время считали — или делали вид, что считали, — братьями по Союзу Советских Социалистических Республик.

Конечно, и раньше имелись кое-какие проблемы — застарелая вражда между армянами и азербайджанцами, да и между десятками иных этнических групп, судьбой поставленных в положение соседей. Но всем казалось, что Советский Союз преодолел смутное время, наступившее после завершения „эпохи Горбачева", придя сквозь фазы реакции и контрреакции к нелегкому компромиссу. Дни затишья пусть худого, но

все же мира воцарились над тундрой и пустынями, над степями и болотами. Неловкие и в конечном итоге безуспешные попытки поиграть мускулами, вспышки анархии, неудовлетворенные желания, как духовные, так и чисто физические, казалось, растворились в смешанном с таким трудом растворе федерализма, при котором республики получили гораздо большую самостоятельность. Националистические конфликты вспыхивали то там, то здесь, но и они неизменно затухали посреди всеобщей летаргии.

Маркс все-таки оказался прав. Все определяет экономика. И, в конце концов, именно экономика раздула тлеющие угли этнических конфликтов. Пока Советский Союз старался обрести себя, сперва при Горбачеве, а потом под властью троицы жалких политических ничтожеств, которые попытались править после бесславного завершения „горбачевщины", весь остальной мир вырвался далеко вперед на волне целой череды технологических прорывов. А у Советского Союза, казалось, никогда и ничего не получалось, никакие новые подходы не решали все углублявшихся проблем, порожденных его относительной отсталостью. С огромным трудом, с пронзительным скрипом СССР делал шаг вперед. А тем временем Запад успевал сделать три или четыре. А Япония — все пять. Потом в результате выхода из игры Америки и нейтралитета Европы возникла японско-исламская ось. Сочетание японской технологии с природными и человеческими ресурсами исламских стран дало прекрасные результаты, что не могло не привлечь внимания нищих и традиционно мусульманских республик Средней

Азии, а также Азербайджана. Полная неспособность государственной медицины и центрального правительства вообще справиться с последствиями нескольких лет эпидемии чумы, а также последовавшие за ней вспышки голода подожгли запал. Оглядываясь назад, Бабрышкин удивлялся только одному — почему мина так долго не взрывалась.

И вот теперь, как уже не раз случалось в истории, русские и их этнические братья одни стояли против нашествия азиатских орд. Даже восточноевропейцы, давно уже порвавшие связи с Россией, с удовольствием и даже злорадством наблюдали за настигшим некогда могущественных русских возмездием.

К счастью, Китай оставался погруженным в сон. Китайцы как раз переживали один из своих долгих периодов самосозерцания и только изредка приоткрывали один глаз, бросали взгляд на Японию и засыпали снова, удовлетворенные тем, что на их тщательно очерченную среду влияния никто не покушается. Развивающиеся — а точнее, безнадежно неразвитые — страны „третьего мира" поддержали право среднеазиатских республик на независимость, мстя обанкротившемуся Советскому Союзу за то, что он давно уже перестал снабжать их товарами и оружием. Русские снова остались одни перед лицом опасности, с обреченностью ощущая, что история повторяется: монголы, татары, турки и вот теперь закованные в броню орды, вынырнувшие из азиатского мрака. Даже возможность быстрого ядерного ответа, подобного тому, который спас американцев в Африке, мир отнял у них, живо поймав их на слове после атомного удара США по Претории и самоубийственного

размена ядерными выпадами на Ближнем Востоке, когда всего за три дня с лица земли исчезли целые народы. Советы тогда подняли крик, радуясь последнему шансу выйти на мировую арену, и принялись настаивать на полном ядерном разоружении. И впрямь, все ядерные арсеналы были уничтожены — какой идиотизм! И что осталось? Бабрышкинская горстка танков и БМП — вот и все.

— Товарищ командир! — Два силуэта в касках приблизились к Бабрышкину в темноте звездной ночи. По голосу он узнал майора Гуревича, заместителя командира бригады по политчасти. Эту должность, упраздненную в девяностые годы, восстановили снова в годы контрнаступления консерваторов, с их архаичным лексиконом и мрачной ностальгией. Бабрышкин смутно представлял, во что именно верит в данный момент политрук, но одно он знал точно — работой тот себя не утруждает. Время от времени на Гуревича находило желание помочь, но не столько для пользы дела, сколько для самоутверждения. К счастью, это у него быстро проходило. Никто уже не обращал внимания на замполита, а когда Гуревич бежал жаловаться к Бабрышкину, тот осаживал его, говоря, что люди слишком устали для лекций, да и, кроме того, им теперь ни к чему лишние разговоры. Солдаты дерутся, дезертиров нет. Что еще ему нужно? Гуревич отвечал, что мало совершать правильные поступки, если за ними стоят неверные мотивы. Люди должны понять теоретический императив, политическое содержание своих действий. Но, впрочем, Гуревич особо не настаивал, и Бабрышкин подозревал, что тот

элементарно растерялся и пытается найти хоть какое-то оправдание своей продолжающейся службе, самому своему существованию. Вместе с крушением империи начал рушиться и весь мир Гуревича.

— Товарищ командир, — рапортовал замполит, торжественно произнося устаревшее обращение. — Я привел с собой начальника связи. Мы получили радиограмму из штаба.

Бабрышкин повернулся к Лазарскому. Он не признал в темноте связиста. Его непривычно было видеть отдельно от нагромождения аппаратуры.

— Что они передают? Что происходит? Я думал, сквозь помехи уже не прорваться.

— Товарищ командир, — доложил Лазарский. — Сообщение передано кодом по открытой связи. Полагаю, его передают с борта самолета и повторяют раз за разом.

Бабрышкин пристально вгляделся в стоявшие перед ним силуэты.

— Ради всего святого, что же в нем говорится?

— Мы должны отступить на север, — вмешался Гуревич, — причем незамедлительно. Приказ относится ко всем частям и подразделениям, у которых в последнее время была нарушена связь с вышестоящими штабами. Всем частям следует отойти до линии южнее Петропавловска.

Бабрышкин стоял как громом пораженный. Не может быть. Господи, это ведь более чем в ста километрах отсюда по меньшей мере. Он перевел взгляд с одного силуэта на другой.

— Наверное, тут какая-то ошибка.

— Я лично проверил расшифровку, — отозвался Гуревич.

Лазарский пожал плечами:

— Мы давно не имели связи. Война шла мимо нашего участка.

В голосе связиста Бабрышкин услышал только усталость и безразличие. Но у него сложилось впечатление, что Гуревич, невзирая на всю его демагогию, вовсе не возражал против того, чтобы возобновить отступление. Инстинктивно Бабрышкин оглянулся на людской поток, струящийся по дороге.

Такой приказ нельзя выполнять. Тысячи беженцев останутся тогда без всякой защиты. Да и в любом случае, дорога была настолько запружена, что бригаде пришлось бы двигаться черепашьим шагом по пересеченной местности. Большая часть изношенной бригадной техники просто не вынесет такого перехода. Кроме того, он даже не знал, хватит ли горючего для всех машин на столь длинный марш-бросок.

Бабрышкин не мог поверить, чтобы такой приказ отдал человек, действительно знающий реальную ситуацию.

— Мы можем связаться со штабом? — спросил он. — Можем мы ответить тому, кто передает приказ?

Гуревич опередил связиста:

— Мы можем только принимать — и то едва-едва. Стоит нам начать вызывать кого-нибудь, и нас забьют помехами. А если мы продолжим эти бесплодные попытки, возникнет риск того, что противник засечет нашу позицию. Такие поступки безответственны. К тому же приказ есть приказ.

— Но, черт побери, — воскликнул Бабрышкин, указывая рукой на дорогу. — Что станет с ними?

— Приказ есть приказ, — слегка запинаясь, повторил Гуревич.

Гнев поднимался внутри Бабрышкина. Слепой, всепоглощающий гнев, направленный не только против того кретина, кто отдал этот приказ, но и против всех его коллег и соотечественников, которые позволили беде зайти так далеко.

— А откуда мы знаем, что это не обман? — спросил он голосом, изменившимся от волнения и напряжения. — Если мы не можем сами выйти на связь и получить подтверждение приказа, откуда мы знаем, что это не ловушка, не военная хитрость? Возможно, нам отдает приказ об отступлении противник. Откуда, черт возьми, мы знаем?

— Группы кодов, — начал замполит. — Все было закодировано.

— Но послушайте, мы же не получали новых кодов с... с каких уже пор? Ах да, со дня отступления из Целиноградa. Вы что, думаете, эти сволочи не захватили ни одной книги кодов?

— Такая возможность существует, — безразлично заметил Лазарский. Он не видел ничего интересного в их споре. В его мире царили радиоприемники, антенны и провода, микроволны и реле.

Гуревич не стал впрямую отвечать на вопрос. Вместо этого он просто сказал:

— Ситуация, конечно... нештатная. Но мы не имеем права обсуждать приказы начальства.

Бабрышкин чувствовал, как опускаются его плечи под тяжелым бременем ответственности. Он знал, как важно сейчас сохранить ясность мысли, не дать волю эмоциям. Но ему не хотелось верить, что Советская Армия отброшена аж до Петропавловска, последнего крупного города на севере Казахстана, почти на границе с Западной Сибирью — и по другую сторону самых хороших линий коммуникаций между западом и востоком. Даже думать об этом значило допустить возможность поражения, а, несмотря на непрерывную череду военных неудач, Бабрышкин еще не мог признать очевидного. В глубине души он верил, что советские войска так или иначе совершат чудо, сперва остановят продвижение противника, а затем перейдут и в наступление. Он понимал, что в таких мыслях больше эмоций, нежели здравого смысла и логики. Но точно так же, как он избегал некоторых мыслей о Вале, он не мог принять возможность ситуации, при которой эти подавленные, раздраженные, до смерти испуганные беженцы окажутся оставленными на произвол судьбы.

— Максим Антонович, — обратился Бабрышкин к начальнику связи. — Попробуйте вызвать штаб. Просто попробуйте, еще разок. — Его голос невольно зазвучал несколько иначе, когда он обратился к замполиту. — Я не могу оставить их. Мы не можем просто-напросто повернуться и уйти. К тому же мы занимаем хорошую позицию. Отсюда можно вести бой.

Почувствовав слабину в голосе командира, Гуревич перешел в наступление:

— Нам следует мыслить более широко. Без всякого сомнения, у начальства есть свой план. Мы не должны зашориваться на местных усло-

виях. Мы — часть огромного целого. В конечном итоге победа в войне важнее, чем некоторое число... некоторое число...

— Черт возьми, а ради чего, по-вашему, мы воюем? — яростно воскликнул Бабрышкин. Он снова ткнул рукой в сторону колонны несчастных беженцев, мрачно бредущих на север. — Ради них, в Бога, в душу, в мать!

Но, говоря эти слова, он знал, что обманывает сам себя. Он поддался эмоциям, субъективизму. Он отлично понимал, что война шла во имя гораздо более важных вещей: полезных ископаемых, газа, нефти. Во имя обладания богатствами Средней Азии. И во имя сохранения еще больших богатств недалекой уже Западной Сибири.

— Товарищ командир, — заявил Гуревич, невольно переходя на привычный лекторский тон. — Война идет ради целостности Советского Союза. Конечно, и ради людей. Но судьба всего государства важнее, нежели судьбы отдельных личностей. Никто не призывает бездумно жертвовать хотя бы одной драгоценной человеческой жизнью. Но мы должны помнить и о великой цели.

„Сукин сын, — подумал Бабрышкин. — Иди и посмотри на них поближе. Пусть они у тебя начнут вымаливать хоть горсточку сухарей. А потом послушай, как они станут проклинать тебя. Но их проклятия будут адресованы вовсе не тебе или мне. Они будут проклинать то, что мы представляем. Развал — после всех обещаний, после всех их жертв. Так иди же, скотина. Пройдись с ними хоть пару минут".

— Я здесь командир, — отчеканил Бабрышкин, стараясь, чтобы его голос не дрожал от

волнения. — И именно я принимаю решения. Я не верю в то, что приказ настоящий. Я считаю, что это вражеская ловушка. Мы останемся на занимаемой позиции и будем обороняться до тех пор, пока не получим другого приказа, причем такого приказа, который можно будет проверить. Или до тех пор, пока наша позиция не станет невыгодной или ненадежной. Или до тех пор, пока я не решу, что надо ее сменить. Я отвечу за все.

— Товарищ командир, вы устали. Вы сейчас рассуждаете не как настоящий коммунист.

Бабрышкин чуть не расхохотался от отчаяния и усталости. Он знал, что Валя сказала бы то же самое, что и Гуревич. Только другими словами: „Идиот, ты сам захлопываешь перед собой дверь. Перед нами. Пора бы научиться давать им то, что они хотят".

Валя... Интересно, что она сейчас делает там, в Москве.

— Нет, — отчетливо и ясно отчеканил Бабрышкин. — Товарищ заместитель по политической части майор Гуревич, все дело в том, что я как раз рассуждаю как истинный коммунист. Легко говорить как коммунист, вот уже сотню лет мы только и делали, что говорили как настоящие коммунисты. Но... каковы же были наши поступки? — Бабрышкин поймал себя на том, что он самым идиотским образом размахивает противогазом, ораторствуя на стальном крыле танка, и понял, как все это глупо. Сейчас не время для споров. Тем более что коммунизм для всех — не более чем пустой звук, и уже давно. Так, форма без содержания, нечто вроде ритуалов Византийского двора. Под конец эпохи Горбачева в старый лексикон попытались

вновь вдохнуть жизнь, испугавшись образовавшейся пустоты. Но за словами уже ничего не стояло.

Бабрышкин тщательно сложил противогаз в подсумок.

— Можете попытаться связаться с вышестоящим штабом, если хотите, Федор Семенович. Но я не отдам приказа к маршу, пока не получу подтверждения.

Внезапно горизонт на юге озарился всполохами огня, причем гораздо ближе, чем оба офицера могли ожидать. Грохот битвы медленно распространялся по степи, но Бабрышкин понял, что противник почти достиг его постов боевого охранения. Возможно, они уже вели бой. А может быть, противник догнал хвост колонны беженцев.

Бабрышкин испытал нечто, похожее на чувство облегчения при приближении противника. После такого долгого ожидания, после пустых словесных баталий. Теперь оставалось только одно реальное дело: сражаться.

Еще до того как гул и грохот канонады достиг ушей беженцев, вспышки взрывов заставили колонну ускорить шаг. Раздались крики женщин. Какая-то машина прибавила ходу, и Бабрышкин понял, что шофер пытается прорваться прямо через людскую массу.

За прошедшие несколько недель Бабрышкин хорошо изучил психологию толпы. Вместо того чтобы спастись, водитель подписал собственный приговор — его вытащат из кабины и забьют до смерти.

— Вперед, — скомандовал Бабрышкин. — По местам. — Он побежал к командирскому танку — потрепанному в боях Т-94. Все боевые машины были окопаны, только пушки торчали над землей. Бабрышкин едва не упал, спрыгнув с бруствера на борт своего танка, и, чтобы сохранить равновесие, ухватился за темную трубу главного орудия. Мгновение спустя он уже сидел, поджав колени, внутри машины. Т-94, созданный более двух десятилетий назад, силуэтом походил на традиционный танк, но вместо привычной башни его венчала возвышающаяся над корпусом орудийная установка. И командир танка, и наводчик, и механик-водитель — все сидели в отсеке в передней части корпуса, осматривая окрестность через оптические приборы наблюдения и электронные датчики, размещавшиеся внутри орудийной установки. Такая конструкция танка делала его менее заметным, но командиры были лишены возможности визуально оценить ситуацию, как это они делали в прежних танках. Сейчас же ситуация усложнялась тем, что электрооптика Бабрышкина работала от случая к случаю, и иногда ему приходилось полагаться на древний перископ. Он давно собирался сменить машину, но, для того чтобы перенести командирские приборы связи в обычный танк, требовалось много времени, а у Бабрышкина вечно находились более срочные дела. Теперь он жалел о своем упущении.

Даже система обнаружения цели и управления огнем, которая находила машину противника и автоматически открывала огонь, если она совпадала с заложенными параметрами, вышла из строя в командирском танке. Бабрышкину и его наводчику приходилось находить цели и

стрелять по ним точно так же, как это делали танкисты много лет назад. Во всей бригаде оставалось всего несколько нормально действующих систем обнаружения целей, и Бабрышкин приказал перепрограммировать их для борьбы с роботами-разведчиками, появление которых всегда предшествовало атакам наиболее хорошо вооруженных частей противника, таких, как иранцы или Исламский легион. Изготовленные в Японии роботы-разведчики могли маневрировать по пересеченной местности, избегая большинства ям и оврагов, кроме самых сложных природных ловушек, и передавали противнику отличную картину позиции русских войск, что позволяло ему вести огонь с убийственной точностью. Роботов следовало уничтожать в первую очередь, даже если это отвлекало внимание от боевых машин врага. Бабрышкину порой казалось, что он воюет против технологических гигантов с помощью сломанных игрушек.

— Всем, всем, — проговорил Бабрышкин в микрофон радиостанции, включив ее на полную мощность, чтобы прорваться сквозь местные помехи. — Говорит „Волга". Приготовиться к химической атаке, — произнес он, в глубине души надеясь, что ошибается, что на сей раз их обойдет хотя бы этот кошмар. Он знал, как будет выглядеть после боя запруженная беженцами дорога, если в дело будут пущены химические боеприпасы. Даже шальные снаряды творили ужасные вещи. — „Амур", — продолжил он. — Начните поиск разведывательных роботов. „Лена", все действующие системы обнаружения и управления огнем переключить в автоматический режим. Всем остальным вести огонь по мере появления целей. Будьте готовы к по-

явлению „Днепра". Не подбейте его. „Днепр", вы меня слышите? — вызвал он разведывательное подразделение, выставленное в охранение. — Что у вас происходит?

Бабрышкин ждал. В наушниках раздавался треск и писк. Он не слишком много знал о средствах связи, принятых на вооружение в других армиях, но очень сомневался, чтобы там до сих пор использовали древнюю технику. Кроме сообщений повстанцев, оснащенных устаревшим оборудованием, он ни разу не перехватил случайных вражеских переговоров. Искаженные обрывочные разговоры, которые иногда звучали в его наушниках, всегда велись на русском языке.

— „Волга", говорит „Днепр", — доложил старший лейтенант Шабрин. Из всех офицеров-разведчиков бригады он единственный остался в живых. — Похоже, перед нами повстанческая часть. Не вижу ни японской техники, ни роботов. Только Т-92 и Т-94. Старые БМП-5. Возможно, это передовой отряд, высланный на разведку. Огонь направлен не на меня. Они стреляют по машинам в колонне беженцев.

Голос Шабрина выдавал гораздо больше чувств, чем хотел показать старший лейтенант. Бабрышкин явственно ощущал, как парнишка пытается обуздать свои эмоции, вести себя как настоящий офицер. Но его напряженный голос безошибочно выдавал, что он испытывал, видя, как мятежники расстреливают беспомощных людей.

Ярость поднялась в Бабрышкине, прогнав всю усталость. Мятежники. Люди, носившие ту же форму, что и он, принесшие ту же присягу. А теперь верящие, что национальные раз-

личия — достаточная причина, чтобы расправляться с безоружными.

Бабрышкин хотел рвануться вперед, напасть на врага. Но он знал, что это был бы глупый шаг. Он не обладал достаточными силами для такого геройства. Во время встречного боя его люди будут стараться не причинить вреда беженцам, тогда как мятежники смогут полностью сосредоточиться на уничтожении горстки его машин. Нет, следует ждать на позиции, столь тщательно приготовленной его солдатами, подавить в себе сострадание, пожертвовать несколькими ради жизней многих — а может, Гуревич все-таки прав? — и позволить противнику пройти еще несколько километров. Если повезет, враг так и не заметит засаду, пока его не засекут системы обнаружения, пока силуэты вражеских машин не вырисуются среди низких степных холмов. „Терпение, — твердил себе Бабрышкин. — Не думай слишком много".

— „Волга", говорит „Днепр". Похоже на усиленный батальон. Точно определить трудно. Колонна затрудняет видимость, к тому же они разворачиваются под углом ко мне. Послушайте, кажется, они ведут прицельный огонь по колонне. Похоже, они специально атакуют беженцев. Мне плохо видно, но я вроде бы различаю несколько БМП уже в гуще колонны.

В усталом голосе, доносившемся с поста охранения, Бабрышкин опять различил невероятное напряжение. Но он не мог пойти Шабрину навстречу, точно так же как не мог уступить своим собственным желаниям.

— Докладывайте кратко, „Днепр", — передал Бабрышкин. — Ограничивайтесь только фактами. Конец связи.

Он без отрыва смотрел в оптику. Горизонт полыхал золотыми разрывами и всплесками света. Он очень хорошо знал отряды среднеазиатских мятежников. Недисциплинированные, в любую минуту готовые выйти из-под контроля.

— Ну, давайте, — пробормотал он себе под нос как можно спокойнее. — Ну, давайте же, сволочи. Расстреливайте свои боеприпасы. Расстреливайте до конца. А я вас здесь подожду.

Однако всполохи, озарявшие ночное небо, не давали ему покоя. Сам их вид требовал, чтобы он проникся сознанием людских страданий, и он, как ни старался, не мог отогнать от себя ужасные картины. Бабрышкин подумал, не совершить ли широкий обходной маневр, с тем чтобы ударить ничего не ожидающим мятежникам во фланг.

„Нет! — сказал он себе. — Не поддавайся эмоциям. Ты должен выждать".

— „Днепр", — вызвал он. — Говорит „Волга". Мне нужно их точное местонахождение. Где они сейчас? — Он понимал, как сложно определить это в степи, тем более посреди ночи. Даже лазерное оборудование не решало всех проблем, а Шабрину было запрещено им пользоваться, чтобы вражеские лазерные детекторы не засекли его. И вот теперь Бабрышкин просил растерянного паренька определить точное местоположение машин мятежников в фантастическом сочетании тьмы и огня, да еще и во время движения.

— Как далеко они сейчас? — спросил он. — Прием.

— Менее десяти километров от ваших позиций, — ответил Шабрин.

— Молодец, — пробормотал Бабрышкин. — Молодец. Держись.

— Полагаю, они в пределах досягаемости наземной ракеты от вас, — продолжал Шабрин. Но на сей раз Бабрышкин уловил опасную дрожь в голосе старшего лейтенанта. И вот последовал неизбежный срыв.

— Кажется, они едут прямо среди беженцев. Давят их... Мы должны... мы...

— „Днепр", возьмите себя в руки. Сейчас же, черт побери. — Бабрышкин опасался, что мальчишка совершит что-нибудь опрометчивое, возможно, бросится в атаку со своей горсткой разведывательных машин и испортит все. Самым главным сейчас было проявить терпение, выждать и захлопнуть ловушку в нужный момент. Даже если он даст залп своим ограниченным запасом наземных ракет, он только предупредит основные силы противника, что впереди опасность. А он хотел уничтожить их всех, все машины, всех солдат. Он и не думал брать пленных. С самого начала войны его часть не взяла ни одного пленного, и, насколько он знал, так поступал и противник.

— Они убивают их всех подряд, — говорил Шабрин, чуть не плача. — Это бойня...

— „Днепр", говорит „Волга". Приказываю вам немедленно покинуть занимаемую позицию и присоединиться к части. Передвигайтесь осторожно, чтобы они вас не заметили. Ясно? Прием.

— Есть. — Но в голосе, произнесшим одно-единственное слово звучало слишком большое напряжение.

— Ну так вперед, — проговорил Бабрышкин. — Скоро тебе предоставится возможность рассчитаться с этими скотами. А если ты выстрелишь хоть раз, ты их спугнешь. А теперь — вперед. Конец связи.

Бабрышкин оторвался от оптического прибора и фыркнул, раздраженно покрутив головой. Один офицер требует, чтобы он отступил на сто километров, а через пять минут другой настаивает на незамедлительной атаке. А сам он надеется, что ему удастся первым открыть огонь в предстоящем бою и что его удар достигнет цели. Но он испытывал облегчение, что сам не оказался на месте Шабрина. Он не был уверен, что ему удалось бы проявить такую же самодисциплину.

— Всем, всем, — бросил Бабрышкин в микрофон. — Боевая готовность номер один. Противник силой около батальона. — После минутного колебания он продолжил: — Это мятежники. Роботов-разведчиков не замечено. Поставить автоматические системы на предохранители. Никому не открывать огонь без приказа. Я хочу быть абсолютно уверенным, что мы уничтожим их как можно больше. — Он помолчал, недовольный длительностью своего пребывания в эфире, хотя и знал, что современные радары засекают передающую рацию за доли секунды, если в зоне передачи случайно оказывается система перехвата. — После подхода „Днепра" никому не двигаться. По *любой* движущейся машине будет открыт огонь, — сказал он жестко.

Учитывая, что техника мятежников практически не отличалась от его собственной, встреч-

ный бой моментально обернется безнадежным хаосом и братоубийством. Единственная разница между нашей и вражеской техникой, успокоил он себя, состоит в том, что их должна быть еще в худшем состоянии. Среднеазиаты всегда были никудышными механиками, и Бабрышкин ожидал получить преимущество за счет большего количества действующих автоматических систем. „На сей раз мы можем победить", — подумал командир.

— Всем дать подтверждение, — закончил он.

Соблюдая очередность, роты размером со взводы и батальоны, численностью не превышавшие роты, подтвердили полученный приказ. Слушая чередование позывных, Бабрышкин вглядывался в окуляры оптического прибора. Он не мог не сознавать, что вспышки неподалеку означали человеческие страдания, гибель его сограждан, его соплеменников. Не до конца отдавая себе отчет в своих чувствах, он рвался вперед — не только затем, чтобы уничтожить людей в форме, но и чтобы двигаться дальше, неся смерть их женам и детям, отплатить им их же монетой, довести до неминуемого конца эту войну между детьми Маркса и Ленина.

Увлекшись игрой с колонной беженцев, мятежники приближались медленно. Люди Бабрышкина долгие часы сидели в полной готовности, глядя, как ослепительные вспышки выстрелов сменялись кострами горевших машин беженцев. Бабрышкин физически ощущал, насколько натянуты у всех нервы. Через стальные стены машин, через земляные груды укреплений

до него доходили мучившие их чувства. Они балансировали на грани между яростью и смертельной усталостью, сгорая от желания сделать хоть что-нибудь, пусть даже во вред самим себе. Они не думали о гибели, ибо уже не думали и о жизни. Они едва существовали. Но враг... враг существовал даже более зримо, нежели замерзшая земля или пятнистые стальные корпуса боевых машин. Враг стал центром их мироздания.

Посреди ночи, в час, когда теряется чувство времени, кто-то яростно заколотил по наружной броне танка Бабрышкина. Первый удар так резко прозвучал в тишине, что Бабрышкин решил было, что в них попал снаряд. Но удары наносила рука человека.

Бабрышкин шепотом приказал экипажу сидеть тихо. Затем он распахнул командирский люк, сжимая в руке пистолет.

При свете звезд он увидел спину человека, стоявшего на коленях на платформе танка. Потом человек перестал стучать и медленно повернулся к Бабрышкину. Он рыдал.

Шум далекого боя стих, сменившись теперь треском стрелкового оружия, и участок дороги между флангами бабрышкинской бригады обезлюдел.

Человек был стар. Он задыхался, хватая воздух широко раскрытым ртом. Когда Бабрышкин осветил его ручным фонариком, он увидел седые волосы, голубой комбинезон рабочего, измазанный в крови лоб.

В темноте старик внимательно вглядывался в лицо Бабрышкина, стараясь встретиться с ним глазами.

— Трусы, — прокричал он, плача. — Трусы, трусы, трусы!

Бабрышкин клевал носом, не в силах больше бороться со сном. Через час горизонт начнет светлеть, но мятежники по-прежнему оставались вне пределов досягаемости. Они не спеша, с чувством, с толком, с расстановкой разбирались с беженцами. „Они пресытятся, — успокоил себя Бабрышкин. — Есть предел количеству крови, которое может пролить человек. Они пьяны от крови". Он снова подумал, не застать ли их врасплох неожиданной атакой, и снова подавил свое нетерпение. Придерживайся плана, придерживайся плана. Перед его смыкающимися глазами проплывали картины прошлого. Свежеиспеченным лейтенантом он вытянул фантастически несчастливую карту — получил назначение в Кушку, знаменитую базу на самом юге Туркменистана. Его преподаватели были поражены. Если уже на то пошло, на Кушку, как правило, посылали провинившихся офицеров. А выпускник училища младший лейтенант Бабрышкин относился к числу лучших на курсе и не имел никаких дисциплинарных взысканий. Однако что тут поделаешь? Системе требовался младший лейтенант на Кушке, где летом температура поднималась до пятидесяти градусов, а ядовитые змеи кишели в пустыне, как пассажиры в метро в часы пик. Говоря слова утешения, преподаватели тем не менее не могли сдержать улыбку. Ведь назначение на Кушку всегда было темой для шуток — если только посылали туда не тебя самого.

В точном соответствии с рассказами, Кушка оказалась Богом забытой дырой. К тому же

местное население вело себя враждебно по отношению к русским — если они не обладали твердой валютой или не тащили на черный рынок ворованное военное имущество. Но Бабрышкин многое открыл там для себя. Он осознал, сколько лжи вдалбливали ему в голову с кафедр училища и каким наивным дурачком он был. Местные чувствовали себя гораздо ближе к своим партнерам — контрабандистам из лежащего по ту сторону афганской границы Торагунда и к не столь уж удаленным от них иранцам. Уже тогда лейтенант с тонкой полоской светлых усов понял, что перекройка границ и прежних связей неминуема. „Да пусть они забирают свою чертову дыру", — говорил он себе. Однако он, естественно, надеялся, что восстание произойдет не во время его дежурства, что неизбежное случится позже, когда у него не будет болеть об этом голова. „После нас — хоть потоп", — думал он саркастически, сидя в танке почти десять лет спустя. Такая уж у нас национальная черта — пусть беда случится не при нас, пусть ответственность ляжет на чужие плечи. Теперь он сам стыдился тех своих мыслей. Но уже ничего нельзя изменить.

Только поджидать врага. И драться.

Неожиданный треск в наушниках отогнал от него дремоту.

— „Волга", вас вызывает „Амур". Вы меня слышите?

— Слушаю вас, — ответил Бабрышкин.

— Автоматика засекла какое-то движение передо мной. Мое главное орудие стоит на предохранителе, но ему не терпится пострелять. Множество целей. Они настолько скучены, что

я не могу отделить их одну от другой на экране. Прием.

Отлично. Этого он от них и ждал. Настрелялись всласть. Сбились в кучу. Потеряли бдительность. Пресыщены кровью и убийствами.

— Сколько их? — потребовал Бабрышкин. — Хотя бы приблизительно. — До боли в глазах он уставился в окуляры оптического прибора, но враг по-прежнему оставался вне зоны видимости. Как обидно, что его бортовая электроника вышла из строя. Как обидно, что ему так и не хватило настойчивости и энергии, чтобы перенести командное оборудование в машину, находящуюся в лучшем состоянии.

— Говорит „Амур". Похоже, там по крайней мере тридцать тяжелых танков. А может, и больше. Они идут, как пьяная толпа. Один наступает на пятки другому.

— Хорошо. Дистанция?

— Семь тысяч пятьсот метров до головной машины.

Ближе, чем Бабрышкин ожидал.

— Всем экипажам. Всем экипажам. Приготовиться к бою на дистанции пять тысяч метров. — Он хотел, чтобы они подошли поближе. Теоретически он мог открывать огонь и сейчас — из ракетных установок и скорострельных крупнокалиберных орудий. Но он твердо решил рискнуть и подождать еще. Его танки хорошо укрыты. Если противник не проявит повышенной бдительности, он ничего не заметит, пока не достигнет роковой пятикилометровой отметки. А когда они подойдут настолько близко, ни один из них не уйдет. Главное, чтобы наши орудия заговорили первыми.

— На связи „Амур". Вижу их на расстоянии семь тысяч метров. Идут быстро, словно им соли на хвост насыпали.

— Есть какие-нибудь признаки, что они перестраиваются в боевые порядки? — с волнением спросил Бабрышкин.

— Нет. Катят себе толпой.

Бабрышкин теснее припал к окулярам, надеясь увидеть все своими собственными глазами. Но темнота, расстояние и длинный пологий склон скрывали от него долгожданные танки и БМП.

— На связи „Амур". Шесть тысяч метров. Они даже не выслали фланговое охранение. Передового охранения тоже нет.

Все складывалось слишком уж хорошо. На какой-то миг в голову Бабрышкина закралось подозрение, что враг приготовил им ловушку.

Нет. Он хорошо изучил мятежников. Он учился вместе с ними, рядом с ними служил, жил в одних гарнизонах. И знал, что сейчас они преисполнены самоуверенности.

Ему подумалось, что, возможно, противник перехватил приказ отступать на север. Наверное, Гуревич не ошибся — радиограмма была настоящей. И вот теперь мятежники, пресытившись после ночи убийств, получили команду двигаться вперед, наверстывая упущенное время, и начать преследование отступающих советских войск.

Бабрышкин ухмыльнулся. Наконец-то противник ошибся. Они слишком уж положились на русскую привычку не задумываясь выполнять любые приказы. Они забыли, что нет правил без исключений.

И теперь мерзавцам предстоит заплатить за это.

— „Волга", вас вызывает „Амур". Пять тысяч пятьсот метров. Они передо мной как на ладони.

— Всем экипажам. Говорит „Волга". Никому не открывать огня. Автосистемы держать на предохранителе. Пусть подойдут еще поближе.

Да, вот оно. Через оптический прибор он различил первое слабое движение. На таком расстоянии ручная система наводки была неэффективна. Однако он знал, что все равно станет стрелять. Конечно, пустая трата боеприпасов. Но он позволит себе такое маленькое удовольствие. А тем временем те командиры танков, которые уделяли ремонту своих машин больше внимания или которым просто больше повезло, станут громить врага.

— Пять тысяч двести.

Бабрышкин чувствовал охватившее всех его людей волнение. Всем хотелось поскорее услышать гром орудий. Уничтожить тех, кто так глупо, так доверчиво катил сейчас им навстречу.

— Пять тысяч сто.

В Академии бронетанковых войск имени Малиновского Бабрышкину дали задание помогать в учебе курсанту-таджику, а также проследить, чтобы тот любой ценой окончил курс. Таджик отлично разобрался в ситуации и вовсю валял дурака. Бабрышкин писал за него рефераты и контрольные, а таджик сдавал себе экзамены, жульничая вовсю. Кроме того, с европейцев и спрашивали строже. Бабрышкина возмущало такое положение дел, возмущало фарисейство системы, ее несправедливость...

Теперь он радовался, что все было именно так. Он надеялся, что его таджик-сокурсник возглавлял сегодня приближающийся отряд.

— Пять тысяч метров.

— Огонь! — скомандовал Бабрышкин в микрофон. — Включить автосистемы. Всем остальным вести беглый огонь. — Но, кроме первого слова, никто ничего уже не слышал. Все и так знали, что делать. Ни стальные борта танка, ни наушники не ослабляли оглушительного уханья мощных орудий.

Столбы разрывов скрыли от его глаз поле боя. Он пробовал считать пораженные цели, но все они располагались слишком близко друг к другу. Одно попадание сливалось с другим. В его наушниках звучали радостные вопли и стоны разочарования, к которым он так привык за последние недели. То были ни с чем не сравнимые крики сражающихся мужчин, дравшихся в разных машинах, не имея возможности видеть друг друга, прикасаться друг к другу, слышать запах товарищей, — иными словами, чувствовать, что они не одиноки. Бабрышкин давно уже пришел к выводу, что даже если бы в современном бою отпала нужда в радио как в средстве связи, оно все равно оставалось бы незаменимым с психологической точки зрения, чтобы во время сражения люди могли ощущать плечо соседа. Дай мне знать, что мои братья рядом со мной.

— „Дон", вас вызывает „Волга", — обратился он к начальнику огневой поддержки. — Осветите поле боя, скорее. — Он не услышал залпа установок, размещенных далеко позади ломаной линии танков и БТРов, но небо тут же залили

искусственным рассветом сотни спускавшихся на парашютах осветительных ракет.

При их желтоватом свете Бабрышкин мог теперь различать отдельные мишени. Около двух десятков вражеских машин уже горели, но мятежники, надо отдать им должное, все же пытались перестроиться в боевые порядки. Несколько танков противника открыли ответный огонь, но ни один из младших командиров еще не докладывал Бабрышкину о потерях, и в стрельбе мятежников сквозило отчаяние и растерянность. На мгновение Бабрышкин представил себе весь тот ужас, хаос и вспышки героизма, что царили сейчас в рядах противника. В этот краткий миг мятежники снова стали для него почти людьми.

— Наводчик, — скомандовал Бабрышкин. — Цель... на расстоянии четыре тысячи семьсот... головной танк на левом фланге.

— Вижу.

— Можешь прицелиться?

— Очень далеко.

— Черт побери, ты поймал его в прицел?

— Так точно.

— Огонь!

Корпус машины дернулся от лишь частично смягченной амортизаторами отдачи. Бабрышкин принялся отсчитывать секунды.

Вражеский танк двигался, как ни в чем не бывало. Взрыва не было. Они промахнулись.

— Расстояние, — в ярости выкрикнул Бабрышкин, — четыре тысячи пятьсот...

— Товарищ командир, до него слишком далеко.

— Делай что говорят, черт возьми... Расстояние четыре тысячи четыреста пятьдесят.

Внезапно вражеский танк исчез в вихре пламени. Кто-то другой поразил цель.

Некоторое время Бабрышкин молчал. Он даже не стал выискивать другую цель. Наводчик был прав. И он это знал. Глупо даром тратить боеприпасы. Одному Богу известно, когда удастся пополнить их запас. Лучше предоставить добить мятежников тем танкам, у которых все еще в порядке системы обнаружения цели и управления огнем. Так гораздо эффективнее.

Однако что поделать с неуемным желанием убить, уничтожить? С чувством, гораздо более сильным, личностным, чем просто намерение внести свой вклад в победу? И Бабрышкин не мог не ощущать разочарование, даже горечь, когда его бригада добивала расползавшегося по степи врага. Он вслушивался в неторопливое, цикличное рявканье автосистем, переключавшихся с одной цели на другую. Оно действовало почти гипнотически — оглушительный грохот, через несколько минут после которого в степи неизменно вспыхивал еще один костер.

Он не заметил, чтобы хоть один из танков противника отвечал огнем через равные промежутки времени. Возможно, у них не работало ни одной автоматической системы. В чем-то война относилась еще суровее к измученным машинам, чем к их хозяевам из плоти и крови.

„Вообще-то хорошо, — подумал Бабрышкин, — что против нас только мятежники". Он знал, что его потрепанная часть не смогла бы так лихо расправиться с арабами или иранцами с их замечательными японскими машинами.

— Всем экипажам! — крикнул он. — Говорит „Волга". Не тратьте зря снаряды. Всем ручным системам прекратить огонь. Автосистемы... добейте их. Конец связи.

Когда он очень внимательно вгляделся через оптику в поле боя, то все еще смог различить то тут, то там отдельные лихорадочные перемещения уцелевших вражеских машин, пытавшихся выбраться из зоны поражения. Но вскоре автосистемы прикончили их всех. Безграничная степь выглядела теперь точно так же, как выглядела, наверное, тысячу лет назад, когда на ней во множестве горели костры монголов.

Бабрышкин ждал, когда его охватит знакомое чувство восторга и удовлетворения. Но на сей раз оно не торопилось. Сперва он списал все на усталость. Но еще недавно волнение боя ее как рукой снимало.

Они полностью уничтожили подразделение противника, не потеряв при этом ни одной машины. Редкая удача. Они выиграли время, спасли много жизней. Но Бабрышкин чувствовал себя так, словно провел ночь с отвратительной ему женщиной.

Он оглядел освещенную кострами степь. Небо начало бледнеть. Скоро настанет новый день и принесет с собой новых врагов. Сегодня была очередь мятежников совершить ошибку, сделать неверный шаг. Но что будет в следующий раз? А потом? Любое везение когда-нибудь кончается.

— Ну, что ж, — успокоил себя Бабрышкин, — мы принимаем кровавую ванну только один раз. И на том спасибо.

Костры из подбитых машин уже начали догорать. Бабрышкин горько улыбнулся — так

улыбаются друзья, вместе пригубив дурного вина. „Что там ни говори, — подумал он, — а советские танки прекрасно могут уничтожать друг друга".

Утренний свет высветил безбрежное море инея, простершееся вокруг островков согретой в бою земли там, где стояли танки Бабрышкина. Он решил избавить разведчика Шабрина от необходимости видеть весь этот ужас и сам повел дозорную группу: горстку БМП, а за ними пустые грузовики, чтобы подбирать что найдется ценного, а также раненых жертв нападения мятежников. Больничные машины остались позади, уже давно битком набитые пострадавшими в предыдущих боях. Взвод танков выдвинулся во фланг, охраняя дозорных, в то время как остальная часть бригады начала приготовления к маршу на север.

Когда они подошли достаточно близко, чтобы убедиться, что все без исключения машины врага подбиты, Бабрышкин приказал танкам остановиться. Теперь следовало экономить каждый литр горючего.

На покрытой инеем земле за БМП тянулись длинные линии следов. Теперь их будет легко обнаружить, а когда упадет снег, то станет еще легче. Если только они доживут до снега.

Мотострелки ехали с открытыми люками, выискивая и добивая выживших мятежников. Только те из них, кто казался очень тяжело раненным, не получали пулю. Они ее не стоили, и к тому же мотострелки испытывали больше удовлетворения при мысли о том, как те умрут медленной смертью, ниоткуда не получая помо-

щи. Бабрышкин не сделал попытки остановить побоище, хотя его и учили когда-то, что подобные действия преступны и должны сурово пресекаться. Он чувствовал, что подобные деликатности уже утратили всякий смысл. Сейчас шла совсем другая война.

Когда гудящие БМП наконец достигли того места, где мятежники напали на колонну беженцев, боевой опыт Бабрышкина пополнился еще одним бесценным уроком. Он искренне верил, что видел уже все самое страшное, что его больше ничем уже не поразить и даже не удивить, но при виде следов хладнокровной бойни на грунтовой дороге понял, как он ошибался. Даже жертвы массированных химических атак там, южнее, погибали от некой абстрактной силы, которая не выбирала, кого убивать, орудия которой — самолеты, ракеты, дальнобойные пушки — располагались где-то далеко. Но большинство из тех, кто сейчас лежал вдоль дороги, погибли от рук людей, стоявших рядом с ними, воспринимавших их как живых существ, слышавших все оттенки страха в их голосах.

Хуже всего пришлось женщинам. Мужчин просто убивали. Но женские трупы, обнаженные либо с задранными платьями и пальто, выглядели особенно жалко, *особенно мертво*. Вокруг их тел ветерок играл разбросанными и растоптанными вещами. Машины стояли обгорелые и почерневшие от сажи, чемоданы валялись открытые и пустые рядом с трупами своих владельцев. Одна женщина, особенно кокетливая, захватила с собой в дорогу все свои духи, и их легкомысленный аромат смешивался с запахами пороха и крови. Духи напомнили Бабрышкину о Вале — она всегда не знала в них меры.

Задумавшись над зрелищем этой смерти, вдруг утратившей безликость и обретшей свои индивидуальные черты, Бабрышкин не сразу осознал, что в некоторых из разбросанных тел все еще теплилась жизнь. Тишина была обманчива, хотя никто не кричал. Но приходилось очень внимательно вслушиваться, чтобы уловить хрип простреленного легкого или приглушенное рыдание, в котором не оставалось уже ни надежды, ни страха, ни вообще какого-либо чувства. И эта тишина испугала его гораздо больше, чем все превратности войны.

А потом раздался первый крик. Он вырвался из уст окровавленной девочки, которая решила, что склонившийся над нею советский солдат — просто один из мятежников, решивший еще немного поразвлечься. Она вопила и колотила старшего сержанта, не давая ему укрыть ее и взять на руки. Наконец он сдался и отошел в сторону. Помощи солдат ждали другие раненые. Да и что теперь значила судьба одного-единственного человека? Они оставили ребенка посреди дороги — рыдающую и прижимающую к груди обезглавленную куклу.

7

Омск. Штаб фронта
2 ноября 2020 года
6 часов утра

Виктор Козлов мучился зубной болью. Ему так хотелось показать американским офицерам с их чудесными, крепкими, белоснежными зубами, как эффективно может действовать советский офицер в критической ситуации. Но ему приходилось тратить слишком много сил, чтобы сохранить ясную голову. Любое слово, сказанное генералом Ивановым, любую, даже самую незначительную деталь следовало в точности передавать нетерпеливым американцам. Но стоило Козлову заговорить, он буквально чувствовал, как шевелятся в деснах его гнилые зубы, и от внезапно налетавших приступов боли кожа напрягалась вокруг его глаз. Совместное собрание штабов затянулось далеко за полночь. Напряжение нарастало: каждое новое сообщение с поля боя свидетельствовало о том, что фронт буквально разваливается на части. От недостатка сна у Козлова болела и кружилась голова, все вокруг он видел как в тумане. Он сделал большую ошибку, поев мороженой лососины и икры со стола, уставленного невиданными яствами с целью поразить американцев, и теперь холод нещадно терзал его больные

десны. Тогда он убедил себя, что ему необходима еда, что организму требуется горючее, чтобы функционировать без сна в критической обстановке. Но теперь он понимал, что им руководила жадность, ревность, даже злоба, когда он накладывал себе на тарелку деликатесы, давно уже ставшие недоступными даже для подполковника Советской Армии. Американцы жевали лениво и равнодушно, не представляя, скольких усилий стоило достать такую еду. Многие из них с явным пренебрежением отставили в сторону недоеденными свои маленькие тарелочки. Трудно, очень трудно любить американцев. С их блестящими, как у диких зверей, зубами.

Он поглядел на американского полковника с изуродованным шрамами лицом и на чернокожего майора, который так старался говорить по-русски. Козлов не сомневался, что черного прислали сюда специально с целью оскорбить советских. Мол, в современной американской армии русский учат только негры. И удивительная беглость, с которой тот говорил, только сильнее раздражала его. Козлов гадал, сколько скрытого смысла сможет уловить черный майор из признаний и умолчаний генерала. Нет, решил Козлов, он никогда не сможет полюбить американцев. У него даже мелькнуло подозрение, что они специально отбирали в эту экспедицию офицеров с самыми хорошими зубами, дабы преподать еще один унизительный урок своим советским — нет, русским — хозяевам.

— Генерал Иванов заверяет, — переводил Козлов полковнику с кошмарным лицом, — что у вас не возникнет никаких проблем с нашими средствами противовоздушной обороны. Во вре-

мя вашего перелета к месту проведения операции они получат строжайший приказ не открывать огня, не будучи атакованными. Мы обеспечим вам полную безопасность.

Зубы впивались в больные десны, и ему хотелось напиться допьяна, лишь бы не чувствовать, как они тупо ноют в ожидании очередного внезапного приступа пронзительной боли. Но он не может и не должен так поступить, и ему оставалось только обманывать себя иллюзией облегчения. Он гадал, нет ли у этих богатых крепкозубых американцев какого-нибудь офицера-дантиста и существует ли какой-нибудь не слишком унизительный способ попасть к нему на прием.

Он быстро прогнал предательские мысли. Любая боль лучше, нежели еще одно свидетельство нашей слабости перед американцами. И так все идет хуже некуда. Какой позор, что его родина упала так низко, что просит помощи у старинного врага, что превратилась в международную попрошайку. Нет, уж лучше потерять все зубы до одного, чем признать хотя бы еще одну слабость.

— Это имеет огромное значение, — ответил американский полковник, знаменитый полковник Тейлор. — Ведь наши программы обнаружения целей никак не смогут отличить ваши системы от систем мятежников. Для наших датчиков они абсолютно одинаковы. Понятно, что с арабами и иранцами такой проблемы не возникнет. Их японское вооружение легко засечь. Но когда дело доходит до систем советского производства, единственный способ отличить своих от чужих — это их местонахождение. Перед вылетом нам потребуется от вас самая

свежая информация — и в воздухе тоже, если удастся... Мы не хотим по ошибке ударить по вашим войскам.

Козлов слушал, как негр-майор переводит слова Тейлора. Вообще-то, обычно на переговорах переводят переводчики другой стороны, но Тейлор и генерал Иванов договорились о таком порядке. Он следил за внимательно слушавшим перевод генералом и гадал, о чем говорит американцам выражение его лица. Ситуацию еще более усложнило бесконечное вранье генерала Иванова. Козлов не сомневался, что американцы с их чудодейственной техникой знали об истинном положении дел гораздо больше, чем показывали. И генеральский поток лжи и полуправды порой вгонял подполковника в краску, хотя он и знал, что начальник врет с наилучшими намерениями. При мысли о необходимости переводить его слова, непосредственно передавать их американцам, которые знали им истинную цену, Козлову хотелось скрипеть зубами. Но и этого он не мог себе позволить.

Начать с того, что Козлов отлично знал о невозможности предупредить все советские части ПВО. Связь осуществлялась от случая к случаю, а порой и вообще пропадала, а в советских войсках к востоку от Урала царил такой хаос, они настолько были разбросаны вдоль всего лопнувшего фронта, что никто уже не знал их численности. Русские даже не могли воспользоваться собственной системой космической разведки для определения местонахождения своих частей, ибо японское оружие врага еще в самом начале боевых действий вывело из строя все спутники. Советской армии оставалось только наносить вслепую отчаянные удары, не зная

ни точного расположения войск противника, ни нахождения соседей в данный момент. Единственное, что они знали точно, так это то, что враг почти дошел до границы Казахстана и Западной Сибири, прорвав фронт между Атбасаром и Целиноградом, и что в спешно сколоченном заслоне немногим южнее Петропавловска стояли только потрепанные остатки Семнадцатой армии. Противник методично шел вперед вот уже целую неделю, чередуя марш-броски с паузами для подтягивания сил. Но теперь ситуация вообще полностью вырвалась из-под контроля. Предоставленная американцами сводка разведданных указывала положение противника насколько возможно точно. Но Козлов видел по выражению лица чернокожего майора — которого сослуживцы почему-то звали „Мерри", — что американцы знали гораздо больше, чем говорилось в весьма приблизительной сводке. Как хотелось бы Козлову хоть глазком заглянуть в святая святых полевого разведывательного центра американского полка! Не для того, чтобы шпионить — он был выше этого. Только чтобы узнать, что же все-таки творится в степях Средней Азии.

Все, конечно, знали, что дело плохо. Но из-за давнишней привычки к вранью, к замалчиванию всех неудач, кроме самых очевидных, соотечественники Козлова не могли заставить себя признаться иностранцам — пусть даже союзникам в свой роковой час, — насколько безнадежной стала ситуация. Генерал Иванов от всей души хотел признать факт прорыва. Но отчаянный призыв к американцам вступить в бой на целую неделю раньше срока мог мотивироваться только необходимостью поддержать намечен-

ное контрнаступление советских войск. А ведь генерал прекрасно знал, что единственное, что могла сделать Советская Армия в плане контрнаступления, — это начать швырять в сторону неприятеля пустые гильзы от снарядов. На самом деле Иванов видел два варианта возможного развития событий. При первом, американцы на своих секретных чудо-машинах действительно добьются определенного успеха. В таком случае советская оборона отойдет к югу, образовав более широкую буферную зону южнее границы Западной Сибири, и предпримет нечто такое, что с большой натяжкой можно будет назвать контрнаступлением. Но, скорее всего, вступление в бой американцев просто позволит выиграть немного времени, для того чтобы разобраться в невероятном бардаке, царившем сейчас в азиатских степях. Москва, конечно, надеялась, что появление американцев повергнет противника в такой шок, что удастся заключить перемирие. Но это было уж совсем из области фантастики. Генерал Иванов давно уже перестал говорить с Козловым — да и вообще со штабными — о победе. Теперь они уже просто бились день ото дня, стараясь хотя бы получить более ясную картину происходящего. Неделю за неделей они жили и работали как в тумане. Только с американцами генерал Иванов еще говорил так, словно он действительно командовал боевым фронтом, со всеми его передовыми и тыловыми частями, когда на самом деле там давно уже господствовала полная анархия.

Козлов потрогал языком гнилой корень клыка. Надо признать, американцы проявили полную готовность к сотрудничеству. Едва генерал Иванов официально передал одобренную Мо-

сквой просьбу о немедленной помощи, как американский полковник попросил разрешения связаться с начальством. Еще раньше, конечно, пожелание уже прошло по правительственным каналам, и Козлов со смешанным чувством наблюдал, как американские штабные офицеры просто-напросто раскрыли серый чемоданчик, напичканный электроникой, и, стуча по клавишам, начали прямой диалог с Вашингтоном. Ни антенну не стали вытягивать, ни подключили внешний источник питания. При этом они вели себя так безразлично, словно достали простую зажигалку. Именно это безразличие, даже сильнее, чем нарочитая демонстрация их превосходства, унизило советских офицеров, подчеркнув лишний раз их безнадежное отставание в технике. Козлову на миг показалось, будто он живет в стране, где время остановилось.

Американский полковник даже не пытался приводить доводы в пользу нежелательности преждевременного вступления в бой. Не пробовал он и торговаться с целью улучшить свое положение. Он просто провел сеанс связи с начальством, причем ни одна эмоция не отразилась на его лице, и через пятнадцать минут обратился к генералу Иванову:

— Вашингтон дал добро.

И началось лихорадочное планирование.

Все новые американские штабисты появлялись из закоулков промышленного комплекса. Теперь, в ранние утренние часы, герметичный штабной пункт насквозь пропах запахом русских сигарет и немытых тел. Все, даже лощеные американцы, выглядели измотанными и усталыми и говорили медленнее, более короткими фразами. Оба штаба, совершенно по-разному устро-

енные, изо всех сил старались проработать бесчисленное количество мелочей, могущих возникнуть в ходе совместной операции. Казалось, дым шел от карандашей и ручек, маркеров и клавишей компьютеров, пока их владельцы изобретали наилучший план, как доставить американский полк на поле боя за тридцать шесть часов. Формально переводчиков имелось достаточно. Но скоро стало ясно, что языковой барьер удавалось преодолеть не всегда. То и дело Козлова звали, чтобы он лично помог разобраться в оперативной терминологии или в графической документации, и он опасался, как бы самому не допустить роковую ошибку. Выходцев из южных штатов США понять было особенно трудно, а проще всего, как ни странно, оказалось с израильским наемником — начальником оперативного отдела, — который говорил на классически правильном английском.

Большую часть своей карьеры офицера ГРУ Козлов изучал американцев. Даже работая со строевыми офицерами в рамках новейшей программы Академии имени Фрунзе для элиты Советской Армии, он старался держать в поле зрения авантюрные действия армии США в Латинской Америке. Он стремился ухватить суть политики Соединенных Штатов и понять, почему их военные так непохожи на русских. Много лет назад он, как и все его друзья-лейтенанты, радовался унизительному поражению США в Африке. Конечно, вышестоящее командование не осознало тогда истинного значения тех событий. Пользуясь словами английского поэта, они не поняли, по ком звонит колокол. И вот теперь весь мир перевернулся. Но Козлов обнаружил, что, по крайней мере, тип американского

военного, каким он его себе представлял, остался неизменным. В этих офицерах, склонившихся над картами и переносными компьютерами, при всей их непохожести друг на друга, было много общего: все агрессивные до грани безрассудства, не теряющиеся при неожиданных переменах обстановки, нетерпеливые в работе с мелкими деталями, внешне открытые, но, по сути, довольно замкнутые, слабые теоретики, но прирожденные безжалостные бойцы, не боящиеся спорить даже с начальством и не прячущиеся от ответственности, которой советский офицер постарался бы избежать. Все они настолько привыкли к изобилию как своих личных вещей, так и военного оборудования, что не замечали маленьких жертв и огромных усилий со стороны других. Прекрасный пример — сегодняшнее угощение. Несмотря на сложнейший момент, советское командование не пожалело сил, чтобы привезти американским офицерам исключительные деликатесы. Даже самые видавшие виды советские офицеры не поверили своим глазам при виде изобилия, разложенного на столах в углу штабной комнаты. Цель, конечно, была поразить американцев. Но кроме того — искренне подчеркнуть глубину и самоотверженность русского гостеприимства. Однако американцы едва посмотрели на пищу. Долгие часы она простояла нетронутая под пораженными взглядами советских офицеров. И только когда генерал Иванов лично подвел к столу американского полковника — буквально притащил его туда, — несколько американцев оторвались от своих карт и приборов, чтобы пару раз отщипнуть от того и от этого.

Козлов кожей чувствовал унижение, граничившее с настоящей физической болью, которое испытывали все советские офицеры, ожидая, когда американцы наконец наклюются за столом, оставив его после себя в таком состоянии, что к нему было уже стыдно подходить. И тогда, с виноватым видом, советские офицеры стали бочком подбираться к деликатесам. Козлов подозревал, что для некоторых из младших офицеров сегодня представилась первая в жизни возможность — а может быть, и последняя — попробовать знаменитые русские лакомства. В тягучие утренние часы Козлов едва сдержался, чтобы не ударить молодого капитана, украдкой взявшего с тарелки недоеденную американцами еду.

„Да, — снова сказал себе Козлов, — американцами есть за что восхищаться. Даже завидовать. Но их невозможно любить".

Полковник Тейлор произвел на него впечатление классического американского боевого командира, несмотря на всю необычность его биографии. Он казался деловым, бесчувственным, бессердечным до жестокости. Даже его изуродованное шрамами лицо было лицом воина, лицом индейского вождя, разукрашенным для устрашения врагов. Козлов всегда скованно чувствовал себя в присутствии Тейлора, вечно ожидая, что тот вдруг вскинется и обвинит его в неточности или медлительности перевода или прямо в лицо назовет его лжецом. Как правило, Козлов выделялся среди других офицеров самообладанием, удачливостью, щедростью на обещания и раскованностью в присутствии генералов и прочего высокого начальства. Но этот Тейлор обладал даром выбивать его из колеи

одним случайным взглядом. Высокий человек со шрамами из детских кошмарных снов. При всей своей серьезности, американский полковник оставался неизменно вежлив, даже предупредителен. Однако Козлов всегда чувствовал при нем, что вот-вот совершит что-то невообразимо глупое или смешное.

Козлов в свое время ознакомился с секретным досье на Тейлора. Родился в апреле 1976 года. Окончил в 1997 году Военную Академию США. Занимался легкой атлетикой, показывал прекрасные результаты в беге. Отличный наездник. Учился хорошо. Ветеран злосчастной африканской кампании, проделавший почти легендарный переход по диким районам Заира. Перенес болезнь Рансимана, сохранив здравый ум, но оставшись с многочисленными шрамами. От пластической операции отказался. Тут Козлов запнулся, вспомнив о своих собственных молодой жене и ребенке, что умерли без должной медицинской помощи, без лекарств. Снова перед его мысленным взором предстали их воспаленные глаза, полные укора. Потом их образ ушел, оставив только боль, гораздо более острую, чем от его больных зубов.

Тейлор не женат. Молодым лейтенантом, до Заира, он здорово погулял, но шрамы на лице положили решительный конец его любовным похождениям.

Козлов мысленно перелистал страницы досье. Да, еще, конечно, была та маленькая шлюшка, сотрудница Объединенного разведывательного управления. Женщина, переспавшая в Вашингтоне со всеми, кроме сотрудников советского посольства. Но это произошло в жизни Тейлора совсем недавно, и, несмотря на шутки

и сплетни, гулявшие по Вашингтону, Козлов сомневался, чтобы такая интрижка могла привести к чему-то серьезному. Он не мог себе представить, чтобы какую-нибудь, пусть даже самую легкомысленную, женщину могло связывать с Тейлором больше, чем несколько часов его нескладной жизни. И даже тогда им пришлось бы первым делом выключить свет.

Но если карьера Тейлора-любовника оказалась короткой, то как солдат он завоевал внушительную репутацию. Аскет в личной жизни. Не курит, пьет мало. Фанатичный спортсмен, хотя по природе не атлет. Не охотник, не рыболов, хотя якобы увлекается альпинизмом. При всей своей внешней свирепости, умен и интеллигентен. Для американца очень хорошо начитан. Помимо профессиональной литературы любит на досуге почитать классическую американскую прозу, особенно Марка Твена, Мелвилла, Хемингуэя и Роберта Стоуна. Против списка его любимых книг стоит карандашная пометка — все они об изгоях, об одиночках. Получил научную степень в области электроники и теории информатики — хотя вышеперечисленные науки не входят в число его личных интересов. Его обошли стороной все кампании по сокращению штатов, так обескровившие армию США. В годы эпидемии болезни Рансимана командовал сначала воздушно-десантной ротой, а потом батальоном в Лос-Анджелесе, где он одновременно подтвердил свою репутацию отличного солдата, выучил испанский язык и написал критический разбор американской интервенции в Заире, такой безжалостный, что его чуть не уволили. В конечном итоге, однако, дело кончилось

его внеочередным повышением в чине. Кадровая политика в американской армии — вещь совершенно непредсказуемая.

Тейлор принимал активное участие в военной реформе армии США, когда вновь взвились знамена былых десантных полков, теперь сменивших прежние тяжеловесные, малоподвижные дивизии и корпуса. Крупный специалист в области тяжелых вооружений и соответствующих военных технологий, Тейлор тем не менее получил назначение в Мексику, где командовал оперативной группой. Тогда США пытались остановить войну, пылавшую у их южных границ. Прибыв на место вскоре после бойни в Тампико, Тейлор воспользовался недавно введенным правом контроля над прессой, для того чтобы не допускать журналистов в район своих операций — сперва в Сан-Мигель де Альенде, а позже, при очередном повышении, — в Гвадалахару. Эта часть досье была испещрена вопросительными знаками — аналитики ГРУ пытались понять секрет его успеха. Он нарушал все правила, поступал вопреки всяким ожиданиям и завоевал славу беспощадного мастера горных боев. Его подчиненные применяли и вертолетные десанты, и всеми позабытые кавалерийские налеты и один за другим уничтожали отряды мятежников, многие из которых мало чем отличались от обычных банд, в то время как другие представляли собой патриотические силы, вооруженные с помощью японцев. Как правило, его очень хорошо принимало местное население, хотя, по идее, оно должно было поддерживать повстанцев. Никто из советских аналитиков так и не решил это диалектическое уравнение.

Этот убийца, любитель хороших книг, этот изуродованный шрамами человек, ставший идеальной военной машиной, вернулся в США, чтобы принять командование над только что реорганизованным и переоснащенным Седьмым десантным полком, размещенным в Форте Райли, штат Канзас. Подразделение имело на вооружении какие-то новые боевые системы, подробности о которых советской разведке были еще не ясны, хотя американцы и планировали операцию на тех же картах, что и соратники Козлова. Тейлор вступил в должность только девять месяцев назад, большую часть из которых он провел в Вашингтоне, проходя утверждение на различных комиссиях. А затем Советский Союз тайно обратился к Соединенным Штатам с просьбой о помощи перед лицом возросшей угрозы его существованию.

Но почему же, в конце концов, все эти люди находятся здесь? Почему Соединенные Штаты ответили положительно? Козлов не сомневался, что бескорыстная помощь народу Советского Союза не являлась их истинной целью. И они не стремились прибрать к рукам природные богатства Западной Сибири, ибо они практически вытеснили японцев из Латинской Америки, а вновь открытые там месторождения вполне удовлетворяли нужды США. В равной степени он не верил, что американцы руководствовались чувством мести — против извечно неуправляемых и кровожадных иранцев или даже против японцев, чей силуэт так явственно проступал за спинами мусульманских исполнителей их имперских планов. В конечном итоге Козлов остановился на мысли, что его страна просто стала

испытательным полигоном для нового поколения американских вооружений, не более того.

Зубы болели так сильно, что ему хотелось руками вырвать их из десен. Когда же это кончится? Когда это все кончится?

— Черт с ними, с американцами, — решил он. — Наплевать, почему они здесь. Главное, чтобы их оружие сработало.

Майор Мануэль Ксавьер Мартинес стоял рядом с Тейлором у разоренного стола с закусками и отправлял в рот какие-то объедки, с тоской вспоминая о полевом завтраке. Офицеры обсуждали кое-какие проблемы взаимодействия. Чтобы не быть подслушанными, они говорили по-испански, и, несмотря на усталость, начальник службы тыла не мог не подмечать забавность ситуации. Обычно он обращался к Тейлору „Хефе"*, но это была всего лишь их общая шутка. Вообще-то Тейлор говорил по-испански правильнее, чище и точнее, чем он сам. В жилах Мартинеса текла мексиканская и американская кровь, но главным для него языком, языком его образования и привязанностей, являлся английский. Его испанский, по существу, был местным диалектом его молодости в Сан-Антонио, отлично подходившим для трепотни с приятелями на перекрестке, но недостаточным для выражения сложных лингвистических понятий. При разговоре Мартинес разбавлял поток своих испанских фраз гораздо большим количеством английских военных терминов, чем хотелось бы его командиру — чистокровному англосаксу.

*Шеф, начальник (*исп.*).

— Я все еще вижу два момента, где могут возникнуть проблемы, сэр, — рассуждал Мартинес. — И заметьте, я говорю только о снабжении. — Он посмотрел через всю задымленную комнату на Мерри Мередита, сидевшего за переносной станцией и с усталым видом читавшего вновь поступающую разведывательную информацию. — Не хотел бы я оказаться на месте Мерри.

— Мерри справится, — откликнулся Тейлор.

— Да. Я знаю, Хефе. Но главное не в том, что они — просто кучка лживых подонков. Меня возмущает, как они с ним обращаются. Взять хотя бы того подполковника с гнилыми зубами. Боже, он ведет себя как шериф из Алабамы 50-х годов прошлого столетия. — Мартинес покачал головой. — А Мерри это так обидно. Он так втюрился в их вонючую русскую культуру.

— Мерри бывал и в худших переделках. А тебе просто повезло, что они принимают тебя за грузина или армянина.

— Я никак не могу добиться от них ни одного прямого ответа, — пожаловался Мартинес. — Здесь хуже, чем в Мексике.

— В Мексике были еще цветочки, — заметил Тейлор.

— Тем больше причин, почему я хочу, чтобы они вели честную игру.

— Они не могут, — пояснил Тейлор с удивительным терпением в голосе. Мартинес не уставал поражаться его спокойствию. — Они не могут сказать нам правду об общей ситуации, ибо сами ее не знают. Вслушайся в их разговор,

Мэнни. Они в растерянности и смертельно напуганы, но пытаются при этом сохранить лицо. Их мир разваливается на глазах, но они искренне хотят дать нам все, что у них есть.

— Проблема в том, чтобы выяснить, что именно у них есть, — откликнулся Мартинес. Он запил сухое печенье глотком безвкусной минеральной воды. — Ну ладно. Первым делом поговорим о топливе. Своего нам хватит на всю операцию. Но к ее концу наши М-100 останутся практически с пустыми баками. Судя по стрелкам, что нарисовал Счастливчик Дейв, Первой эскадрилье предстоит особенно долгий путь. Наш собственный резервуар не удастся пополнить еще дней пять-шесть, учитывая состояние их железных дорог.

— Итак, какое решение принимает Мартинес? — спросил Тейлор. Его лицо, лицо языческого ангела смерти, к которому Мартинес только сейчас начал привыкать после многих лет совместной работы, оставалось невозмутимым.

Мартинес улыбнулся:

— Неужели я настолько предсказуем?

Тейлор кивнул. Признак усмешки мелькнул на мертвых губах.

— Ну, — начал Мартинес, — у советских есть один вид топлива, почти не уступающий „Джи-Пи-10". И их паренек утверждает, что может организовать его поставку. Конечно, в их топливе часто оказывается много посторонних примесей. Придется проверять все до последней капельки. Но если мы сможем заставить их доставлять горючее своевременно, то мое предложение состоит в следующем: выполнить операцию на их топливе и законсервировать наше. — Не обременяя Тейлора ненужными мелочами,

он коротко пояснил прочие преимущества своего плана. Поскольку запасы их собственного горючего уже закачали в большие стационарные заправщики, появится возможность сэкономить время на перевозке и перекачке. К тому же удастся сохранить независимость в ходе боевых действий.

— А ты уверен, что с их топливом мы все не свалимся на землю?

— Уверен, — ответил Мартинес, хотя эта мысль тоже не давала ему покоя. — Мы можем контролировать его качество. Когда их горючка чистая, ее состав полностью отвечает нашим требованиям. Впрочем, я не особо беспокоюсь о двигателях. Другое дело — определение границ района боевых действий.

— Ясно. Продолжай. Ты говоришь о двух вопросах, в которых могут возникнуть сложности.

— Да, Хефе. Тебе и Счастливчику Дейву, наверное, предстоит тут разбираться. У этих ребят болезнь — они все прирожденные централизаторы. Мой визави желает сконцентрировать все предметы снабжения в одном большом комплексе складов. Черт-те где, в конечном пункте операции. Он утверждает, что так хочет генерал, иначе, мол, они не смогут гарантировать охрану складов. Логика на них не действует. А от слова „децентрализация" у них начинаются судороги. — Мартинес покачал головой. — Мы на все смотрим по-разному. Они беспокоятся за охрану на земле. Ну, сам знаешь: „Стой, кто идет", и все такое прочее. А меня заботят ракеты и воздушные налеты. Ведь если, как они хотят, собрать все в одну большую кучу, одного удач-

ного попадания хватит, чтобы вывести нас из игры.

Впервые за все время тень озабоченности пробежала по лицу Тейлора. Испещренные шрамами брови сошлись на переносице.

— Я думал, мы здесь уже добились полной ясности. Мы договорились, что у каждой эскадрильи будет свой собственный район рассредоточения. Хейфец уже обозначил их на карте.

— Но Счастливчик Дейв толкует им одно, а они ему — совсем другое. По их мнению, из нашей договоренности вовсе не следует, что каждой эскадрилье полагается собственное независимое место размещения средств обеспечения.

Мартинес заметил, что глаза Тейлора блеснули холодным огнем. Старик, как и все остальные, прозевал потенциальную проблему. Мартинес пожалел, что не смог разрешить конфликт самостоятельно. Он уже достаточно хорошо изучил Тейлора и знал, что тот теперь станет безжалостно казнить себя за то, что не предугадал возможной неувязки. Мартинес не знал другого человека, другого солдата, который был бы настолько строг к себе. С ним не шли ни в какое сравнение даже Мерри Мередит, Счастливчик Дейв и прочие члены Клуба любителей самоистязаний Седьмого десантного.

В своей жизни Мартинес встречал не так уж много героев. Но на свое счастье, он не восхищался крутыми ребятами с перекрестков его родного Сан-Антонио — такими же полудетьми, полувзрослыми, как и его неизвестный отец, а его юность и молодость прошли в борьбе за право чувствовать себя лучше окружающих, за то, чтобы все поняли: парнишка из мексиканско-

го гетто может их всех заткнуть за пояс. Оценки — так уж лучше всех, английский — правильнее, чем у всех. Поощрительная стипендия не только позволила ему продолжать обучение, но и доказала, что он такой же американец, как и все англосаксы. Он не желал, чтобы его принимали за кого-то другого, чтобы кто-нибудь мог отнести его не к самой высокой категории. Когда он навещал мать, то отказывался говорить по-испански и даже есть мексиканскую пищу, которую она готовила специально к его приезду. И уже став капитаном, он истратил все свои сбережения на то, чтобы купить ей солидный буржуазный дом в респектабельном северо-западном пригороде Сан-Антонио, пусть даже еще многие годы ему предстоит выплачивать за него взносы. То был его триумф, шаг огромной важности. Однако после многочисленных неудачных попыток дозвониться домой и поговорить с преждевременно состарившейся женщиной, он вернулся на грешную землю. Изнывая от беспокойства, он наконец отыскал-таки ее по телефону своей тетки. И его мать плакала в трубку, клялась, что любит новый дом и бесконечно гордится сыном. Вот только дом — он такой большой и пустой и находится так далеко от всех ее знакомых. И соседи там не говорят по-испански. Потому-то она и переехала назад в мексиканский квартал, в квартиру сестры. Туда, где она чувствует себя в своей тарелке. С тех пор дом стоял заброшенный, за исключением тех редких случаев, когда Мэнни приезжал в отпуск. Он стал воплощенным в камне напоминанием о границах возможного, которые нельзя переступить, о поражении, которое по-

терпел молодой человек, не знавший в жизни героев.

А потом появился Тейлор. Мартинес не любил всуе употреблять слово „герой". Но решись он применить его к кому-либо, в первую очередь его выбор остановился бы на этом необычном полковнике, что сейчас стоял рядом с ним у разоренного стола с закусками.

Тейлор в Мексике интуитивно понял и использовал местные условия гораздо лучше, чем его начальник тыла, в чьих жилах текла мексиканская кровь. Гражданские ученые и специалисты-советники, прикомандированные к Тейлору, читали ему лекции о нехватке продовольствия у населения и о различного рода дефицитах, связанных с хронической бедностью страны. А Тейлор, презрев все инструкции, выгнал их всех взашей из своего сектора. Он отлично понимал необходимость удовлетворить минимальные запросы местного населения в продуктах питания. Но, прежде всего, он почувствовал тягу мексиканцев к театральности. В своих нелепых серебряных шпорах Тейлор всегда первым выпрыгивал из вертолета. Он объезжал каньоны на великолепном черном жеребце и не сгибал головы там, где остальные карабкались на четвереньках. Мартинес знал чувство страха, и он не верил, что среди нормальных людей может найтись абсолютно бесстрашный человек. Но Тейлор бесспорно прятал свой страх лучше всех остальных — например, когда в одиночку въезжал на „джипе" в города, где представители дружественного США временного правительства висели на столбах, зияя отсутствующими частями тела. Он выжимал все возможное из своего живописного уродства, жил

на маисовых лепешках и бобах, чтобы иметь возможность эффектно отдавать свой паек вдовам и сиротам. Словом, Тейлор презрел все правила поведения джентльмена с целью добиться той живописности, которой прежде всего жаждала измученная Мексика. Его называли показушником, жуликом, психом, грязным сукиным сыном, но никто не мог повторить его успехи. Тейлор с одинаковой легкостью подстраивался под менталитет мексиканского крестьянина и лос-анджелесского громилы. Тейлор скрывал свой ум и тонкое знание языка под жестким, даже грубым лексиконом, который его подчиненные ожидали услышать от командира. Майор Мануэль Ксавьер Мартинес не верил в героев. Но он не был уверен, что когда-нибудь сможет стать таким человеком, как полковник Джордж Тейлор.

— Мэнни, — проговорил Тейлор, — как хорошо, что ты не дал мне завалить всю операцию. Мне следовало бы добиться от этих чертовых русских четкого объяснения, что именно они понимают под „рассредоточением сил". — Полковник говорил сердито, но весь его гнев был направлен против себя самого. — Я хочу быть абсолютно уверенным, что когда наши ребята станут возвращаться после боевого задания, они найдут на базе топливо, боеприпасы, консервы, бинты и вообще все, что им может потребоваться. Словом, все, что положено.

— Да, все, что положено, — повторил Мартинес. Ему очень хотелось порадовать этого человека, хорошо помочь ему, и в то же время ему было совестно опять обращаться к нему за содействием. — Боюсь, тебе самому придется решить этот вопрос с Ивановым, Хефе. Он здесь

главный, а Козлов боится принимать самостоятельные решения. Он считает меня сумасшедшим из-за того, что я хочу рассредоточить наши материальные средства, и вдвойне сумасшедшим, потому что я критикую решение генерала.

Тейлор кивнул:

— Хорошо, Мэнни. Давай-ка подхватим Дейва и Мерри и еще разок поворкуем с нашими русскими братиками.

Мартинес улыбнулся:

— И еще разок позволим этому славному Козлову подышать нам в лицо. — Он бросил взгляд на маслянистое печенье, которое он машинально взял с тарелки. Оно было таким неаппетитным, что он не донес его до рта.

Мартинес почувствовал на себе взгляд Тейлора. Полковник глядел на него так пронзительно, что его рука с печеньем застыла в воздухе, словно повинуясь приказу волшебника. Глаза двух офицеров встретились, и майор поразился, насколько серьезным был взгляд его командира.

— Съешь его, — тихо произнес Тейлор голосом сухим и бесстрастным, как горная пустыня. — А потом — улыбнись.

Майор Говард Мередит, для друзей просто Мерри, почти забыл, когда люди в последний раз обращали внимание на цвет его кожи. Хотя русские и не были откровенно грубы, но они разговаривали с ним с едва скрытым пренебрежением. Он один-единственный из старших офицеров американского полка говорил по-русски, но тем не менее его коллега явно предпочитал общаться через переводчика с его белокожим подчиненным.

Мерри Мередит не слишком страдал. Ему в жизни довелось побывать в гораздо худших ситуациях. Однако он не мог не испытывать некоторую грусть. Его еще давно предупреждали о том, что русские — расисты, но он верил, что для него будет сделано исключение. Хотя бы из уважения к Пушкину. Из всех присутствовавших здесь американцев он один читал русскую классику. Он знал названия картин Репина и даже когда они были написаны. Ему казалось, что из своих соотечественников он один понял ту железную цепочку неизбежностей, что привела этих людей к нынешней трагедии. Он даже знал названия и составные части многочисленных закусок, которые хозяева, явно с огромным трудом, наскребли для сегодняшней встречи. И тем не менее всякий раз, когда он подходил к столу, русские бросали на него недовольные взгляды, словно его темная кожа могла испачкать еду.

Расовой дискриминации не было места в университетском городке, где беззаботно прошла его молодость, а за годы, проведенные в Уэст-Пойнте, он сам научился отгораживаться от подобных предрассудков. Армия же испытывала такую нехватку способных людей, что их национальные, этнические и социальные корни никого там не волновали. Только позже жизнь впервые заставила его посмотреть на свое отражение в зеркале.

И вот теперь, через много лет после того ужасного дня в Лос-Анджелесе, он оказался рядом с советским полковником, который видел в нем всего лишь относительно высокоразвитое животное. Начальник советской разведки посвящал его в тонкости построения армии против-

ника и ситуации на фронте так, как если бы разговаривал с ребенком, и Мередиту постоянно приходилось вызывать в памяти образ и пример Тейлора, чтобы удержаться от того, чтобы словами, а то и действием не оскорбить пузатого полковника. Самое обидное, что тот явно знал меньше Мередита о противнике и даже о положении собственных войск, а то немногое, что было ему известно, уже давно и безнадежно устарело. Благодаря постоянно обновляющейся разведывательной информации, что звучала в его наушниках и появлялась на экране переносного компьютера, Мередит знал, что боевая обстановка ухудшалась с каждым часом. И, однако, похоже, полковника Козлова интересовала только демонстрация своего этнического превосходства.

Мередит с облегчением увидел, как Мэнни Мартинес прервал свой тет-а-тет с Тейлором и направился к столу, переоборудованному в разведывательный отсек.

На лице Мартинеса сияла ослепительная улыбка, резко контрастировавшая с царившей в помещении атмосферой умственного и физического истощения.

— Простите, сэр, — извинился Мартинес перед бочкообразным советским полковником, со своей указкой, напоминавшей дирижерскую палочку, скорее походившим на руководителя уличного оркестра. Потом он повернулся к Мередиту: — Мерри, наш Старик хочет, чтобы ты поприсутствовал на одной маленькой беседе. Можешь освободиться на минутку?

Мередит испытал восторг школьника, которому вдруг разрешили прогулять уроки. Он спешно извинился перед полковником по-рус-

ски и оставил своего зама страдать во имя армии Соединенных Штатов Америки.

Лавируя между столами, Мередит почувствовал, что улыбка Мэнни оказалась заразительной.

— Ну что ты оскалился, придурок? — поинтересовался Мередит у приятеля.

Мэнни улыбнулся еще шире:

— Это все еда. Ты должен ее попробовать.

— Уже пробовал, — ответил Мередит. Хотя умом он и понимал, каких усилий стоило организовать такой буфет и что все в нем — относительно высокого качества, он все же не мог поверить, что Мэнни действительно понравились закуски. Все его попытки убедить остальных офицеров отдать им должное безнадежно провалились. — Да брось, ты меня разыгрываешь.

— Только не я, брат. Еда потрясающая. Хочешь, спроси у Старика сам.

Мередит решил, что тот шутит, и, хотя так и не понял юмора, не стал больше ничего выяснять. Протискиваясь мимо последнего рабочего стола, он зацепил грубыми шерстяными брюками за край лежащей на нем кальки со схемой и сбросил на пол несколько маркеров.

— Классный же ты был, видать, защитник, — заметил Мэнни.

Мередит с приятелем быстро подобрали упавшие инструменты с беспорядочно разбросанных по полу компьютерных распечаток и извинились перед измученным капитаном, чья работа пошла насмарку. Когда друзья распрямились, перед ними стоял полковник Тейлор, а также генерал Иванов, Козлов и еще один русский, в котором Мередит признал коллегу Мэн-

ни. Через минуту подошел Счастливчик Дейв Хейфец и советский офицер, заместитель по планированию.

Стараясь не привлекать к себе внимания, Мередит передвинулся так, чтобы не оказаться лицом к лицу с Козловым. Тот был вполне привлекательным человеком — пока не открывал рта, полного обломанных гнилых зубов, от вида которых хотелось зажмуриться.

Его дыхание смело можно было квалифицировать как самое грозное наступательное оружие, имевшееся в арсенале русских. Мередит сочувствовал Козлову, ибо тот явно являлся первоклассным офицером и изо всех сил старался, чтобы все шло как надо. Но его сочувствие не шло настолько далеко, чтобы терпеть его дыхание.

И без того в комнате стояла вонь, и воздух висел неподвижно, тяжелый, как одеяло. Грубая ткань советской формы, которую носили все присутствовавшие, стала еще жестче от засохшего пота. Мередит не чувствовал уверенности, что его желудок выдержит дурной запах изо рта Козлова, учитывая поздний час, недосыпание и тяжелый груз жирной, нездоровой русской пищи.

Тейлор подвел их всех к карте во всю стену и бросил быстрый взгляд на Мередита, выясняя, готов ли тот переводить.

— Похоже, — начал Тейлор, — что мы так торопились, что наши советские союзники не успели понять одну маленькую вещь...

Перевод давался легко. Мередит отлично знал, в каком тоне хотел говорить Тейлор — как всегда, в единственно нужном. Общаясь с уличной ли шпаной, с мексиканскими ли банди-

тами, с сенаторами или советскими генералами, Тейлор не уставал восхищать Мередита верным выбором не только слов, но и голосовых оттенков, которые помогали ему наилучшим образом воспользоваться предубеждениями собеседников.

А интересно, что советские думали о самом Тейлоре? Мередит приметил, что мало кто из советских офицеров носил на лице отметины болезни Рансимана. В то же время он знал, что Советский Союз пострадал от эпидемии еще больше, чем Америка, но, похоже, у них существовали некие негласные правила, не допускавшие до высоких должностей и званий сильно изуродованных людей. Мередит часто гадал, не является ли это просто-напросто еще одним проявлением извечного пристрастия русских военных к показухе.

Он попробовал представить себе, каким кажется Тейлор впервые увидевшим его людям. Трудно, конечно, оставаться объективным, проработав с человеком столько лет и испытывая к нему такую глубокую, хотя и не высказанную вслух, привязанность. Даже в Соединенных Штатах 2020 года Тейлор скорее мог оказаться жертвой предрассудков, даже объектом примитивного животного страха, чем хорошо одетый, без единого шрама выходец из буржуазной среды, которому по случайности досталась кожа цвета молочного шоколада. Мередит порой задумывался, станут ли русские судить о его командире тоже только по внешним данным.

— ... и мы хотим решить все проблемы в атмосфере открытости и взаимного доверия, — перевел Мередит.

Генерал армии Иванов вслушивался в легкое течение русской речи, гадая про себя, где черный американец так хорошо научился языку. От американцев вообще только и жди каких-нибудь сюрпризов. Некоторые сюрпризы приятные — они очень старательны, очень уверены в себе, очень сообразительны. Но имелись и другие сюрпризы, смириться с которыми оказалось не так-то просто. Например, эта история с рассредоточением средств обеспечения. Говорят американцы всегда очень вежливо, но за вежливостью скрывается несгибаемая твердость. Иванов уже давно заметил железную закономерность: они уступят в мелочах, но в более важных вопросах всегда настоят на своем.

Иванов устал физически, и ему надоело спорить. Ладно, пусть делают как хотят. А Советская Армия будет распоряжаться своими войсками так, как считает нужным. Пусть американцы попытаются. Иванов хотел бы верить, хотел бы сохранить в себе оптимизм, но он так долго испытывал одни поражения и очень сомневался, чтобы один-единственный полк, пусть и вооруженный таинственным американским чудо-оружием, смог бы внести перелом в ход войны. Но он будет им благодарен даже за самую малую помощь. Положение складывалось отчаянное, и он боялся войти в историю в качестве одного из тех русских военачальников, чьи имена ассоциировались с крахом.

Но кто может с уверенностью сказать, сколько лет еще будет продолжаться сама русская история? Посмотрите на глубину пропасти, в которую мы уже упали. Выпрашиваем помощи у американцев...

Впрочем, и они сами доживают последние дни. Иванов считал, что время белой расы ушло и будущее принадлежит азиатским толпам, так что лучшее, что можно сделать, это еще ненадолго сдержать напирающий поток.

Иванов переводил взгляд с одного американского лица на другое. Как нелепо они все выглядели в советской форме. Этот убийственного вида полковник — наверняка такое же чудище внутри, как и снаружи, иначе он прибегнул бы к замечательной американской косметической хирургии. А вот тот, похожий на шалопая-грузина. И еще израильтянин — Иванов знавал таких — замкнутый тип, от которого не дождешься улыбки, не уговоришь опрокинуть стаканчик. За евреями вечно нужен глаз да глаз. Немцы с ними не справились, и арабы тоже, несмотря на все свои атомные бомбы и нервно-паралитический газ. Но евреи тоже дали, в конце концов, маху. Они поставили на американскую лошадку, а им следовало бы поддержать японцев. Так, еще черный майор, так здорово говорящий по-русски. Иванов полагал, что руководство полка подбиралось специально таким образом, чтобы уверить русских в единстве американского народа, наподобие висевших повсюду в годы его молодости плакатов, с которых эстонцы и украинцы улыбались рядом с азербайджанцами и таджиками. Но как те плакаты не обманывали никого в советском обществе, так и американцам не удастся никому здесь запудрить мозги, и Иванов гадал, как эта команда проявит себя в настоящем бою.

Раньше, в бытность его молодым офицером, все было совсем иначе. Даже на младшего лейтенанта смотрели с уважением. А потом пришел

этот тип Горбачев со своими реформами и обещаниями и начал рыть яму под армией. Нашлись среди военных честолюбцы, которые помогли ему. Иванов и сам не сомневался в необходимости перестройки, поддавшись царившей тогда эйфории. Но как мало сбылось из обещанного. Люди просто перестали испытывать уважение и страх. Они захотели жить как западноевропейцы, как американцы. Они не осознавали роль России, Советского Союза в мировой истории. Они думали только о себе. Потом, когда страна начала разваливаться на части, наконец-то пришли к власти более разумные люди. Но слишком поздно. Иванов был знаком с многочисленными теориями о неизбежности краха экономической модели, пережившей свое время, о расплате за десятилетия неумеренных трат на оборону, о громоздкости системы, душившей ростки всего живого...

Ложь, ложь, все ложь. Горбачев и его сообщники предали веру, отдали победу в чужие руки. В конечном итоге преследования военных никому ничего не дали. Экономика не возродилась волшебным образом, напротив, жизнь становилась все хуже и хуже. Расстрелять мало человека, разрушившего величайшую державу в мире.

Когда система дала трещину, ничто уже не работало, как прежде. Это было все равно что пытаться затолкать обратно в тюбик выдавленную зубную пасту. Демократия... Смешно слушать. Советскому Союзу нужна сила. А вместо силы народ получил пустые обещания, неравенство, предательство.

Те десятилетия, что Иванов шел к своему нынешнему чину, казались ему нескончаемой

хроникой развала, восстаний, бунтов и полумер. Его жизнь прошла впустую в долгих, беспросветных сумерках.

А теперь дело дошло до гражданской войны, интервенции, крушения всего. И еще эти американцы, пришедшие отомстить, насладиться унижением старого врага.

Обговаривая последние детали с этими раскованными, чересчур уверенными в себе людьми, ряженными в ту форму, что воплощала для него всю его жизнь, все мечты, Иванов не мог отогнать от себя трагическое чувство ностальгии по прошлому его страны. Так человек, мучаясь со стервой женой, с тоской вспоминает ту, другую девушку, на которой ему следовало бы жениться.

Совещание штабов подходило к концу. Сейчас американцы останутся одни и закончат последние приготовления. А потом они вступят в войну. Бросят в бой свое новое удивительное оружие, о котором они даже сейчас отказываются говорить.

Что ж, удачи им. Иванов надеялся, что они убьют как можно больше врагов его страны. Конечно, если бы самоуверенность могла убивать сама по себе, американцы были бы непобедимы.

Возможно, они обладают очень важными тайнами, даже более важными, чем предполагает советская разведка. Но генерал Иванов тоже знал одну тайну — сверхсекретную, в которую власти СССР не посвящали никого ниже Иванова по чину, дабы не подрывать еще больше боевой дух людей. Даже бедняга Козлов ни о чем не догадывался. Но Иванов подозревал, что американцев в скором времени ждет сюрприз.

8

Вашингтон, округ Колумбия

— А что, если нам потом смыться куда-нибудь и пропустить по рюмочке? — предложил Боукветт. — По-моему, мы вполне заслужили небольшую передышку.

Дейзи оторвалась от своих записей. Клифтон Боукветт склонился над ней. Пожалуй, он подошел слишком близко. Ее глаза скользнули вверх по безупречной стрелке его брюк, по элегантному шелковому галстуку. В нынешние сумасшедшие дни, когда все, казалось, ходили в несвежих рубашках, накрахмаленный воротничок Боукветта сиял первозданной белизной. Он относился к тем людям, которые рождаются с идеально завязанным галстуком. Вот и теперь, в дни, когда другие от усталости начинали допускать ошибки, когда их лица стали пепельно-серыми от постоянного чувства тревоги, Боукветт стоял в свободной позе, с небрежностью спортсмена, и ничего, кроме бесчисленных, проведенных под парусом выходных, не оставило следа на его коже. Когда Дейзи впервые появилась в Вашингтоне, она восторгалась и верила людям, подобным Клифтону Рейнарду Боукветту, и готовность, с которой такой мужчина забыл о жене, чтобы провести несколько из своих

драгоценных часов с некрасивой, хотя и умной и молодой, девушкой-аналитиком, заставили ее поверить, будто мечты — настоящие, серьезные, взрослые мечты — действительно сбываются в этом городе. Так ей казалось на протяжении первых пяти-шести романов. Потом все это стало привычным, и многочисленным мужчинам уже не было нужды придумывать много оправданий для объяснения своего отсутствия, своих неудач, своего все нарастающего невнимания. Дейзи убедила себя, что она им ровня, что она использует их так же беспечно, как они предпочитают использовать ее, и сама не понимала, почему, несмотря на бесспорные успехи на работе, ее все чаще охватывало чувство разочарования и пустоты. Дейзи Фитцджеральд могла понять действия целых народов, могла блестяще предсказать дальнейшее развитие событий. Но она сама знала, что ей никогда не удавалось понять мужчин. В самом деле, ну зачем такому человеку, как Клифтон Рейнард Боукветт, заместителю директора Объединенного разведывательного управления, такому богатому, женатому на ослепительной красавице лишь немногим старше Дейзи, рисковать хотя бы самую малость ради интрижки с женщиной, чьи волосы отнюдь не хороши, а кожа становится непривлекательной в моменты чрезмерных стрессов или когда она позволяет себе попробовать добрую половину всех лакомств мира; с женщиной, чья некрасивая внешность только и подвигнула ее стремиться к профессиональному совершенству? Она помнила, как какая-то из ее коллег со смехом говорила, что-де Клифф Боукветт всегда готов пристроиться ко всему, что живет и двигается.

— Не могу, Клифф, — ответила она. — Я очень занята.

Боукветт придвинулся поближе, так что ворсистая ткань его брюк почти прикасалась к ней. Она чувствовала его запах. Запах, который она так хорошо помнила.

— Да ладно тебе, Дейз. Нельзя же работать без остановки.

— Но ведь...

— Все и так рассосется само по себе, — сверкнул Боукветт очаровательной улыбкой. — Да и вообще, нельзя засиживаться на месте. На мир надо смотреть не только из-за рабочего стола.

— Мне еще надо будет вернуться в контору. — Мягкая шерсть его брюк... и она помнила его прикосновения. Его вкус. Вещи, которые он любил делать. И торопливость, с которой он собирался, когда все было кончено.

Ей показалось, что что-то в нем вдруг переменилось. Как будто он сегодня уже уделил ей слишком много времени и усилий и своим отказом она проявляет редкую неблагодарность.

— Что ж, — произнес он слегка изменившимся голосом, по-прежнему тихо, чтобы их разговор не подслушали сотрудники. — Тогда просто выпьем по маленькой на обратном пути. Во имя старой дружбы. Идет?

— Клифф, ну хватит, — взмолилась Дейзи. — Мне надо просмотреть свои записи...

— Ты их знаешь наизусть.

— ... и у меня есть кое-кто.

Боукветт слегка отпрянул. Потом улыбнулся и покачал головой:

— О, Дейз, Дейз... мы с тобой одной крови, ты и я. Ты и сама это знаешь. У каждого из нас

будут свои маленькие увлечения на стороне, но мы всегда...

— У тебя нет никакого права... — взорвалась она.

Впервые за все время знакомства она повысила на него голос, когда они не были в постели, и ее вспышка поразила его даже больше, чем удивила саму Дейзи. Он отступил еще дальше, потом вдруг подошел совсем близко и склонился над ней, словно обсуждая что-то в ее записях.

— Ради Христа, — прошептал он, — не ори. Ты соображаешь, где мы находимся?

„Нервы, — подумала она. — Это все нервы. Мне надо отоспаться. Держи себя в руках. Держи себя в руках".

— Я отлично знаю, где мы находимся, — отчеканила Дейзи. — А теперь — хватит.

На миг, который Дейзи поклялась себе никогда не забывать, по лицу Боуквета промелькнула тень страха и неуверенности. Он сразу постарел. Но тут же его черты приобрели прежнюю скульптурность, так хорошо знакомую окружающим.

— Увидим, — произнес он теперь уже с покровительственной усмешкой, словно сочувствуя ее глупости. И резко отвернулся. Через несколько секунд он уже оказался в противоположном углу комнаты и принялся обсуждать с секретарем расписание дня президента.

Дейзи бросила короткий взгляд ему вслед, надеясь увидеть хоть какой-нибудь недостаток в линиях его тела, признак того, что и на нем сказывается вечная нехватка времени. У нее самой уже появились первые седые волосы. Все-

го несколько, но, как ей казалось, слишком уж рано. Боукветт никогда не поседеет — у таких блондинов волосы становятся только чуть светлее. Он знал названия вин и имена официантов, но утверждал, что больше всего любит пить пиво прямо из горлышка. Он гордился травмами, полученными во время спортивных состязаний, и в постели очень старался убедить партнершу, что он все еще брызжет мальчишеской энергией. И то, что он просил ее делать для него, он тоже называл мальчишескими названиями, и она делала все, даже если ей и было больно, хотя сама не могла себе объяснить, почему не может отказаться от того, что потом днями будет отзываться болью в ее теле. И чем больнее ей становилось, тем, казалось, тверже он контролировал себя, тем дольше растягивал удовольствие. Если другого мужчину ее боль возбудила бы и в момент довела бы до яростного оргазма, то у Боукветта, похоже, только прибывало сил. Он наслаждался балансированием на грани между криком боли и воплем страсти. А потом, внезапно, он начинал выкрикивать ругательства и богохульства и, последний раз со всей мощью войдя в ее влагалище и анус, заканчивал. И сразу начинал торопиться, выкладывая одно из своих всегда готовых объяснений, почему после стольких часов страстного шепота, переплетенных рук и ног, смешанного пота он должен сейчас же исчезнуть во мраке ночи или в свете дня. И все же она ценила его как любовника. Потому что он так хорошо знал, что ей нужно. Чего она хочет. В физическом смысле он гораздо лучше как любовник, чем тот мужчина, которого она решила ждать.

Дейзи подумала, что мало что ставит такую женщину, как она, в более неловкое положение, чем любовь порядочного человека.

А какая она женщина? Дейзи попыталась сосредоточиться на рукописных строчках с информацией, дополнявшей ранние компьютерные распечатки. Но она не смогла выкинуть из головы мысли о нежданном, нескладном, неразумном мужчине, внезапно ворвавшемся в ее жизнь подобно обнаруженному поутру пятну на коже. Так какая же она женщина? Такая, что мучает искренне — безнадежно искренне — влюбленного в нее человека рассказами о своем прошлом, зачем-то без утайки перечисляет все, что делала до него с другими, якобы во имя честности пытая его за непростительное преступление — за то, что он полюбил ее, в то время как все прочие, лучшие, более умные, более богатые, гораздо более красивые мужики просто использовали ее тело как объект для извержения семени. Единственным местом, где у нее не поднималась рука его обидеть, оставалась ее постель. За обеденным столом, за бокалом вина она могла изводить его своими признаниями, инстинктивно чувствуя, что он в силах выдержать всю эту боль. Но когда его неловкие руки ползали по ее телу, когда он входил в нее с жалкими потугами вернуть давно забытое умение, когда он сжимал ее в объятиях с такой силой, что у нее перехватывало дух, словно боясь, что даже в миг самой интимной близости она может навечно ускользнуть от него, — тогда она чувствовала в нем слабость, которая не перенесла бы ни малейшей насмешки, ни одного неосторожного слова. Она — такая женщина, которая

закрывала глаза, чтобы не расплакаться, когда он продолжал держать ее — изо всех сил — и после того, как прошел пик страсти, и не хотел отпускать ее ни на миг, даже в ванную.

Некрасивая девушка с дурной кожей и плохим знанием людей, которая может предсказать повороты истории, но не повороты своего собственного сердца. Почти влюбиться в человека, чье лицо вызывало в памяти старинные фильмы ужасов, в человека, слишком наивного, чтобы врать, даже такой, как она. Она вспомнила, как он стоял на ее кухне в то последнее утро. Она знала о ситуации там, куда его посылают, лучше его самого — важные факты, которые ему знать не следовало, но которые хорошая и добрая возлюбленная не смогла бы утаить от него. Предупредить... Но она не могла заставить себя произнести ни слова, а он стоял, такой нескладный в сером утреннем свете, с изуродованным лицом, вдруг ставшим совсем детским, почти слабым, и затягивал галстук, который так и не научился правильно повязывать. „Я люблю тебя", — сказал он. Не в благословленной темноте, скрывавшей столько ложных клятв, служившей оправданием для стольких необдуманных слов, но при ровном сером трезвом свете, под звук дождя, барабанившего по стеклу над водостоком. На неприбранной кухне в окрестностях вирджинского городка он замер в ожидании ответа. И, не дождавшись, повторил: „Я люблю тебя". Словно прислушиваясь к своему голосу, не до конца веря, что тот смог выговорить такие слова. Притворяясь, что у нее слипаются глаза, она молчала. Полы халата распахнулись, и у нее мерзли ноги. Она чувствовала

себя мерзкой, дешевой, грязной — даже не как женщина, а чисто физически, словно у нее воняла кожа и засалились волосы. Он глядел на нее с безнадежным и испуганным видом, и она вдруг поняла, что ничто в его жизни, полной ужасов и боли, не стоило ему таких больших усилий, как эти простые слова. „Я... не..." — наконец выговорила она голосом, слишком сухим для такого важного для него момента. „Джордж, я не знаю сама, что я сейчас испытываю". Сердце билось у нее в груди как сумасшедшее, и с болью и ясностью она почувствовала, что да, по крайней мере в ту секунду, она действительно любила этого человека с той же силой, с какой он прижимал ее к себе в темноте. Но она так и не смогла признаться вслух. Ей казалось, что скажи она хоть слово, и на нее обрушатся все кары небесные. Ни один бог не был настолько добр, чтобы позволить ее устами безнаказанно произнести такие слова. И бесценный миг исчез, растворился в бессмысленном позвякивании ложечки о край чашки, в возне с тугой крышкой банки с джемом, в оправлении вечно сползающей с ноги полы махрового халата. По крайней мере, ей удалось дать ему понять, что она попробует держать ноги вместе до его возвращения. А потом смотрела ему вослед — некрасивая девушка, всю жизнь служившая игрушкой для равнодушных мужчин и расставшаяся с единственным встреченным ею хорошим человеком.

Дверь комнаты совещаний распахнулась. Джон Миллер, помощник президента, шагнул в приемную.

— Мистер Боукветт, президент готов принять вас.

Боукветт направился через всю комнату за своим портфелем, что лежал рядом с тяжелым дипломатом Дейзи. Уверенным движением взявшись за ручку, он повернулся.

— Президент примет и Дейзи тоже, Миллер? Или он хочет сперва поговорить со мной одним?

Помощник задумался на долю секунды, прогоняя через компьютер своего мозга все политические нюансы и скрытые ловушки его должности.

— Она тоже может зайти. Но не забывайте — президент устал. Сегодня у него выдался трудный день.

Боукветт кивнул:

— Как и у всех нас.

Дейзи в спешке засунула свои записи назад в дипломат, чувствуя себя такой нескладной рядом с лощеным Боукветтом. Она только недавно вышла на такой высокий уровень — лично информировать президента и Совет национальной безопасности и все еще испытывала благоговение перед этой святая святых, несмотря на то что годами изучала историю и лучше многих знала, какие смертные, подчас слабые и заурядные люди правили народами.

Сперва знакомые лица виделись ей как в тумане. В комнате было несколько жарче, чем следовало бы, воздух оказался на удивление застоявшимся. Дейзи спешно поставила свой дипломат и застыла в неловкой позе, пытаясь выглядеть одновременно раскованной и деловой. Почти невольно ее взгляд остановился на темнокожем человеке в синем костюме в мелкую полоску.

Президент Уотерс ослабил узел галстука. Как правило, он одевался с не меньшей тщательностью, чем Боукветт, и Дейзи восприняла расстегнутый воротничок его рубашки как признак того, что он действительно очень устал. Президента Уотерса избрали в 2016 году. В своей программе он сконцентрировал внимание на вопросах национального обновления и на сокращении все расширявшейся пропасти между различными слоями американского общества. Даже после разорительной торговой войны с Японией, после долгой череды унизительных военных поражений и дорого давшихся побед, даже после того, как болезнь Рансимана опустошила страну, Соединенные Штаты все еще оставались относительно благополучным государством в резко обедневшем мире. Однако за прошедшие десятилетия общество все сильнее и сильнее разделялось на кредитоспособное большинство и на группы маргиналов, все сильнее отставших от современных требований к образованной и высококвалифицированной рабочей силе и не уловивших необходимости культурной интеграции, обязательной для нормальной конкуренции. А потом Соединенные Штаты предоставили убежище израильтянам, уцелевшим в огне последней ближневосточной войны, и хотя те осели в основном компактно в наименее развитых районах Дальнего Запада, вскоре они стали могущественной силой в постэпидемической Америке, где особенно остро стала ощущаться нехватка умелых и трудолюбивых рабочих рук. Последующий рост антиизраильских настроений, пышным цветом расцветший среди национальных меньшинств, наиболее изолировавших-

ся от общих тенденций развития, выразился в демонстрациях, манифестациях, стычках. Затем, наконец, пролилась кровь. Джонатан Уотерс победил в 2016 году потому, что утверждал, что американцы могут жить все вместе — и все вместе добиться успеха. Он обещал дать людям образование, обновленные города и новые возможности. К тому же он был красивым, излучавшим магнетизм мужчиной, говорившим скорее как выпускник Йельского университета, чем как прихожанин баптистской церкви. Широко распространенная во время избирательной кампании шутка определяла его как любимого чернокожего белых людей и любимого белого чернокожих... и большинство сограждан сочло его наиболее подходящим кандидатом в столь трудное время. Он победил соперника — специалиста по внешней политике, но имевшего мало идей по внутренним проблемам, способных увлечь обеспокоенных американцев. И, однако, весь первый срок президентства Уотерса его преследовали многочисленные международные проблемы, в то время как президентские решения домашних проблем оставались больше в теории и не приносили радикальных перемен. Как часто говорил Клифф Боукветт: „Бедняга совсем запутался, и на следующих выборах ему не поздоровится". Никто не сомневался, что по натуре Джонатан Уотерс — хороший человек. Но целый ряд опросов, проведенных по всей стране, показал, что он потерял свой имидж лидера.

Президент поглядел на Боукветта, потом на Дейзи и, наконец, сосредоточил взгляд покрас-

невших глаз на загорелом, подтянутом мужчине, стоявшем рядом с Дейзи.

— Добрый вечер, Клифф, — произнес президент. — Здравствуйте, мисс Фитцджеральд. Надеюсь, вы принесли мне хорошие новости.

Президент Уотерс хотел съесть чизбургер. Ему казалось нелепым, что такое банальное желание может одолевать человека в час серьезных дискуссий и судьбоносных решений. Но, говорил он себе, организм не способен вечно функционировать без топлива. На бесчисленных чашечках кофе и капельке арахисового масла, даже приправленных адреналином и нервным напряжением, долго не протянешь. И вот теперь, перед лицом Клифтона Рейнарда Боуветта, которого он на дух не переносил, и его помощницы, столь же напряженной, сколь компетентной, президент мечтал отложить все дела ради пятнадцати спокойных минут. Остаться одному. Наедине с баночкой кока-колы и огромным, сочным чизбургером, в котором его жена строго-настрого отказывала мужу во имя президентского здоровья.

Но — некогда. К тому же, подумал президент, в любом случае за чизбургером надолго не спрячешься. И потом снова придется вернуться к делам этого суматошного, слишком жестокого мира, над которым, похоже, не имели никакой власти даже самые лучшие намерения.

Он мечтал войти в историю в качестве президента, научившего свой народ единению, взаимопониманию, показавшего ему дорогу, по которой им предстоит идти всем вместе. Он хотел стать президентом, возвысившим голос в защиту

бедных, необразованных, голодных мужчин и женщин, которых улица научила принимать только самые неудачные решения, и он хотел защищать их голосом не грозным, а, наоборот, смягчавшим жестокость их жизни. Защитить всех граждан Америки. Перед его внутренним взором стоял образ великого возвращения домой для всех социально и экономически ущербных соотечественников, что жили у себя на родине, как в изгнании. Превыше всего он ценил доброту — щедрость духа и дела — и мир. Но жизнь требовала сильного человека, способного приказывать другим убивать, уничтожать и умирать. Президент Уотерс как мог старался в своих поступках казаться твердым, сильным, решительным. Но в глубине души он сомневался, тот ли он человек, который нужен стране в данный момент. Втайне от всех он даже начал молиться — впервые с пятнадцатилетнего возраста, когда его отец умер на глазах у сына в больничном коридоре, так и не дождавшись помощи.

Он слегка улыбнулся усталой вежливой улыбкой, приветствуя Боуквetта и его помощницу. Боукветт выглядел раздражающе самодовольным. Уотерс впервые встретил людей такого сорта в Йеле и не мог не признать их важности и полезности. Но он так и не научился их любить — хотя и подозревал, что в нем говорила банальная зависть — несмотря на то что он старательно учился подражать им в одежде, в речи, в манере уверенно держаться...

Его улыбка на миг стала искренней, когда он представил себе реакцию Боуквetта, если бы он попросил его сбегать и принести ему чизбургер.

Боуквет уже склонился над аудиовизуальным прибором, вставляя в него карточку размером с фишку домино, на которой была записана секретная информация. В тот же миг загорелись экраны мониторов, расположенные над и позади стола для совещаний.

— Секундочку, Клифф, — остановил его президент. — Прежде чем вы начнете, я должен решить один очень важный вопрос. — Он повернулся к Миллеру, самому низкопоставленному чиновнику из всех присутствующих. — Джон, не сможете ли вы послать кого-нибудь на кухню за бутербродами? Боюсь, мы здесь засидимся довольно долго. Назовем это деловым обедом.

Миллер вскочил, готовый тут же бежать и сделать все, что ни пожелает его шеф.

— Вам как всегда, господин президент?

Уотерс кивнул. Как всегда. Небольшая порция салата с парой крошечных кусочков вареного тунца и — верх роскоши — несколько ломтиков сыра с низким содержанием холестерина. Без гарнира. Два ломтика хлеба с отрубями. И стакан грейпфрутового сока.

— Да, кстати, Джон, — спохватился президент. — Напомните повару, что нет... особой необходимости сообщать моей жене о пиршестве с арахисовым маслом, которое я позволил себе во время ленча. — Он слегка усмехнулся, и члены Совета безопасности посмеялись вместе с ним. Ровно столько, сколько положено.

Миллер испарился. Боуквет стоял, расправив плечи, со значительным видом. Одному Богу известно, о каких новых неприятностях он сейчас сообщит. Переменчивый, на первый взгляд

непредсказуемый ход боевых операций сбивал Уотерса с толку. По сравнению с ним мир постчикагской школы экономики, специалистом в которой он являлся, казался простым и упорядоченным. Подобно большинству своих сверстников-американцев мужского пола, президент Уотерс ни дня не служил в армии и теперь впервые в жизни жалел об этом упущении. Он знал, что генералы и адмиралы старались строить свои доклады ему в максимально упрощенной форме. Но так многое из того, что они говорили, казалось просто нелогичным. Развитие событий порой не соответствовало законам физики. Даже сама терминология звучала таинственно и угрожающе.

Главнокомандующий... Во время избирательной кампании этот титул затерялся среди многих других. Как он теперь хотел иметь возможность передать груз связанной с ним ответственности на другие, более подходящие плечи.

Что ж, возможно, после выборов так и случится. Уотерс не рассчитывал победить во второй раз. Только его жена да горстка мужчин и женщин, накрепко связавших с ним свою карьеру, все еще с наигранной уверенностью говорили о перевыборах. Конечно, какая-то часть его хотела сохранить за собой должность, завершить только начатую работу. Но он не испытывал особого желания дольше, чем необходимо, сидеть в этом кровавом кресле. Будь такое возможно, он учредил бы двойное президентство — одно для специалиста по далеким войнам и интервенциям, другое для строителя лучшей жизни. Но президент один, и, несмотря на естественное, неописуемо сильное желание

остаться во главе государства, сохранить сладкую силу власти в своих руках, Уотерс дал себе слово: он ни при каких обстоятельствах не сделает попытки использовать нынешнюю ситуацию для получения преимущества на выборах. В меру своих сил и возможностей он будет принимать только те решения, которые пойдут на пользу Соединенным Штатам.

Уотерс откинулся в кресле и потянул за уже ослабленный узел галстука, казавшийся ему сегодня особенно тугим.

— Ну, хорошо, Клифф. Выкладывайте, что там у вас сегодня?

Боукветт склонил голову:

— Господин президент, нам сегодня предстоит обсудить много вопросов. Мы сократили их количество до минимума...

„Да начинай же, — подумал Уотерс. — Говори о главном".

—... Но все равно их осталось больше, чем хотелось бы. Я начну с контрразведывательной информации, а затем мисс Фитцджеральд сообщит о событиях на территории Советского Союза. — Боукветт посмотрел президенту в глаза. Слишком во многих брифингах он участвовал, чтобы испытывать робость. — Во-первых, вы, возможно, уже читали статью в сегодняшнем номере „Нью-Йорк Таймс". — Как только он произнес название газеты, мониторы тут же показали статью на внутренней полосе, о которой собирался сообщить Боукветт. Заголовок гласил: „Куда девался Седьмой десантный полк?"

— Нет, не читал, — отозвался президент. Он повернулся к председателю Комитета начальников штабов, ища на его лице следы тревоги. Но генерал оставался невозмутимым.

— Так вот, — продолжал Боукветт. — Хорошо то, что никто пока не подозревает, где именно находится сейчас эта часть. Заранее заготовленная нами версия о секретных маневрах на севере Канады, похоже, работает. Но настроение „Таймс" мне не нравится. Они слишком уж заинтересованы.

— Японцы как-нибудь отреагировали? — спросил председатель Комитета начальников штабов.

Боукветт с деловым видом отрицательно покачал головой.

— Пока до нас ничего не дошло. У них других забот хватает. И, видимо, они в достаточной степени уверены, что и мы слишком заняты на юге.

— Почему „Таймс" начала проявлять интерес? — задал вопрос госсекретарь.

— Позвольте я отвечу, Клифф, — вмешался министр обороны. Но вместо госсекретаря он обратился непосредственно к президенту: — Сэр, мы занимались данным вопросом. Мы не сочли его достаточно важным, чтобы привлекать к нему ваше внимание, но, поскольку Клифф поднял эту тему, я предпочел бы сам пояснить ситуацию. Как вам известно, мы создавали Седьмой полк с „тяжелым" вооружением — а также Десятый и Одиннадцатый полки, „легкие" полки типа того, что называлось раньше „военная разведка", как уникальные подразделения. Мы тщательно следили, чтобы в их составе не оказалось женатых мужчин. Конечно, такое не всегда возможно, особенно в отношении офицеров и старшего сержантского состава. Но тем не менее мы пытались избежать синд-

рома „рядового с шестью детками". Мы хотели иметь возможность быстро передислоцировать указанные части с наименьшими трудностями. Мы тщательно просмотрели личные дела всех кандидатов. Мы разработали специальные образовательные программы и курсы поддержки для членов семей. И главное, все полки укомплектованы преимущественно добровольцами. Мы стремились разрушить старинную традицию солдатского телеграфа, когда о действиях части можно узнать на передовой больше, чем знают в самом ее штабе. И, думается, мы проделали очень неплохую работу. Мы даже ввели за правило не сообщать большинству офицеров и рядовых название пункта их назначения вплоть до взлета — и запретили личную переписку из зоны боевых действий. Таким образом, в общем и целом нам сопутствовала удача. — Министр выдержал паузу и распрямил грудь, словно собираясь вдохнуть воздух полной грудью. — Но этот сукин сын из „Таймс" оборвал все телефоны со своими вопросами. Он что-то пронюхал. И знаете, почему? Потому что какая-то девчушка из Манхэттена хочет знать, куда подевался ее дружок. Она утверждает, что обручена с капралом из Седьмого полка и желает выяснить, что мы с ним сделали. — Министр улыбнулся и покрутил головой, как бы признавая абсурдность ситуации. — Таким образом, нам даже на руку такой толчок к скорейшему началу операции. С точки зрения сохранения военной тайны. Нам долго здорово не везло. Но ничто не длится вечно.

На короткий миг президента Уотерса охватило жуткое ощущение непрочности и ненадеж-

ности всего окружающего. Он никогда и не предполагал, что успех или провал боевой операции в сердце Азии может зависеть от соскучившейся, страдающей от одиночества девушки из Манхэттена.

— Охрана тайн никогда не была сильной стороной нашей нации, — заметил президент. — И во многом это пошло нам на пользу. Но, учитывая все обстоятельства, я полагаю, что нам следует держать наши действия в секрете еще какое-то время, Билл, — обратился он к председателю Комитета начальников штабов, огромному, смахивающему на медведя мужчине. — Почему бы просто не сделать так, чтобы этот солдат написал ей письмо, рассказал, что с ним все в порядке и пообещал скоро вернуться домой. Пусть она обрадуется и успокоится.

— И заткнется, — с чувством добавил Боукветт. Нить разговора слишком уж быстро выскользнула у него из рук, и он хотел снова оказаться в центре всеобщего внимания. — Мы могли бы даже поставить на письме штамп какого-нибудь местечка в канадской глубинке. И пусть наш приятель из „Нью-Йорк Таймс" расчехляет свои лыжи.

— Это в наших силах, — вступил в разговор председатель. — Но я полагаю, нам следует быть готовыми к дальнейшим запросам со стороны прессы, раз уж „Таймс" подняла шум. Я только боюсь, как бы кто-нибудь не сопоставил факты. Положение в Советском Союзе постоянно в центре внимания средств массовой информации.

Президент Уотерс не знал, что предпринять. Он хотел, чтобы собравшиеся придали ему уверенности, а не добавляли новых забот.

— Что ж, — произнес он, — давайте надеяться, что наша удача продлится еще некоторое время. Пойдем дальше. Клифф, прошу вас.

— Продолжая тему контрразведки, господин президент... Советы по-прежнему проявляют редкостную готовность к сотрудничеству. Как вы знаете, ключевые элементы Десятого полка, я имею в виду разведку, находятся в Москве и в других точках СССР, обеспечивая поддержку Седьмого полка. И Советы согласились почти на все — на совместную эксплуатацию техники, на совместное ведение допросов, открыли нам разведывательную информацию. Мы очень многое узнаем об их военной системе, о том, как она работает, и так далее. Должен сказать, несколько раз они нас здорово удивили. Их страна может находиться в жалком состоянии, но они по-прежнему чертовски хороши в некоторых областях разведывательной работы. Впрочем, в других они ужасны. Их войсковая разведка на грани полного развала. На стратегическом уровне мы обладаем более полной картиной ситуации, чем они сами. Через несколько минут мисс Фитцджеральд осветит данную тему. Но хорошей новостью является то, что Советы, похоже, не проводят против нас серьезных, всеобъемлющих разведывательных операций. Нам известно, что генерал Иванов, их командующий в Средней Азии и Западной Сибири, получил приказ добыть, по возможности, обломки одного из наших М-100. Но подобные шаги мы могли предвидеть. Они иногда привели

рают с целью сохранить лицо, но в общем и целом они ведут с нами на редкость честную игру. Или, по крайней мере, у нас складывается такое впечатление. — Боукветт оглядел собравшихся за столом.

— Они в отчаянном положении, — заявил председатель Комитета начальников штабов. — Но я по-прежнему против того, чтобы мы слишком уж им доверялись. Стоит им снова встать на ноги, как они тут же опять вцепятся нам в глотку.

— Если только они когда-нибудь встанут на ноги, — вставил госсекретарь. — Они пытаются сделать это уже не один десяток лет. Не забывайте, что вы говорите о сломленной, разрушенной стране, отчаянно борющейся за жизнь.

— Между государствами, — заметил советник по национальной безопасности, — доверие есть не более чем отражение совпадения интересов. Если в данный момент Советы строят отношения с нами на доверительной основе, то только потому, что такая политика отвечает их целям. Когда такое поведение перестанет быть выгодным для них, уверяю вас, оно прекратится. — Советник по национальной безопасности высказывался редко, но всегда в лаконичной, доходчивой и поучительной манере. Именно он определял основные направления президентской внешней политики, и Уотерс стал полагаться на него больше, чем сам того хотел бы. — Сегодня Соединенные Штаты разделяют стремление Советского Союза не допустить Японию в Сибирь. Завтра Советы могут начать задаваться вопросом: а зачем они нас-то пустили в Сибирь. Ибо, хочу напомнить вам, джентльмены,

наша помощь СССР направлена не на сохранение этого государства как такового, а на сохранение баланса сил в регионе. И мы находимся там не затем, чтобы помочь Советам одержать победу, а затем, чтобы предотвратить их поражение. Открытие Сибири для мировой экономики неизбежно. Мы только должны обеспечить, чтобы Соединенные Штаты получили равные, а в идеальном случае — предпочтительные стартовые условия проникновения в кладовые Сибири и чтобы японская позиция оказалась как можно менее выгодной. Нам надлежит оставаться честными перед собой и ясно формулировать свои цели. Наша главная задача — не помогать Советам, а мешать японцам.

— И все равно, бедняги должны быть нам благодарны, — заметил председатель Комитета начальников штабов.

— Господин президент, если позволите... — произнес Боуквет.

— Прошу вас, Клифф.

— Существует один вопрос, очень беспокоящий Советы, и мы не можем сказать ничего определенного относительно его важности — поскольку они, похоже, не говорят нам всего, что знают. Ну... все это очень туманно... но мы перехватили переговоры очень высокопоставленных русских, в которых упоминалось о каком-то „Скрэмблере"*. Судя по контексту, речь шла о некой японской операции или боевой системе. В любом случае, они говорили с большим беспокойством.

— Так почему бы нам просто не спросить их, что это за штука? — спросил председатель Комитета начальников штабов.

---

*От английского „Scramble" — взбивать, перемешивать.

Боукветт широко развел руками, словно удерживая большой мяч.

— В таком случае нам пришлось бы признаться, что мы прослушиваем переговоры по их самой секретной линии связи. Мы не можем позволить себе подобного шага по целому ряду причин, как вы все, конечно, понимаете.

— Но, — не унимался председатель, — когда единственное полностью модернизированное подразделение армии США со дня на день вступит в бой, я хотел бы знать, что именно его ожидает.

— О, я полагаю, нам нечего опасаться. По крайней мере, на данный момент, — отозвался Боукветт. — Я хочу предъявить вам текст перехвата переговоров японцев, полученного нами сегодня. Интригующее совпадение: у них возникли неполадки на линии связи, и нам удалось сделать качественную запись. Чистое везение. Они не знали, насколько сильно шла утечка сигнала, и благодаря компьютерному усилению и совершенному методу дешифровки мы записали переговоры длительностью примерно в полтора часа. — Боукветт уверенным взглядом обвел комнату, наконец-то чувствуя себя на коне. — То была личная линия связи генерала Нобуру Кабата с Токио. Вы все знаете, что генерал Кабата является старшим японским офицером в том регионе. Его командный пункт находится в Баку. Официально он, конечно, всего лишь работает по контракту с Исламским Союзом. Но это для виду, на самом деле Кабата заправляет там всем. Так вот, мы выяснили, что он не очень доволен своими арабскими и иранскими союзниками — не говоря уж о повстанцах из совет-

ской Средней Азии. Впрочем, вы знаете японцев. Они ненавидят беспорядок, а у Кабаты в подчинении беспорядочная толпа. Но взгляните-ка на это... — Он указал на ближайший монитор. На черном фоне зажглись желтые буквы:

„Ток. Ген. Штб./Внеш.отд. Токуру хочет знать, что вы решили по второму вопросу. Яп. Ком./Сред.Аз. Пока в нем нет нужды. Все идет хорошо, и, на мой взгляд, использование „Скрэмблеров" может вызвать нежелательные последствия. Ток. Ген. Штб/Внеш.отд. Токуру хочет быть уверенным, что „Скрэмблеры" готовы. Яп. Ком./Сред.Аз. Конечно, они готовы. Но нам они не понадобятся".

— Так вот, джентльмены, — сказал Боукветт. — Запросы поступали от внешнего отдела японского Генерального штаба в Токио. Отвечало японское командование в Средней Азии — название не совсем точное, ибо оно располагается в Баку, на Западном побережье Каспийского моря, — а именно, лично генерал Кабата.

— Прекрасно, Клифф, — произнес министр обороны. — Но что нам это дает? Вы показали нам сырой разведывательный материал, а не конечный продукт.

Боукветт вздохнул:

— К сожалению, больше у нас ничего нет. Конечно, мы сделали „Скрэмблер" разведывательным объектом номер один. Но, по крайней мере, из перехвата видно, что чем бы он ни был, сейчас о нем беспокоиться рано.

Президент Уотерс не чувствовал себя убежденным. Возник еще один неожиданный элемент в ситуации, сложность которой уже начинала действовать ему на нервы. Он снова бросил

взгляд на председателя Комитета начальников штабов, надеясь, что тот развеет его опасения. Председатель обладал твердостью старого вояки, которая в последнее время начала все больше импонировать Уотерсу. Но генерал уже говорил:

— Черт побери, раз вы разведчики, так давайте выясняйте, что там происходит. Мы не можем играть в угадайку, когда сильнейшее соединение в стране вот-вот начнет бой. Вы нас уверили — цитирую: „Мы обладаем наиболее полной информацией о районе боевых действий, какую когда-либо имела любая армия в истории". — Председатель сердито стукнул ручкой о крышку стола.

— Так оно и есть, — парировал Боукветт. — Мы говорили сейчас только об одном элементе. Когда Седьмой начнет бой, их бортовые компьютеры будут знать даже, сколько топлива в баках противника.

— Господин президент! — подал голос офицер связи из-за пульта в глубине комнаты.— Сейчас на связь выйдет полковник Тейлор, командир Седьмого полка. Он только что закончил совещание с русскими. Вы говорили, что хотели переговорить с ним по его возвращении.

Тейлор? О да, президент Уотерс помнил — полковник с лицом, похожим на маскарадную маску. Он забыл, о чем именно хотел поговорить с ним. Наверное, надеялся проникнуться новой уверенностью. „Вы готовы? В самом деле? Вы ведь меня не подведете, правда?" — Уотерс вряд ли объяснил бы свои чувства словами, но при их коротких встречах он получал от страшнолицего, немногословного полковника боль-

ший заряд уверенности, чем от сотни букетов.

— Господин президент, — прошептал председатель Комитета начальников штабов, доверительно наклонившись к нему, как будто лицо Тейлора уже появилось на мониторах, как будто далекий солдат уже мог их слышать. — Я думаю, нам не следует упоминать в разговоре с полковником Тейлором о „Скрэмблерах" до тех пор, пока мы не получим более полную информацию. У него и так забот хватает.

Президент Уотерс минуту раздумывал, потом согласно кивнул. Конечно же, генералы лучше знают, что нужно для полковников.

— Хорошо, — произнес он. — Подключайте полковника Тейлора.

Тейлор не хотел говорить с президентом. В равной степени он не хотел говорить с председателем Комитета начальников штабов, при всей его симпатии к старику. Он вообще не хотел сейчас никаких разговоров с теми, кто мог вмешаться в оперативный план, который уже спешно превращался в боевой приказ для всех подразделений его полка. Кроме того, он безумно устал. Он еще не принял „бодрячков" — таблеток, могущих поддерживать человека в бодром и боеспособном состоянии на протяжении пяти дней, не нанося необратимого ущерба его здоровью. Он надеялся улучить несколько часов сна перед приемом таблеток, чтобы потом быть в наилучшей форме и протянуть как можно дольше. Но тем не менее он устало сидел в узле связи в глубине заброшенного русского цеха и ждал.

„Только не мешайте мне драться, черт вас возьми, — думал Тейлор. — Большего сделать уже невозможно".

О сне теперь не могло быть и речи. Когда вся эта ерунда окончится, настанет пора для последнего сбора полевых и штабных офицеров и ключевых сержантов полка. А потом придет очередь бесчисленных проблем, всегда возникающих в последнюю минуту. И так — пока не оторвется от земли первый М-100.

— Полковник Тейлор, — услышал он голос в наушниках. — Сейчас с вами будет говорить президент.

Центральный монитор на коммуникационной панели подернулся дымкой, а затем на экране возникло идеально четкое изображение. Президент Соединенных Штатов сидел, опершись локтями о массивный стол.

„Бедняга выглядит уставшим", — отметил Тейлор и тут же подобрался. Предыдущие встречи с президентом научили его ожидать самых неожиданных вопросов, и порой непросто было сдержать раздражение от президентской наивности. „Ради Бога, — подумал Тейлор, — перед тобой президент Соединенных Штатов. Не забывай об этом".

— Доброе утро, господин президент.

На мгновение тот выглядел растерянным. Потом посветлел лицом и сказал:

— Добрый вечер, полковник Тейлор. Я почти забыл о разнице во времени. Как дела?

— Прекрасно, господин президент.

— С русскими проблем не возникает?

— Все идет настолько хорошо, насколько можно ожидать, сэр.

— А ваше совещание? Насколько я понимаю, оно тоже прошло хорошо?

— Отлично, господин президент.

— Значит, вы выработали хороший план?

„Начинается", — подумал Тейлор.

— Да, сэр. Полагаю, в данных обстоятельствах наш план — лучший из всех возможных.

Президент помолчал в раздумье.

— Вы собираетесь атаковать противника?

— Да, господин президент.

— И вам план нравится?— Что-то в его голосе, а возможно, его усталый вид вдруг прояснили ситуацию для Тейлора. Президент Соединенных Штатов и не думал вмешиваться. Он просто хотел услышать слова утешения. Очевидность происходящего, равно как и его неожиданность, застала Тейлора врасплох.

— Господин президент, не существует идеальных планов. И любой план начинает меняться, как только люди начинают претворять его в жизнь. Но у меня не возникает сомнений — абсолютно никаких — относительно того плана, который мы только что приняли совместно с русскими. Как боевой командир и его непосредственный исполнитель, я не хотел бы оказаться вынужденным хоть что-нибудь в нем корректировать.

С другого конца Земли до Тейлора донесся смешок, но он исходил неизвестно от кого. Лицо президента оставалось серьезным и слишком усталым для смеха. Потом Тейлор услышал где-то в глубине характерный голос председателя Комитета начальников штабов.

— Господин президент, полковник Тейлор предупреждает вас, чтобы вы не вмешивались в

его план. Когда он вернется домой, мы преподадим ему урок хороших манер, но пока, я считаю, нам лучше последовать его совету. — Председатель снова хохотнул, словно хрюкнул. — Я знаю полковника Тейлора, и он, скорее всего, все равно нас просто не послушает. Верно, Джордж?

„Спасибо, — подумал Тейлор, отлично понимая, на какой риск только что пошел старый вояка ради него и какую надежную защиту он ему предоставил.— Я твой должник".

— Ну, я не очень-то люблю, когда меня не слушают, — произнес президент серьезно, но без злобы. — Как бы то ни было, я не имею намерения вмешиваться в план полковника. Мне кажется, я знаю пределы своих возможностей.

„Если я доживу до дня выборов, — подумал Тейлор, — я, пожалуй, проголосую за беднягу".

— Полковник Тейлор, — продолжал президент. — Я изо всех сил стараюсь понять происходящее. Я не солдат и очень часто путаюсь во всем этом. Например, ваши замечательные машины, ваше чудо-оружие. Никому пока еще не удавалось вразумительно объяснить мне, что они из себя представляют, как они действуют. Не нашли бы вы пару минут, чтобы просветить меня?

„Ну как, — пронеслось в голове у Тейлора, — можно объяснить президенту, что у меня нет времени, что у меня есть все, кроме времени?"

— Вы имеете в виду М-100, господин президент?

— Да, все те штучки, которые вам купили налогоплательщики. Что они получат за свои деньги?

Тейлор глубоко вздохнул, лихорадочно соображая, с чего начать.

— Господин президент, первое, что вам приходит на ум при виде М-100, — это то, что они — возможно, самые уродливые боевые машины, когда-либо существовавшие в истории. — До ушей Тейлора донесся далекий голос, приказывающий кому-то дать картинку с изображением М-100. — В войсках их зовут „летающими лягушками". Но когда вы летите на них, когда вы узнаете, как они воюют, они становятся в ваших глазах прекрасными. Они приземистые, с большим брюхом, вмещающим все оборудование, а в заднем отсеке — огневую группу мотострелков. На крыльях, похожих на обрубки, — наклонные винты. По виду не скажешь, что они вообще могут оторваться от земли. Но они все-таки летают, господин президент, и к тому же очень быстро для машины этого класса — или медленно, когда потребуется. Установленные на борту электронные приборы делают их почти невидимыми для врага. Он может заметить их невооруженным глазом, но наши приборы противодействия — электроника, действующая против его электроники и сбивающая его с толку, — настолько многофункциональна, настолько быстродействующа и работает на таком количестве уровней, что одна из его систем может не видеть ничего, кроме пустого неба, в то время как другая видит тысячи целей. Управляемые боеприпасы противника запутаются среди ложных изображений, наведенных вокруг настоящего М-100. Но наши системы обнаружения цели — приборы, которые мы используем для обнаружения врага, —

сделаны с использованием „проникающей" технологии. Если только японцы не придумали чего-нибудь новенького, мы сможем видеть сквозь их электронную защиту.

— Видите ли, — продолжил Тейлор, излагая своими словами профессиональную военную историю. — Теперь мы редко сражаемся, полагаясь на свое зрение. Идет соревнование электронных приборов, бесконечные попытки обмануть друг друга на многочисленных уровнях, тысячи раз за одну-единственную секунду. Японцы многому нас научили, хотя учение и далось нам нелегко. Но мы думаем, на сей раз мы их прищучим. Как бы то ни было, революция в миниатюризации источников питания позволила нам увеличить дальность полетов до двух с половиной тысяч километров, в зависимости от боевой нагрузки. Это очень хороший показатель для такой неуклюжей системы, по сути, все еще являющейся вертолетом. Но самое замечательное в них — основной комплект вооружения. В Африке японцы захватили нас врасплох лазерным оружием. Но бортовые лазеры имеют больше недостатков, чем казалось тогда в Заире. Мы не представляли, например, насколько зависели японцы от необходимости перезаряжать их. Они были практически привязаны к пунктам обеспечения и могли вести только короткие интенсивные бои. Мы избрали другой технологический путь. Нашим основным оружием является пушка, стреляющая снарядами с электромагнитным ускорением. Их можно сравнивать с пулями, в которых вместо пороха используется электромагнитная энергия. Эти снаряды летят с огромной скоростью, а при поражении цели они

либо полностью уничтожают ее, либо выводят из строя всю аппаратуру. Существует несколько видов снарядов упомянутого типа — компьютер управления огнем автоматически выбирает нужный. Один вид — сверхпрочный, он пробивает практически все. Другой — двухслойный, первый из слоев взрывается сразу при соприкосновении с целью, зажигая все, что только может загореться, а более твердый внутренний проникает вовнутрь, пробивая любую существующую броню. Уже одна взрывная волна убивает всех солдат внутри вражеской боевой машины, одновременно выводя из строя ее саму. Огромным преимуществом является то, что один М-100 может обнаружить и уничтожить несколько сотен целей за один-единственный вылет. Затем М-100 нуждается в повторной калибровке вооружения в пунктах технического обслуживания, но все равно эта машина гораздо более эффективна и надежна, чем японские вертолеты с лазерными установками.

— А пилоты... в основном только при сем присутствуют? — спросил президент. — М-100... делает все автоматически?

— Он может многое делать автоматически. Но командир экипажа — пилот — и второй пилот, он же бортстрелок, все же принимают основные решения. В том числе самые отчаянные, которые все еще не под силу искусственному интеллекту. В идеальном варианте можно вести огонь, полностью положившись на автоматику, потому что компьютер способен выявить и атаковать многочисленные цели за считанные секунды. К тому же компьютер получает разведывательную информацию непосредственно из

централизованной базы данных. Но все равно в критической ситуации решения принимает человек. Например, компьютер не может определить, когда приземлиться и высадить десант. Он — умная машина. Но все же не более чем машина.

Несмотря на все усилия Тейлора, президент по-прежнему выглядел несколько растерянным. Затем Уотерс произнес:

— Что ж, полковник Тейлор. Пока вы меня просвещали, я просмотрел кое-какие схемы, которые представил мне ваш начальник. Очень впечатляюще. Да, очень впечатляюще. — С другой стороны земного шара его глаза внимательно вглядывались в глаза Тейлора. — Скажите мне, ваш план действительно сработает? В настоящем бою?

— Надеюсь, господин президент.

— И... у вас достаточно... этих систем? Достаточно для чего? На войне всегда всего не хватает.

— Господин президент, у меня есть все, что мне могла предоставить моя страна, и мы намерены использовать имеющиеся у нас средства наилучшим образом. Я уверен, что у нас хватает материальных средств для выполнения задачи, предусмотренной нынешним оперативным планом. Кроме того, в полку есть не только М-100. Во-первых, отличные солдаты: умелые, хорошо обученные, верящие в поставленные перед ними цели, даже если они до конца их и не понимают. Без них М-100 — всего лишь дорогостоящий набор болтов и гаек. — Тейлор помолчал, и перед его внутренним взором прошло бесчисленное множество людей, с которыми ему до-

велось служить — не только солдаты Седьмого полка, но и лица, оставшиеся в памяти после десятков операций и после нескончаемой череды гарнизонов мирного времени. — Господин президент, у меня к тому же есть и другое оборудование... Великолепная боевая электронная аппаратура... батальон тяжелых лазерных зенитных установок для защиты от ударов с воздуха... тяжелые транспортные самолеты, которые могут перевезти все необходимое нам за один прием. А Десятый полк предоставляет мне отличные разведданные, средства электронного нападения и защиты. Но все в конечном итоге сводится к простым солдатам, из которых состоят наши роты и эскадрильи. Хватит ли у них храбрости? Достаточно ли хорошо они обучены? Превосходят ли они противника в стойкости? Думаю, что могу ответить „да".

Президент Уотерс ни в кого так не верил, как в этого человека с изуродованным лицом и твердым голосом. Будучи опытным политиком, он отдавал себе отчет, что позволил уговорить себя, но был уверен, что все кончится хорошо, и немалую роль здесь сыграл излучавший уверенность полковник в чудно́й иностранной форме. Он услышал именно то, что хотел услышать, и в речи его собеседника слова сами по себе имели гораздо меньшее значение, чем то, *как* их произносили. И, однако, даже понимание собственной маленькой слабости почти не убавляло вновь пришедшего к нему чувства уверенности. Конечно, и оно скоро пройдет. Но сейчас ему начало казаться что все, может быть, и обойдется.

Он подумал, не стоит ли рассказать этому полковнику с твердым взглядом о „Скрэмблерах", предупредить его, просто на всякий случай. Но председатель Комитета начальников штабов рекомендовал не упоминать о таинственной новинке. И уж конечно, военные лучше знают, что нужно для их коллег.

И все же „Скрэмблер" не давал ему покоя. Инстинкт, приведший его в Белый дом, шептал: „Скажи ему. Сейчас же".

Дверь комнаты для заседаний приоткрылась, и показалась голова Джона Миллера.

— Простите, господин президент, нельзя ли ненадолго отключить мониторы? Бутерброды и ваш салат уже принесли.

Президент Уотерс кивнул, но знаком попросил офицера связи подождать еще пару секунд.

Президент задумчиво посмотрел на центральный черно-белый монитор, с которого на него в ожидании глядело невозмутимое лицо полковника Джорджа Тейлора.

— Полковник Тейлор, — сказал президент. — Сейчас мы на несколько минут прервем связь. Но я попросил бы вас оставаться на месте. Мы обсуждаем новейшую разведывательную информацию, и я хочу, чтобы вы тоже послушали. Надо, чтобы мы все в равной степени были в курсе происходящего.

Уотерс подумал, что его предложение прозвучало вполне логично. Но в глубине души он знал, что то был только предлог. Он просто не хотел расставаться с человеком, внушавшим ему такое чувство уверенности.

Когда монитор вернулся к жизни, перед Тейлором предстал президент с вилкой в правой

руке. У него было весьма удивленное выражение лица, и Тейлору пришло в голову, что его внезапное появление на экране вряд ли могло у кого-нибудь поднять аппетит. Новейшие мониторы были близки к совершенству и запрограммированы реагировать на определенные голоса, что давало эффект четкого и грамотного редакторского вмешательства. Но задача приукрашивать говоривших не входила в список их задач.

— Полковник Тейлор, — заявил президент. — Вы снова с нами. Хорошо. Мы как раз собираемся начать обсуждение разведывательной информации. Полагаю, в предстоящем разговоре вы поймете больше, чем я. — Президент отвел взгляд от монитора и поискал кого-то в глубине комнаты. — Мисс Фитцджеральд, прошу, — произнес он.

Прежде чем Тейлор успел собраться, на мониторе появилось изображение Дейзи почти в полный рост. На мгновение ему показалось, что их глаза встретились, но он тут же с облегчением сообразил, что это всего лишь иллюзия. Экраны больше не показывали его лица. Только докладчицу и визуальный материал.

Он немного расслабился. Дейзи... Он так старался не думать о ней. Слишком много решений предстояло принять, слишком многого приходилось опасаться. И ему следовало думать о гораздо более важных вещах. Но теперь, наблюдая, как она произносит первые фразы своего доклада, он поразился тому, насколько уставшей она выглядела и как сильно, как безнадежно он любил ее.

Карта центральной и южной части Советского Союза сменила на экране лицо Дейзи, а тем

временем ее голос ориентировал президента в местонахождении городов, гор и морей. Она сделала краткий обзор наиболее важных событий, причем гораздо более доступным языком, чем когда вводила Тейлора в курс дела в своем кабинете в старом здании ЦРУ в Лэнгли, ныне ставшем собственностью Объединенного разведывательного управления, организованного с целью избежать межведомственной конкуренции и ограниченности, ярко проявившихся в ходе африканского кризиса и достигшей невиданного размаха торговой войны с Японией. Тейлор улыбнулся про себя. Он вспомнил их первую встречу, ее волосы, заколотые на макушке, словно бы в спешке, и отчетливо видное пятнышко в углу ее очков в слишком большой оправе. При виде его она не выказала явного отвращения. Она вообще почти никак не отреагировала. Для нее он представлял собой просто еще одно дело, которое предстояло выполнить в течение напряженного дня. И еще он вспомнил первые мало-мальски неформальные слова, сказанные ею после беседы, продлившейся час вместо запланированных тридцати минут.

— Что ж, — заявила она, глядя на него сквозь свои устрашающего вида очки, — вы здорово подготовились, полковник. Но не думаю, чтобы вы правильно понимали истинную суть происходящего.

Она выбилась из своего рабочего графика. Причем очень сильно. То, что, по ее мнению, ему следовало узнать, не являлось слишком уж секретной и важной информацией. Возможно, им следует продолжить в другой раз?

Тейлор долго молча смотрел на нее, собираясь с духом. Как профессионал, она была настойчива и беспощадна. И все же... ему показалось, что он почувствовал в ней что-то еще. Нечто такое, что он не мог объяснить даже самому себе. В конце концов, дрожащим голосом он произнес слова, которые не выговаривал уже много, много лет:

— Может... пообедаем вместе и заодно продолжим наш разговор?

Она взглянула на него, и он почувствовал, как все сжимается у него внутри. Дурак, какой он дурак! Как только могло прийти ему в голову, будто даже эта некрасивая девушка с сосульками волос, выбившимися из прически, по собственной воле согласится видеть его лицо на противоположном конце обеденного стола? Затем, безо всякого предупреждения, не дав ему ни секунды, чтобы подготовиться к потрясению, она ответила:

— Да.

От удивления он не сразу нашелся, что сказать. Она выручила его:

— А лучше всего, приходите ко мне. Там гораздо удобнее говорить, чем в ресторане. Спокойно обсудим все наши дела. — На миг она задумалась. — Правда, боюсь, я не очень хороший повар.

— Неважно.

Дейзи состроила неодобрительную гримаску, словно в знак того, что он не понимает, какой опасности подвергается.

— Ничего сложного — какие-нибудь макароны, и все. Хорошо?

— Замечательно.

— Но у нас будет строго деловая встреча, разумеется.

— Ну, естественно.

Остаток дня превратился для него в пытку. Раньше его ничуть не беспокоило, что его единственный приличный костюм не очень хорошо на нем сидел и что он не знал, какие галстуки нынче в моде. Он всегда принимал как должное, что те лощеные мужчины, что спешат по столичным коридорам и тротуарам, принадлежат к другой расе, что он никогда не станет таким, как они, что он создан для военной формы. Но не может же он пойти на обед в форме. И вот вместо того чтобы забежать к приятелю, работающему в Пентагоне, что он собирался сделать раньше, он отправился по магазинам и купил новую рубашку и галстук, полностью положившись на рекомендацию продавца. Только одеваясь у себя в отеле, он понял, что рубашку надо сперва погладить. Времени вызывать горничную уже не оставалось. В итоге он остановился на новом ярком галстуке и старой рубашке, ухитрившейся проделать путь до Вашингтона, не очень помявшись. Когда он бился над узлом галстука в ванной комнате, до него вдруг дошло, что для нее их встреча, возможно, действительно была чисто деловой и что она могла пригласить его к себе только потому, что стеснялась показываться с ним на людях. От этой мысли он без сил опустился на край ванной, так и не завязав галстук. Первым его порывом было позвонить ей и отменить встречу. Но перспектива провести еще один вечер наедине с переносным компьютером казалась невыносимой.

Он возник в ее дверях с цветами и бутылкой вина. К его великому облегчению, она улыбнулась и заторопилась поставить цветы в воду. Взглянула на этикетку бутылки и, ни слова не говоря, отставила ее в сторону, а потом предложила:

— Прошу вас, садитесь. Куда угодно. Я мигом.

И он уселся, чувствуя себя крайне неловко в гражданском костюме, и принялся с наслаждением рассматривать все то, что окружало жизнь этой женщины, — не потому, что предметы обстановки были особенно красивы или эстетически безупречны, но просто потому, что возможность остаться одному в святая святых — в женской комнате, объекте ее ежедневного и неизменного внимания, стала для него давно забытым удовольствием. Впрочем, ему не сиделось на месте. Звуки и аппетитные запахи, доносившиеся из кухни, не давали ему покоя, и он разглядывал эстампы на стенах, фактически их не видя, читал названия книг, не вдумываясь в прочитанное, а сам только и ждал, когда она вновь войдет в дверь.

У него не хватило мужества поцеловать ее в тот первый вечер, он даже не решился спросить, когда они встретятся снова. Промучившись всю ночь и утро, он наконец собрался с духом и набрал номер ее рабочего телефона. Ее не оказалось на месте. Тейлор не осмелился ничего ей передать, не сомневаясь, что она не перезвонит. Позже он рискнул еще раз — и дозвонился.

— Послушайте... Я подумал, может быть... мы могли бы еще раз пообедать?

Далекий безликий голос быстро ответил:

— Извините, но я сегодня вечером занята. Ну вот и все.

— Что ж... спасибо за вчерашнее. Я получил большое удовольствие. До свидания.

— Подождите, — сказала она. — А если завтра вечером? Я знаю одно местечко в Александрии...

Позже, когда до него начали доходить слухи о ее репутации, они стали для него настоящим ударом. Несмотря на свой возраст и пережитые испытания, эмоционально он не далеко ушел от простого школьника. Он любовно хранил в памяти романтические эскапады своей юности, но последовавшие за тем годы одиночества принесли с собой своего рода вторую девственность, и даже мысль о том, что женщина, которую он любит, которую он даже видел в мечтах своей женой, могла быть объектом шуточек других мужчин, немногим более чем игрушкой, которую они, наигравшись, бросали, огнем жгла его. Но он не мог и не хотел оставить ее. Он пытался уговорить сам себя. Такие уж сейчас времена. Все ведут свободный образ жизни. Да и какое это имеет значение? В чем она проигрывает как личность или как любовница, если даже и делила до него постель с другими? Разве ты чувствуешь следы их присутствия на ее коже? Разве ты ощущаешь их вкус на ее губах? Разве, когда ты с ней, ты думаешь о них? Да и вообще, какое значение имеет прошлое? Настоящее — вот что действительно важно — не то, кем ты был, а кем ты стал. Да и кто ты такой, чтобы критиковать ее? Пародия на человека? Дурак с лицом дьявола? Какое право ты имеешь?

И все же мысли о ее прошлом не оставляли его. Он крепко прижимал Дейзи к себе в страхе, что она в любой миг может исчезнуть, но одновременно пытаясь каким-то образом утвердить свое, и только свое, право собственности на нее, прогнать все призраки былого. В темноте ночей он мучил себя, представляя свою любимую в объятиях других мужчин, и одновременно гадая, каков он в сравнении с ними, с хорошо одетыми, красивыми мужчинами, с рождения знавшими, как все делать правильно. Чьи руки будут ласкать ее, когда он уедет?

Он помнил их последнее утро. Помнил ее — неприбранную, растрепанную, заспанную, и ночной запах, густо разлитый в окружавшем ее воздухе и на его руках. Тогда при скучном сером свете в несвежем халате она показалась ему прекраснее, чем все когда-либо виденные им женщины. Он не хотел оставлять ее, не хотел уезжать в какую-то далекую страну, чтобы осуществить долгожданную цель всей своей жизни. Ему хотелось лишь одного — сидеть здесь, выпить с ней еще одну чашку кофе, запечатлеть навечно в своей памяти хаотический беспорядок ее непричесанных волос и неприбранный стол, на котором лежали ее руки. Но времени уже не оставалось ни на что. Он располагал только одной-единственной минутой, достаточной лишь для того, чтобы сказать: „Я люблю тебя". И она фактически ничего не ответила. Как он хотел услышать от нее эти слова! В какой-то степени именно потому он их и произнес. Но она только ждала, делая вид, будто еще толком не проснулась. Он повторил признание, надеясь все-таки заставить ее ответить.

Но Дейзи лишь пробормотала несколько неопределенных обещаний, и на этом он оставил ее, невыразимо прекрасную некрасивую женщину в замусоленном халате, тяжело сидящую около захламленного кухонного стола. Он вышел на улицу под моросящий дождь, твердя себе, что слова не имеют значения. Она заполнила собой пустоту его жизни, внеся в нее столько красоты и красок, что слова не имеют никакого значения.

И вот теперь Тейлор сидел в изолированной от всего мира радиорубке в алюминиевом бараке, затерянном в сибирской глуши, и слушал доносившийся с другого конца земного шара голос любимой женщины. Она бросала короткие, уверенные фразы, и маленькая хрипотца, такая сексуальная в других обстоятельствах, теперь просто вносила мужские нотки в ее голос. Ничто в ее тоне, в строго профессиональной манере изложения не выдавало, что она знает, что он слышит ее, что она совсем недавно, скрытая от его глаз, следила за ним. Он порадовался своему тогдашнему неведению — догадывайся он о ее присутствии во время диалога с президентом, он обязательно бы ляпнул какую-нибудь глупость или сбился.

Но она оказалась сильнее. Она оставалась абсолютно серьезной, под стать теме своего доклада, и ее голос звучал за кадром, пока на экране сменяли друг друга карты, записи и фотографии. Тейлор слушал, изо всех сил стараясь улавливать суть.

— Последняя пауза во вражеских наземных операциях, похоже, имела весьма важное значение. Воспользовавшись затишьем, противник вы-

двинул на передовую линию все войска советских мятежников — войска, номинально все еще остающиеся советскими и, в широком смысле слова, являющиеся своими для населения района боевых действий. Данный шаг преследует сразу две цели. Во-первых, позволяет провести наступление на север от Казахстана и через границу на Западную Сибирь силами так называемых „освободительных армий", а во-вторых, обескровливает мятежников, в результате чего иранцы и Исламский Союз получат над ними значительное военное превосходство и, следовательно, значительно уменьшится возможность противодействия со стороны местных властей эксплуатации иностранными государствами природных богатств Казахстана и Сибири. Иранцы и Исламский союз станут эффективно контролировать ключевые участки к востоку от Урала, а японцы, в свою очередь, получат значительный контроль над ними, ибо их военная мощь без постоянной японской подпитки рухнет, как карточный домик. В частности, имеются убедительные данные в поддержку той версии, что в электронике любой экспортируемой из Японии боевой системы есть спящий вирус, который, будучи приведен в действие, выводит систему из строя. Независимо от того, чья власть установится к востоку от Урала, японцы останутся фактическими хозяевами Северной Азии.

Экран монитора заполнило изображение Дейзи, сосредоточенной, уверенной в себе. Ее ранимость спряталась за твердо сжатым ртом и за щитом огромных очков. Но как устало она выглядела! Тейлор очень хотел приласкать ее. Хотя бы на мгновение.

Неужели она забыла его? Так скоро?

— Если мы их не остановим, конечно, — вмешался кто-то. Министр обороны, еще один адвокат, ни дня не проносивший военную форму. Впрочем, Тейлор не мог не отдать ему должное: тот на удивление быстро и хорошо освоился в своей должности, в отличие от своего старого друга, президента США.

— Верно, сэр, — согласилась Дейзи.

— А какова, на ваш взгляд, вероятность того, что мы их остановим, мисс Фитцджеральд? — поинтересовался министр. — Я просто хотел бы узнать ваше мнение.

Монитор вновь показывал Дейзи. Тейлор с искренним интересом ждал ее ответа. Она такая умница.

— Господин министр, — начала девушка. — Я не могу просчитать наши шансы или выразить вероятность успеха в процентах. Слишком уж много различных факторов. Я могу только предложить вам... ну, догадку аналитика. Боюсь, не слишком научную.

— Прошу вас, продолжайте.

Глаза Дейзи, такие далекие на самом деле, благодаря электронике казались совсем рядом и блестели живым, удивительным огнем.

— Во-первых, — продолжала она, — я убеждена, что наше появление там окажется для японцев шоком. На данный момент ничто не указывает на то, что они хотя бы подозревают о нашем присутствии в России. Уже одно это заставит их призадуматься. С другой стороны, у них может возникнуть желание преподать нам урок в Средней Азии, отомстить нам за свои недавние поражения в других регионах. Они все

еще не оправились от неудач в Латинской Америке. Важным фактором, конечно, станет участие в боевых действиях американского оружия. Если наши системы будут действовать, как дóлжно, война для японцев сразу же станет гораздо более дорогостоящей, как в буквальном, так и в переносном смысле. В таком случае... возможность выгодного для нас соглашения значительно возрастет. Если, конечно, мы хорошо проявим себя на поле боя.

Президент прервал ее:

— Мисс Фитцджеральд, вы ничего не сказали о вероятности победы.

Дейзи на миг задумалась. „Да, — подумал Тейлор, — как насчет победы?"

— Господин президент, — произнесла Дейзи. — Полная победа возможна лишь в крайнем случае. Как хорошо ни сражались бы Седьмой полк и приданные ему части, вероятность такого исхода невелика. Один полк... не может выиграть войну.

„О, Дейзи, Дейзи, — подумал Тейлор, — вот в чем твоя беда. Ты не знаешь, что такое вера. Умение верить, несмотря на цифры, вопреки фактам, вопреки науке и ученым людям". Ему показалось, что он вдруг узнал о ней нечто очень важное, и ему очень хотелось рассказать ей об этом. О том, что ей не хватало в жизни только веры. Что мир мог бы принадлежать ей, стоило бы ей только поверить.

— В любом случае, — продолжала Дейзи, — нам следует задаться вопросом, в какой степени безоговорочная победа отвечала бы интересам Соединенных Штатов. Конечно, в случае поражения мы потеряем доступ к важным источни-

кам сырья, одновременно допустив туда противника, в первую очередь японцев. К тому же мы потеряем влияние. И престиж. Помимо всего прочего, Исламский союз, иранцы и в первую очередь мятежники продолжат геноцид против этнических славян. Во всех отношениях нежелательный финал. С другой стороны, наша „полная победа" может только добавить проблем Советскому Союзу — и ответственность за них отчасти ляжет и на наши плечи. Советская империя просто не может больше существовать в своем нынешнем виде. Далее, победоносный Советский Союз станет менее подвержен нашему влиянию. Мы же хотим усилить их зависимость от нас в ключевых сферах. К тому же вид союзника США, развязавшего кровавые репрессии в усмиренной Средней Азии, окажется не лучшим зрелищем для прочих наших друзей. В конечном итоге компромиссное соглашение, прекращавшее боевые действия на условиях, экономически выгодных для Соединенных Штатов, явилось бы оптимальным вариантом.

— Мисс Фитцджеральд, — произнес председатель Комитета начальников штабов голосом, в котором сквозил едва сдерживаемый гнев. — Ваши рассуждения весьма логичны. Но позвольте мне сказать вам нечто такое, что и мне, и вон тому полковнику, находящемуся сейчас в Сибири, довелось узнать на собственной шкуре. Победа всегда выгодна. А всю остальную ерунду вы сможете разложить по полочкам как-нибудь потом.

— Ну вот, — быстро вставил президент, вновь заполняя собой экран тейлоровского монитора. — Похоже, у нас тут небольшое рас-

хождение во мнениях. — Уотерс поглядел на остатки своего салата, скривив рот, словно там ему попалось что-то невкусное. Он поднял левую бровь. — Полковник Тейлор, вы нас все еще слушаете?

— Да, сэр, — немедленно отозвался Тейлор, резко вернувшись в реальный мир.

— Тогда скажите мне, что вы думаете о нашей дискуссии?

— Господин президент, мои солдаты... не представляют, как можно сражаться — умирать — за умные компромиссные решения. Такого они не поймут. Но они понимают разницу между победой и поражением, и, с их точки зрения, разница весьма очевидна.

— Значит ли это... что, по-вашему, мы можем победить?

Тейлор скривился:

— Если честно, не знаю. Но мне точно известно, что какое-то число прекрасных молодых солдат завтра погибнут с мыслями о победе. Нет, „мысли" — неверное слово. С верой в победу. Потому что я обещал им ее. А мне они верят.

Президент разглядывал крошечные островки салата, оставшиеся в пустой тарелке.

— Да, — протянул он. — Надеюсь, они правы. Спасибо, полковник. Я больше не стану вас задерживать. Уверен, у вас там масса дел. — Из-за океана, с другой стороны Земли, президент заглянул Тейлору в глаза. — И удачи. Всем вам.

Тейлора охватила паника. Еще несколько минут назад он больше всего на свете хотел закончить эту пустую болтовню и вернуться к

своим солдатам. Но теперь он думал только о том, что может никогда больше не увидеть Дейзи, а то, что они расстались на враждебной ноте, пусть и не высказанной прямо, парализовало его.

Только один бы взгляд. Только одно слово — хотя это и невозможно.

Президент исчез с монитора. Но экран не погас. На нем появилось тяжелое, одутловатое лицо председателя Комитета начальников штабов.

— Джордж, — сказал он, — еще одно. Когда же наконец ты вылезешь из этой коммунистической формы? Ты в ней кошмарно выглядишь.

Тейлор знал, что от него ждали улыбки. Но он не мог пересилить себя.

— За минуту до вылета, сэр, — ответил он.

— Что ж, выбей из них дух, Джордж. Благослови тебя Господь.

— Спасибо, сэр.

И тут экран потух.

Дейзи...

Дейзи казалось, что все присутствующие заметили, насколько далеко от предмета обсуждения витали ее мысли. Она изо всех сил старалась подавить нахлынувшие на нее эмоции и заставила себя говорить голосом еще более бесстрастным, чем обычно. Но слова, стоило ей их произнести, уже не подчинялись ее воле, и она чувствовала, что не может как следует контролировать свои мысли.

Это все из-за него. Она смотрела на него во время беседы с президентом, зная, что он не видит ее, что он не может даже подозревать о ее присутствии. И, слушая его голос прямодушно-

го человека, так непохожий на речь Боуквetта и ему подобных, она хотела встать на колени и умолять президента отменить операцию. Судьба Советского Союза, принадлежность каких-то далеких сырьевых ресурсов не шли ни в какое сравнение с будущим этого одного-единственного порядочного человека с его древними понятиями о долге. Когда дошла очередь и до нее, когда она принялась профессиональной терминологией и холодными рассуждениями дополнять секретную информацию, показываемую на мониторах, у нее возникло такое чувство, будто она выносит ему приговор и отправляет на верную смерть. Логика политики и власти, некогда столь для нее очевидная, вдруг обратилась ни во что. В конечном итоге разговор шел о жизни людей. Мужчин. И женщин. Нашедших, наконец, того, кого они просто могут полюбить. Только затем, чтобы увидеть, как те уходят во имя какой-то красиво звучащей глупости. Разговор шел о Джордже Тейлоре с его изуродованным лицом и непоколебимым намерением любой ценой сделать доброе дело для страны, чьи граждане не смогут взглянуть на него без содрогания.

А может, она просто нарочно мучила себя? Может, это только пародия на любовь? Как ей в голову хоть на миг могло взбрести, что она его любит? Вспомни — тебе приходилось сперва выключать свет и закрывать глаза.

Больше всего ей нравилось, когда он обнимал ее. Она спиной прижималась к его огромной груди, а он ласкал ее своими сильными руками. Он, Тейлор, который в своем лучшем костюме, наугад купленном на какой-то распродаже, походил на самого серьезного в мире

странствующего коммивояжера, невежда, который принес на обед бутылку десертного вина.

Как могла она испытывать такое при виде подобного мужчины? Когда в ответ на вопрос президента он произнес те серьезные, логичные слова, которые камня на камне не оставили от ее анализа, ее карьеры, ее блестящего образования, она хотела одного — попросить у него прощения, сказать, что не это имела в виду, просто сегодня мысли путались у нее в голове, а слова не слушались мыслей.

Он не вернется. Она это знала.

Сидевший внутри нее черт требовал, чтобы она позвала его, прямо перед президентом и всеми другими похожими друг на друга стариками, служившими ему, чтобы сказала Тейлору, что да, она любит его и уже любила в то последнее утро, но просто не имела сил и здравого смысла признаться тогда же. А затем Тейлор исчез, связь прервалась, и она осталась перед выключенными мониторами и рядом с Рейнардом Боукветтом.

Президент улыбался, покачивая головой. Он оглядел большой стол заседаний и устало потянул галстук.

— Что ж, джентльмены, — заключил он счастливым голосом, — думаю, этот наш полковник действительно вселит страх в сердца врагов. — Он слегка склонил голову набок и с усмешкой добавил: — Видит Бог, у меня у самого от одного его вида душа уходит в пятки.

Все расхохотались, кроме Дейзи. Рядом с ней громче всех смеялся Боукветт. Потом он наклонился к ней и прошептал:

— Ты ведь не собираешься наделать глупостей, а?

9

Северный Казахстан
2 ноября 2020 года

Женщина кормила младенца грудью, прижавшись к главной орудийной установке бабрышкинского танка. Ее худое, изможденное лицо едва виднелось из-под огромной меховой шапки. Напяленные на нее шарфы, свитеры и пальто, казалось, весили больше, нежели она сама, а ребенок вообще едва угадывался в охапке войлока, шерсти и вытертого меха. Маленькая ножка мелькнула в воздухе — так щенок лягает воздух, пытаясь подобраться поближе к материнским соскам, и хрупкая женщина возобновила кормление. Бабрышкин чувствовал, что она очень молода и в других обстоятельствах могла быть весьма привлекательна, но теперь ее щеки обветрились и походили на высохшую кожу старухи, а запавшие глаза смотрели туманным взглядом. Время от времени она что-то тихо говорила второму ребенку, мальчику лет четырех, который мертвой хваткой держался за ее пальто и непонимающе смотрел по сторонам. Когда Бабрышкин подсадил мальчишку на танк, вши посыпались с его шапки, как пыль при выбивании ковра. Но ребенок, казалось, не обращал никакого внимания на насекомых. Он просто сел рядом с матерью и уставился в промерз-

шую степь. Единственным признаком нормальности была та скорость, с которой он поглощал черствое печенье, вложенное Бабрышкиным в его ручонку.

Бабрышкин нашел женщину с детьми в хвосте потрепанной колонны беженцев, когда его танки нагнали едва передвигавшихся уцелевших русских. Мальчик не мог идти, и истощенная мать пыталась нести и его, и младенца, останавливаясь через каждые несколько шагов. Никто не вызвался помочь ей. Беженцы, замыкавшие колонну, слишком отчетливо ощущали дыхание настигавшего их врага, и каждый лелеял свое собственное горе. Милосердие покинуло этот мир.

После того как Бабрышкин увидел место побоища, решимость любой ценой поддерживать свою бригаду в состоянии боеготовности оставила его. Он чувствовал, как его силы, вместо того чтобы окрепнуть, достигнув пика, начали резко идти на убыль. Он приказал выжившим в кровавой бане сесть на его машины, и батальон моментально приобрел недисциплинированный, потрепанный вид. Его преследовало странное чувство — так иногда преследует неприятный запах, — что больше почти ничего уже и не сделаешь. Боеприпасы фактически кончились. Горючего едва хватало, чтобы продолжать отступление. Невзирая на протесты замполита, Бабрышкин продолжал все утро подбирать больных и слабых. Если он больше не в силах их защищать, то, по крайней мере, может подвезти.

В таких условиях танки без башен, как оказалось, обладали неожиданным преимуществом. Так как над ровной площадкой палубы возвышалась только узкая установка главного орудия,

на них нашлось больше пространства для людей, чем если бы на их месте были старые танки. Помимо молодой женщины с двумя детьми на машине примостились еще старик, две согбенные старухи и больная девочка-подросток. Все они изо всех сил цеплялись за металлические выступы, какие могли нащупать их одетые в варежки или обмотанные тряпками руки. Стало очень холодно, и в любую минуту мог пойти снег, но каждый пассажир был счастлив получить возможность проехаться на ледяном ветру. Единственной альтернативой оставалась смерть на обочине дороги.

Не все могли или хотели принять помощь. Как-то они проехали мимо старушки, сидящей в стороне от дороги на потрепанном пластиковом чемодане, опустив на руки поросшее волосами лицо. Бабрышкин приказал своему механику-водителю свернуть и подъехать к ней и соскочил вниз, чтобы подсадить ее на машину. Но она едва удостоила его взглядом и всем своим видом показала, что не желает, чтобы ее беспокоили.

— Матушка, — сказал ей Бабрышкин, — вам нельзя здесь оставаться.

Она на миг подняла глаза и снова устремила их в пустынную степь.

— Хватит, — пробормотала она. — Хватит.

Для споров времени не оставалось, да и слишком много других мечтали о спасении. Бабрышкин вернулся в танк и приказал водителю занять место в строю. За его спиной осталась сгорбленная черная фигура, неподвижно сидящая, опустив голову на сжатые кулаки.

В пути он видел почерневшие остовы боевых машин, подбитых за время вражеских воздуш-

ных налетов; и абсолютно целые машины, брошенные, когда в них кончилось топливо; и еще другие, просто не выдержавшие напряжения гонки. Ведь машины тоже страдают и гибнут от голода, инфаркта и инсульта. Государственные грузовики и частные „легковушки", городские автобусы и ржавые мотоциклы, тракторы с прицепами — целый музей разнообразных обломков выстроился вдоль проложенной в степи грунтовой дороги. Трупы валялись тут и там, жертвы холода, голода, болезней или убийц, приканчивавших тех, кто слишком далеко отрывался от идущей в темноте толпы. Людей убивали ради еды, ради денег, ради всего, что могло бы повысить хоть немного шансы убийцы выжить самому. Несколько изодранных палаток отмечали место, где кто-то попытался организовать пункт первой помощи. Гордость стала забытым понятием. Все гордые давно уже умерли. Мужчины и женщины сидели вдоль дорог, не делая даже малейшей попытки встать при виде проезжавших танков Бабрышкина, и продолжали опорожнять иссохшиеся желудки. Многие из них были явно больны. То тут, то там муж рев ниво стоял, охраняя жену, но в целом все вокруг пронизывало ощущение катастрофы, отсутствия всякого закона и здравого смысла.

Высунувшись из командирского люка, Бабрышкин прищурил глаза от холодного ветра. Кормящая мать напомнила ему о Вале, хотя его жена еще не стала матерью и откровенно заявила ему, что не имеет такого желания. „Зачем надевать себе на шею хомут!" — воскликнула она как-то. Бабрышкин подозревал, что мало кто из по-настоящему знавших Валентину сможет назвать ее хорошей женщиной. Она эгои-

стична и нечестна. Но все же она — его жена. Он любит ее и скучает по ней. Бабрышкину казалось, что, если бы он смог сейчас поговорить с ней, ему удалось бы поделиться с женой своей новообретенной мудростью — рассказать ей, как важно довольствоваться тем, что имеешь, быть благодарным за возможность жить в мире, любить друг друга. Он не нашел новых слов, чтобы докричаться до нее, и все же в глубине души чувствовал, что может быть убедительным. Какое это было счастье, когда они имели возможность просто лечь вдвоем в теплую постель, вовсе не думая о смерти. Обняться, не сомневаясь, что утро не принесет с собой ничего более неприятного, чем необходимость вставать, еще толком не проснувшись, и идти на работу. Юрий понял, что пока перед ним не предстала ужасная картина беспомощности, краха и обесцененной человеческой жизни, он не мог оценить удивительную красоту своей предыдущей судьбы. Проблемы, такие важные когда-то, превратились в ничто. Его окружала красота, он купался в ней и в своей слепоте ничего не замечал.

Какой-то охваченный отчаянием мужчина попытался залезть на идущий впереди бабрышкинского танк, не дожидаясь, пока тот остановится. Не имея опыта подобных упражнений, беженец тут же застрял между гусеницей и огромными колесами. Окружающим оставалось только смотреть, как машина поглотила его ноги ниже колен, швырнула несчастного оземь и продолжала крутить и вертеть, пока танк наконец не остановился.

Бедняга лежал на каменистой дороге, широко раскрыв глаза и рот. Он не кричал, не рыдал,

а только с удивленным видом приподнялся на локтях. Два солдата соскочили с танка, на ходу срывая с себя пояса, чтобы использовать их как жгуты для остановки кровотечения. Они повидали множество различных ран и не боялись вида крови. Солдаты быстро ощупали кровавые культи, отыскивая хоть что-нибудь твердое в месиве искалеченной плоти и раздробленных костей. Но мужчина откинулся назад, по-прежнему молча и не закрывая широко раскрытых глаз, сохраняя на лице удивленное выражение. И умер. Солдаты оттащили его немного в сторону, хотя это и не имело особого смысла, и поспешили назад к своему танку, вытирая руки о комбинезоны, а Бабрышкин криками понукал их, ибо они задерживали всю колонну.

Время от времени то одного, то другого беженца приходилось сгонять с машины, как правило из-за того, что они начинали просить еды, а встретив отказ, становились агрессивными. Иногда их ловили за воровством. Воровали все, что угодно, — от продуктов и противогазов до абсолютно бесполезных мелочей. Какой-то мужчина без всяких на то видимых причин попытался задушить командира одного из танков. Он оказался удивительно сильным человеком, скорее всего, не совсем нормальным, и, чтобы спасти командира от верной смерти, беженца пришлось застрелить.

Однажды над бесконечными километрами изъеденной эрозией почвы промчались два советских боевых вертолета, и Бабрышкин в восторге долго махал им вслед, радуясь, что они не остались абсолютно одни, что о них не совсем забыли. Он попробовал наладить с вертолетами радиосвязь, но не смог найти нужную

частоту. Уродливые летательные аппараты сделали два круга над колонной и удалились.

Молодая мать закончила кормление младенца, и Юрий решил, что ее теперь можно получше разглядеть. Он поинтересовался про себя, где ее муж. Возможно, в армии, воюет где-то. А может, погиб. Но если он только жив, Бабрышкин явственно мог себе представить и даже почувствовать, как сильно он сейчас, наверное, переживает за свою семью, как ломает себе голову, гадая, где они, живы ли, в безопасности ли.

Бабрышкин наклонился к женщине, которая прижимала к себе одной рукой младенца, а другой одновременно обнимала старшего сына и держалась за орудийную установку. Он чувствовал необходимость что-то сказать ей, приободрить, успокоить.

Он приблизил свое лицо вплотную к ее, и сам не понял, страх или просто пустота мелькнула в ее глазах.

— Настанет день, — прокричал он, перекрывая грохот двигателя, — когда все это мы будем вспоминать, как кошмарный сон, когда наше бегство станет только историей, которую мы будем рассказывать внукам.

Женщина долго никак не реагировала. А потом Бабрышкину показалось, что он увидел призрак улыбки, тенью промелькнувший по ее губам.

Юрий сунул руку в командирский люк, где висел его планшет, и вытащил последнюю мятую пачку сигарет. Один из его сержантов нашел ее на трупе офицера мятежников. Согнувшись, чтобы укрыть огонек от холодного ветра, он прикурил сигарету, а потом протянул к гу-

бам женщины. Снова ему долго пришлось ждать ее реакции. Наконец она медленно покачала головой:

— Нет. Спасибо.

Сидевший рядом с ней старик голодными глазами уставился на сигарету. Испытывая разочарование, что его широкий жест пропал втуне, Бабрышкин сунул курево в дрожащие старческие руки.

На обочине мужчина и женщина отчаянно погоняли вперед двух овец, заартачившихся в испуге от грохочущих бронемашин. Юрий поразился, что животных до сих пор еще не зарезали и не съели. „Везучие овцы", — подумал он.

Постоянный статический шум в его наушниках вдруг сменился звуком работающего передатчика.

— Говорит „Ангара". — Бабрышкин узнал встревоженный голос командира взвода противовоздушной обороны. — С юга приближаются самолеты.

— Вражеские?

— Опознавательных знаков нет Предположительно противник.

— Всем, всем, — выкрикнул Бабрышкин. – Воздушная тревога! Сойти с дороги и рассредоточиться. Воздушная тревога!

При звуке его команды механик–водитель направил стальное чудовище влево от шоссе, распугав овец. Их хозяева бросились за ними следом, что–то крича. Юрий подумал, что скоро у них появятся другие, гораздо более серьезные поводы для волнения.

— Надеть противогазы, — скомандовал Бабрышкин в микрофон. — Задраить все люки. —

Он торопливо расстегивал подсумок своего противогаза. Беженцы, сгрудившиеся на палубе танка, испуганно смотрели на него. Безразличие и усталость как рукой смело с их лиц. Ему показалось, что он читает безнадежный упрек в их глазах, но тут он надел маску и временно укрылся от их взглядов. Выбирать не приходилось. Нет никакого смысла умирать из одного лишь чувства солидарности.

Грязная маска воняла невыносимо. Оглядевшись по сторонам, Юрий увидел, что его машины расползлись по степи, чтобы насколько возможно усложнить задачу атакующих.

Времени не оставалось вовсе. Он уже видел темные точки вражеских самолетов, набирающих высоту перед атакой. Они шли прямо на колонну.

И ничего нельзя было поделать: зенитчики не имели снарядов. Они могли только расстрелять свои последние патроны, что было бы ничуть не умнее, чем пытаться подбить само небо.

Повсюду вокруг него с грохотом захлопывались люки, оставляя на крышах и палубах машин беззащитных беженцев. Кое-кто из гражданских соскочил на землю и из последних сил бросился прочь, надеясь найти хоть какое-нибудь укрытие или просто стремясь как можно дальше уйти от цели самолетов. Бабрышкин краем глаза заметил схватку на задней части одного из бронетранспортеров, где солдаты расчищали люки от беженцев. Какой-то огромный мужик схватил противогаз одного из солдат, и тут же загремели выстрелы.

Ни на что нет времени.

Толком не отдавая себе отчета в том, что он делает, Бабрышкин вырвал из рук женщины

старшего ребенка. Он резко сунул мальчика в люк танка, потом потянул туда же женщину.

Не понимая, в чем дело, она упиралась и отбивалась, в ужасе глядя на чудище в пучеглазой маске.

Самолеты уже отчетливо виднелись на горизонте. Юрий выскочил из люка, ударил женщину по лицу и оторвал ее и младенца от орудийной установки. Самолеты заходили для атаки, теперь стало ясно видно, что это штурмовики.

— Живей! — прогудел Бабрышкин голосом, неузнаваемым из-под маски. Он подтащил женщину к люку и пихнул ее вниз, как мешок. Прочие беженцы в ужасе глядели на них, отчаянно пытаясь удержаться на подпрыгивающей на ухабах машине.

Нет места. Нет времени. Бабрышкин еще раз толкнул женщину вниз подошвой сапога и сам рухнул сверху, отшвырнув ее в сторону. Она упала на железное днище танка, пытаясь при падении своим телом защитить ребенка. Даже сквозь рев мотора и резину противогаза до ушей Бабрышкина донесся отчаянный плач маленького мальчугана.

Он захлопнул за собой крышку люка и лихорадочно принялся задраивать герметический запор. Последним звуком, донесшимся до него снаружи, был рев самолетных двигателей.

— Включаю приборы нагнетания давления! — выкрикнул он в микрофон внутренней связи, стараясь, чтобы воздушный фильтр не заглушил его голос, и его рука упала на панель с выключателями, расположенную прямо перед ним.

Еще раз, еще один последний раз. Он молил Бога, чтобы система нагнетания давления не от-

казала. Наплевать, что случится потом — об этом еще хватит времени подумать. Он только хотел пережить нынешнюю, сиюминутную угрозу. Юрий знал, что фильтры дышат на ладан, что всему танку за последнее время крепко досталось. Смерть могла наступить в любую минуту. Неизбежная, безжалостная.

Он почувствовал, как вздрогнули металлические стены. И еще раз.

Бомбы! Возможно, все ограничится обычной бомбежкой, без химических снарядов. Но он сам мало верил в такую возможность. Химические атаки стали привычным явлением. Враг привык применять ОВ, оценив редкостную экономичность такого оружия. Бабрышкин попробовал через оптические приборы посмотреть, что творится снаружи, но противогаз мешал разглядеть что-либо. Танк бросало из стороны в сторону на ухабах, и бешено пляшущий горизонт затянуло стеной дыма и пыли.

Первым признаком будет — выживут ли женщина и ее дети. Если да, значит, система нагнетания давления все еще работает.

Мальчик продолжал кричать. Но это — хороший знак. Пораженные нервно-паралитическим газом не кричат, они просто умирают.

Заработало радио. Плохо слышно, очень плохо слышно.

— Говорит „Кама".

— Слушаю, — сказал Бабрышкин, сознательно отказавшись от традиционного отзыва, чтобы упростить переговоры до предела, пока на нем одет противогаз.

— Говорит „Кама". Химическая атака, химическая атака. — „Кама" оставалась последней

машиной химической разведки в потрепанной части.

— Какой газ? — резко спросил Бабрышкин, заранее представляя себе, какая сцена предстанет его глазам, когда он снова откроет люк. Тут уж ничем не поможешь, ничего не поделаешь.

— Еще неизвестно. Мой наружный определитель вышел из строя. Приборы только показывают наличие ОВ.

— Вас понял.

— Говорит „Ангара", — вмешался в разговор командир взвода противовоздушной обороны. — Они улетают. Похоже, все ограничится одним заходом.

Голос звучал подозрительно отчетливо.

— Ты надел противогаз? — рявкнул Бабрышкин.

— Нет... Нет, мы вели огонь по противнику. Наши машины герметичны, и...

— Надень противогаз, идиот. Мне не нужны лишние потери. Слышишь?

Тишина. Нервы начали сдавать. Он случайно нажал на выключатель передатчика, и связь прервалась. Он начал забывать элементарные вещи. Отдохнуть бы хоть немного!

— Внимание всем экипажам, — медленно и отчетливо произнес Бабрышкин. — Произвести перекличку в соответствии с порядковыми номерами.

Скольких еще позывных он не досчитается? Система нагнетания давления не подвела. Женщина и ее дети все еще дышали, лежа на полу отсека экипажа. Бабрышкин совсем уже было собрался приказать женщине, чтобы она заткнула рот своему ублюдку, но осекся. Даже бес-

форменная толстая шуба не могла скрыть того, что рука у ребенка торчала под неестественным углом к телу. Ничего не поделаешь. Все же мальчишка остался жить. С рукой все обойдется. Женщина подняла на Бабрышкина почти безумные глаза. Из ее рассеченного лба струилась кровь. При падении она защитила от удара ребенка, но не себя. Хорошая мать. Хотя сама почти еще ребенок.

Юрий слушал перекличку. Голоса подчиненных звучали по-деловому, хотя и устало и немного приглушенно. Все это давно уже стало для них для всех привычным.

В чередование отзывов вклинилось молчание. Еще один экипаж погиб.

По внутренней связи Бабрышкин приказал водителю повернуть назад к дороге. Затем дал команду продолжить радиоперекличку.

Неожиданно боевая машина резко остановилась, словно налетев на преграду. Однако двигатель не заглох, и Бабрышкин не понял, что же случилось.

— Подождите, — бросил он в микрофон внешней связи. Потом переключился на внутреннюю. — Какого черта ты остановился? Я же тебе сказал возвращаться на дорогу.

Водитель промычал что-то в ответ, но противогаз искажал звучание его слов.

— Черт побери, я, по-моему, спросил, почему ты остановился? — рявкнул Бабрышкин.

— Не могу... — убитым голосом прошептал водитель.

— Что значит „не могу"? Ты что, с ума сошел?

— Не могу, — повторил водитель. — Мне пришлось бы ехать прямо по ним.

— Что ты там мелешь? — возмутился майор, насколько возможно крепче прижимаясь глазницей противогаза к окуляру оптического прибора.

Объяснений больше не требовалось. Там, где только несколько минут назад брела молчаливая людская колонна, теперь, насколько хватало глаз, простирались темные бугорки мертвых тел. Ни отчаяния, ни борьбы, ни бьющихся в корчах раненых, никаких признаков страданий. Только гробовая тишина и неподвижность, нарушаемая лишь медленным, бесцельным маневрированием боевых машин, похожих на лошадей, потерявших своих всадников в средневековом сражении.

Только одно еще могло поразить Бабрышкина — легкость, с которой наступала их смерть: быстро, как бы мимоходом. Взять хотя бы того мужчину, неожиданно попавшего ногами в гусеницу танка, или эту навсегда замолкшую людскую массу. Тут не было места ни для борьбы, ни для страстей или проявления героизма. Даже для трусости толком не хватало времени.

Новое поколение нервно-паралитических газов считалось гуманным оружием — они быстро убивали своих жертв и в течение нескольких минут растворялись в атмосфере, становясь совершенно безвредными.

Бабрышкин связался по радио с начальником химической разведки.

— Теперь вы выяснили тип ОВ?

— Говорит „Кама". Сверхбыстрый нервный газ, тип III-М. Он уже рассосался. Я снял противогаз.

Юрий грустно покачал головой. Потом оттянул маску, почувствовав, как вдруг повлажнело

его лицо там, где резина отошла от кожи. Он рывком стянул противогаз и, тщательно сложив, уложил его в подсумок.

— Оставайся на месте, — приказал он водителю. — Я вылезу. — Но сначала он вновь вышел в эфир: — Всем экипажам. Отбой. — На миг он замолчал, подбирая нужные слова. Не найдя их, просто сказал: — Очистить машины. — Потом он отпер люк и вылез наружу.

Ему повезло. На его долю выпало не много грязной работы. В предсмертных судорогах все его пассажиры попадали с танка, и только старик сидел, припав к орудийной установке. Догоревший окурок сигареты все еще торчал между его пальцами. Бабрышкин ухватил его под мышки и скинул с танка.

Ничего не поделаешь. Юрий встал во весь рост, полной грудью вдыхая холодный безопасный воздух. Насколько хватало глаз, он не видел на дороге ничего живого. „Это хуже эпидемии, — подумал он. — Гораздо хуже. Здесь не видно руки Божьей".

Что-то белое бросилось ему в глаза. Он не сразу признал трупы двух овец, приведенных сюда Бог весть из какого далека.

Какая бессмыслица... Внезапно, перекрывая урчание двигателя стоящего танка, его слух резанул пронзительный крик. Бабрышкин оглянулся. Женщина, чью жизнь он спас, выглянула из командирского люка и кричала, глядя на окружающую картину, так отчаянно громко, что даже у слушателей начало саднить горло.

„Что ж, по крайней мере, у нее есть чем кричать", — подумал Бабрышкин, испытывая радость даже от такого проявления жизни.

10

Москва
2 ноября 2020 года

Райдер сидел в скудно обставленном кабинете в доме, соседнем со следственным корпусом, пил серый кофе и ждал возвращения своего советского коллеги. Хотя вчера вечером он вовсе не пил спиртного, его мучила головная боль. Капитан, размещавшийся в соседнем номере, всю ночь напролет утюжил русскую проститутку с энергией столь же удивительной, сколь раздражающей. Час за часом Райдер лежал без сна, слушал, как бьется о стену кровать соседа. Время от времени подруга капитана что-то выкрикивала на непонятном Райдеру языке, но смысл был весьма очевиден, и тогда мысли Райдера возвращались к его жене, Дженифер, которая не позволяла звать себя Дженни и всегда молчала в спальне. Райдер допускал, что его старинный друг не ошибся, утверждая, будто Райдер биологически запрограммирован на брак с неподходящей ему женщиной. Впрочем, Райдер не испытывал дурных чувств к своей жене. Лежа московскими ночами в пустом номере, он просто скучал по ней, хотя и сам не совсем понимал почему. Та единственная интрижка, что приключилась в его жизни

за год, прошедший после развода, оказалась скоротечной и мимолетной, и ни на йоту не потеснила в его памяти образ бывшей жены. Райдер надеялся, что теперь она наконец-то счастлива со своим новым мужем, обещавшим стать тем, кем не смог стать он сам.

Наконец Райдер бросил попытки заснуть. Он вскочил с постели, вытащил из наплечной сумки, висевшей на спинке кровати, свой полевой компьютер. Крошечный приборчик зажегся, узнав прикосновение пальцев Райдера. Он не ожил бы под любой другой рукой, не поделился бы ни с кем другим своими секретами. Казалось, машина с облегчением восприняла его прикосновение, словно и ей тоже не давали покоя неугомонные соседи. Райдер вызвал программу, над которой он работал на „Мейджи", японском военно-индустриальном компьютерном языке, и вслушивался в его странную музыку, пока не добрался до задачи, не дававшей ему покоя уже много дней. А потом вновь грянул гром, сексуальный гром.

В физическом плане у Райдера и его жены все было нормально. Уж здесь-то он выказывал неуемный аппетит и изобретательность и никогда от нее не уставал. Но Дженифер выходила замуж за очень многообещающего выпускника университета, приступившего к работе в элитной правительственной программе, а не за военного. Райдер специализировался на информатике, японском языке, а также изучал специализированные японские компьютерные языки. Эта программа была доступна только самым талантливым, и хотя подразумевала четыре года военной службы после окончания университета, перспективы раскрывались ослепительные. Аме-

риканская промышленность испытывала острейшую нехватку в людях такой квалификации и Дженифер вышла замуж за человека именно с таким будущим, а Райдер был счастлив жениться на такой умной, красивой, любящей девушке. Ее родители умерли в годы эпидемии, она осталась одна, и ему казалось, что он заполнит собой зияющую брешь в ее жизни.

Проблемы начались с армии. Хотя оклад Райдера как компьютерного „следователя" в чине уорент-офицера оказался выше, чем у обычного войскового майора, Дженифер никак не могла смириться с тем, что они, как ей казалось, приобрели столь низкий финансовый и социальный статус. Куда исчезла та влюбленная студентка, на которой он женился? Сперва наедине, а затем и на людях, подвыпив, она начала называть его „красавчиком". Она говорила, что ей следовало бы выйти замуж за настоящего мужчину, знающего, как добиться в жизни успеха, а не за ребенка.

Райдер и в самом деле принялся разглядывать свое лицо в зеркале как-то ночью, когда Дженифер не вернулась домой, гадая, как выглядит настоящий мужчина, и что значит это понятие. Он никогда не ценил высоко свою внешность. Но дома, в Хэнкоке, штат Небраска, девочки обращали на него внимание, точно так же как через некоторое время — замечательные загорелые девушки из Стэнфордского университета. Его всегда окружали девушки, к зависти его друзей, которые не могли поверить, что он не пользуется случаем, и которых поражала его склонность видеть в девушках — а позже и в женщинах — людей. „Ты ненормальный, — твердил ему давнишний приятель. — Ты сумас-

шедший. Ты слишком хорошо с ними обращаешься. Стоит тебе научиться смотреть на них, как на грязь, и они всю жизнь простоят перед тобой на коленях, заглядывая тебе в глаза. Джефф, я готов поклясться, что ты биологически запрограммирован жениться не на той, кто тебе нужен".

Но он хотел быть хорошим человеком, хотел порядочно вести себя и по отношению к женщинам, и по отношению к другим мужчинам. И чем больше жаловалась и угрожала Дженифер, тем более привлекательной становилась в его глазах военная служба. Ему самому никогда и в голову не пришло бы пойти в армию. Но полученная от нее финансовая поддержка позволила ему пройти курс в хорошем университете, вместо того чтобы просуществовать необходимое количество лет в посредственном. Сначала он рассматривал обязательную военную службу как неизбежную повинность, которую следует выполнить, и не более того. Но потом обнаружил, что испытывает удовлетворение от работы, что она наполняет его чувством собственной значимости, которого он никогда не найдет в мире грез Дженифер, в мире корпораций и кредитных карточек. Таким вот образом он и предал ее, ее веру, ее надежды. Когда он сообщил жене о своем намерении остаться в армии, она побледнела. Потом подняла крик, проявив страстность, к которой ее довольно-таки сдержанное поведение в спальне вовсе его не подготовило. Она смахнула на пол все, что стояло на ближайшей полке, раскидав по всей комнате осколки стекла, пробки, засохшие цветы и журналы. А потом ушла, не приведя по сути никаких аргументов и даже не надев пальто.

Вернулась Дженифер на следующий день, но с ним не разговаривала. Однако постепенно их отношения вроде бы нормализовались. Перед самым его отъездом на маневры она даже переспала с ним. Похоже, она старалась. Затем, в самый разгар военной игры, ему предоставилась возможность на несколько часов вернуться на главный командный пункт, и он позвонил ей и попросил о встрече в кафетерии. Дженифер пришла. И когда он набил себе рот пиццей, сказала, что уходит от него.

Ну что ж, сказал сам себе Райдер. Москва — такой город, в котором легко почувствовать депрессию. Вечно грязноватые гостиничные номера, плохо усваиваемая пища, а ежедневная дорога до знаменитого осыпающегося здания КГБ и обратно проходила по серым тоскливым улицам, на которых никто не улыбался. Да и нечему особенно улыбаться, конечно. Судя по тому немногому, что успел увидеть Райдер, эти люди жили в таких условиях, которые любой американец счел бы совершенно неприемлемыми. Помимо того, война складывалась для них очень неблагоприятно.

Райдер жалел русских. Он сожалел, что всем здешним мужчинам и женщинам приходилось жить в таком сером мире, и он страстно хотел внести профессиональный вклад в сложившееся положение. Однако пока что совместная работа над японским компьютером, многое открыв о возможностях русских, мало что прояснила о противнике.

Райдер отхлебнул еще глоток жидкого горького кофе, чтобы прочистить мозги, и снова обратился к досье. Он почти наизусть выучил его содержимое. Случай невероятного, фантастиче-

ского везения, подарок судьбы — но с ним придется порядком повозиться. Предстояло провести, возможно, самый трудный и ответственный допрос в жизни. Объект был очень многообещающий, но придется преодолеть не один слой защиты. А время поджимало. Советы разваливались на части, и только сегодня утром Райдер узнал на проводившемся до завтрака собрании американских штабных офицеров, что Седьмой десантный полк, затерянный где-то в дебрях зауральской тайги, будет введен в бой раньше срока. Никого из офицеров-разведчиков Десятого полка не обрадовало это известие. Они что-то проворчали, превозмогая похмельную головную боль, все еще источая запах женщин, с которыми общаться им вообще-то не полагалось. Ускорение событий означало, что тщательно разработанные планы и графики придется отбросить ко всем чертям и что офицеры, так нелепо смотрящиеся в подобиях деловых костюмов, должны будут вставать вовремя и вымучивать новые результаты совместно со своими старательными, но безнадежно обюрократившимися советскими коллегами.

Райдер знал, что хотя бы в одном ему повезло. Его партнер по работе с компьютером Ник Савицкий казался человеком полностью открытым и относительно гибким для русского. Он очень интересовался американскими методами ведения допроса компьютера. Конечно, в значительной степени его любознательность объяснялась стремлением пополнить картотеку КГБ — но ведь и Райдер выполнял ту же работу для США. Такова уж природа их службы.

Однако сегодня Савицкий внушал Райдеру опасения. Объект, над которым им предстояло

поработать, в перспективе мог бы раскрыть всю вражескую инфраструктуру. Но здесь требовался аккуратный, терпеливый подход. А Савицкий, как и другие известные Райдеру русские, похоже, не всегда это понимал. Порой они переходили границы, за которыми объект терял возможность отвечать. Советская технология допросов, какой бы сложной она ни была, всегда несла в себе элементы жестокости и имела ярко выраженную тенденцию грубого обращения с объектом, невзирая на возможные последствия. Ему довелось уже однажды видеть Савицкого, охваченного приступом неконтролируемой ярости.

Дверь распахнулась, и в кабинет зашел улыбающийся, дурно выбритый Савицкий.

— Доброе утро, Джефф, — сказал он (в его устах имя Райдера звучало как „шеф") и упал на стул рядом с американцем. — Как дела?

Как правило, они общались на английском, которым Савицкий владел вполне сносно, а при обсуждении сложных технических вопросов переходили на японский, но в нем Савицкий чувствовал себя гораздо менее уверенно, чем Райдер.

— Хоррашо, — ответил Райдер, прибегнув к одному из полудюжины известных ему русских слов. Ему говорили, что оно соответствовало родному „о'кей". Офицеры Десятого разведывательного очень полюбили это слово из-за его созвучия с английскими „хор" — „шлюха" и „шоу" — „представление", и часто применяли его, рассказывая о своих ежевечерних эскападах в гостиничном баре.

— Сегодня у нас большой день, — объявил Савицкий, наливая себе кофе. — И очень ответ-

ственный. — Райдер выяснил, что кофе приносили каждое утро специально для него, и Савицкий вовсю пользовался случаем. Он никогда не шел в комнату для допросов, пока оставалась хотя бы капля напитка. Райдер также отметил, что русский заворачивал спитую гущу в газету и украдкой ронял сверток себе в портфель.

Райдер некоторое время следил, как его коллега ложку за ложкой отправляет сахар в чашку.

— Ник, — начал он, стараясь говорить как можно небрежнее. — Этой ночью мне пришла в голову новая идея, как подойти к нашему делу. По-моему, мой вариант...

— Не волнуйтесь, не волнуйтесь, — прервал его Савицкий. — Сегодня все будет по-русски. Я вам кое-что покажу. Нечто такое, чего вы еще не видели. Савицкий улыбнулся, то ли от мысли о предстоящем допросе, то ли от вкуса теплого кофе. — Вам понравится, я знаю. — Русский офицер сжал в красных ладонях щербатую чашку и с довольным видом кивнул головой. — Вы должны мне довериться.

„Черт побери", — подумал Райдер. Но Ник пребывал в отличном расположении духа.

— Я так много нового узнал от вас, дружище. Вы, американцы... вы, американцы... всегда так хорошо вооружены технически. Но сегодня я покажу вам нечто изумительное. Нечто такое, чего вы наверняка никогда не видели.

Он хохотнул в дымящуюся чашку.

— Все твои американские друзья будут очень заинтересованы.

Райдер не стал пока настаивать. Он не хотел, сделав неверный шаг, нарушить установившийся

между ними дух сотрудничества. Но ничуть не в меньшей степени он не хотел потерять объект, имевший такие фантастические возможности. Он решил подождать, по крайней мере до тех пор, пока не увидит прямой угрозы делу. Для начала он очень хотел хотя бы увидеть объект своими глазами. До сего дня русские не торопились выкладывать все карты на стол.

Ник до дна допил кофе, и выражение экстаза уступило на его лице место горькому сожалению.

— Очень хорошо, — сообщил он Райдеру. — А теперь — за работу. Райдер последовал за ним по запутанному лабиринту переходов и проверочных пунктов, постепенно становившемуся привычным. В коридорах царили запустение, сырость и запах гнили и дезинфектанта, как в захолустной школе после уроков. Ни один из стандартных замков не срабатывал с первого раза под рукой Савицкого. Порой скрытые за арочными дверьми охранники просто распахивали или приоткрывали их. Висевшие на стенах портреты в рамках изображали в основном незначительных людей, ибо за годы интриг и закулисной борьбы фотографии по-настоящему известных деятелей давно отправились в чуланы. Тяжелый воздух, тусклое освещение. Пожилая женщина пугающе медленно мыла пол.

Последняя охраняемая дверь захлопнулась за двумя офицерами.

Они прошли коротким коридором, заваленным электроприборами разной степени изношенности, затем свернули в небольшую комнату, напоминавшую кабину оператора студии звукозаписи. Стены и столы покрывало великое множество клемм, компьютеров прямого дей-

ствия, приборов наблюдения за окружающей средой, записывающих и автоматических переводящих устройств — профессиональных инструментов современного следователя. Только на каждом из них то краска облетела, то на самом видном месте красовалась вмятина. В воздухе стоял запах старых перегоревших проводов, не все лампочки подсветки мониторов горели. Значительная часть оборудования устарела на целое поколение, а наиболее современные экземпляры были изготовлены в Европе или даже в США. Русские издавна специализировались в электронном переводе, создании логических структур и специализированных программ, и один из начальников Райдера как-то сравнил их с блестящими тактиками, вынужденными полагаться на иноземное оружие.

Вдоль одной стены тянулось длинное стеклянное окно. Наблюдателю, находящемуся за стенами допросной камеры, оно показалось бы просто зеркалом, но Райдер мог со своего кресла в душной каморке видеть через него все происходящее в полутемной „операционной". Это устройство сохранилось от прежних времен. В комнате царил полумрак, и Райдер все еще не видел объект. Он с нетерпением ждал, когда русский наконец включит свет.

— Объект уже подсоединен к нашей системе, — объявил Савицкий, прикоснувшись к едва видимой в темноте контрольной панели. — Конечно, мы перепроверим, как любите говорить вы, американцы. Но вы убедитесь сами — все в порядке. Сегодня все с нетерпением ждут результатов нашей работы. — Савицкий повернулся к Райдеру. Его лицо едва виднелось во мраке. —

Сегодня впервые мне напрямую позвонили из Кремля. Интерес очень велик.

— Надеюсь, они не станут проявлять слишком большое нетерпение, — вставил американец. — Возможно, нам придется довольно долго повозиться.

Савицкий коротко хохотнул. То был дружелюбный смех уверенного в себе человека. — У нас есть для вас сюрприз, — заявил он. — Скоро увидите. Очень большой сюрприз для наших американских друзей.

Райдер не знал, что отвечать. Слишком важное дело им предстояло. И если из-за какой-нибудь глупости объект необратимо пострадает, окажется упущенным великолепный шанс.

„Ну включи же этот чертов свет, — думал Райдер. — Я хочу посмотреть".

Словно услышав его мысли, Савицкий щелкнул несколькими выключателями. За огромным окном фонари направленной подсветки забегали по насыщенной электроникой „операционной", залив ее стерильным белым светом. Несмотря на неразбериху множества проводов, тянущихся от одного электронного прибора к другому, Райдер немедленно заметил объект.

— Боже, — обратился он к Савицкому, искренне изумленный. — Я думал...

Савицкий рассмеялся:

— Удивительно, правда?

— Во-первых, меньше, чем я ожидал. Гораздо меньше. Савицкий стоял, удовлетворенно сложив руки на груди. — По-моему, замечательно. Знаете, он так непримечателен — я правильно выразился?

— Неприметен.

— Да, неприметен. Его легко вообще не заметить. Нам просто повезло, что там случайно оказался специалист.

Райдер покачал головой. В самом деле, поразительно.

— Ну что, мой друг, — продолжал Савицкий, — хотите подойти и посмотреть поближе?

Райдер вышел следом за ним из кабины управления, от возбуждения едва не наступая на пятки советскому офицеру. Все его мысли теперь сконцентрировались исключительно на объекте, и он едва не споткнулся о натянутые вдоль пола провода.

Савицкий прямым ходом направился к центральному операционному столу и на мгновение застыл над ним, поджидая Райдера. Удивление Джеффа не прошло, а только усилилось до такой степени, что у него перехватило дух. Воистину невероятно. Если только, конечно, русские ничего не напутали, если это все-таки „большой мозг".

Но все его профессиональные инстинкты убеждали Джеффа, что перед ним — то самое, что никакой ошибки нет и что японцы по-прежнему остаются непревзойденными мастерами в некоторых областях, несмотря на все усилия американской технической мысли вернуть утерянные позиции. Электронный „мозг", хранящий все данные, необходимые для руководства и контроля над огромными участками фронта, — и втиснутый в черный твердый брикет размером немногим больше бумажника.

— Боже, — повторил Райдер. — Я полагал, что он будет по крайней мере не меньше чемодана.

— Да, — согласился Савицкий, — даже страшно становится. Если бы кому-нибудь удалось объединить мощь суперкомпьютеров всего мира, существовавших в конце прошлого века, то и тогда их мощь не достигла бы уровня, таящегося в этом приборе.

Райдер обладал доступом к новейшим секретным американским исследованиям в данной области, равно как и к разведывательным данным о достижениях других стран. Но никто и не предполагал, что процесс миниатюризации зашел так далеко. Японцы преподнесли еще один сюрприз, и это обеспокоило Райдера. Кто знает, что еще есть у них в запасе?

— Нам действительно повезло, — повторил Савицкий, словно сам еще не мог поверить в случившееся. — Возможно, единственный раз за всю войну. Мы не только не подбили противника, наши системы даже не засекли его. Вражеский командный самолет потерпел аварию из-за элементарнейшей механической поломки. Только вдумайтесь, мой друг: один из наиболее совершенных японских тактико-оперативных летающих командных пунктов свалился с неба из-за отвинтившегося болта или износившейся шайбы. Какая редкостная удача! Случись у самолета что-то с электроникой, „мозг" уничтожил бы сам себя, совершил бы компьютерное самоубийство, лишь бы не попасть в руки врагу.

— Но в нем могут все еще оставаться встроенные механизмы саморазрушения, — предупредил Райдер.

Савицкий пожал плечами:

— Конечно, такая возможность существует. Но электронная люлька, в которую мы поместили объект, представляет собой хорошую имита-

цию полета. Как назвал бы ее американец? „Рефлексивная имитация"? Она постоянно убеждает объект, что он остается частью системы, для которой предназначался. Что бы ни происходило.

— И, — осторожно начал Райдер, — что же будет происходить, Ник?

Тот улыбнулся. — Увидите. Райдер задумчиво уставился на крошечный по размерам „мозг". Каким, черт побери, образом собираются русские решить эту задачу? Конечно, они хорошо знают свое дело. Но Райдеру еще не доводилось видеть, чтобы они делали что-нибудь на таком уровне сложности, который требовался, чтобы преодолеть могучие защитные механизмы, бесспорно присущие подобной системе.

— Знаете, — произнес он, — я сейчас испытываю священный трепет. Или, возможно, слово „робость" лучше выражает мое состояние. Ведь мы находимся в присутствии такого мощного интеллекта... — Он сунул руки в карманы, словно борясь с искушением хотя бы разок прикоснуться к прибору, как к великолепному произведению искусства. — Не знаю, я плохо спал сегодня. Но... могу поклясться, он знает, что мы здесь. Он чувствует наше присутствие.

Савицкий продолжал улыбаться.

— О, — весело отозвался он, — скоро он узнает наверняка, что мы здесь. Почувствует, так сказать.

— Ник, — заговорил Райдер, тщательно выбирая слова. — Я не хочу, чтобы мы упустили такой шанс. То есть, мы не можем себе позволить... совершить ошибку. Существует... очень совершенная компьютерная система... о которой вы, возможно, не знаете. Она в Соединенных

Штатах, в Колорадо. Мы могли бы подключиться к ней. Это вполне реально. Мне только надо получить разрешение, и...

Улыбка Савицкого слегка поблекла, словно цветок при первом, еще слабом дыхании зимы.

— Не исключено, что такая необходимость возникнет, — ответил он. — Попозже. Но я полагаю, вы скоро убедитесь, что и мы кое-что можем. — Улыбка вернулась на его лицо. — Пошли, — позвал он. — Пора браться за работу.

Советский офицер решительно повернулся и направился назад в контрольную рубку. Райдер с трудом заставил себя уйти от „мозга". Ему хотелось просто-напросто сунуть его себе в карман и удрать туда, где тот будет в безопасности. Где никто не наделает глупостей.

— Ну, идемте же, — окликнул его Савицкий. — Я хочу показать вам кое-что, Джефф.

Теперь Райдер шел тяжело. Усталость после бессонной ночи, ненадолго отступив перед приливом воодушевления, вновь навалилась на него. Он перешагнул через электронные выключатели и болтающиеся штепсели — главное оружие современных дознавателей. Через минуту он уже сидел рядом со своим коллегой в контрольной рубке.

— Взгляните-ка сюда, — сказал Савицкий. Райдер посмотрел, куда указывала рука Савицкого. Ничего особенного. Старинного вида прибор вроде тех, что когда-то использовали для замера сердечных ритмов и интенсивности землетрясений. Примитивный экран с высокой разрешающей способностью, давно вышедший из употребления в Соединенных Штатах. Ручная система управления, кнопки...

— Выглядит интересно, — соврал Райдер. — Что это такое?

Савицкий ответил не сразу. При слабом свете он заглянул Райдеру в глаза, и тот почувствовал, что в собеседнике что-то изменилось.

— Это — „машина боли".

— Что?!

— „Машина боли". — При повторе фразы голос русского потерял торжественность, и она прозвучала почти легкомысленно. Но Райдер чувствовал, что советский разведчик оставался вполне серьезным. Абсолютно серьезным. — Вы первый посторонний, узнавший о нашем... открытии. — Савицкий криво улыбнулся, словно мышцы его лица одеревенели.

— Это большая честь. — Райдер ничего не понимал. — Но что она все-таки делает?

Джефф уловил легкое злорадство, исходившее от русского. Наконец-то наступила его очередь после стольких унижений, мимоходом причиненных ему богатыми американцами.

— Несколько лет назад нам пришло в голову, что могут возникнуть интересные возможности по мере того, как системы искусственного интеллекта и все вытекающие из их развития последствия становятся все более сложными. Что, проще говоря, такие приборы могут становиться все более и более напоминательными ... правильно?

— Напоминающими.

— Да. Напоминающими человеческие существа. Следовательно, у них могут образоваться те же слабые места, что и у людей. Нам пришло в голову, что должен существовать какой-то способ заставить компьютер испытывать

боль. — Савицкий на миг задумался. — Электронный эквивалент боли, если быть более точным.

Райдер медленно провел руками по бедрам, переплетая пальцы, постукивая друг о друга большими пальцами. Он ждал продолжения. Услышанная концепция оказалась для него совершенно новой. Он взглянул на Савицкого.

— Конечно, — продолжал Савицкий, — это не настоящая физическая боль, знакомая нам с вами. Точно так же, как компьютер не воспринимает окружающий мир таким, каким мы его видим. Я говорю о смоделированной боли для смоделированного интеллекта.

Савицкий изучающе посмотрел на американца. Скупая, мрачная улыбка тронула его губы:

— И наш способ действует.

Сумрачная контрольная рубка, пропахшая сгоревшими проводами, вдруг показалась Райдеру таинственной и загадочной. Советский офицер говорил о совершенно новом направлении в области, в которой Джефф считал себя специалистом, причем очень хорошо информированным. С одной стороны, рассказ Савицкого звучал наивно, как сказка о ведьмах и вампирах, но, с другой стороны, в его голосе звучали нотки убежденности. Он пытался продумать по меньшей мере ближайшие последствия, но в его голове теснились сотни и сотни вопросов.

— Ваш подход, — произнес Райдер. — В результате объект не погибнет?

Голос Савицкого звучал по-деловому:

— У нас не возникло таких проблем с последним вариантом нашей системы. Как вы сами понимаете, мой друг, мы действовали методом

проб и ошибок. Нам удалось выяснить, что машины так же как и люди не могут переносить очень сильную боль. И, можно сказать, у некоторых машин сердце оказывается слабее, чем у других. В точности, как у людей.

— Вы когда-нибудь испытывали свое изобретение на системах такой сложности?"

Савицкий удивленно посмотрел на него.

— Конечно, нет. У нас не было подобных систем.

Ну, разумеется. Глупый вопрос.

— Ник, я искренне... обеспокоен. Я не хотел бы упустить такой шанс.

Русский начал терять терпение.

— А что тогда предлагают американцы? Какова ваша альтернатива? Недели работы вслепую? Осторожное снятие одного логического слоя за другим, словно с луковицы с бесконечным числом оболочек? У нас... может быть, и нескольких дней-то нет. — Голос Савицкого задрожал от гнева, он отвернулся от Райдера и уставился в зеркало-окно, возможно, видя там поле боя в тысячах километров отсюда. — Времени нет, — повторил он.

„Верно, — подумал Райдер. — Савицкий прав. Времени нет". Он вспомнил утреннее совещание. Седьмой полк вот-вот пойдет в бой. Мир находится на грани катастрофы, а он рассуждает, как бюрократ.

— Вы правы, — сказал Райдер. — Давайте посмотрим, что вы можете сделать.

Оба офицера быстро взялись за дело, подготавливая банки данных дознавательных компьютеров. Система работала на языке „Мейджи". Менее чем за секунду она могла задать больше

вопросов, нежели все следователи за всю докомпьютерную эпоху, причем свои вопросы она формулировала с точностью, недоступной для человеческой речи.

Савицкий так настроил освещение в „операционной", чтобы наиболее яркие лучи падали прямо на объект. Заполнявшие комнату электронные джунгли растворились в темноте искусственной ночи, в которой светились только крошечные разноцветные глаза приборов.

— Готовы? — спросил Савицкий.

Райдер утвердительно кивнул.

Процесс начнется с логических запросов на самом элементарном уровне. Задача состоит в том, чтобы вынудить объект согласиться с утверждениями типа: дважды два равняется четырем. Сложность здесь не имела значения. Главное — пробиться сквозь самоизоляцию объекта, запустить в него крючок, спровоцировать общение. Обычно первая стадия оказывалась и самой трудной. Продираясь сквозь защитные барьеры и преграды, можно потратить многие недели, чтобы вынудить военный компьютер согласиться с простейшими утверждениями.

Но стоило прорвать его оборону, и информация начинала литься рекой.

— Банк вопросов готов. Автобуферы включены.

Перед их глазами тянулись ровные зеленые линии на мониторе „машины боли", готовые в любой миг зафиксировать реакцию объекта.

Взглянув на профиль Савицкого, Райдер с удивлением заметил бисеринки пота на его верхней губе. Оказывается, русский тоже волновался.

Савицкий повернул переключатель, как будто снятый с древнего телевизора типа того, что стоял в гостиной у бабушки Райдера и приносил вести из большого мира мальчишке из занесенной снегом прерии Небраски.

Линии на экране взлетели и опали. Их яркое движение казалось особенно заметным в темной комнате, и Райдер вздрогнул, словно сам испытал шок.

Считывающее устройство зафиксировало отрицательный ответ. Савицкий вернул ручку переключателя в первоначальное положение, и зеленые линии, немного поволновавшись, успокоились и возобновили свое гладкое, ровное течение.

— Ну, что ж, — пробормотал Савицкий. — Попробуем еще разок.

Он резко повернул рукоятку. Зеленые линии распались, превратившись в хаотическое переплетение ломаных стрелок, едва не выскакивающих за пределы монитора. Но дознавательные компьютеры по-прежнему фиксировали отказ от общения.

Капельки пота выступили на лбу у Савицкого. Он снова поставил переключатель в положение „ноль" и сказал:

— Знаете, когда я только начинал много лет назад, меня первым делом обучали, как допрашивать людей. Тогда я еще не специализировался по автоматике. Это пришло позже. Так вот, нам говорили, что допрашиваемый часто ломается совершенно неожиданно, что важно никогда не отчаиваться. Ты можешь думать: „Нет, я никогда его не расколю". Но не надо сдаваться. Потому что, в конце концов, раскалываются все. — Русский уставился в окно, туда, где по-

прежнему ярко освещенный лежал миниатюрный электронный „мозг". — Интересно, относится ли это правило и к машинам?

Райдер посмотрел туда же, куда и его коллега. Конечно, внешне в объекте ничего не изменилось. Просто маленький, на вид безжизненный черный прямоугольник, словно вырезанный из сланца. И все же ему показалось, будто что-то в нем переменилось.

„Сегодня надо хорошенько выспаться", — подумал Джефф.

— Я его все-таки расколю, паскуду, — воскликнул Савицкий голосом, полным вновь проснувшейся энергии. То явно была энергия ярости.

Русский снова крутанул переключатель, далеко перейдя прежнюю отметку. Что бы там ни делала машина, Райдер надеялся только на то, что она не погубит захваченное сокровище задаром, просто во имя какой-то мудреной теории.

Зеленые линии на мониторе, казалось, сошли с ума. Разумеется, объект не пошевелился, никак не изменился внешне. Но Райдер вдруг почувствовал в воздухе нечто непонятное, какую-то перемену, которую он не смог бы выразить словами, нечто неприятное, какие-то интенсивные сигналы. Неожиданно оживший экран индикатора речевого потока, на который поступали результаты допроса, заставил Райдера вздрогнуть.

На экране зажглась надпись: „Бессвязная реакция". Всего лишь. Но с этого всегда начиналось. Начало диалога, признак жизни.

— Господи Боже мой, — вырвалось у Райдера. — У вас что-то получается, Ник.

Рядом с ним Савицкий дышал так тяжело, словно он только что перестал избивать пленного. Он уставился на Райдера, как будто не узнавая его. Потом он очнулся и снова отключил „машину боли". Зеленые линии успокоились, но так и не стали по-прежнему прямыми. Казалось, их била дрожь.

— Интересно, — пробормотал Савицкий, — понимают ли наши компьютеры, почему он кричит.

С нечленораздельным звуком, скорее похожим на рычание, Савицкий повернул переключатель до отказа, глядя на лежащий на столе компьютерный „мозг" с выражением, близким к ненависти. Его рука по-прежнему крепко сжимала рукоятку, словно он надеялся выжать еще хоть чуть-чуть из „машины боли".

Зеленые линии регистратора „боли" вышли за границы экрана.

Невероятно. Райдер отказывался верить своим глазам. Все дело в хроническом недосыпании и в расстроенных нервах, в том, что он дал слишком много воли эмоциям. Это безумие. Но он не мог не чувствовать чьих-то страданий.

„Сегодня вечером, — решил он, — мне надо немного расслабиться. Выпью пивка, отдохну, высплюсь... Машины, — убеждал Райдер себя, — не могут испытывать боли. Допускать такое абсурдно".

Савицкий отключил „боль", словно намереваясь дать передышку пленному компьютеру, а затем без предупреждения быстро повернул переключатель опять до крайней отметки.

Райдер с трудом удержался, чтобы не схватить его за руку. Ему хотелось успокоиться, разобраться в своих мыслях.

„Идиот, — обругал он себя. — Это всего лишь машина". А машины не страдают. Савицкий больше не обращал на него никакого внимания. Он изрыгал бесконечную череду каких-то русских слов, которые могли быть только ругательствами. Советский офицер склонился над приборной доской с таким яростным видом, что казалось, вот-вот он вскочит с места и набросится на объект с кулаками.

На мониторе как безумные плясали зеленые линии.

„В этих комнатах разлита боль, — пронеслось в голове у Райдера. Он попробовал успокоиться, еще раз напомнить себе, что машины не испытывают боли, но, глядя на крошечный плененный „мозг", не мог избавиться от ощущения, что видит, как тот извивается, дергается и гримасничает от боли.

Джефф протянул руку в направлении Савицкого, чье лицо исказилось теперь уже до полной неузнаваемости.

И тут вдруг все компьютеры ожили. Разом вспыхнувшие мониторы и индикаторы означали лишь одно — что все машины начали работать почти на пределе своих возможностей. Контрольную комнату заливали, то ярко вспыхивая, то слегка угасая, волны света от расположенных повсюду приборов.

Савицкий остался сидеть, нависнув над переключателем и, как стервятник когтями, обхватив его обеими руками.

Главный индикатор речевого потока замерцал в знак того, что получил послание из другого мира. Потом на экране, сменяя друг друга, появились цифры, которые, на странном языке самых совершенных японских компьютеров, означали одну снова и снова повторяемую простую фразу.

„Пожалуйста. Перестаньте".

Информация шла таким мощным потоком, что моментально заполнила несколько резервуаров памяти, и данные продолжали поступать — потоп данных. Но оба следователя не выказывали никаких признаков радости. Они просто сидели в контрольной комнате, не разговаривая друг с другом, ничем не показывая, что знают о присутствии партнера. Каждый из них находился в плену у своей собственной усталости, у своих собственных мыслей. Скоро потребуется установить связь между банками данных, затем придет время докладов начальству. Еще предстоит привести в движение громоздкие механизмы военно-бюрократической машины, чтобы наилучшим образом воспользоваться открывшимися невиданными возможностями. Но ни один из них пока не чувствовал в себе сил начинать все это.

Наконец, Райдер заставил себя вылезти из теоретического болота, в котором он устал барахтаться, и задумался над практической стороной дела. Появился шанс в буквальном смысле слова украсть у врага победу. Можно направлять огонь вражеской артиллерии на его же собственные позиции и послать вражескую авиацию бомбить свои войска. Можно нарисовать перед командованием противника абсолютно не-

верную картину происходящего и усыпить его, пока не станет слишком поздно. Возможностей открывалась масса. Оставалась одна загвоздка: кому-то нужно добраться до действующего командного пункта японцев — чем выше уровень, тем лучше — и проникнуть в их сеть.

Но Райдер испытывал уверенность в том, что все получится. Ничто больше не казалось невозможным. Он чувствовал, как к нему возвращается прежняя энергия, причем возросшая во много раз. Он начал прикидывать, как наилучшим образом сообщить новость начальству, чтобы там увидели все возможности и поскорее начали действовать.

— Ник, — сказал он. Когда Савицкий не отозвался, Райдер дотронулся до его колена. Ник, надо браться за дело.

Русский только засопел в ответ. Он выглядел таким измученным, словно не спал много дней и даже лет. Он отдал все, что мог, и теперь сидел опустошенный, в мокрой от пота гимнастерке.

Райдер знал: еще возникнет тысяча разных проблем. Но он не сомневался, что все их удастся решить.

Савицкий несколько раз моргнул, словно ему в глаз попала соринка, потом отвел взгляд. Его руки, лежавшие на панели, казались безжизненными.

— Да, — проговорил он.

Глядя на своего измотанного коллегу, Райдер вдруг почувствовал приближение чего-то огромного, недоступного человеческому разуму, невыразимого словами, — услышал шаг истории и движение миров. Пробил час торжества Америки.

11

Баку
Временное правительство Исламской республики Азербайджан
2 ноября 2020 года

Генерал Нобуру Кабата потягивал виски, недоумевая, почему он чувствует себя таким несчастным. С профессиональной точки зрения у него имелись все основания радоваться. Наступление продолжало развиваться более чем успешно. К востоку от Урала с советскими войсками было практически покончено, да и между Уралом и Кавказом им тоже приходилось весьма несладко. Ни одна из проблем, возникавших порой в рядах союзнических армий, не казалась неразрешимой, и он не видел никаких явных оснований опасаться, что военные цели предпринимаемой операции могут остаться нереализованными. Казалось бы, пришло время для торжества, по меньшей мере для чувства удовлетворения. Ибо, несмотря на его формальный статус наемного консультанта при Исламском Союзе и правительстве Ирана, это — его операция, вершина его карьеры и триумф японской политики. И все же — почему он сидит здесь и пьет с утра виски на пустой желудок?

Его отец не одобрил бы такого поведения. Он, вопреки семейной традиции, требовал от старшего сына, чтобы тот стал бóльшим масте-

ром на поле для гольфа, чем даже на поле брани. „В Японии, — говорил отец, — ничто так не ценится, как умение красиво положить мяч в лунку, — даже для генерала". И Нобуру прекрасно помнил, как много лет назад во время каникул они с отцом отправились на курсы гольфа в Пэббл-Бич, Калифорния. Он помнил идеальные зеленые лужайки, протянувшиеся вдоль каменистого, кипящего белой пеной побережья,очаровательные особняки средь кипарисов и тихое замечание отца, что придет день, когда беспечные, безответственные американцы станут их, японцев, слугами.

Отец любил виски. Он приучил себя ценить этот напиток точно так же, как много позже передал сыну умение разбираться в напитке для джентльменов. Нобуру многое перенял от него. Привычку носить сшитые по заказу костюмы фирмы „Г.Хантсман и сыновья", любовь к песчаным холмам Шотландии и, наконец, военную карьеру — в соответствии с семейной традицией, существовавшей дольше, нежели игра в гольф или любая портновская фирма. Нобуру знал, что отец очень гордился бы его успехами на военном поприще, его достижениями, невозможными для предыдущих поколений. Но старый генерал не одобрил бы употребление спиртного с утра, на службе.

Нобуру утешал себя мыслью, что он никогда не теряет ясности мысли от алкоголя. Пьет он только затем, чтобы поднять себе настроение перед еще одним изматывающим совещанием с чужеземными генералами, которые командовали армиями, исполнявшими его план. Шемин, уроженец Ирака, стоявший во главе войск Исламского Союза, являлся тонким политиком, порой

весьма полезным посредником в спорах с иранцами. Но он — не солдат. Всего лишь брат диктатора, на чьи плечи семья надела эполеты. Стихия Шемина — организовывать заговоры, а не планировать сражения. Хорошо в нем было то, что он, как правило, соглашался с планами и тщательно закамуфлированными приказами Нобуру, даже если не до конца понимал их смысл. Но случались дни, когда Шемин проявлял себя как типичный араб — чуждый логике, склонный в самый неподходящий момент цепляться за неверное решение, бесчестный, подверженный эмоциональным вспышкам и в дурном настроении почти не поддающийся контролю.

Танжани, главком иранцев, был еще хуже. Столь же фанатичный, сколь некомпетентный, больше всего на свете он любил шипеть, как змея, и бросать в лицо Нобуру ядовитые упреки. Ничто не могло угодить иранцу, даже приблизительно не понимавшему принципов, на основании которых действовало оружие, вложенное японцами в его руки. Он не видел дальше своего носа и, казалось, вовсе не имел представления о невероятно сложных боевых действиях, которые велись в электромагнитном спектре. Конечно, все остальные тоже мало что в этом смыслили. Даже Бирьян, командующий среднеазиатскими повстанцами против советского ига, имел лишь самое приблизительное представление о тех невидимых схватках, что постоянно сопровождали реальные бои на поле брани. Бирьян, конечно, самый профессионально грамотный из всех троих командующих, подчиненных Нобуру, он лучше всех обучен военному ремеслу. Но он же и самый безудержно жестокий, ему всегда мало пролитой крови. Кабата терпеть их

всех не мог и после каждого совещания чувствовал себя так, словно его вываляли в грязи.

Он еще раз отхлебнул из бокала, и разбавленное виски горечью обволок его язык, оставив во рту вкус кислоты и дыма. Потом генерал скосил глаза на спину помощника, который сидел за личным пультом командующего, отбирая в ворохе поступающих сообщений те, что требовали персонального внимания Кабаты. Ему можно доверять — он отсеет все, кроме самого необходимого. Он обладает безошибочным чутьем на то, что нужно начальнику. Акиро — прекрасный офицер из очень хорошей семьи, и Нобуру не испытывал сомнений, что и он тоже со временем станет генералом. Однако Нобуру выбрал его не из-за семейных связей или профессиональных качеств. Немало есть других молодых офицеров, обладающих бóльшими талантами и знаниями, чем Акиро. Нобуру взял Акиро в помощники потому, что тот — классический конформист.

Когда Нобуру задумывался, как посмотрят его собственные начальники или коллеги на какую-либо проблему, ему требовалось только узнать мнение Акиро. Молодой офицер являлся идеальным продуктом системы, безоговорочно уверенным в ее справедливости и правоте. Конечно, Нобуру понимал, что и сам он некогда был таким же, так же верил если не в идеальность системы, то в ее способность стать идеальной со временем. Теперь, в двух шагах от триумфа, Нобуру одолевал груз сомнений. Казалось, каждое новое сомнение тяжким грузом ложилось на его плечи. Генерал допил до последней капли горьковатую жидкость и поставил бокал. Пожалуй, больше не следует.

„Возможно, — сказал он себе, — все дело в американцах. Своего рода неадекватная реакция, почти суеверный ужас от собственных успехов". Сообщение начальника разведки о беспрецедентно возросшем обмене информацией между Москвой и Вашингтоном не давало ему покоя. Однако Токио не встревожился. Американцы практически ни на что не способны, даже если им и взбредет в голову вмешаться. Соединенные Штаты очень и очень далеко, к тому же их армия прочно завязла в Латинской Америке и, если все пойдет по плану Токио, эта ситуация сохранится там навсегда. США замкнулись в своем намерении сохранить за собой господствующее положение в собственном полушарии и последнее время уделяют мало внимания остальному миру. В любом случае, что американцы забыли в Советском Союзе? В этом уравнении составляющие не только военного характера — Токио не верил, что Соединенные Штаты в состоянии наскрести достаточно денежных средств на интервенцию. К тому же, если брать чисто военную сторону вопроса, кому может прийти в голову, будто США в силах оказать конкуренцию японской технологии, — нет, такое просто невозможно. Американцам преподали хороший урок — кому, как не Нобуру знать об этом, ведь он еще молодым подполковником воевал в Африке. Они не захотят снова такого унижения. Мелкие стычки в бразильских джунглях — одно, а прямое столкновение с японским вооружением — совсем другое. Даже если бы США не соблюдали своих договорных обязательств и припрятали где-то несколько ядерных ракет, никакие их средства доставки не в состоянии преодолеть японскую систему противокос-

мической обороны, а любое тактическое применение такого оружия они смогут отразить военными средствами и использовать во вред американцам средствами политическими. В лучшем случае американцы могут послать русским какую-нибудь военно-воздушную часть, которую войска под командованием Нобуру просто-напросто сотрут с небес.

Он хорошо умел сбивать американцев в небе и знал, как легко это сделать. И все же, вопреки всякой логике, он инстинктивно насторожился при упоминании о переговорах между Москвой и Вашингтоном и очень хотел бы, чтобы разведчики смогли каким-нибудь образом проникнуть в систему связи и расшифровать содержание их переговоров. На данный же момент существовала только одна информация — о наличии таких переговоров, и недостаточность данных раздражала Нобуру. „Возможно, — размышлял он, — все дело только в страхе, что вернутся те кошмарные сны". И без того ему тяжело приходится с арабами, иранцами и дикими среднеазиатами. Он сомневался, что сможет преодолеть возвращение старых кошмаров и сохранить при этом ясную голову.

Он снова вспомнил о приближающейся встрече и задумался, удастся ли ему достучаться до здравого смысла этих людей. Разумеется, Нобуру не считал себя мягкосердечным человеком. Он знал, что жизнь состоит из чувства долга и вечной — причем и физической тоже — боли. Но он не мог смириться с тем, как эти варвары вели войну. В глубине души он гордился, что для выполнения поставленной задачи ему не потребовалось вводить в бой „Скрэмблеры". На взгляд Нобуру, такое оружие

превосходило все допустимые пределы негуманности, и он, даже будучи очерствевшим в битвах солдатом, отнюдь не испытывал восторга, что его родина затратила столько усилий на их создание. Нобуру считал себя солдатом старой закалки. Человеком чести, и он не видел ничего честного в таком оружии, как „Скрэмблеры". Он тщательно скрывал информацию об их существовании от людей, формально являвшихся его нанимателями и — теоретически — союзниками. Стоит Шемину, Танжани и Бирьяну пронюхать о них, и они не отстанут от Нобуру, пока не вынудят его применить „Скрэмблеры". А тогда война превратится в такой кошмар, о котором Нобуру даже думать не хотелось.

„Возможно, я просто становлюсь стар, — признался он себе. — Стар и мягкотел". Но он боялся, что Япония совершила роковую ошибку, поддержав те силы, которые сейчас воевали ее оружием. Он подозревал, что в основе их действий лежала только корысть, только стяжательство. Советы были бы рады торговать богатствами Сибири на выгодных условиях, но Токио охватила навязчивая идея об абсолютном господстве. Честолюбие тоже, конечно, сыграло здесь свою роль. Нобуру хорошо узнавал его, потому что давно уже научился распознавать этот порок в первую очередь в себе самом: нежелание зависеть от милости других, страстное стремление быть хозяином положения. И вот теперь Нобуру воевал бок о бок с людьми, которых не мог воспринимать иначе, как дикарей.

Они начали наносить химические удары, не посоветовавшись с ним. В этом не было никакой военной необходимости — японское оружие без труда сметало русских с пути. Но Нобуру ока-

зался не готов к такой глубокой ненависти, испытываемой его союзниками по отношению к русским, к „неверным". Нобуру незамедлительно сообщил в Токио об атаках на густонаселенные районы и на колонны беженцев и одновременно использовал все возможности воздействия на союзников, отчаянно пытаясь прекратить преступные действия. Конечно, он ожидал, что Токио поддержит его, подтвердит его угрозы прекратить обеспечение наступления.

К великому удивлению генерала, Токио нимало не встревожился. Химическая война — дело внутреннее. Если туземцы хотят убивать друг друга своим собственным оружием, Генеральному штабу нет до этого никакого дела. Нобуру посоветовали прекратить подрывать дружественные отношения с союзниками Японии и ограничиться наблюдением за тем, чтобы боевые операции не выплеснулись за пределы заранее обговоренных границ театра военных действий. Он должен гарантировать, что исконно русские города за Волгой не будут атакованы и что война останется в пределах тех ограниченных целей, которые преследует Япония. Нобуру являлся первоклассным специалистом в теории современных ограниченных войн, он сам участвовал в ее создании. А теперь ему казалось, что все его тонкие теоретические построения представляли собой игру мальчишки-вундеркинда, не доросшего до понимания одной главной истины: на войне убивают.

Нобуру подчинился приказу. Всю свою жизнь он только и делал, что подчинялся приказам. Но впервые он почувствовал тогда, что порученная задача ему не по силам.

И дело тут не только в мягкосердечии, уверял он себя. Несмотря на внешне невинную роль Японии, именно ее обвинят в преступлениях, творимых ее союзниками. И снова мир станет смотреть на японцев, как на жестокую, безжалостную нацию. Нобуру всегда гордился своим народом, и мысль о том, что их могут поставить на одну ступеньку с этими варварами, казалась ему невыносимой. Он знал, что многие из его коллег ценили твердость духа, стоицизм перед лицом страданий гораздо выше прочих воинских доблестей. Но сам Нобуру считал, что традиционный долг солдата — защищать слабых, искать верный путь и поступать по совести.

„Я становлюсь слишком мягким, — подумал он. Генерал потрогал дорогое сукно мундира. — Я жил слишком хорошо, слишком богато. Как такое возможно — чтобы я был прав, а Токио — нет? Не преступны ли мои мысли? Разве величие Японии — не самое главное на свете?"

Величие. Власть. Не слишком ли просто перепутать эти понятия? И что такое величие без чести? Величие варвара.

Он снова вернулся мыслями к американцам, на сей раз почти с грустью. Уж каким величием они обладали! Бьющим через край, непонятным до конца им самим, самомучительным, грязным, самоуверенным, блестящим величием... выродившимся в конечном итоге в лень, декадентство и бездарность. Японцы, униженные добротой своих врагов, не имели другого выбора, как только в свою очередь унизить их самих.

Неожиданно для себя самого он понял всю нелогичность своих рассуждений. А что, если среднеазиаты, иранцы и арабы все-таки правы?

Что хорошего в милосердии? Нет ничего надежнее полного уничтожения, посыпанной солью земли.

Хватит. Его долг сейчас — довести до конца доверенную ему миссию. А уж потом его долг будет в другом — уйти в отставку в знак протеста. Не публично, а тихо, объяснив причину только тем, кто стоит на вершине власти. Хотя он заранее знал, что это ничего не изменит.

„Мы кровожадный народ", — подумал генерал.

Боги надрываются от смеха, конечно. Он считал, что его совесть останется чиста, — ведь волна наступления катилась на север, а „Скрэмблеры" остались неиспользованными на тщательно охраняемых аэродромах. Но потом союзники перестали ограничиваться победами, добытыми с помощью японского оружия, и дополняли их химическими атаками. „Нет, — подумал Нобуру, — древние правы. Никто не может уйти от судьбы".

Нобуру помнил радость от своего первого боевого задания. Казалось, то было очень давно — или только вчера. Он летел вместе с южноафриканцами в качестве технического советника по новым боевым вертолетам. „Эскадрилья „Б", — припомнил генерал, — Натальский легкий полк". Всего лишь одна эскадрилья среди множества рассеянных между Южным Заиром и Замбезийским „медным поясом". Они взлетели с замаскированных позиций близ Лубумбаши. Стояло прекрасное ясное утро. Они внезапно рванулись в идеально скоординированную атаку на безмозглых американцев. Он сам сел за рычаги, поправляя неумелые действия молодого лейтенанта. Они с легкостью смели американ-

цев с голубого неба. Он помнил их жалкие попытки спастись маневрированием, потом безнадежный залп. Какое-то было чудесное чувство, несравнимое ни с чем, — видеть, как старые американские „Апачи" вспыхивают огнем и падают на землю. Лишь много лет спустя его поразила простая мысль — в тех застигнутых врасплох машинах сидели живые, думающие, чувствующие люди. Тогда он знал только радость победы — нечто столь элементарное, что никакая цивилизация не способна задушить в человеке этого чувства. Никогда, ни до того, ни после, он не испытывал такой гордости, что он — японец.

Но сам того не зная, он всегда хранил в памяти тех убитых американских пилотов. Глубоко внутри него они ждали своего часа, по мере того как он получал новые чины и знаки отличия. А затем, неожиданно, без каких-то видимых причин, их призраки ожили в нем. Его сны не были снами сладкого сожаления, которые посещают ночами здоровых людей. Точно так же в них не было ничего от снов истинного солдата. Скорее — сны труса. Его боевой вертолет снова летел по утреннему небу — голубому, безбрежному африканскому небу. Но на сей раз он оказался в роли жертвы. Совсем рядом он видел за стеклами американских вертолетов лица летчиков. Лица мертвецов. Они кружили вокруг него, дразнили его, издевались над ним. Они растягивали его агонию, пока сами не устали от своей игры и не решили наконец прикончить его, смеясь и предвкушая скорое мщение.

— Господин генерал, — вдруг произнес Акиро своим резким штабным голосом. — Тут нечто интересное.

Нобуру отогнал от себя дурные мысли. Он встал и зашагал через всю комнату туда, где его адъютант сидел в напряженной позе перед экраном командирского пульта. Выпитое виски ничуть не сказывался на его походке. Единственным последствием была резь в желудке. „Старею", — подумал Нобуру.

— Что такое?

— Посмотрите на экран. Это советский промышленный комплекс неподалеку от Омска.

Нобуру внимательно вгляделся в четкую картинку на экране. Подобно большинству своих современников, он умел с первого взгляда разбираться в изображениях, полученных от космических станций наблюдения. Он увидел ряды цехов и складов, тепловое излучение было довольно слабым. Все там выглядело древним и напоминало памятник разрухе. Он не заметил ничего, что представляло бы явный военный интерес.

— Вам придется дать мне пояснения, — сказал Нобуру, — я ничего интересного не вижу.

— Да, — подтвердил Акиро, — но в этом-то вся суть. — Он отдал терминалу команду, и индустриальный ландшафт исчез, а потом появился снова. Нобуру увидел, что новая картинка датирована более ранним числом. На ней те же здания стояли холодные, заброшенные.

— Эта фотография сделана как раз перед началом нашего наступления, — заметил Акиро. — Видите, господин генерал? Никакой тепловой активности. Индустриальный комплекс полностью заброшен. Но затем вчера, когда наши части приблизились к границам Западной Сибири, мы снова осмотрели данный район. — Он снова дал команду. Вернулась первая кар-

тинка. — Вот что мы обнаружили: в полуразрушенных зданиях вдруг появились источники тепла. Но никаких признаков возобновления производства, только приглушенные источники тепла, такие слабые, что мы едва их засекли. Здесь изображение сильно увеличено.

— Вы просветили комплекс рентгеновскими лучами? — спросил Нобуру.

Акиро улыбнулся. Еще одна короткая команда, и появился рентгеновский снимок. На нем не было видно ничего, кроме скелетов забытых станков и пустых конвейеров. Пустота.

Нобуру все понял. Кто-то очень постарался, используя самое современное оборудование, скрыть нечто, разбросанное по территории огромного комплекса.

Они с Акиро поняли друг друга.

— Если бы не резкое похолодание, мы вообще бы ничего не заметили, — сообщил Акиро, — даже и так наш аналитик едва не просмотрел это.

— Что считает разведка, насколько крупная часть расположена там?

— Конечно, трудно сказать точно. Для камуфляжа они используют технику очень высокого класса — возможно, лучшее, чем располагают Советы. В любом случае, разведка полагает, что там можно с легкостью спрятать целую моторизованную дивизию. А может, и больше.

Нобуру начал лихорадочно вспоминать географию того района. Возможно, часть противника предназначалась для обороны Омска. Но, учитывая те усилия, которые затратили Советы, чтобы спрятать ее, скорее всего, они планировали использовать ее для контрнаступления, возможно, на Петропавловском фронте.

— Что ж, — сказал Нобуру. — Даже свежая дивизия не сможет переломить ход событий. Для того чтобы укрепить их силы вокруг Петропавловска, потребуется не менее армии. А учитывая отсталость их военной техники, даже целая Советская Армия не сможет предпринять против нас успешное наступление.

— Мы можем, конечно, просто поймать их, когда они начнут выдвижение, — сказал Акиро.

Нобуру махнул рукой.

— Нет смысла рисковать. Когда получено последнее изображение?

— Мы осмотрели район этой ночью.

Нобуру на миг задумался, воспроизводя в памяти карту боевых действий.

— Даже если бы они двинулись незамедлительно, они не смогли бы оказать влияние на ход событий раньше, чем через сорок восемь часов. Слишком они далеко от линии фронта. Я прикажу Ямешиме ударить по ним завтра. Не стоит нарушать сегодняшний график. Но завтра мы разберемся с тем, что русские там спрятали. — Генерал еще раз посмотрел на экран. — В самом деле, они здорово постарались. Даже обидно, что ни один из них так и не доберется до линии фронта.

— Плохое оружие, — пожаловался генерал Али Танжани по-английски — на единственном языке, которым владели все союзные командующие. — Оно постоянно ломается.

Нобуру посмотрел на него, стараясь ничем не выдать своего презрения. С иранца он перевел взгляд на генерала Шамина из Исламского Союза, потом на генерала Бирьяна, бывшего ко-

мандующего советскими войсками в Средней Азии, а теперь главного военачальника Свободной Исламской Республики Казахстан. Нобуру все они казались бандой ворюг. Наконец, он встретился взглядом с полковником Питом Клоетом, еще одним „советником по контракту" — штабистом, отвечавшим за подразделения южноафриканских пилотов, летавших на наиболее сложных японских системах средней дальности действия. Нобуру во многом был солидарен с южноафриканцем, в том числе с его презрением к нелогичности и некомпетентности тех людей, которым они формально подчинялись. И все же, если взглянуть поглубже, Клоету была присуща ограниченность, типичная для наемника, — ограниченность, характерная, хотя и на более высоком уровне, для всей его нации в целом.

— Мой дорогой генерал Танжани, — начал Нобуру, тщательно взвешивая каждое слово, — воины, которые сражаются так отчаянно, как ваши солдаты, обычно подвергают боевую технику очень серьезным нагрузкам. Благодаря вашему успеху многие из этих машин прошли две тысячи километров, и даже больше, менее чем за месяц. В таких условиях очень важен тщательный уход за техникой. Было бы очень хорошо, если бы ваши солдаты тщательно соблюдали соответствующие инструкции.

Танжани не дал себя сбить:

— Воинам Исламской Республики Иран не пристало трудиться простыми механиками. Обеспечить нормальную работу всех машин — обязанность японцев.

Нобуру понятия не имел, как Токио собирается сотрудничать в будущем с такими людьми, когда у Танжани и ему подобных отпадет

острая необходимость в военной поддержке Японии. Бездумная поспешность решения вытеснить русских из сердцевины Азии становилась для него все более очевидной. В качестве поставщиков сырья обнищавшие русские оказались бы более надежными партнерами, чем полудикие варвары, которыми Токио вознамерился их заменить.

Нобуру особенно злился на Танжани именно сегодня, так как его здешние источники информации сообщили, что иранцы потеряли один из командных самолетов самой последней модели. Танжани ни словом не обмолвился о случившемся, и это подтверждало, что необъяснимый инцидент произошел исключительно по вине иранцев. Потенциально потеря могла обернуться значительной утечкой информации, хотя, к счастью, компьютерная система абсолютно непроницаема. И тем не менее то, что в руки к противнику попал новейший самолет, являлось достаточно серьезной причиной для ярости Нобуру. Однако он на собственном печальном опыте убедился, что иранцев лучше не упрекать впрямую за их ошибки. Ему просто придется выждать, призвав на помощь все свое самообладание, пока не настанет день, когда Танжани решит упомянуть о потере, — если такой день вообще когда-нибудь придет.

— Генерал Танжани, уверяю вас, что ремонтники делают все, что в их силах, дабы содержать системы в рабочем состоянии. Но огромную роль играют и действия тех, кто на них воюет. Сейчас слишком много систем выходит из строя раньше времени, и ремонтные пункты оказываются перегруженными. Мы уже обсуждали эту тему раньше.

Танжани цинично улыбнулся:

— Если великая индустриальная мощь Японии не способна ни на что больше, тогда, возможно, вы не оправдываете наше доверие.

Нобуру хотелось накричать на него. „Только благодаря нашей технике твоя неумелая толпа продвигается дальше и быстрее, чем любые войска за всю историю человечества. Вы разгромили одну из самых легендарных армий в мире. Но, когда сотни машин начинают ломаться только из-за того, что никто не позаботился следить за смазкой или сменить фильтры, нельзя ожидать, что парад продлится вечно". Затраты, вызванные неумелым уходом — или вовсе его отсутствием, — составляли суммы поистине астрономические.

— Мы должны, — отчеканил Нобуру ровным голосом, — работать все вместе. Мы должны сотрудничать. В тыловых парках не осталось боевых систем, чтобы немедленно заменять те, которые мы теряем без особой на то необходимости. Мне сообщили, что на данный момент в приближенных к передовой ремонтных мастерских в Караганде и Атбасаре находится больше танков, нежели на линии фронта.

— Вы очень долго их ремонтируете, — вставил Танжани.

— Мы не успеваем их ремонтировать, — парировал Нобуру. — Если бы ваши солдаты не доводили дело до таких поломок, которые можно избежать, вы убедились бы в высоком качестве нашей техники.

— Ваши танки плохие, — не унимался Танжани, — вы продали нам второсортный товар.

— Генерал Танжани, — сказал Нобуру, пытаясь улыбнуться в надежде вернуть дружелюб-

ную атмосферу, — не забывайте о ваших достижениях. Каждый раз, когда наши танки применялись против русских, вы не проиграли ни одного сражения. Вспомните, как мало в наших ремонтных мастерских танков, действительно пострадавших в бою. Их меньше одной двадцатой от общего числа.

— Наши успехи, — отрезал Танжани, — в руках Аллаха. Велик Аллах.

— Велик Аллах, — эхом откликнулся генерал Шемин, очнувшись от задумчивости при звуках этого воинственного клича. Бирьян, бывший советский военный, неловко заерзал в кресле, пробормотав что-то, что могло сойти за согласие. Нобуру знал, что прежние хозяева достаточно хорошо натаскали Бирьяна, чтобы он понимал: плохой уход за техникой не обязательно является прямым отражением воли Аллаха. Технические проблемы, возникавшие в его повстанческих частях, объяснялись как активными боевыми действиями, в которых участвовали древние машины, традиционно находившиеся на вооружении национальных частей Советской Армии, так и некомпетентностью обслуживающего персонала.

„Хорошо бы, — мелькнула у Нобуру горькая мысль, — убедить Аллаха заняться уходом за действующей техникой или за ночь починить сломанную".

— Мы затронули... очень важный вопрос, — осторожно начал генерал Бирьян, застав Нобуру врасплох. — Военную мощь великой иранской армии необходимо поддерживать на высоком уровне. Мои войска не смогут в одиночку решить поставленные задачи.

Нобуру испытывал жалость к бедняге, похоже, не понимавшему, какая судьба уготована мятежникам. Нобуру знал, что, несмотря на все обсуждавшиеся сейчас проблемы, иранцы Танжани обладали достаточной силой, дабы внести гораздо больший вклад в ход боевых действий, так же как и войска Исламского Союза на южном фронте. Но было достигнуто соглашение принести повстанцев в жертву и насколько возможно обескровить их теперь, когда победа казалась неизбежной. Жизненно необходимо, чтобы националистически настроенные круги на освобожденных территориях не обладали существенной военной мощью. Эта чрезвычайно дорогостоящая война велась вовсе не для того, чтобы воплотить в жизнь бредовые мечты казахских или туркменских националистов.

— Все в руках Аллаха, — отозвался генерал Шемин. Избранный им тон указывал на то, что иранец сегодня настроен на роль миротворца. — Но я считаю, мы должны оказать помощь нашим японским друзьям, когда они сообщают нам о своих трудностях. Точно так же, как они помогали нам. Сейчас не время для споров между друзьями. Конечно же, брат мой, — обратился он к Танжани, — мы поможем японцам. Мы должны откликнуться на их просьбу относительно ремонта.

Танжани почувствовал, что остался в меньшинстве. И все же Нобуру знал, что здесь ничего нельзя предвидеть заранее. Иногда Шемин с пеной у рта защищал Танжани. Нобуру подозревал, что в деле ремонта мало что изменится. Порядки в частях Исламского Союза мало чем отличались от иранских. Просто удивительно, что они так много сделали, прошли так да-

леко. Нобуру подумал, что здесь ярко проявился технический гений его соотечественников. Боевые машины были просты в управлении и очень неприхотливы в эксплуатации. Чтобы сломать их, требовалась безалаберность, граничащая с идиотизмом.

А сейчас военные преимущества Исламского Союза, по сравнению с началом кампании, значительно уменьшились. Хорошо еще, что Советы настолько дезорганизованы, настолько психологически сломлены. Нобуру снова задумался о невообразимом количестве поломок. На данный момент на каждую действующую на передовой боевую систему приходилось пять, ожидающих ремонта. Ведь высокотехнологичные машины сложнее, чем лук и стрелы.

Нобуру вернулся мыслями к советскому соединению, затаившемуся, возможно, для контрнаступления в промышленном комплексе под Омском. Казалось бы, незначительная мелочь на фоне огромных событий, но ему придется заняться и этим. Иранцы и мятежники настолько выдохлись и обескровили, что неожиданное появление у противника свежих сил может вызвать панику, по меньшей мере в местном масштабе. Генерал решил не полагаться на Ямешиму и его иранских пилотов. Лучше поручить эту задачу южноафриканцам Клоета. Сейчас не время рисковать, да и южноафриканцам неплохо бы отработать свои высокие заработки.

Вестовой принес свежего чаю и поднос с печеньем — угощение для гостей Нобуру. Сам генерал предпочел бы еще стаканчик виски, но из солидарности с присутствующими он тоже взял крошечную чашку. Невольно он проследил гла-

зами, как Танжани один за другим бросал кубики сахара в оранжевую жидкость.

— А теперь, — проговорил Нобуру, внутренне собравшись перед неизбежной грозой, — я хотел бы обсудить с вами еще один вопрос, как полагается между друзьями. — Он кинул взгляд на рабочий пульт, где сидел его адъютант, не отрываясь от потока поступающей информации и время от времени отключая те эпизоды, которые не предназначались для сведения гостей. Нобуру знал, что Акиро не одобрит его следующий шаг. Возможно, он даже сообщит о нем в Генеральный штаб — личная преданность теперь уже не та, что прежде. Но Нобуру был полон решимости. — Вопрос о применении химического оружия против массовых целей... особенно против гражданского населения... Я знаю, мы уже обсуждали данную тему. — Он взглянул на Танжани. — Но ситуация на фронтах по-прежнему развивается благоприятно, и я уверен, мы все согласимся, что больше не существует никаких оснований для подобных действий. Мы в полушаге от победы. Я не думаю, что атаки, которые могут только обратить против нас мировое общественное мнение, идут на пользу нашему делу.

Нобуру заметил, что Акиро замер за компьютером. Адъютант внимательно вслушивался, зная, что его командир говорит вопреки директиве Токио.

К облегчению Нобуры, Танжани не стал бурно реагировать. Он продолжал прихлебывать свой сладкий, как патока, чай. На какой-то миг воцарилась тишина, нарушаемая только позвякиванием чайных ложек. Потом Танжани устало сказал:

— Мировое общественное мнение? Какое нам дело до него? Особенно учитывая, что мы по-прежнему в основном говорим о мнении западного мира, не так ли? — Он поставил чашку на стол, явно намереваясь произнести целую речь. — На протяжении более чем сорока лет моя страна открыто смеялась в лицо мировому мнению, и сегодня мы — победители. Мировое мнение? Да ему грош цена! Пыль, носимая ветром. Американский шайтан обессилел, он скован по рукам и ногам. — Он усмехнулся, словно услышав давно известную, но хорошую шутку. — А европейцы думают только о своем экономическом благополучии. Они могут поднять вой, но все равно станут в очередь за нашей нефтью. — Взгляд Танжани остановился на ладно сшитой форме японского генерала. — Они превратились в наших портных, поставщиков наших сладостей, не более того. Что же касается Советов... Они не смогут нанести эффективного ответного удара. Даже если бы они обладали опасным для нас оружием, они бы не стали атаковать наши страны из боязни навлечь ответный удар на свои главные города. Они — выродившиеся трусы, достойные только смерти. Аллах велик, и его меч разит неверных. Он поражает страхом их сердца.

— Но разве необходимо уничтожать колонны беженцев?

— Японии это ничего не стоит, — гневно парировал Танжани. — Мы используем свое собственное оружие. И, как видите, оно надежнее ваших машин.

— Но такие действия, — настаивал Нобуру, — просто-напросто вынудят противника

применить в ответ свое химическое оружие. Ваши войска понесут лишние потери.

— Аллах велик, — повторил Танжани. — Солдаты Ирана с радостью примут мученическую смерть во имя Его.

Бирьян, командир повстанцев, вдруг резко подался вперед, не в силах больше скрывать охвативший его гнев. В волнении он опрокинул свою чашку, но не сделал попытки поднять ее.

— Русский шайтан и его прихвостни должны быть уничтожены, — выпалил он. Его лицо побелело. — Они все дьяволы, нечестивцы. Мы жили под русским игом более столетия. Мы знаем русских. Они животные, собаки. И их надо бить, как собак, истреблять, как бешеных псов. Не только мужчин, но и женщин и детей, ибо все они — источник худшего зла на свете. Они — грязь на лице земли. Нет страдания, слишком страшного для них.

Нобуру бросил взгляд на Шемина, но сразу понял, что на сей раз ему нечего ждать от него поддержки. Шемин вышел целым и невредимым из великого множества военных и политических битв, и он не лез на рожон без толку. Уроженец Багдада, он получил свой первый урок еще в 1990 году, командуя танковым взводом во время вторжения в Кувейт.

Вспышка Бирьяна поразила Нобуру. Японец до сих пор не мог понять, как он еще недавно служил плечом к плечу с теми, кого он сейчас призывал уничтожать, как он жил среди тех женщин и детей, на истреблении которых так яростно сейчас настаивал.

„Когда же придет наша очередь?“ — промелькнуло в голове у Нобуру.

Танжани торжествующе улыбался, явно ощущая себя гораздо выше своего японского коллеги. „Да, — сказал себе Нобуру, — я для них всего лишь еще один неверный. Недочеловек. Просто пока что я им полезен. Зачем, ну зачем мы связались с подобными людьми?"

— Брат мой, — произнес Танжани, обращаясь к Нобуру. — Правоверных охватывает удивление, когда они слышат, как вы берете сторону неверных. Особенно если учесть, что вы отказываетесь применить ради нашего дела все ваше оружие.

Нобуру хотел бы знать, отразилось ли на его лице удивление. Оставалось только надеяться, что годы жесткой дисциплины сыграли все-таки свою роль.

Может, Танжани просто блефует? Или он в самом деле знает?

— Генерал Танжани, — сказал Нобуру, — правительство Японии поддерживает вас в полном соответствии с заключенными соглашениями. Вы получили всю заранее обговоренную помощь.

— И все же, — продолжал Танжани, — друзья не скрывают своего богатства от истинных друзей.

— Не понимаю, — солгал Нобуру.

Танжани откинулся в кресле и сделал вид, что задумался. Затем, словно сам удивившись своим мыслям, поднял бровь.

— Возможно... если бы все японское оружие поддерживало бы наше правое дело... тогда, не исключено, не возникло бы нужды в химическом оружии, которое вас так беспокоит.

„Нет, — подумал Нобуру, — уж лучше газы".

— Мой друг, — произнес он вслух, — вы должны поподробнее объяснить мне, что именно вас беспокоит. О каком таком оружии вы говорите? Боюсь, я недостаточно хорошо информирован.

Танжани пристально посмотрел на него:

— А что находится на базе в Бухаре? Что там такого сверхсекретного? Почему моим людям не доверяют охранять их японских братьев?

„Он не знает, — с облегчением решил Нобуру, — он только догадывается. Он о чем-то пронюхал, но детали ему не известны".

— База в Бухаре, — начал Нобуру, вновь обретя уверенность в себе, — представляет собой очень высокотехнологичный пункт обеспечения. Вы знаете условия нашего соглашения. Существуют некоторые электронные приборы... промышленные секреты... произведенные ценой очень больших затрат японского народа. Сегодня в мире продолжается нефтяной голод. Ирану он не грозит — вы очень богаты нефтью, по милости Аллаха. Но технические изобретения — это японская „нефть", наша сила и богатство. В Бухаре нет ничего, кроме электроники, которая в случае необходимости будет использована в вашу пользу. — „Что соответствует истине", — подумал про себя Нобуру. Если правда выплывет наружу, он почти и не соврал. В Бухаре действительно нет ничего, кроме электроники. „Скрэмблеры", по существу, не более чем еще один сложный набор полупроводников.

Нобуру оглядел остальных присутствовавших. Танжани разыграл свою карту в одиноч-

ку — ни Шемин, ни Бирьян ничего не знали. Но они проявляли живой и быстрорастущий интерес к теме разговора.

Нобуру нарочно не мог бы придумать худших союзников. Что они могли предложить Японии, кроме проблем, угроз, жалоб и бесконечных раздоров? Ему пришло в голову, что Япония, похоже, незаметно для себя занимает место США и в этой области политики.

— Мой дорогой генерал Танжани, — сказал Нобуру, — могу ли я предложить вам поездку на бухарскую базу? Проведите инспекцию лично. Увидите все своими глазами: в Бухаре только самолеты, ремонтные мастерские и электроника. Генерал Ямешима может организовать визит немедленно.

Теперь пришла очередь Танжани выглядеть растерянным. Нобуру знал, что иранец может обойти всю базу и даже посидеть за рычагами самолета, так и не поняв его предназначения.

— Может быть... — промямлил Танжани, — когда у меня выдастся больше свободного времени. Да. Пожалуй, это хорошая мысль. Но Бухара слишком далеко от фронта. Место командира — со своими солдатами.

Нобуру знал, что Танжани не собирается немедленно возвращаться на фронт из объединенного штаба в Баку. Сперва иранец отправится в Мешед, где в безопасности проведет ночь в обществе женщины, бесспорно не являющейся его женой. Но война не остановится в его отсутствие.

— Да, — вставая, сказал Шемин, — нам всем следует находиться в войсках. И путь туда неблизок. — Он улыбнулся. — Даже когда путе-

шествуешь в замечательных самолетах, предоставленных нам нашими японскими братьями.

Нобуру встал и вежливо поклонился. Танжани долго и усердно обнимал и целовал сдержанного японца, помяв ему всю форму. Шемин, вслед за ним, ограничился символическим объятием, проявив больше уважения к обычаям Страны восходящего солнца, а Бирьян, повстанец, пожал ему руку, как европеец.

„Странный у нас мир", — подумал Нобуру.

Во время прощания Нобуру предупредил Клоета, что южноафриканским пилотам вскоре предстоит боевое задание, так что ему следует ждать дальнейших указаний. Высокий блондин коротко и не слишком вежливо кивнул.

„Среди них нет никого, кому я могу доверять", — подумал Нобуру.

Наконец они ушли. Акиро не стал спешить сообщать начальнику последние новости, чувствуя, что тому требуется немного передохнуть после трудного совещания.

Нобуру решил выпить еще виски. Но уже взявшись за бутылку, он остановил себя. Зачем ему это? Даже питье в таких дозах вдруг показалось ему немужественным поступком, учитывая все обстоятельства. Уж, конечно, он сильнее своих эмоций.

Он наказал себя, отказавшись от маленького удовольствия. По крайней мере, на некоторое время. Но совещание, как всегда, вымотало его. Все равно что вести войну во главе армии, сплошь состоящей из злобных придурковатых детей.

Радуясь наступившей передышке, Нобуру пересек просторную комнату и раздвинул зана-

вески, щурясь от яркого солнечного света. Он чувствовал на себе взгляд адъютанта. До недавнего времени здесь жил высокопоставленный советский офицер. Теперь последние остатки Советской Армии вытеснены из Азербайджана, и только отдельные очаги партизанского сопротивления тлели в Грузии и Армении, в то время как мятежники и войска Исламского Союза дошли на севере уже до калмыкских степей. На востоке русских выбили из Таджикистана, Киргизии, Узбекистана и Туркмении, их уже практически не оставалось на бескрайних просторах Казахстана. Куда ни глянь, Советы бежали без оглядки. Нобуру полагал, что больше всего они, наверное, жалеют о своей слишком успешной кампании за запрет ядерного оружия. Они переоценили свою способность поддерживать гегемонию на огромной евразийской территории при помощи обычных видов вооружений и теперь их рвали на куски.

Конечно, существовала технологическая возможность заново создать ядерное оружие, но у Советов не было времени. „Все, что им осталось делать, — с издевкой подумал Нобуру, — это бежать за помощью к бедным американцам".

Что ж, все кончится хорошо. Несмотря на союзников, которых выбрала себе Япония.

Все будет прекрасно. Наступил великий день для Японии.

За огромным окном холмистая местность переходила в тесное нагромождение крыш Баку, а дальше лежало золотистое и голубое море. „Как далеко отсюда до дома", — подумалось ему. Осенний день по-прежнему дарил тепло, так приятно гревшее спину старого солдата. Город замер в полуденной дреме. Красивый мир-

ный пейзаж, где еще совсем недавно все не мусульмане были вырезаны на улицах озверевшими азербайджанцами.

Почему русские были так слепы, и так долго? Или это просто упрямство? Неужели они видели неизбежное, но не желали его замечать, закрывали на него глаза, погрузившись в летаргический сон последних лет обреченной империи?

Кошмарный сон. Просыпаешься, а над тобой с ножом в руке склонился твой родной брат.

— Скажите, Акиро, — вдруг спросил Нобуру, повернувшись спиной к царству зеленых, белых, коричневых, голубых и золотых цветов, — что вы думаете о контактах между Советами и американцами? — Он хотел услышать голос Токио, своего народа, хотел, чтобы ему еще раз все объяснили.

Адъютант отдал команду, и поток информации застыл на мониторе компьютера.

— Американцами? — переспросил он удивленным тоном. Ясно, что он только что думал о чем-то другом.

— Да, американцами, — повторил Нобуру. — Что они могут предложить Советам?

— Сочувствие? — предположил Акиро со злорадной и пренебрежительной улыбкой.— Американцы вышли из игры. Они хотят одного — чтобы их оставили в покое на их прогнившем полушарии. И еще — продать то тут, то там что-нибудь из своих третьесортных товаров. Тем, кто не может себе позволить покупать наши.

— Общеизвестно, что американцы очень старались догнать нас в военном отношении. И их система стратегической обороны очень неплоха.

— Они никогда нас не догонят, — отрезал Акиро тоном настолько решительным, что он звучал почти грубо. — Как нация они деградировали. Американцы — не более чем стая бродячих собак.

Нобуру улыбнулся, слыша в словах адъютанта мнение и Генштаба, и человека с токийской улицы.

— Но, Акиро, бродячие собаки иногда бывают очень умными. И сильными.

— Америка — мусорная свалка всего мира, — ответил адъютант, цитируя десятки японских бестселлеров. — Их национальные меньшинства тянут их на дно. В годы эпидемии им даже пришлось вводить войска в собственные города, и военные только с огромным трудом справились с задачей. Как бы они ни старались догнать нас, они по-прежнему не могут контролировать положение в Латинской Америке. Только в одной Мексике они завязли на многие десятилетия. С американцами покончено. — Акиро сделал суровое лицо, став похожим на воина с классических японских гравюр. — Возможно, они могут принять какую-то часть русских беженцев, как раньше они приютили израильтян.

Нобуру, офицер, знаменитый своим самоконтролем, перешел через всю комнату и, нарушив данное себе слово, налил щедрую порцию виски.

— Мне просто иногда кажется, — тихо произнес он, — что однажды японцы уже недооценили американцев. — И глотнул обжигающей жидкости.

12

Омск
2 ноября 2020 года

Тейлор вглядывался в лицо на большом экране монитора, выискивая хотя бы малейшие признаки возможной слабости. „Знаки бессилия, знаки беды", — слова на мгновение всплыли в его памяти. Он научился читать лица людей и не сомневался, что по внешности врага можно много о нем узнать. Примитивные культуры, в которых существовало поверье, будто при фотографировании человека покидает душа, находились, по мнению Тейлора, гораздо ближе к истине, чем считали представители западной цивилизации. Перед ним скованный рамками экрана находился враг, бессильный против его молчаливого допроса. И Тейлор уже почувствовал какую-то слабинку в его чертах, хотя еще не сформулировал ее для себя. Рот тонкий и решительный, кожа гладкая. Чужеземный разрез глаз мешал Тейлору поглубже заглянуть в них. Волосы темные, без седины. Нет, он не мог указать на слабое место, как на точку на карте. Но оно было там. Он не сомневался.

— Ну хорошо, Мерри, — сказал он начальнику разведки, — можешь продолжать.

Мередит коротко оглядел ряды молчаливо ждущих офицеров, затем снова остановил взгляд на полковнике.

— Перед нами, — повторил он, — генерал Нобуру Кабата, старший японский офицер на театре военных действий. — Его слова эхом отдавались в холодном полумраке старого склада. — Кабата имеет большое влияние в вооруженных силах, обладает богатым опытом как практических боевых действий, так и штабной работы, связан с оборонной промышленностью. Если вы взглянете на нашивки у него на груди — вот здесь... — Мередит повел лазерной указкой. — Желто-зеленая ленточка в третьем ряду — знак службы в контингенте японских советников в Южной Африке во время нашей... экспедиции.

Тейлор едва удержался от того, чтобы во второй раз не перебить Мередита. Ему очень хотелось услышать подробности, но он сдержался. Он подождет конца сообщения. Полковник побоялся, что кто-то из его подчиненных вдруг угадает его слабое место. Не об Африке сейчас следует думать.

— Кабата всегда был связан с самой современной техникой, — продолжал Мередит. — Он не только специалист в области авиации, но, по нашим данным, некоторое время служил летчиком-испытателем, разумеется, в молодые годы. Прекрасно говорит по-английски, который освоил, обучаясь по обмену в Британском штабном училище в Кимберли, выпуск 2001 года. Имеет репутацию англофила, даже специально летает в Лондон, чтобы шить себе костюмы. Кабата пошел в армию не для того, чтобы зарабатывать на хлеб. Он из богатой семьи, хотя и

пострадавшей, когда мы национализировали принадлежавшую японцам недвижимость в Соединенных Штатах. Они владели там немалыми ценностями. Как бы то ни было, он происходит из влиятельного старинного рода, обладающего давними военными традициями. — Мередит помолчал минуту, переводя дух. — Но не все здесь сходится. Его жена — преподаватель лингвистики, и у них двое детей: сын и дочь. Дочь работает в издательстве, сын — инженер-химик. Тут что-то не так. У них в семье с незапамятных времен все становились военными, и карьера Кабаты чрезвычайно успешна по всем меркам. И все же, по нашим данным, он отговорил сына от службы в армии.

„Здесь мы похожи, — подумал Тейлор. — Имей я сына, он никогда не стал бы солдатом".

— Помимо Африки, — продолжил Мередит, — одной из приметных вех его профессиональной карьеры является добровольное участие в группе экспертов ООН, которые определяли размеры нанесенного ущерба и помогали проводить эвакуацию уцелевших израильтян в Соединенные Штаты. Один из немногих, он согласился побывать в мертвой зоне вокруг Тель-Авива и в радиоактивной пустыне в районе Дамаска, Литаки и прочих городов, пораженных в результате израильского удара возмездия.

— Мерри, — прервал его подполковник Давид Хейфец, начальник штаба полка, — а я ведь с ним встречался, в Израиле. Правда, наша встреча длилась всего несколько минут. Он входил в комитет ООН, посланный принять у нас оружие перед тем, как мы сели в самолет. Он мне вовсе не показался дурным человеком. Я почувствовал, что он... ну, знаете — солдат. Как

все мы. И мне показалось, будто он понимает, что я испытывал, когда стоял и считал оружие, которое сдавали мои люди. То был очень тяжелый для меня день, и у меня возникло ощущение, что он не хочет усугублять происходящее. Вот и все. Я хотел бы вспомнить больше, но тогда меня гораздо сильнее интересовали другие вещи.

— Дейв, — холодно произнес Тейлор, прежде чем Мередит мог продолжить, — если он такой отличный парень, то почему же он травит нервно-паралитическим газом колонны беженцев?

Хейфец с еще более серьезным, чем обычно, выражением лица через всю комнату посмотрел на Тейлора.

— Не знаю, — ответил он голосом, полным искреннего сожаления. — Я не могу ответить на ваш вопрос.

Тейлор вновь переключил внимание на Мередита:

— Хорошо, Мерри. Рассказывай нам об этом... человеке.

Мерри пожал плечами.

— Он, похоже, относится к той категории офицеров, которые все делают хорошо, даже пишут. Его отчеты о побочных эффектах ядерных взрывов на Ближнем Востоке часто цитировались на организованной Советами Международной конференции по немедленному запрещению ядерного оружия в Нью-Дели. Тогда, — добавил Мерри, — в последний, пожалуй, раз совпали советские и японские интересы. В последующие несколько лет он играл ключевую роль в японской программе оснащения и обуче-

ния иранских вооруженных сил и армии Исламского Союза. Нынешняя операция является вершиной его карьеры. Однако среди военных атташе в Токио ходят настойчивые слухи о якобы существующих трениях между ним и Генеральным штабом.

— Что за трения? — быстро спросил Тейлор.

— Неизвестно. И сообщения о них могут оказаться несостоятельными. Помимо вышеперечисленного, у нас мало о нем информации. Любимый напиток — виски, но не злоупотребляет. Любит играть в гольф. Впрочем, как все важные персоны в Японии. Всякий раз, когда оказывается в Лондоне, ходит в театр.

— Женщины?

Мерри покачал головой.

— Ничего такого, что англичане сочли бы достойным упоминания.

— Мерри, — произнес Тейлор, стараясь сохранять относительно безразличный тон,— ты случайно ничего не разузнал о его службе в Африке? Принимал ли он активное участие в боевых действиях?

— Не знаю, сэр. Мы знаем только о нашивке у него на груди. Он мог получить ее и просидев все время в Кейптауне.

— Да... или за что-нибудь еще.

— Да, сэр.

„Впрочем, неважно", — подумал Тейлор. Он уже раскусил противника. Генерал Нобуру Кабата. Человек, который летает на другой конец Земли, чтобы приобщиться к чужой культуре. Чей любимый напиток — виски. Человек, убедивший сына нарушить традицию в стране, где традиции все еще имеют значение. „Обладает

репутацией англофила", — сказал Мерри. Но избранная им маска не имеет такого уж значения. Не англофил, так франкофил или германофил. Неважно. Лишь бы избавиться от пресса, давившего на него с рождения, вырваться из рамок навязанной ему судьбы.

„Я могу побить его", — решил про себя Тейлор, надеясь, что не ошибается.

Он взглянул на ожидающего дальнейших вопросов Мередита. Собравшиеся офицеры ерзали на стульях. Тейлор знал, что все они замерзли и торопятся вернуться к своим подчиненным, к ждущим их решения проблемам, неизбежно возникающим в последнюю минуту. А совещание только началось. Что ж, он не станет отнимать у них слишком много времени.

— Знаешь, Мерри, — начал Тейлор. Шепот и шевеление тут же прекратились, и все офицеры подались вперед, вслушиваясь в слова командира. — Есть одна вещь, которую я никак не могу понять. Она мне просто покоя не дает. Я знаю, что японцы заслужили репутацию жестоких стервецов. Но все же при чем тут газы? Какой в них смысл? Что такое сидит в этом ублюдке, что заставляет его так поступать, при всех его английских костюмах и чертовых гольф-клубах?

Мерри нажал кнопку, и широкий экран погас. В комнате, казалось, установилась еще большая тишина, обретшая почти визуальные черты.

— Возможно, — предположил начальник разведки, — тут действует психологический фактор. Может быть, японцы демонстрируют таким образом свое стремление установить абсолютное господство.

Тейлор задумался над его словами. Он и сам не смог бы предложить лучшего ответа. Однако что-то в нем казалось ему неубедительным. При всех огромных возможностях японской техники, газы представляли собой ничем не прикрытое варварство. Трудно представить себе, чтобы их применение дало преимущества, хотя бы сопоставимые с растущим во всем мире негодованием.

— Сэр, — вмешался Хейфец. — А что, если дело не в японцах? Что, если арабы и иранцы самостоятельно прибегают к газовым атакам? Возможно, этот человек просто не в состоянии их сдерживать. Они ведь, как вам известно, непредсказуемы и нелогичны. И они раньше уже использовали отравляющие вещества.

Тейлор повернулся к Хейфецу, обдумывая его предположение. Конечно, такой вариант не исключен. Он посмотрел на бездомного солдата, потерявшего так много. Хейфец старался, чтобы его лицо выражало неподвластные эмоциям твердость, силу и отрешенность, и большинство принимало его усилия за чистую монету. Однако, глядя на седеющего израильтянина, Тейлор видел только человека, лишившегося семьи, родины, прошлого и будущего. Конечно, Счастливчик Дейв винит во всем арабов, тут он ничего не сможет с собой поделать. Но, хотя в его предположении и имелась определенная логика, Тейлор не мог с ним согласиться. Невозможно себе представить, чтобы японцы позволили своим марионеткам выйти из-под контроля в самом начале игры. Японцы не так глупы.

Давид Хейфец давно уже потерял способность чему-либо удивляться. И только непосто-

янство времени порой еще могло заставить его поразиться неожиданностям жизни, даже если для него все эти неожиданности остались погребенными под грудой прошедших лет, в стране, существовавшей теперь только в людской памяти. Календари и часы казались ему не более, чем отчаянной испуганной попыткой обуздать время, скрыть непонятные и непредсказуемые его ускорения и замедления, сумасшедшие мгновения невнятных откровений и бесконечное течение ничем не заполненных пыльных лет. Порой он казался себе самым трусливым человеком на свете, прячущимся от необъяснимого потока времени на своем маленьком военном островке, заставляющим свое медленно стареющее тело выполнять бесчисленные армейские ритуалы.

Просто он нашел предлог при приближении черных утренних снов вскочить, туго зашнуровать ярко начищенные ботинки и погрузиться в бесконечную, отупляющую работу, которая определяет существование армии. И время казалось ему ласковым и добрым, когда он изнурял себя еженощным сидением допоздна в своем кабинете, рассчитывая, планируя, записывая, корректируя, разрабатывая различные графики, сроки поставки учебных боеприпасов, квоты отправки офицеров на курсы повышения квалификации, учебные планы и задачи, постоянно действующие инструкции, формируя задачи военной цензуры, рапорты и характеристики, планы эвакуации в случае природных катастроф, мобилизационные планы, проводя бесчисленные брифинги и инспекционные программы. Он только жалел, что этого всего недостаточно, что неизбежно наступит момент, когда ему при-

дется погасить лампу, закрыть за собой дверь и вернуться к практически голым стенам своей комнаты и абсолютной пустоте того, что называлось его личной жизнью. Он почти всегда соблюдал самоограничения и церемонии, предписанные евреям, в надежде хоть так обрести наконец какое-то утешение, но все его слова и жесты, все приносимые им жертвы не давали успокоения. Его Бог был теперь неудивительно гуманный Бог Израиля, а яростный, жестокий, безжалостный и непрощающий Бог: не Бог — защитник страждущих, а Бог, несущий страдание, Бог, разражающийся хохотом при виде боли, а затем вновь каменеющий лицом. Его Бог был примитивным божеством варваров, едва поднявшихся над животными, покровителем мрачных древних армий, что шли, чтобы сжечь города света и надежды, перебить всех их жителей и уничтожить все живое.

А потом время увлекало его в один из своих невидимых водопадов, и в искусственно отмеренную паузу одной секунды он с поразительной отчетливостью вновь оживлял прошлое — не просто вспоминал, но снова оказывался в том времени, в том месте. Мира, сидящая у оливкового дерева, обхватив колени руками, улыбаясь с закрытыми глазами теплому синему небу. И он чувствовал то же, что и она: неподвижный воздух, пропитанный запахом тимьяна. Солнце... Он ощущал, как оно грело ее щеки, словно они оба составляли одно целое. Капли пролитого вина, остатки пикника на каменистом склоне, возвышающемся над их богатым, бурлящим соками миром.

„Неужели взаправду бывает так хорошо?“ — сказала она тогда, не открывая глаз, и он от-

лично понимал, что она имела в виду. Он чувствовал то же самое, только не знал, как выразить свои ощущения словами. Их мир был так прекрасен, что его внешний образ почти не имел значения. „Неужели взаправду бывает так хорошо, Давид?" Он тоже закрыл глаза, вслушиваясь в гудение мух и отдаленный гул автомобилей, снующих по дороге, которую некогда окропила кровь ступавших по ней божественных ног. В тот миг воспоминаний он успевал вновь ощутить ткань ее юбки под рукой, и теплую плоть под материей, и то пьянящее чувство, которое он испытал, поднимая ткань повыше, чтобы дать солнцу осветить своими лучами как можно больше ее тела.

„Неужели взаправду бывает так хорошо, Давид?"

Маленькие пятнышки крови у нее на спине, когда они встали, чтобы наконец вернуться к машине... Пока они занимались любовью, острый камень впивался ей в спину сквозь промокшую от пота блузку. Но он понимал, что и это не имело значения. И ничего не сказал, только прикоснулся рукой к ранке, словно его прикосновение обладало целительным свойством.

И в тот же самый миг он видел и своего кареглазого сына, пробегающего по их квартире. Довик, точное повторение материнской красоты, только с признаками будущей мужественности. Возможно, именно с него начался список поражений Хейфеца. Он помнил сейчас только те случаи, когда не находил времени для сына, когда кричал Мире, что в доме стоит невыносимый шум, когда он отделывался от ребенка глупыми отговорками, скрывавшими нежелание

взрослого всерьез отнестись к мальчишеским просьбам. Карие глаза, полосатая рубашонка, закатанные джинсы. „Мира, ради Бога, неужели ты не можешь..."

Мира была юристом, работала за смехотворно низкую плату в организации, защищавшей права палестинцев. И тут в ее жизнь неожиданно ворвался нетерпеливый солдат. Кто может объяснить тайну зарождения любви?

Мира, давшая ему уроки человечности...Она была скромная при всей своей красоте, но поцелуи ее становились нетерпеливыми, начинаясь порой в самое, казалось, неподходящее время. Оглядываясь назад, он иногда думал, что она словно предчувствовала, что у них оставалось мало времени, как если бы она предвидела неизбежное. Думая о ней, он всегда мысленно срывался на крик, как будто в отчаянии зовя ее сквозь все увеличиваюся пропасть. Мира...

Он сидел, свесив ноги, на башне своего танка, опустошенный после выигранного боя, когда по связи раздалось одно-единственное слово — окончательное, как приговор суда, как громом поразив всех — и уставшего командира танкового взвода в долине Бекаа, и пехотинцев у реки Иордан, и лоцманов, проводивших суда по огромному каналу:

„АРМАГЕДДОН"*.

Подробностей тогда не последовало, и он мог хотя бы надеяться, продолжая сражаться. Но что-то внутри него уже знало правду. Когда пришел приказ завести все машины в наиболее надежное ближайшее укрытие, убрать антенны, закрыть смотровые щели и задраить люки, он

*Страшный суд, конец света.

больше не сомневался. Больше в его жизни не будет теплой плоти под шелестящей тканью.

Он ничего не смог. Не смог защитить свою семью, свою страну. Но это — только та вина, что лежит на поверхности. Оглядываясь назад, он знал, что виновен в гораздо большем. Он никогда так и не стал тем мужчиной, каким ему следовало быть, которого заслуживали Мира и его сын. Он вовсе не был мужчиной. Всего-навсего самовлюбленная пустышка, затянутая в мундир.

„Неужели взаправду бывает так хорошо?"

Когда-то он прочитал, что перед самым приступом эпилептики испытывают удивительный восторг, что их самым большим страданиям всегда предшествует безмерная радость, которую некоторые сравнивают с чувством святости.

Именно так время и поступило с Давидом Хейфецем. В кратчайший миг умещалась память о всей его жизни с Мирой, голубое море и апельсиновая роща, и запах женской страсти — и ее смерть, смерть, смерть. И он не сомневался, что всякий раз, когда она умирала в его воспоминаниях, она снова испытывала все смертные мучения. Время вовсе не течет по прямой. Мира навсегда осталась беззащитной, ее агония ни на миг не прекращалась. Его Бог был безжалостным Богом вечного „сегодня".

Подполковник армии Соединенных Штатов Америки Давид Хейфец глубоко в бумажнике хранил потрепанную фотографию жены и сына. Он никогда о ней не забывал, он помнил на ней каждую тень, каждый полутон, знал, какие именно мысли скрывались в двух парах смотрящих в объектив глаз. Видел легкую усталость мальчика в конце долгого дня, чувствовал со-

вершенно излишнее беспокойство Миры насчет обеда, помнил, откуда взялись ее бусы, от него не укрывались и маленькие недостатки, делавшие такой человеческой ее неземную красоту.

Он ни разу не взглянул на эту фотографию вот уже целых семь лет.

— Счастливчик Дейв выглядит усталым, — прошептал Мерри Мередит. Он только что плюхнулся на складной стул рядом с Мэнни Мартинесом, своим лучшим другом. Он чувствовал себя опустошенным после выступления, искренне переживал его недостатки, но все же как всегда радовался, что оно осталось позади. Он не боялся гнева Тейлора. Он только боялся подвести Старика. Теперь он сидел, расслабившись, довольный, что честь продолжать совещание перешла к Хейфецу. Мередит следил, как начальник штаба вызывает на экране нужные ему карты. Мерри показалось, что сегодня Хейфецу немного изменила его привычная четкость. Ничего такого, что мог бы заметить обычный посторонний наблюдатель. Но другое дело — разведчик, прошедший горнило Лос-Анджелеса. Небольшое колебание — возможно, начало слабости. — Он выглядит очень усталым, — повторил Мередит.

— Да брось, — негромко отозвался Мартинес небрежным тоном. — Счастливчик Дейв всегда выглядит усталым. Он родился усталым. Это его вторая натура.

— Да, — согласился Мередит, — знаю. Но тут что-то другое. Он выглядит почти больным.

— Счастливчик Дейв? — переспросил Мартинес. — Счастливчик Дейв никогда не болеет.

— Посмотри на него. Он бледный, как привидение.

Оба друга внимательно взглянули на начальника штаба — невысокий, ладно скроенный человек с седеющими волосами и несколько широковатыми для его фигуры плечами. Хейфец приготовился начинать.

— Кажется, он плохо себя чувствует, — прошептал Мередит.

— Ерунда, — отмахнулся его приятель.— Старина Дейв вообще ничего не чувствует. Он вытесан из камня.

Хейфец оглядел сидевших перед ним офицеров, собираясь с духом, прежде чем начать читать им их приговор. Его инструкции пошлют каждого навстречу его судьбе, и он чувствовал, что мало кто из них осознавал серьезность того, что ждет их через несколько часов. В американцах еще оставалось слишком много легкомыслия и самонадеянности. Они не понимали, какая эта темная и мрачная штука — судьба. Многим из младших офицеров происходящее казалось захватывающим дух приключением. И даже те, кто испытывал страх, боялись не того, чего следовало бы. Все эти люди... не понимали, как много может в конце концов потерять человек.

Но так даже лучше. В бой лучше идти с легкой душой — лишь бы легкость не переходила в глупость. В царство тьмы лучше вступать с необремененным сердцем, с уверенностью, что сияет, как начищенная сталь. Он помнил это чувство.

Возможно, сидящих перед ним американцев с открытыми лицами, одетых в неудобные со-

ветские шинели, осеняет какой-то более милосердный Бог. Даже после всего того, что они перенесли за последние годы, американцы все равно напоминали Хейфецу невинных детей. И — как знать — может, им повезет, и они не увидят чернокрылого Бога, на чьем лице застыла кровь сынов Израилевых.

Все, кроме Тейлора. Тейлор видел его горящие глаза, вдыхал запах его ядовитого дыхания. Тейлор знал.

Это Тейлор настоял на общем собрании офицеров. Цель совещания заключалась в том, чтобы убедиться, что каждый из его подчиненных ясно представлял себе свою задачу, — избежать излишней путаницы, помимо той, что случится все равно. Вообще-то, совещание можно было провести, используя средства электронной связи, когда каждый офицер удобно расположился бы в тепле своей боевой машины или мобильной вспомогательной системы. Но Тейлор настоял, чтобы его офицеры собрались вместе в холодном и мрачном ангаре, где они не могли включить отопление из боязни, что вражеские разведывательные средства засекут источник тепла. Он хотел дать каждому возможность увидеть во плоти своего командира и товарищей. Тейлор знал, что делает. Важнее, чем все последние уточнения, была испытываемая всеми в момент опасности необходимость чувствовать, что братья по оружию в самом деле рядом.

Хейфец знал о своем прозвище. Он понимал заключенный в нем солдатский черный юмор и не обижался. И он отдавал себе отчет, что по крайней мере в одном ему действительно посчастливилось. Мало нашлось бы людей, под чьей командой он служил бы без скрытого не-

удовольствия, без задних мыслей. Служить же под началом Тейлора — все равно как... служить под началом самого себя, только гораздо более мудрого, лучшего, порядочного. Между ними существовало только одно существенное различие. Страдания Тейлора сделали его лучше. Хейфец никогда не сказал бы такого о себе.

— Добрый день, полковник Тейлор, добрый день, джентльмены, — начал Хейфец. — Пожалуй, уже можно сказать „Добрый вечер". Но я не собираюсь вас надолго задерживать. — Хейфец оглядел серьезные лица присутствующих. — У всех есть копия боевого приказа? Да? Хорошо. Копия схемы передвижения и все сопутствующие данные сейчас как раз запускают в ваши бортовые системы управления. Немедленно по окончании нашего собрания каждому из вас необходимо провести стандартную проверку записанной информации.

Хейфец дотронулся до кнопки на пульте дистанционного управления — и на экране возникла отчетливо прорисованная карта, изображающая часть Советского Союза от Новосибирска на северо-востоке до Душанбе на юго-востоке, от Еревана на западе до Перми на севере. После нажатия второй кнопки экран покрылся цветными значками и стрелками. Зеленые обозначали вражеские позиции, красные — советские, а крошечная синяя точка отмечала расположение Седьмого полка. От зеленого вражеского моря маленький голубенький островок отделяла только тонкая ломаная линия красных значков.

— Как уже сообщил начальник разведки, — продолжал Хейфец, — советский фронт к востоку от Урала находится в состоянии полного

развала. Наша задача заключается в том, чтобы провести глубинный прорыв с целью уничтожить или нанести серьезный ущерб ключевым структурам армии противника, дабы дать русским время организовать координированную систему обороны. Помимо этого, президент Соединенных Штатов намерен дать противнику понять, что мы не потерпим расчленения СССР силами иностранных держав.— С помощью дистанционного управления Хейфец убрал изображение карты, а потом она появилась вновь, но на сей раз с более подробным изображением района боевых действий Седьмого полка, по-прежнему распространявшемуся более чем на половину первоначально показанной карты обстановки. Позиции противника и войск союзников остались на ней неизменными, но синие стрелки и значки, обозначавшие пункты управления, начали расползаться по всему полю боя.

— Боевая задача, — объявил Хейфец. — Седьмой десантный полк Армии Соединенных Штатов пересекает рубеж начала боевых действий в 24.00 по местному времени. Первая эскадрилья силами четырнадцати действующих М-100 из шестнадцати штатных выдвигается на левый фланг. Вы рассредоточитесь вдоль красной оси номер один, показанной на карте, по направлению на юг, к объекту „Рубин" в районе Караганды. Во время вашего прохождения над линией фронта все советские части противовоздушной обороны получат приказ не открывать огонь ни при каких обстоятельствах, не будучи предварительно атакованными. Конечно, мы понимаем, что до некоторых из них распоряжение может не дойти, поэтому на практике это означает, что нам придется на первом этапе обхо-

диться только средствами пассивной защиты. Нет никакого смысла заранее предупреждать противника, что на него надвигается что-то непонятное. В любом случае непосредственно перед вашими беспилотными разведчиками проследуют дистанционно управляемые постановщики помех передового подразделения Десятого разведывательного полка. Военно-воздушные силы окажут глубинную — по-настоящему глубинную — электронную поддержку боевых действий.

— Ну, тогда дело в шляпе, — пробормотал кто-то из офицеров. По рядам пробежал мрачный смешок.

— Прекратите паясничать! — вмешался Тейлор. — Идет война. И мы теперь все по одну сторону баррикад. Чтобы я больше не слышал подобных шуточек. — Полковник оглядел притихших офицеров, как суровый отец — расшалившихся детей. Потом вновь откинулся на спинку стула. — Продолжайте, Дейв.

— Первая эскадрилья не вступает в бой, пока не достигнет объекта „Рубин", если раньше не вызовет на себя огонь противника. Я знаю, что вам не терпится подраться, — предупредил Хейфец, — а по пути вам встретится масса заманчивых целей. Но ваши системы обнаружения цели в первую очередь станут засекать по большой части хлам, находящийся на вооружении у мятежников. Там даже могут оказаться отрезанные от своих советские части. Мы не в состоянии отличить их от противника, так как их техника практически та же, что и у мятежников. И вообще, наша задача — уничтожать технику японского производства. Это возвращает нас к объекту „Рубин" и к Караганде. Как сообщил

вам Мерри, в районе боевых действий находятся две основные цели. — Экран дал более крупномасштабное изображение указанного района. — Главная цель — японские ремонтные мастерские и выдвинутые к передовой пункты сосредоточения техники. То, что в терминологии старой американской армии называлось „районом высокого насыщения целей". В Караганде в ожидании ремонта той или иной степени сложности стоит более тысячи новейших японских боевых машин. Потеря такого количества техники невосполнима. Далее, сам по себе ремонтный парк — объект решающей важности. Иранцы и арабы ломают технику, как дети — игрушки. И если японцы не смогут ее ремонтировать, она становится бесполезной. Я знаю, о чем вы думаете: вы хотите убивать тех, кто стреляет. Но вашей основной целью остается ремонтный парк.

Второй по назначению целью на объекте „Рубин" является район сбора Третьего корпуса иранцев. Они отошли туда для перегруппировки, пока повстанцы продолжают бои в северном направлении. И они утратили осторожность, впали в грех гордыни. Иранцы просто отдыхают там, вы сами видели снимки. Почти никакого камуфляжа, минимум рассредоточения. Они абсолютно уверены, что русские их не достанут.

Хейфец вернул на экран среднемасштабную оперативную карту.

— Приблизительное время нахождения на рубеже для атаки на обе цели — двадцать минут. Высадка десанта не планируется, за исключением случаев охраны вышедших из строя машин. Так. После выполнения задачи на объекте

„Рубин" первая эскадрилья продолжает движение вдоль красной оси номер два, осуществляя прикрытие левого фланга полка. Вас ждет длинный перелет, так что не отвлекайтесь на подворачивающиеся по дороге незначительные цели. Вы будете осуществлять пикетирование на тот случай, если японцы подготовят нам какой-нибудь сюрприз и быстро поднимут в воздух истребители-перехватчики. Вы первыми пересечете рубеж перехода в атаку и последними вернетесь. Ваш пункт сбора — „Серебро". Вот здесь, под Омском. Начальник службы тыла обеспечит вам дозаправку. Действия вдоль красной оси подразумевают максимальное использование возможностей М-100. И наконец, кое-какие хорошие новости, — постарался пошутить Хейфец, хотя даже тень улыбки не пробежала по его лицу. — Я полечу вне строя вместе с Первой эскадрильей, чтобы помогать командиру полка контролировать фланговую оборону. Разумеется, я не стану вмешиваться в действия командира эскадрильи, но буду поблизости для компании.

Офицеры Первой эскадрильи, кучкой сидевшие позади своего командира, театрально застонали. Отлично. Хейфец был рад, что они по-прежнему могли шутить.

— У Первой эскадрильи есть вопросы?

Подполковник Теркус, командир эскадрильи, отрицательно покачал головой.

— Конечно, чертовски далекий маршрут, — заметил он, — но у нас хорошие лошадки.

— Есть хоть какая-нибудь возможность починить две сломанные машины до начала операции? — спросил Тейлор Теркуса.

— Маловероятно. Наш зампотех возится с одной из них именно сейчас. Очевидно, поломка в гидравлике, но у нас не хватает одной детали.

Тейлор перевел взгляд на Мартинеса.

— Ее у нас вообще нет, — ответил начальник службы тыла. — Нам полагались три запасные, но мы их все использовали. Это оказалось еще одной непредвиденной проблемой. Мы попытались срочно выписать ее из Штатов, но я даже не могу обещать, что такая запчасть есть на заводе-изготовителе. Возможно, им придется снять ее со сходящих с конвейера новых машин.

— А как насчет сломанных систем в других эскадрильях, Мэнни? — спросил Тейлор. — Это твоя епархия. Если начальник ремонтной службы полка считает, что у него есть аппарат, который он не сможет починить до начала операции, давайте раздраконим его. Нам нужно поднять в воздух как можно больше пташек.

— Что мы в таком случае действительно можем сделать, — отозвался Мартинес, — так это разобрать Б-14 из Первой же эскадрильи. Она-то уж точно не войдет в строй вовремя. Проблема в программном обеспечении. Таким образом, мы сможем решить ремонтную проблему в рамках одной и той же эскадрильи.

— С Б-14 дела действительно обстоят настолько плохо? — переспросил Тейлор.

Мартинес с серьезным видом посмотрел на него:

— Сэр, она не успеет на эту войну, проблема с программным обеспечением очень серьезная. Машину надо возвращать на завод.

Тейлор повернулся к Теркусу, командиру Первой эскадрильи.

— Бад, — сказал он, — я тебе сейчас подложу свинью. Уж извини.— Потом вновь обратился к Мартинесу: — Мэнни, я хочу, чтобы ты списал Б–14 как потерянную в бою. Потом сними с нее все детали до последней. Подними в воздух как можно больше машин во всех трех эскадрильях.

— Есть, сэр.

— Дейв, — Тейлор вновь переключил внимание на начальника штаба, — продолжайте. Что там у вас еще?

Хейфец откашлялся.

— Вторая эскадрилья, — начал он, — вы выдвинитесь вдоль белой оси номер один в направлении цели „Алмаз" под Целиноградом. Там иранцы и повстанцы сбились в кучу. Возможно, они концентрируются перед большим рывком в Западную Сибирь в северо-западной части кокчетавского сектора. Успешная атака цели „Алмаз" снимет напряжение с района стыка двух Советских Армий на севере и, разрезав вражеский фронт пополам, резко поменяет боевую обстановку в нашу пользу. Прорубите окно в позициях противника в районе Целиноградa, и район прорыва на северо-запад становится весьма уязвимым.— Хейфец провел рукой вдоль продолжения маршрута Второй эскадрильи. — После тридцатиминутного боя на широком фронте объекта „Алмаз" Вторая эскадрилья продолжает атаку вдоль белой оси номер два в направлении объекта „Сапфир", по пути уничтожая все заслуживающие внимания цели. „Сапфир" расположен вокруг города Архалык — вот здесь, — где японцы организовали еще один крупный ремонтный парк. Ваша задача здесь идентична заданию Первой эскадрильи на объ-

екте „Рубин". Затем Вторая эскадрилья двигается вдоль белой оси номер три, в любую минуту готовая, в случае необходимости, прийти на помощь находящейся южнее, на левом фланге полка, Первой эскадрилье. Второй эскадрилье в воздушные бои не вступать. Не ищите на свою голову приключений, джентльмены. Не забывайте, что Первая эскадрилья не сможет закончить миссию, пока вы находитесь в воздухе, а ведь горючее у них будет на пределе. Ваш пункт сбора здесь, неподалеку от Оренбурга, условное обозначение — „Платина". Там вы подготовитесь к атаке в юго-западном направлении, если поступит такой приказ. Полковник Тейлор полетит вне строя со Второй эскадрильей, осуществляя руководство боем. У Второй эскадрильи вопросы имеются?

Вопросов не имелось. Те офицеры, которые не принимали участия в разработке операции, тем не менее получили возможность ознакомиться с боевым приказом.

— Отлично, — заметил Хейфец. — Остается Третья эскадрилья. Тринадцать боеспособных М-100 из штатных шестнадцати.

— К началу операции я введу в строй еще две машины, — заявил подполковник Рено, командир Третьей эскадрильи. Самоуверенным и раздраженным тоном он явно хотел дать понять, что он — командир, а Хейфец — всего лишь высокопоставленная штабная обслуга. — Можете не беспокоиться о Третьей эскадрилье.

Хейфец ему не верил. Из всех командиров эскадрилий Хейфец менее всего рассчитывал, что именно Рено в нужный момент окажется в

нужном месте и сделает то, что от него ожидалось. Но Рено был сыном отставного четырехзвездного генерала*, и даже Тейлор не смог воспрепятствовать его назначению в Седьмой полк. Тейлор и Хейфец подстраховались, поручив Третьей эскадрилье наименее ответственное задание.

— Третья эскадрилья, — продолжил Хейфец, не обращая внимания на тон Рено, — выдвигается вдоль зеленой оси номер один по получении подтверждения, что Первая и Вторая прошли рубеж перехода в атаку. Задача Третьей эскадрильи — просто уничтожение войск противника по обеим сторонам коридора, образованного вдоль района боевых действий „Изумруд". На данный момент у Советов имеются отрезанные от своих части, разбросанные вдоль всей зеленой оси номер один, так что вам нельзя открывать огонь до достижения района „Изумруд". Затем вы начинаете действовать по обстановке. Зона „Изумруд" тянется примерно от Кокчетава до Атбасара. Ваши навигационные приборы автоматически включатся, когда вы достигнете ее границ. В пределах зоны боевых действий любая боевая система подлежит уничтожению. Ваша задача — нанести максимальный ущерб вражеским вспомогательным частям и соединениям второго эшелона в тылу сектора прорыва. Единственной особо важной целью является Атбасар. На окраине города в заброшенном карьере располагается штаб Первого иранского корпуса. Там ожидаются иранские части и, возможно, японцы. Начальник разведки подозрева-

*Высший генеральский чин в армии США.

ет, что там также находится передовой командный пункт японцев, так что постарайтесь не оставить там камня на камне. Выполнив задачу по „Изумруду", следуйте вдоль зеленой оси номер два непосредственно в сборный пункт „Золото" — промышленный комплекс под Магнитогорском, где будете ждать дальнейших указаний. Вопросы?

— Нет вопросов.

— Огневая поддержка, — продолжал Хейфец. — Батальон артиллерии двойного назначения полка будет использован для противовоздушной обороны. Уровень мобильности, предусмотренный планом, слишком высок, чтобы за ним могла угнаться тяжелая артиллерия. Следовательно, мы приняли решение выдвинуть полковую артиллерию непосредственно в промежуточные сборные пункты, используя пути в тылу районов контакта с противником. В каждом пункте развернется по одной батарее — в „Платине", „Серебре" и „Золоте". Вам надлежит быть готовыми отсекать противника, преследующего наши возвращающиеся эскадрильи.

Хейфец мысленно пробежался по пунктам плана. Не упустил ли он чего?

Нет. Тогда он перешел к заключительной части.

— Теперь не отраженные в плане дополнения. Отрядам квартирьеров отбыть к промежуточным сборным пунктам с наступлением поздних навигационных сумерек. Передвигайтесь только по заранее оговоренным маршрутам, чтобы вас не обстреляли какие-нибудь скорые на руку русские. Артиллерия выдвигается на час позже. Разведчики — за полтора часа до начала

операции. Сэр, — повернулся он к Тейлору, — ко мне есть вопросы?

— Нет, отлично сработано, Дейв.

— Тогда я уступаю место специалисту по радиоэлектронному противодействию из Десятого полка.

Хейфец положил пульт дистанционного управления на подставку и направился на свое место, по пути разойдясь с высоким, очень худым молодым офицером. Тот встал рядом с экраном и заговорил о чудесах, творимых передатчиками помех, о сокрытии маневров и направления удара, об электронных потоках, о введении в заблуждение вражеских радаров, о направленных потоках энергии и проникновении в частоты вражеских радиосигналов.

Сидя на холодном металлическом стуле рядом с Тейлором, Хейфец без труда представил себе этого офицера в несколько отличной форме, объясняющим правила применения нового типа лука и стрел.

Мэнни Мартинес не чувствовал в себе силы шутить. Во время маневров, даже в годы мексиканской кампании, он всегда мог скрасить юмором свои выступления на совещаниях. Во всех частях, где командовал Тейлор, начальник службы тыла говорил последним. И Мартинесу всегда удавалось, даже в самые трудные дни, поднять товарищам настроение улыбкой, небольшой шуткой над собой или над окружающими. Но сегодня веселье покинуло его, и он мрачно ерзал на стуле, ожидая своей очереди говорить, как очереди к дантисту. Никогда еще он не чувствовал такой ответственности, и его угнетал вес свалившихся на него проблем, все прибывав-

ших и прибывавших, — неувязок в системе снабжения и ремонта, сомнений в собственной компетентности и все усиливающегося опасения подвести Тейлора и всех тех, кто доверился ему.

Он проигрывал в уме всевозможные перестановки и ухищрения, с помощью которых удастся получше справиться со все нараставшим количеством поломок и наиболее эффективно переправить обширную тыловую инфраструктуру полка на новые пункты сбора. Прикидывал, как подготовить ремонтные команды к еще не совсем ясным даже для него задачам, которые могут возникнуть после сражения. Мартинес всегда умел находить простые и понятные способы решения проблем обеспечения, обладал даром видеть очевидные ответы, скрытые под ворохом правил и указаний, и гордился этим своим талантом. Теперь же он видел только возможность провала на множестве направлений одновременно.

Он вполуха слушал других выступающих — начальника химзащиты, сообщавшего о последних ударах противника и о типах применяемых им отравляющих веществ; полкового врача, предупреждавшего о вспышках тифа среди беженцев и снова напомнившего о действии и побочных эффектах розданных солдатам и офицерам стимулирующих таблеток, равно как о недостатках лекарства против страха, которым снабжали десантников и необстрелянных солдат, — в войсках его называли „таблетки для самоубийц", так как, несмотря на все уверения в обратном, солдаты считали, что они притупляют нормальный инстинкт самосохранения. „Если таблетки так хороши, — спрашивали со-

лдаты, — то почему же их не принимают офицеры?"

Мартинес слушал, в глубине души желая, чтобы совещание длилось вечно. Ведь пока оно шло, все они еще балансировали на грани войны, в полушаге от начала сражения, еще имели повод не приступать к выполнению неизбежного долга. Несмотря на пронизывающий до печенок холод, царящий в заброшенном складе, он чувствовал, что потеет.

Ему никогда и в голову не приходило бояться за свою жизнь. Он боялся только поражения.

А потом наступила та самая минута. Голос, заставивший его вздрогнуть, произнес:

— А сейчас мое место займет начальник службы тыла.

Пора.

— Мэнни! — позвал Тейлор, повернув к нему бледное лицо.

Мартинес вскочил на ноги, с удивлением отметив, что его тело, как обычно, полно сил и энергии.

— Добрый день, сэр, джентльмены... — начал он.— К 16.00 по местному времени все боевые машины были полностью заправлены, а огневые системы откалиброваны и заряжены. Что касается снабжения и ремонта, то сделано все, чтобы ничто не могло помешать проведению операции, хотя еще остается под вопросом, сколько М–100 нам в конечном итоге удастся задействовать. Учитывая, что переброска запчастей с машины на машину позволит Первой эскадрилье поднять в воздух „ 0–8", у нас сорок пять действующих систем из пятидесяти штатных. К тому же существует возможность отре-

монтировать к началу операции еще одну из систем Третьей эскадрильи, хотя здесь я гарантировать ничего не могу.

— Но, черт возьми, Мартинес, — вскинулся подполковник Рено, — вы и ваш замотех обещали мне вернуть в строй все три мои сломанные „пташки".

Он лгал. Мартинес знал это, и он знал, что и Рено знает. Рено, генеральский сынок.

— Сэр, — начал Мартинес, — я только сказал вам, что мы сделаем все, что в наших силах. Но...

— В том-то и заключается беда нашей армии, — воскликнул Рено. — Никогда нельзя положиться...

Рено, тот самый, который, как Мартинесу было известно, шутил, что-де „нашему маленькому мексикашке еще предстоит узнать, что заниматься снабжением — нечто большее, чем раздевать машины в темных переулках".

— Подполковник Рено, — вмешался Тейлор глубоким уверенным голосом, — я согласен, что стоит поругаться, чтобы поднять в воздух как можно больше машин. Но я лично убежден, что полковые ремонтные службы очень хорошо работают в интересах всех нас. Более того, отлично работают. Я, командир Седьмого полка, пойду в бой, имея девяносто пять процентов действующей техники. Честно скажу, это больше, чем я ожидал. Сегодня ночью я пересеку рубеж перехода в атаку с чувством уверенности в своих силах и полагаю, что все участники операции могут разделить мою уверенность. — В Тейлоре было нечто такое, что, казалось, будто он сейчас прыгнет вперед, подобно голодному тигру. В таких случаях Мартинес отдавал себе

отчет, что дисциплину наводит не довольно сдержанная речь Тейлора, а ярость, заключенная в его молчании, напряжение, сквозившее в паузах между тщательно взвешенными фразами и выражающее именно то, что скрывалось за его словами. — Впрочем, — продолжал Тейлор, — я бы отдал приказ о выступлении сегодня ночью, даже если бы знал, что мне придется двигаться на юг, не имея под рукой ничего, кроме камней. Так что я не уверен, что нам следует жаловаться, имея в своем распоряжении сорок пять самых мощных боевых систем, когда-либо существовавших на свете. — Тейлор отвел взгляд от Рено. — Мэнни, меня гораздо больше волнуют калибраторы. Как обстоят дела с ними?

После того как Старик так решительно встал на его защиту, Мартинесу было вдвойне неприятно переходить к следующей неувязке.

— Сэр, — сказал Мартинес, — как вы знаете, на полк полагается четыре калибратора для электромагнитных орудийных установок на М-100. Из-за заводских неполадок первую партию пришлось в июле отправить назад, но до сих пор мы получили взамен только два прибора модели А-2. Оба мы привезли с собой в Россию, но теперь один из них вышел из строя. Зампотех лично им занимался, и мы ждем срочную замену из Штатов. Но, похоже, у нас будет только один калибратор на все три района сбора.

— А ручная калибровка абсолютно невозможна? — поинтересовался Тейлор.

— Нет, сэр. Орудийная система слишком сложна. Тут дело не в прицелах и стволах, как в старые времена. Требуется перенастраивать

электронные системы управления, а для этого нужен рекалибрационный компьютер.

— Ладно. Допустим, у нас только один калибратор. Сколько времени понадобится, чтобы подготовить весь полк для последующих операций?

— Тут все зависит... — начал Мартинес. Он чуть не сказал: „от количества наших потерь", но вовремя спохватился. Так можно накаркать беду. — От множества факторов. Следует учитывать расстояние между районами сбора. Мы в состоянии подправить одну птаху за пятнадцать минут. Но какое-то время требуется еще и на подключение прибора. Я бы сказал — от тридцати до тридцати шести часов. Причем наибольшее время займут перелеты между районами.

— Черт, — выругался Тейлор, — я не хочу, чтобы мы сидели так долго. Исходя из износа во время учебных стрельб, сколько целей может поразить система, прежде чем искажение прицела станет очевидным, — и на каком этапе наши орудия становятся не более чем дорогостоящими хлопушками?

Мартинес задумался. Он знал, что учебные стрельбы сбивают прицелы гораздо в меньшей степени, чем боевые. Но и Тейлор тоже это знал.

— Сэр, практически точность стрельбы начинает падать уже после первого залпа. Но сбой становится очевидным после трехсот — четырехсот выстрелов. Каждая система немного отличается от остальных. Иногда возникает впечатление, что у каждой — свой характер. Лучшие из них сохранят пятидесятипроцентный

уровень попаданий после шестисот выстрелов. Но на это нельзя рассчитывать.

Тейлор повернулся на стуле лицом к слушателям.

— Я уверен, что большинство из вас вне себя от счастья от услышанных цифр. Звучит действительно внушительно. Но я нутром чую, что нам придется расстреливать боеприпасы с гораздо большей интенсивностью, чем рассчитывали умники из Форт-Ливенворт. — Тейлор кивнул в подтверждение своих слов. — Лучшая система в мире! Но даже если она сработает как положено, джентльмены, те аккуратные и прилизанные военные игры в Объединенном центре испытаний боеприпасов не учитывают стрельбу по ненужным целям, необъяснимые промахи, путаницу и просто неизбежную бестолковщину боя. Мы получили очень ответственное задание, и действовать нам придется на очень большой территории. И я думаю, что операция на том не закончится. Следовательно, командирам экипажей придется внимательно следить за системами автоматического обнаружения целей, чтобы убедиться, что мы уничтожаем именно то, что нам надо, а не расстреливаем один и тот же „джип" по десять раз. Можно использовать технику, можно даже полагаться на нее — но, в конце концов, нельзя ей доверять. — Тейлор холодно уставился на подчиненных, насупив покрытый шрамами лоб. — Не забывайте об этом. И — *думайте*.

Последние слова прозвенели металлом и повисли в холодном воздухе.

Откинувшись на спинку стула в более расслабленной позе, он продолжил:

— Ну, ладно. Исправный калибратор сперва поступит в распоряжение Второй эскадрильи — район „Платина", затем переходит в „Серебро" к Первой и, наконец, в „Золото" к Третьей эскадрилье, если только развитие событий не внесет коррективы в наш план. У тебя что-нибудь еще осталось, Мэнни?

— Нет, сэр. Ничего такого, о чем следовало бы говорить на общем совещании. Мы по-прежнему собираемся убраться отсюда к рассвету, но ремонт М-100 не позволяет нам начать сворачивать мастерские.— Мартинес пожал плечами. — Но это — моя проблема.

— Не бойся перегнуть палку. Весьма вероятно, что стратегические системы японцев засекут нас на взлете, и я не хочу оставить им здесь объекты для атаки. Мэнни, как только сможешь, немедленно убирайся отсюда вместе со всеми своими снабженцами и чумазыми механиками. Если надо, отправляйтесь маленькими группами, но эвакуируйтесь все. Вы нам понадобитесь на новых местах.

— Да, сэр, — отозвался Мартинес. Но он не знал, успеет ли. Оставалось еще столько дел... Работе не было видно конца, и где та граница, за которой можно остановиться и сказать: все, больше делать нечего, теперь можно собирать инструменты и двигаться в путь. Только справишься с одной проблемой, как — глядь — к тебе опять несется пара взволнованных лейтенантов, чтобы сообщить о двух новых.

„Будь сильным, приятель, — твердил себе Мартинес. — Будь твердым. Как Старик Эль Диабло".

Пришел черед настоящего дела. *Настоящего дела.*

Закончив сообщение, Мартинес вдруг едва удержался от смеха, вспомнив, как пример самого черного юмора, однажды сказанные ему Тейлором слова.

„Всегда можно определить, когда приближается бой, — заявил тогда Старик. — Все начинает идти наперекосяк".

Они с Тейлором сидели в трактире в уродливом маленьком мексиканском горном городке под названием Бонита. А Мартинес посмеялся, думая, что то и был бой — беготня за оборванными бандитами по пустынным горам. Он заливался счастливым смехом, попивая легкую терпкую „маргариту", уверенный, что держит все под контролем и что так будет всегда. А Тейлор улыбнулся улыбкой мертвеца, положив на стол ноги в сапогах со шпорами.

Тейлор знал, что говорил. Он знал гораздо больше, чем мог себе представить молоденький капитан-квартирмейстер.

Настоящее дело.

Тейлор стоял перед своими офицерами. Он знал, как зовут каждого, даже самых молодых и недавно назначенных в полк. Но знать людей — совсем другое. На лицах своих подчиненных он замечал в разной степени выраженные признаки волнения и бравады, невежества и энтузиазма. Даже сейчас бой являлся не только соревнованием машин, но и результатом бесчисленного множества решений, принимаемых коллективом людей. Его обязанностью было подготовить эту группу к войне. Они служили под его началом недолго, и он знал, что подготовил их недостаточно хорошо. Но еще Тейлор

знал, что времени не хватает никогда и никто не бывает подготовлен идеально.

Он сознавал, что многие из них, особенно молодые, ждали от него речи. Будь то в кино, для речи обязательно нашлось бы место, но он полагал, что никакие его словеса не сравнятся с несколькими лишними минутами, проведенными ими с собственными подчиненными и посвященными дополнительным разъяснениям и уточнениям. Цель, которую он преследовал, сведя их всех вместе, уже достигнута. Они знают, что не забыты, не покинуты, не оставлены одни. Каждый человек — часть одного большого целого. И совещание тянулось достаточно долго, чтобы успокоить даже самых взволнованных, чтобы пробудить в каждом неодолимое желание вскочить со стула и приступить к работе.

Мэнни волнуется, но это ничего. Тейлор в него верил. И в Мередита, мучающегося от того, что не смог сосчитать все волоски на головах противника. И в Хейфеца, чья храбрость порождена отчаянием. И в лейтенанта в заднем ряду, который как-то вечером в офицерском клубе смутил Тейлора, пустившись в пространные извинения из-за того, что его родители обеспечили ему лучшую косметическую хирургию, чтобы скрыть шрамы от болезни Рансимана. Он еще сказал, что не хочет, чтобы Тейлор не счел его настоящим мужчиной. А Тейлор настолько удивился, что не нашел ни слова в ответ.

Он знал, что Теркус смело и решительно поведет свою эскадрилью, но все же направил туда Счастливчика Дейва проследить, чтобы тот не стал слишком уж смелым и решительным. Он даже верил, что Рено превзойдет самого себя в кризисной ситуации, ведь за его плечами будет

маячить призрак его отца. Он верил в усмехающихся молодых десантников с их крутыми татуировками, в механиков и оружейников. Он искренне верил в то, что большинство мужчин, сидящих перед ним, в трудный час откроют в себе бóльшие возможности, чем сами ожидали.

Но он не верил в себя, в то, что сможет сейчас найти для них верные слова. За свою жизнь он слишком много прочитал книг и теперь боялся, что слова, которые он скажет, родятся не в его сердце и голове, а невольно припомнятся из какой-нибудь давно прочитанной книги и, следовательно, прозвучат фальшиво.

Лучше вообще ничего не говорить.

Он хотел бы рассказать им о выцветшем красно-белом флаге, который лежал сложенным в его кармане. О том, как снял его с крыши в африканской глухой дыре и пронес на себе много миль, много лет. Он хотел бы достать его и показать им, как показывают древнюю реликвию детям и внукам. Вот. Вот я какой.

Но он знал, что и для этого не найдет слов. Как и для того, чтобы рассказать, как долго он ждал сегодняшнего дня, как мечтал о нем, хотя умом и понимал, что любой здравомыслящий, порядочный человек может мечтать только о мире.

Он дотронулся до сукна советской шинели, которую по-прежнему носил, чувствуя сквозь грубый материал то место, где лежал старый стяг. Он до сих пор там, успокоил он себя.

Тейлор не вынул его. Вместо этого он начал расстегивать шинель, не отводя взгляда от точно так же одетых офицеров.

— Давайте выкинем эти чертовы тряпки, — сказал он. — И займемся делом.

13

Москва
2 ноября 2020 года

— От тебя ничего не требуется, — убеждала Валю ее подруга. — Просто поболтай с ними, выпей чуть-чуть. Повеселись, и все.

Валя решила не ходить. Имелись тысячи причин, чтобы отказаться от приглашения. После посещения больницы она твердо намеревалась вести себя, как положено примерной жене, думать только о Юре и попытаться убедить себя, что их совместная жизнь все-таки наладится. К тому же она еще не до конца оправилась после операции. Ее прооперировали очень небрежно, и у нее до сих пор случались кровотечения, сопровождаемые чувством слабости и усталости. Ее сил хватало только на то, чтобы простоять полный рабочий день перед своими учениками, заставляя их раз за разом повторять по-английски: „Я счастлив с вами познакомиться".

Валя почти ничего для себя не готовила, и все же стол в комнате, совмещавшей функции спальни и столовой, был постоянно уставлен грязными тарелками и чашками. По вечерам, возвращаясь домой, она даже замечала, что в ее крошечной квартирке установился тяжелый за-

пах прокисшего супа и нестиранного белья. Но она не могла заставить себя взяться за наведение порядка. Вместо того чтобы как следует убраться, Валя неохотно перекладывала вещи с одного места на другое.

Сначала Нарицкий обрывал ей телефон, но постепенно он устал напрасно добиваться свидания. Она говорила себе, что должна написать Юрию, сидя ночи напролет на старом зеленом диване, завернувшись в одеяло и вполглаза следя за патриотическими и сентиментальными телевизионными программами, прерываемыми только для показа наспех скомпонованных новостей с войны. Валя догадывалась, что дела складывались очень плохо и что Юра, наверное, подвергается огромной опасности. Однако понимание шло только от головы, а не от чувств. Изображения маленьких домиков и крошечных человечков не затрагивали ничего в ее душе. И отсутствующий Юра тоже превратился в абстракцию. Она сидела на продавленном диване, уставившись на яркий ковер напротив, — она повесила его туда, чтобы скрыть стену с осыпавшейся штукатуркой, а певичка с крашеными волосами надрывалась о горестях любви. „Написать Юре, — билось у нее в голове. — Я должна написать Юре". И все же до сих пор она не вывела ни одной строки, и в моменты наибольшего просветления Валя отдавала себе отчет, что вовсе не любит человека, с которым связала ее судьба, и что ее только страшит перспектива остаться одной.

— Не могу, Таня, — ответила она подруге. — Правда, не могу.

Таня поморщилась. Невольно она окинула взглядом развал, царивший на столе, прежде чем заставить себя снова посмотреть на подругу. Но если Валя и смутилась, то только чуть-чуть. Теперь подобные вещи значили для нее меньше, чем прежде.

— Нельзя же целыми днями вот так сидеть квашней, — настаивала Таня. — Не пойму, что на тебя нашло?

— Я думаю о Юре, — отозвалась Валя, лишь отчасти покривив душой. — Я так плохо поступала по отношению к нему. Даже не писала.

— Нечего о нем беспокоиться, — возмутилась Татьяна. — Несешь всякую чепуху. Что хорошего он для тебя сделал? Или ты как-то по-особенному живешь? — Таня оглядела царивший в комнате развал. — Они строят из себя таких важных птиц, раздуваются от гордости в своих мундирах, а посмотри, во что мы из-за них вляпались. Я всегда говорила: не связывайся с военными.

Неправда. Когда они только начинали встречаться, Таня превозносила Юрия до небес. Она постоянно твердила, как надежно положение офицерской жены, восхищалась хотя и шедшими на убыль, но все еще существенными армейскими привилегиями и даже хвалила его внешность. Когда-то двухкомнатная квартира в Москве была пределом мечтаний. Теперь же она казалась Вале тюрьмой.

— Ты была лучше устроена с этим, ну как его там, — продолжала Таня. — У него-то, по крайней мере, хоть деньги водились. И он не возражал против того, чтобы ты их тратила.

— Пожалуйста, прекрати, — остановила ее Валя. — Я не хочу о нем говорить. Ты всего не знаешь.

— Валя, ну же, ради Бога, соберись. Ну, посмотри, что у тебя творится. Я тебя не узнаю.

Однако Валя в глубине души понимала, что разбросанные по квартире вещи в большей степени отражают ее истинное „я", чем импортная парфюмерия и тщательный макияж. И еще она знала, что пойдет в конце концов вместе с Таней в гостиницу. Ей только надо подольше потянуть с согласием — не для Тани, а для себя самой.

— Я плохо себя чувствую, — отозвалась Валя.

— Не веди себя, как ребенок.

— И мне действительно надо написать Юре. Он наверняка сейчас воюет где-то там.

— Не глупи. Юрий достаточно умен, чтобы сам о себе позаботиться. Не принимай всерьез болтовню о „долге", о „чести офицера" и так далее. Мужчины любят повыпендриваться. — Таня на миг замолчала, словно задохнувшись при воспоминании о всем том вранье, что ей довелось выслушать от мужчин. Потом безжалостно продолжала: — Могу поспорить, он о тебе даже и не вспоминает. Небось, спит вовсю с какой-нибудь медсестрой или с одной из местных шлюх. Все сибирячки такие бесстыдницы.

— Юра так не поступит, — уверенно отрезала Валя. Хотя бы в одном она ничуть не сомневалась. — Юра не такой. — „Возможно, было бы лучше, — подумала она про себя, — будь он как раз такой".

Таня громко, театрально рассмеялась:

— Милая моя, ты просто не знаешь мужиков. Они все такие. Нельзя судить мужчину по тому, как он ведет себя дома.

— Юра не такой, — упрямо повторила Валя.

Таня вздохнула:

— Что ж, время покажет. Но что мы обсуждаем Юру? Лучше поговорим о тебе. Валя, ты просто должна пойти сегодня, такую возможность грех упускать.

Валя попыталась спрятаться под маской показной невинности.

— Но я же не могу, — сказала она. Потом взглянула на экран телевизора. Мужчина с серебряной сединой призывал к новой эре самоограничения. Новая духовность народа поможет выиграть войну. Несколько минут обе женщины смотрели в телевизор, сохраняя на лицах абсолютно одинаковое выражение, позволившее им пересидеть сотни собраний, не услышав на них ни слова.

— Какие они? — тихо спросила Валя, не поворачивая головы. — Просто любопытно.

— Ну, во-первых, — ответила Таня, — они умеют обращаться с женщинами. И все, конечно, богаты. — На миг Таня задумалась. — Естественно, в *этом* они ничем не отличаются от других мужиков. Им нужно одно — залезть тебе под юбку. Но... уж если не с тобой, то с кем мне быть откровенной? Они, по крайней мере, не слезают, пару раз дернувшись.

— Таня!

— Да не строй ты из себя невинность. Я только говорю, что мне никогда не было так... так... — Наконец и Татьяна покраснела от сво-

их мыслей. Даже в миг наивысшей откровенности она не могла преодолеть воспитанные с детства привычки. Не так уж и важно, что ты делаешь. Но следи за тем, что говоришь. — Наверное, они *этому* учатся в школе или еще где-нибудь, — хихикнула она, словно время, как губкой, стерло последние десять лет и они снова стали девчонками-подростками.

Миг опасной открытости прошел, и Татьяна разгладила юбку на коленях.

— Но пришла я не за тем. Я только подумала — вдруг ты захочешь поговорить с ними. Попрактиковаться в английском. Ну, сама понимаешь. Узнаешь несколько новых выражений, свежие идиомы.

Валя посмотрела на пол у себя под ногами. Его тоже надо вымыть, и чем скорее, тем лучше.

— Я не знаю, о чем с ними разговаривать, — призналась она подруге. Но сама уже репетировала в голове словесные комбинации.

— О, они сами во всем разберутся. Они действительно очень дружелюбны. Прямо как в старых западных фильмах. Все вычищенные, вымытые и все время улыбаются. И не ведут себя, как неотесанная деревенщина. Словом, во всем прямая противоположность русским мужикам.

— Но... я слышала, они совсем некультурные.

Таня закрыла глаза с выражением крайнего презрения.

— Ну, знаешь, если ты собираешься в художественный музей, то всегда можешь сходить туда и одна. По мне, американцы великолепны. — Для убедительности она выдавила из себя

несколько слов по-английски. Несмотря на все старания, они прозвучали гораздо хуже, чем сказала бы их Валя: „To have fun. Always to have fun. Darling, it is very nice"*.

— Не думаю, что они мне понравятся, — протянула Валя, уже представляя себе бессмысленные американские улыбки, прочные башмаки и их жизнь, преисполненную непростительного материального благополучия.

— Ну и глупо. Сперва познакомься, а уж потом решай. Я уже рассказала Джиму о тебе. Он и его друзья хотели бы с тобой встретиться.

— Джи-им, — с отвращением протянула Валя. — Звучит, как имя героя из глупого фильма. Дурацкое имя.

Таня устало пожала плечами, словно опустошенность и безволие Вали вдруг стали заразными. Потом взглянула на часы.

— Уже поздно, — сказала она. — Я назначила Джиму свидание.

Валю охватил страх. Страх остаться одной в этих мрачных комнатах, наедине со своей мрачной жизнью. Кто знает, какие возможности может открыть знакомство с американцами? А от бокала-другого вина беды не случится. Может быть, в гостинице подают хорошую еду. Она почувствовала, как впервые после долгих недель растительного существования в ней вновь пробуждается интерес к жизни. Конечно же, там ее ждет чудесная пища, приготовленная специально для иностранцев. В ее сознании на-

*Веселиться. Всегда веселиться. Милашка, все очень неплохо.

чали тесниться соблазнительные, хотя и не слишком отчетливые, видения.

— Ты права, — вдруг сказала Валя, — мне надо выйти на люди, вдохнуть свежего воздуха. Тогда я и спать стану лучше.

Таня вновь оживилась, и Валя поинтересовалась про себя, только ли из чувства давнишней привязанности упрашивала ее старая школьная подруга, или ей требовалась помощь при общении с богатыми иностранцами. А может, та выступала в качестве сводни? Впрочем, неважно.

— Они надолго в Москву? — поинтересовалась Валя, позволив одеялу соскользнуть с плеч. В глубине комнаты на экране телевизора мерцала карта далеких боев.

— Думаю, надолго, — ответила Таня. — Джим говорит, что сам точно не знает. Они здесь по делу. Какая-то торговая делегация, но ты не беспокойся. Они вовсе не такие скучные, какими ты представляешь себе американских бизнесменов. Они все друзья и постоянно рассказывают о том времени, когда вместе служили в армии.

Валентине вдруг показалось странным, почему так долго может находиться в Москве торговая делегация в то время, когда страна по уши увязла в войне. Но она быстро отбросила сомнения. Из тысяч статей, лекций и телепередач она вынесла стойкое убеждение, что американцы способны делать деньги на всем, даже на вспышках болезни и голода. К тому же Нарицкий наглядно продемонстрировал ей, насколько легко можно богатеть на войне. Возможно, именно из-за войны они здесь и торчат — тор-

гуют орудиями смерти. Валя не стала забивать себе голову.

— Мне надо помыться и привести в порядок голову.

— Верно, — счастливым голосом подхватила Татьяна. — И смотри, мойся как следует. Они на это очень обращают внимание. — Она наморщила носик. — Пока ты собираешься, я маленько приберусь в твоей конюшне.

Валя поспешила в крошечную спальню и принялась копаться в груде сваленной кучей одежды. Что достаточно чисто, чтобы одеть? Ей надо тщательно продумать цветовую гамму — последнее время она очень бледна.

Из соседней комнаты донеслось звяканье посуды, потом — укоризненный Танин голос:

— Валя, какая ты нехорошая девочка.

Райдер сидел у стойки бара. Один. Пил прокисшее бутылочное пиво. Он не собирался задерживаться здесь надолго, в номере его ожидало много работы. И все же позади остался очень трудный день, произошло много такого, что трудно разложить по полочкам и забыть. „Машины не чувствуют боли". И целый мир открывающихся новых возможностей. Он уже как можно яснее объяснил все своему начальству, и они тоже пришли в волнение. Командир подразделения сказал, что такой шанс бывает раз в жизни. И все же Райдер боялся, что они не до конца все понимали. Он страстно желал, чтобы они моментально придумали план действий, чтобы они без колебаний использовали новый метод в ведении боевых операций.

Райдер усмехнулся про себя, покручивая в руке полупустой стакан. „Чтобы эта машина не страдала напрасно". Он старательно избегал освещать эту сторону вопроса, подчеркивая взамен волшебным образом проявившуюся уязвимость противника. И теперь уже *им* предстояло запустить все колеса, создать план, который пошлет людей реализовывать открывшиеся возможности. Он знал, что ему такая работа не по плечу. Но, с другой стороны, он не мог уже отрешиться от этого проекта. Он чувствовал, что его роль до конца еще не сыграна.

Он отхлебнул согревшегося пива. Никогда особенно он не любил выпить. „Как абсурдно, — подумал он. — Все это абсурдно". Но на самом деле у него в голове крутилось другое слово, которое он никак не мог заставить себя произнести, — „жутко".

Весь мир теперь пронизан этим словом. Гостиничный бар, построенный давным-давно, в отчаянном приступе надежды, с потугами на элегантность, на деле обернувшейся только мрачной запущенностью, бархатные сиденья, добела вытертые бесчисленными задницами, медные детали, выщербленные и потускневшие. Лишь зеркало казалось по-настоящему древним, посерев из-за годами окутывавшего его сигаретного дыма. Именно в зеркале, поверх частокола бутылок, он впервые перехватил пристальный взгляд той женщины, и теперь воспоминание о ее глазах, на миг дольше, чем следовало, задержавшихся на его лице, не давало ему встать и уйти.

Он совсем было собрался возвратиться к себе, несмотря на то что проходившие мимо

офицеры не раз предлагали ему присоединиться к их столикам. Он был готов смириться с одиночеством, которое на самом деле вовсе не так уж и плохо, если заставить себя думать о нем логично. Готов вернуться в тесную, слишком жарко натопленную комнату, полную странных хлюпающих звуков, словно где-то рядом никак не мог откашляться старик. У него всегда было много работы, а работа оправдывает любые жертвы.

А ее взгляд остановил его. Слишком напряженный для такого тонкого лица. Он знал, что у нее карие глаза еще прежде, чем получше присмотрелся к ним в дымном полумраке бара. Она давно уже следила за его отражением в зеркале, и первая его мысль была — насколько чужда она здешней обстановке, зажатая в кабинке между двумя громогласными офицерами в плохо сидящих на них спортивных пиджаках. Наконец, широкий взмах чьей-то руки прервал протянувшуюся между ними через зеркало нить.

Похоже, ее спутником был пузатый подполковник, которого Райдер знал как профессионально беспомощного, политически подкованного и счастливого, оттого что оказался в чужой стране с полным карманом денег и без жены, типа. Райдер знал всех за тем столом: офицеры, не заслуживавшие его уважения. Он внешне помнил и вторую русскую, несмотря на то что редко задерживался в баре, — высокую, с копной отливавших металлическим блеском черных волос. Непременный член Международного клуба шлюх.

Он знал их всех — кроме этой девушки с тонкими чертами лица, с золотистой лентой,

пропущенной сквозь тяжелую массу волос. Она сидела молча, с лицом почти что грустным, а все более и более пьяные соседи ткали вокруг нее свою паутину. Ни веселье, ни незнакомцы, в компании которых она оказалась, похоже, не интересовали ее. Она походила на эфемерную сказочную принцессу, и Райдеру припомнилась циничная шутка одного уорент-офицера: что-де „большинство из них сделает все, что угодно, ради сытного обеда". Райдер испытал укол ревности при мысли, что такая женщина даром пропадает в подобном окружении.

Ее лицо снова скрылось в тени, и Райдер только смог увидеть, как она улыбнулась и произнесла неслышные ему слова.

Он уставился в свой бокал с пивом. Но в памяти он видел ее даже лучше, чем несколько мгновений назад. Ниже моментально запечатлевшихся в его мозгу лица и волос — длинная белая шея вела к обнаженным ключицам и отделанному кружевами лифу платья из тех, что были в моде в Штатах несколько лет назад. Красное платье, словно она в глубине души издевалась над ними всеми. Он покачал головой, говоря себе, что она по-настоящему красива, хотя и понимал, что преувеличивает. В чем-то ее лицо все-таки не дотягивало до классической красоты. Однако она, одна из всех женщин в переполненном баре, обладала властью встряхнуть Райдера, вырвать его из тонкой паутины, которой обволокла его ночь.

Ничего, конечно, не поделаешь. Ее окружали офицеры значительно выше его рангом. Но даже сиди она одна, он не осмелился бы приблизиться к ней. У него имелось сколько угодно

оправданий. Несмотря на то что никто не выполнял предписаний, им все же запрещалось устанавливать слишком тесные контакты с местным населением. Кроме того, любая из девушек могла оказаться сотрудницей КГБ. По слухам, в городе царила настоящая эпидемия венерических заболеваний. И в любом случае, что бы он ей предложил? В любой момент он может оказаться вдалеке отсюда. И у него слишком много работы, ему надо держать себя в постоянной готовности.

Он никогда не умел с легкостью заводить знакомства с женщинами. Приятели никак не могли его понять. „Господи, — сказал как-то ему старинный друг, — будь у меня твоя внешность, мой баловник уже стерся бы до основания". Почти все женщины, ставшие частью его жизни, практически всегда сами делали первый шаг — вроде Дженифер, которая поджидала его в коридоре у компьютерного класса. Как-то, пребывая в отличном расположении духа, в один из их самых лучших дней она сказала ему, что он сам не знает, какая он куколка. А потом развелась с ним.

И вот теперь никого не было рядом с ним, и ничего впереди, только пивные опивки, да еще одна московская ночь с астматическим гудением труб и эскападами соседей за стенами. Он посидел еще немного, позволив себе немного пофантазировать об этой женщине, с которой — он знал — они никогда ни единым словом не обменяются. Он представил себе ее жизнь и череду событий, вынудивших ее разменивать себя на болтливых пьяниц, что сидели за одним с ней столом.

Он представил, как она стоит в очереди за ошметками мяса. Очереди на улицах вытянулись так, что, казалось, они уже переплелись, переросли друг в друга настолько, что давно уже потерялись их начало и конец в ожидании, когда же откроется тот мифический магазин, которого на самом деле вовсе не существовало. Когда Райдер со своим советским коллегой ехали по улицам, того вид очередей нисколько не волновал.

— Русские, — заявил Савицкий, — ждут всю жизнь.

„Женщина, рожденная не в той стране", — подумал Райдер.

Он уже совсем решился оторваться от бара и от своих мечтаний, когда подполковник, зажавший женщину в угол, громко извинился и, качаясь, направился в сторону туалета. Райдер инстинктивно глянул в ту точку зеркала, где недавно встретились их глаза, и увидел, что она тоже встает. У него защемило в груди при мысли, что она сейчас последует за подполковником, что тот отправился вовсе не в туалет, а на заднюю лестницу гостиницы.

Но женщина удивила его. Она не пошла за человеком, на которого Райдер в своем воображении обрек ее. Вместо того она снова храбро поглядела в зеркало на отражение его глаз и двинулась прямо к бару.

Вся смелость, присущая его мечтам, вмиг покинула его. Он отвел взгляд в сторону и, как утопающий за соломинку, вцепился в свой пустой бокал.

Он чувствовал ее приближение. В волнении он уставился на живот бармена, покоившийся в

раковине для мытья посуды. Сергей, друг всех владельцев свободно конвертируемой валюты.

Рука, бесспорно женская, легко коснулась его плеча.

— Это место занято? — спросила женщина. Ему не требовалось ни смотреть на нее в зеркало, ни оборачиваться. Он знал, что это она. Он без малейших сомнений узнал ее голос, хотя раньше до него через всю переполненную комнату донесся только ее едва различимый смех.

— Н-нет, — заикаясь, выговорил он, наконец обернувшись. — Пожалуйста, садитесь.

Она из КГБ. Конечно. Без всякого сомнения. Другого логичного объяснения просто нет.

— Здравствуйте. Как поживаете? — спросила она, и только тут до Райдера дошло, что она говорит с ним по-английски. Ее голос звучал осторожно, с заученными ровными интонациями, словно она сомневалась в правильности выбора слов. Но, впервые разглядев ее поближе, он удивился, как она может испытывать неуверенность хоть в чем-то.

Часто, когда подходишь поближе к русской женщине, неожиданно плохая кожа либо дурные зубы оказываются для тебя неприятным сюрпризом. Но у этой девушки все идеально. Только очень бледная. Словно только что выздоровела после долгой болезни. За несколько, пожалуй, полноватыми губами — маленькие и ровные зубки. Она стояла близко, и исходящий от нее аромат дурманил ему голову.

— Я поживаю прекрасно, здравствуйте. А как вы? — ответил он автоматически.

Женщина присела рядом. Под платьем угадывались гладкие, изящные линии ее тела.

Слишком тонкая ткань для московской осени, застиранная почти до дыр. И сама она казалась чересчур хрупкой для мира, в котором ей приходилось жить. Но это такая страна, где даже красавицы не слишком хорошо едят.

— Сегодня я очень хорошо себя чувствую, спасибо, — произнесла женщина. — Могу ли я попросить у вас сигарету?

— Я не курю, — ответил Райдер, в тот миг пожалев об этом.

В глазах женщины появилось выражение неуверенности.

— Подождите, — воскликнул Райдер, — секундочку. — Он неохотно отвернулся от нее, словно опасаясь, что, лишившись его полного внимания, она тут же исчезнет. — Сергей! — позвал он.

Бармен, утверждавший, что любит американцев больше, чем всех остальных уважаемых клиентов, и постоянно интересовавшийся, почему американцы так мало сюда ездят, засеменил вдоль своей баррикады из полированного дерева.

— Слушаю вас, мистер.

— Пачку сигарет, — сказал ему Райдер и добавил: — „Мальборо", — вдруг припомнив, что именно эти западные сигареты незадолго до того переходили из рук в руки над стойкой.

— Ну что вы, не надо, — проговорила женщина голосом, лишенным убедительности.

— Пустяки, — ответил Райдер, доставая из бумажника доллары. — Между прочим, меня зовут Джефф.

Женщина взглянула на него. Темно-карие глаза, только выигрывающие от темных кругов

под ними. „Глаза, — подумал Райдер, чувствуя внезапное головокружение, — за которые любой мужчина с радостью пойдет на смерть".

— Я — Валентина, — медленно произнесла женщина. — Но зовут меня Валя. Укороченное имя, понимаете?

— Валя, — повторил Райдер. — Очень милое имя. — Он сознавал банальность своих слов, но не мог придумать ничего умнее и боялся, что тишина отпугнет ее.

Бармен принес сигареты.

— „Мальборо" вас устроят? — спросил Райдер.

— О да. Очень хорошо. — Женщина, казалось, немного нервничала, хотя Райдер понятия не имел, как такой привлекательный, такой отмеченный милостью Божьей человек может нервничать в подобной ситуации. Ему-то ведь просто не верилось, что она рядом. Как могли мужчины этой страны позволить ей ускользнуть от них?

Он снова подумал, что, возможно, она из КГБ, но ему не хотелось верить такому объяснению.

При ближайшем рассмотрении она показалась немного неухоженной. Но почему, он и сам не смог бы объяснить — этот маленький недостаток делал ее более привлекательной. На взгляд он определил ее возраст — под тридцать, почти столько, сколько ему.

„Ослепительная, — подумал он. — Не красавица, но ослепительная женщина".

Райдер долго возился с пачкой, неумело пытаясь открыть ее. Наконец с облегчением дал ей прикурить, воспользовавшись случаем слегка

придвинуться к ней и вдохнуть смесь запаха женского тела и дешевой парфюмерии.

— Спасибо, — поблагодарила она. — Вы очень добры, Джефф. — Она тоже произнесла его имя как „шеф". Незнакомое ей ранее слово.

— Вы очень хорошо говорите по-английски.

— Я учительница. Учу детей. Я нахожу детей очаровательными. Я учительница английского языка, который я люблю. Он очень интересный.

Райдер отчаянно пытался найти нужные слова в страхе, что она с минуты на минуту покинет его. Он до последней капли осушил свой бокал с пивом.

— Не желаете ли чего-нибудь выпить? Что вы предпочитаете?

— Большое спасибо. Но в этом нет необходимости. Я выпью пепси-колу с виски, пожалуйста.

Райдер заказал. И еще одно пиво.

Его запас тем для разговора снова иссяк. Женщина затянулась сигаретой, затем откинула назад голову, показав длинную белую шею и густые тяжелые волосы. На ней была цепочка с кулончиком в виде сердечка, как у школьницы, и он блестел на фоне ее кожи, как капелька крови. Валя выдохнула дым. Райдеру этот жест показался странным и экзотичным, словно взятым напрокат из очень старого фильма. В Штатах ни одна привлекательная женщина под страхом смерти не показалась бы на людях с сигаретой во рту.

— Вы очень симпатичная женщина, Валя, — сказал он, не в состоянии придумать что-нибудь еще и опасаясь, что зашел слишком далеко.

Она улыбнулась:

— Как мило с вашей стороны так говорить. Спасибо большое.

— Вы живете в Москве?

— О да. Я москвичка. Я родилась в Москве.

— У вас очень интересный город, — заметил Райдер.

Женщина слегка поморщилась:

— Мне он кажется не слишком уж интересным. Да и для вас он вряд ли очень интересен. Я думаю, Америка очень интересна.

— Вы бывали в Америке?

Она покачала головой, изобразив театральное отчаяние:

— Это не так уж просто, знаете ли. К тому же очень дорого. Но я думаю, вы смеетесь над нами здесь, в Москве. Мы очень бедные. Не такие, как вы там в Америке.

— Надеюсь, когда-нибудь вы сможете посетить Соединенные Штаты.

У женщины заблестели глаза:

— О да. Я бы хотела повидать Америку. В Америке есть все.

Похоже, она обладала талантом подавать такие реплики, после которых больше ничего не приходило в голову. А ему безумно хотелось продолжать беседу.

Принесли напитки, и еще несколько долларов перекочевало в руку бармена.

Женщина пригубила из бокала и затрясла головой, словно обжегшись:

— Он добавляет сюда слишком много виски. Мне нельзя столько пить. Сегодня я забыла пообедать.

— Возможно, вы предпочтете что-нибудь другое? — быстро спросил Райдер.

— Нет. О нет, — быстро ответила женщина, встревоженная его предложением. — Я уже счастлива. Спасибо.

У него язык чесался предложить ей пообедать вместе. Он тоже не ел, а время работы ресторана продлили специально для щедрых американцев. Его теперь не особенно волновала возможность ее принадлежности к КГБ. Он как-то не мог себе представить, чтобы именно вот эта женщина оказалась тайным агентом.

И все же он колебался.

Он все откладывал приглашение. Не столько потому, что боялся оказаться скомпрометированным, сколько из страха встретить отказ, из боязни, что предложение положит конец их встрече.

— Вы знакомы со многими американцами? — поинтересовался он.

— Нет, — ответила она и быстро добавила: — Я не часто хожу в такие гостиницы. Сегодня я пришла только затем, чтобы составить компанию подруге. Она меня пригласила.

Райдер про себя подумал, что ее подруга — не такая уж хорошая рекомендация. Но он отказывался плохо думать о женщине, сидящей рядом с ним. Она ни о чем его не просила. И он знал, что мало кто из собравшихся в баре женщин — настоящие проститутки. Американцы являли собой главное развлечение в нынешнее мрачное время. И кто может сказать, через что довелось пройти этой женщине в жизни? Он вдруг понял, что он и его товарищи оказались слишком скорыми на суждения.

Его молчание обеспокоило женщину, и она предложила новую тему, чтобы вдохнуть в разговор новую жизнь. — Я нахожу американцев очень дружелюбными.

Райдер кивнул и улыбнулся. Да. Конечно. Каждый американец здесь с радостью будет дружелюбен с этой женщиной.

В минуту, близкую к панике, сменившейся глубоким облегчением, он увидел подвыпившего подполковника, возвращавшегося к столику. Райдер не сомневался, что тот направится прямо к бару, обнаружив исчезновение спутницы, и заберет ее назад. Но он лишь потоптался с мгновение, а потом тяжело плюхнулся на место и потянулся за заждавшимся бокалом.

— Американцы очень дружелюбный народ, — согласился Райдер, слóвно он пришел к такому выводу после долгих размышлений. — В основном.

— Но вот вы один. Это не говорит о большом дружелюбии.

— Я не один, — улыбнулся Райдер. — Со мною вы.

Тень неудовольствия пробежала по ее лицу, и Райдер понял с прозорливостью человека, долгое время изучавшего иностранные языки, что своим ответом нарушил последовательность глаголов и существительных, заранее сложившуюся в ее голове.

— Вы не должны сидеть один, — упрямо продолжила она.

— У меня позади тяжелый день. Много работы.

— А в чем заключается ваша работа, Джефф?

— Я работаю с компьютерами.

Она на минуту задумалась.

— Очень интересно. Но не для меня. Математика никогда мне не давалась.

— Это больше чем просто математика, — сказал Райдер. Но он хотел увести разговор подальше от своей работы. Если она из КГБ, от него ей ничего не узнать.

— Послушайте, Валя, — решился он наконец. — Я еще не ел. Не составите ли вы мне компанию за обедом? Вы говорили, что тоже не пообедали.

Он преодолел свою трусость с налету, быстро выговорив необходимые слова. Но с последним слогом его обуял страх. Вот теперь она уйдет.

— Как мило с вашей стороны, — тут же отозвалась она. Ее ответ последовал так незамедлительно, что от волнения он едва его расслышал. Он все еще не мог поверить, что она подошла к нему, что сейчас сидит рядом с ним.

— Я буду очень рада, — продолжила она, — пообедать с вами.

— Великолепно, — сказал Райдер, при всей охватившей его радости чувствуя, что готов рисковать ради этой женщины гораздо в большей степени, чем когда-либо намеревался.

Валя очень старалась не есть слишком быстро. Она хотела казаться прекрасно воспитанной, элегантной. Но очень уж трудно достойно реагировать на американский мир. Чересчур хороша еда, чересчур ее много. Даже Нарицкий, при всех его связях на черном рынке, не мог

доставать мясо такого качества. Валя никогда не пробовала ничего подобного, и с каждым куском — а как трудно было заставлять себя тщательно жевать его, а не глотать сразу — в ней росло чувство благодарности вперемешку с гневом. Качество пищи, подаваемой иностранцам в ее родном городе, казалось унизительным для человека, никогда не знавшего такой жизни. Она резала бифштекс на крошечные элегантные кусочки, а сама хотела схватить его руками и рвать зубами, как дикарка. Валя поняла, что и сама не подозревала, насколько в самом деле она голодна, пока официант не поставил перед ней тарелку.

— Еда очень хорошая, — сообщила она американцу. — Большое спасибо.

Тот кивнул:

— Рад, что вам понравилось. Как я хотел бы угостить вас настоящим американским бифштексом, прямо с боен Канзас-Сити. Вы бы язык проглотили.

Из его слов следовало, что американское мясо еще лучше. Но Валя не могла представить себе такого. Ей ни разу не доводилось пробовать такого мяса, она даже не подозревала, что подобное вообще бывает. А американец, похоже, находит его не слишком уж и хорошим. Он только ковырялся в своей тарелке. Это ее разозлило.

Возможно, он просто показушник, как почти все они. Не только американцы, вообще мужики. И все же этот казался особенным. Такой скромный, все старается угодить.

Зажатая между мужланами, с которыми познакомила ее Татьяна, Валя долго наблюдала за

его отражением в зеркале, пока он наконец ее не заметил. Очень красивый чисто американской, какой-то мальчишеской красотой, и сперва она решила, что он сидит один из гордости. Но в его движениях сквозила неуверенность, а когда их глаза наконец встретились, она не увидела в его лице того волчьего выражения, которое неминуемо присутствовало бы у такого красавца, будь он русским.

Возможно, он действительно хороший человек, порядочный и щедрый. Но тогда почему он дурно отзывается о лучшей еде, какую она когда-либо пробовала?

— Очень вкусно, — повторила Валя вежливо, но твердо.

Похоже, он почувствовал, что сделал неверный шаг.

— Да, конечно, неплохо. Они здесь стараются как могут. Хотите еще картошки? Я свою все равно не осилю.

— Нет, — соврала Валя. — Я слишком много всего съела. Спасибо.

Ей хотелось закрыть глаза и прислушаться к чудесной мелодии, заигравшей во всем ее теле. Она подцепила на вилку овощи в густом соусе, стараясь не капнуть на платье. Вале казалось, что она все бы отдала, даже пошла бы на преступление, ради хотя бы еще одного такого обеда.

Она следила за ним, сидящим за стойкой бара, и наконец решилась. Свиньям, которых подсунула ей Таня, явно требовалось только одно. В них не было будущего. От них ничего хорошего не дождешься. Но вот мальчишеского

вида красавчик у бара... Пожалуй, в нем что-то есть. Достаточно молод, чтобы казаться свободным, чтобы иметь в будущем больше, чем в прошлом. Валя решила, что стоит попробовать. В худшем случае она все равно избежит противных лап старого пьяницы.

— Хотите еще чуть-чуть вина? — спросил он, уже взявшись за бутылку.

— О да. Пожалуйста. Видите, оно очень хорошее. Русское вино. Его делают в Крыму.

От нее не укрылось облачко, пробежавшее по его лицу, знак несогласия. Что с ним такое? Чего ему надо? Чего он еще может желать?

Валя решила, что он просто пытается произвести на нее впечатление. Ну и пусть — не самый худший способ. Он еще такой мальчик, а хочет, чтобы она видела в нем мужчину.

Валя снова сделала над собой усилие, чтобы не торопиться и перестать лопать, как изголодавшаяся дворняжка. В наказание за плохое поведение она заставила себя на минуту отложить в сторону нож и вилку и заговорить с американцем.

— Джефф, вы такой милый. Наверное, вы женаты, верно?

Она внимательно следила за выражением его лица. Никаких неприятных перемен: ни внезапного смущения, ни глупой таинственности. Только едва заметное напряжение и отблеск боли в глазах.

— Нет, — медленно произнес он, — я не женат. Был. Но сейчас — нет.

— О, простите. Ваша жена умерла?

Он слегка улыбнулся, и выражение боли исчезло.

— Нет. Все не так страшно. Мы просто не подошли друг другу. Мы развелись.

„Наверное, какая-нибудь бессовестная американская шлюха, — решила Валя. — Стерва, у которой столько много всего, что она может себе позволить разбрасываться мужьями направо и налево".

— У вас есть дети?

— Нет, — сказал он. — Думаю, в этом нам повезло.

Затем он сменил тон и наклонился к ней поближе.

— А вы? Не могу поверить, что вы не замужем.

Валя проглотила еду и ответила ему очень серьезным взглядом.

— Мой муж погиб, — соврала она. — В самый первый день войны.

Он вжался в спинку стула и вытянулся как струна.

— Валя, простите...

— Я не хотела бы говорить об этом, — сказала она. — Сегодня я впервые провожу вечер вне дома. Моя подруга решила, что мне надо развлечься.

— Конечно, — пробормотал он. — Я только...

— Неважно. Расскажите мне о вашей жене, — попросила Валя, хотя ей вовсе не хотелось слышать о ней. — Наверное, она очень плохая женщина. — Тут она отправила в рот кусочек мяса, уверенная, что теперь-то он будет говорить долго.

— Дженифер? — переспросил американец. — Нет, Дженифер вовсе не плохая. Мы

просто смотрели на мир разными глазами. — Он улыбнулся. — В Америке ходит шутка, что каждый имеет право на один пробный брак. Наверное, я использовал свою попытку.

Валя в спешке проглотила кусок.

— Значит, вы собираетесь жениться снова?

— Не знаю. Возможно, если встречу подходящую женщину. Я пока об этом не думаю.

— Может, вы все еще любите ее?

Американец задумался на мгновение:

— Нет. Думаю, я ею уже переболел. Нам порой бывало хорошо. И, пожалуй, я продолжал любить ее еще долго после того, как она разлюбила меня. Но теперь все кончено.

— Я считаю, вы должны встретить очень хорошую женщину.

Американец улыбнулся. У него была замечательная мальчишеская улыбка.

— Или она встретит меня. — Он долил еще вина, наполнив ее бокал почти до краев.

Внезапно ее желудок сжало, как в тисках. Кошмарная, острая боль пронзила все ее тело. Валя перестала жевать и застыла с широко раскрытыми глазами. Потом боль отступила, оставив ее опустошенной и ослабевшей, с капельками пота, блестевшими на лбу. Ее правая рука намертво вцепилась в скатерть.

Она заставила себя продолжать жевать.

— С вами все в порядке? — спросил американец.

Валя кивнула.

— Все хорошо. Никаких проблем. — Она потянулась за бокалом, полным вина. — По-моему, здесь очень жарко.

Когда она подносила бокал к губам, боль второй раз полоснула ножом по животу. Она тихонько застонала, не в силах ничего сделать. Первый приступ заставил ее широко раскрыть глаза. Теперь ей пришлось закрыть их. Валя сглотнула слюну, чувствуя себя совершенно несчастной. Она ругала себя последними словами.

— Валя!

Она чувствовала, как холодный пот выступил у нее на лбу и висках. Потом ее пронзила еще более острая и невыносимая боль, и Валя поняла, что весь мир вокруг нее разваливается на части.

— Пожалуйста, простите. Мне надо выйти.

В спешке она уже не заботилась о правильном произношении и ударениях. Встала, едва сдерживая слезы и надеясь только на то, что ей все-таки удастся не опозориться до конца. Непослушной рукой она потянулась за сумочкой, но ощутила под пальцами только ткань скатерти да жесткий стул.

Времени не оставалось. Она быстро зашагала через весь зал с заученным достоинством отчаяния, от которого лишь один шаг до позора, направляясь к ближайшему официанту, с которым можно общаться на родном языке.

Официант холодно указал ей дорогу, не трудясь оставаться вежливым теперь, когда она разлучилась со своим иностранцем.

Валя поспешила дальше, чувствуя все большее головокружение и слабость, надеясь не сбиться с пути. Она понимала, что у нее в запасе нет лишних секунд на то, чтобы заблудиться.

Темный холл, прижатый к полу металлическими прутьями ковер, облупившаяся краска на старинной, огромных размеров двери. Она рванулась внутрь, мимо толстой средних лет женщины, сидевшей на страже у стопки полотенец и блюдца с мелочью. На бегу Валя успела отметить быструю смену выражений на лице женщины. Сперва неудовольствие, потом неестественная натянутая улыбка в надежде на чаевые и, наконец, злоба.

Валя метнулась в первую же кабинку. С ходу упала на колени, еще не зная, с чего начать. Позади, за невидимой пеленой, отделявшей Валю от всего остального мира, до нее доносились негодующие вопли смотрительницы. Та прошла за ней следом, и какой-то частью сознания Валя чувствовала, как она нависает над ней, выкрикивая оскорбления. Но все это происходило где-то слишком далеко, чтобы обращать внимание. Сейчас девушку занимало только ее нынешнее ужасное состояние. Огонь в желудке и боль в горле, казалось, существовали вне времени.

Потом все замедлилось, осталась только вонь. Смотрительница махнула на нее рукой и, ворча, удалилась в свою будку. Валя сидела на треснутом унитазе, не в силах даже посмотреть, что случилось с ее драгоценным платьем. Собрав всю оставшуюся энергию, она потянула за ручку унитаза, чтобы смыть следы ее позора. Потом снова без сил уселась на прежнее место.

Физическая боль отошла, сменившись мучительными мыслями о пережитом сраме. Жрала, как животное. Слишком много еды, и еды слиш-

ком жирной. Невообразимо вкусная еда, и даже сейчас, ощущая во рту кислый привкус тошноты, она все равно надеялась, что в ее жизни еще будет такая пища.

Она глубоко вздохнула несколько раз, наконец встала. Ноги сперва плохо слушались, но уже стало ясно, что с ней не произошло ничего серьезного — просто вытошнило от обжорства, как ребенка, переевшего сладостей.

Она задрала платье, чтобы поправить чулки. И ноги, всю жизнь казавшиеся ей длинными и стройными, вдруг показались просто худыми. Запястья костлявые. И это в мире, в городе, где столько скрытого изобилия. Валя вдруг поняла, как даром проходит ее красота, да и сама жизнь.

Она приблизилась к смотрительнице, мрачно сидевшей на своем посту.

— Пожалуйста, — произнесла она, одновременно разглаживая рукой платье, — дайте мне полотенце. Я оставила сумочку в зале. Мне было плохо.

Женщина, преисполненная сознанием собственной власти, неприязненно оглядела Валю с ног до головы.

— Полотенце, — бросила она, — стоит пятьдесят копеек.

— Знаю, — умоляла Валя. — Я понимаю. Но прошу вас, мне надо привести себя в порядок. Я не могу так уйти отсюда, мне необходимо умыться.

Смотрительница положила волосатую руку на стопку полотенец и взглянула на Валю с ненавистью, которая копилась всю ее жизнь.

— Пятьдесят копеек, — повторила она.

Устав бороться, Валентина отстегнула с руки часы. Замечательные японские часы, подаренные ей Нарицким по возвращении из одной из его деловых поездок. „За хорошее поведение", — сказал он. Свинья.

Она швырнула часы в жирную ладонь смотрительницы. Пальцы разжались, схватили часы, тут же спрятали добычу среди складок юбки.

Валя взяла полотенце.

Она в спешке умылась, попыталась сполоснуть рот и причесаться как можно аккуратнее. В зеркале она показалась себе очень бледной. „Но не такая уж страшная", — успокоила она себя. Просто она чувствовала себя опустошенной и измотанной. Всего лишь через десять минут после приступа она уже ощутила возвращение голода. Валя сказала себе, что вернется, сядет за стол, тихо и спокойно улыбнется и сделает вид, будто ровным счетом ничего не произошло. Даже если американец и пойдет на попятную, она, по крайней мере, доест свой обед. С паршивой овцы хоть шерсти клок.

Она еще раз вдохнула полной грудью. У двери смотрительница безуспешно пыталась застегнуть браслет на жирной руке. Валя устремилась назад в ресторан.

К невообразимому ее облегчению, американец все еще сидел за столом. Он явно оживился, увидев ее. Она расправила плечи и замедлила шаг, ощутив прилив уверенности, что все кончится хорошо.

И тут она заметила, что еда исчезла. Со стола убрали все, кроме вина. И еще полупустой пачки сигарет, которую она измяла от волнения.

Чудесная, невыразимо замечательная еда пропала. Валя продолжала идти к столу, пытаясь улыбаться, уверить американца, что все в порядке. Он неловко вскочил, поспешно отодвинул для нее стул, и она села, как механическая кукла. Не веря своим глазам, уставилась Валя на белую пустыню скатерти. Великолепная еда исчезла. Ей казалось, что никогда в жизни ее желудок не был таким пустым.

Она начала беспомощно плакать. У нее даже не оставалось сил для того, чтобы как следует на себя рассердиться. Она просто сидела и тихо плакала, уткнувшись лицом в ладони, вся уйдя в свою слабость и сознание того, что в ее жизни больше никогда не случится ничего хорошего.

— Валя, — говорил американец своим ровным, твердым голосом. — Что произошло? Могу я чем-нибудь вам помочь?

„Увези меня. Пожалуйста. Забери меня в свою Америку, и я все для тебя сделаю. Все. Абсолютно все, что ты захочешь".

— Нет, — ответила Валя, подавив рыдания. — Ничего. Это так, пустяк.

Его челюсти двигались с трудом, и распухшие губы едва выговаривали слова. Он посмотрел снизу вверх на своего мучителя сквозь щелочки заплывших глаз. В помещении царил полумрак, к тому же после побоев он уже почти не мог сфокусировать взгляд на лице майора КГБ, ходившего кругами, то пропадая в тени, то выходя на свет, вокруг стола, на котором сидел Бабрышкин с крепко связанными за спиной руками. Огромный человек, чудовище в мундире, дьявол.

— Никогда, — повторил Бабрышкин, стараясь четко выговаривать слова в надежде не растерять последние остатки своего достоинства. — Я никогда не имел таких контактов.

Гигантская тень нависла над ним. Огромный кулак вынырнул из темноты и обрушился на его голову.

Стул едва не опрокинулся. У Бабрышкина круги пошли перед глазами. Он изо всех сил старался удержаться в вертикальном положении. Он ничего не понимал. Бред, сумасшествие.

— Когда, — орал майор КГБ, — ты впервые установил контакт с бандой предателей? Мы не пытаемся выявить степень твоей вины. Мы знаем, что ты виновен. Нам нужно выяснить только время. — Мимоходом он стукнул Бабрышкина по затылку. На сей раз то был не настоящий удар. Так, ничего не значащий жест. — Как давно ты с ними сотрудничаешь?

„Чтоб ты сдох, — яростно подумал Бабрышкин. — Чтоб ты сдох".

— Товарищ майор, — начал он твердо.

Тот раскрытой ладонью ударил его по губам.

— Я тебе не товарищ, предатель.

— Я не предатель. Я с боями прошел более тысячи километров.

Внутренне напрягшись, Бабрышкин ждал удара. Но на сей раз его не последовало. Их не предугадаешь. Удивительно, как они ловко устанавливают над тобой полный контроль.

— Хочешь сказать, ты отступал тысячу километров?

— Нам приказывали отступать.

Кагэбэшник презрительно фыркнул:

— Да. А когда приказ наконец пришел, ты лично отказался его выполнять. Открыто. Когда твои танки требовались для того, чтобы восстановить линию обороны, ты сознательно задержал их. Ты сотрудничал с врагом, тому есть достаточно свидетельств. И ты сам уже признался в невыполнении приказа.

— А что мне оставалось делать? — вскричал Бабрышкин, не в силах больше держать себя в руках. Он слышал, что его слова, такие отчетливые в его сознании, звучали практически неразборчиво, срываясь с разбитых губ. Он языком слизнул с них кровь, при разговоре они терлись об оставшиеся во рту зубы. — Мы не могли бросить там наших соотечественников. Их зверски убивали. Я не мог их оставить.

Майор замедлил шаги. Теперь между ним и Бабрышкиным стоял стол, и майор ходил со сложенными на груди руками. Бабрышкин радовался даже этому короткому, возможно непредумышленному, перерыву между избиениями.

— Бывают времена, — твердо отчеканил майор, — когда важно сконцентрироваться на высшей цели. Твои командиры понимают это. Но ты сознательно выбрал неподчинение, тем самым нанося ущерб нашей обороноспособности. Что, если все решат не подчиняться приказам? И в любом случае тебе не спрятаться за спину народа. Тебе дела нет до народа. Ты нарочно тянул, выискивая возможность сдать часть врагу.

— Ложь!

Майор прервал хождение по цементному полу кабинета.

— Правда, — сказал он, — не нуждается в крике. Кричат только лжецы.

— Ложь, — повторил Бабрышкин новым для него отрешенным голосом. Он покачал головой, и ему показалось, что на его плечах шевелится нечто огромное, тяжелое и разрывающееся от боли. — Это все... ложь. Мы сражались. Мы сражались до конца.

— Ты сражался ровно столько, сколько нужно, чтобы отвести от себя подозрения. А потом преднамеренно подставил своих подчиненных под химический удар в заранее обговоренном месте, где ты собрал как можно больше невинных гражданских лиц.

Бабрышкин закрыл глаза. „Сумасшествие", — произнес он почти шепотом, не в силах поверить, как этот человек в чистеньком мундире, явно никогда и близко не подходивший к передовой, может настолько исказить правду.

— Сумасшествие — обманывать собственный народ, — объявил кагэбэшник.

Снаружи донеслись звуки выстрелов. Стрельба шла с перерывами, и только из советского оружия. Бабрышкин понял, что там происходит. Но даже и сейчас он не мог поверить, что и его ждет такая же судьба.

— Итак, — продолжил офицер КГБ, глубоко вздохнув, — я хочу, чтобы ты рассказал мне, когда ты впервые установил тайные связи с шайкой изменников Родины в твоем гарнизоне...

Бабрышкин вернулся мыслями к событиям последних недель. Перед его внутренним взором прошла как бы пленка кинохроники, непоследовательно смонтированная и запущенная на

предельной скорости. Самая первая ночь, когда солдаты местного гарнизона, расположенного бок о бок с его собственным, едва не захватили казармы и автопарки бабрышкинской части. Люди дрались в темноте ножами и кулаками против автоматов. В ночи трудно было отличить своих от одетых в такую же форму чужих. Запылали пожары. Потом — бросок на танках в центр города на спасение штабистов, но их уже всех перерезали. Предпринимаемые одна за одной попытки организовать оборону, каждый раз запоздалые. Враг все время то заходил с фланга, то оказывался в тылу. Он с ужасом вспомнил вражеские танки, раненых, потерянных в безумной суете, убитых мирных жителей, чье число теперь уже не установишь. Вспомнил гибель последних беженцев и худую как тень женщину с покрытыми вшами детьми у него в танке. Героизм, беспомощность и смерть, страх и бездарные решения, отчаяние — все было там. Все, кроме предательства.

Наконец он довел свою потрёпанную в боях часть до спешно созданной оборонительной линии советских войск южнее Петропавловска. Они подошли к ней в сумерках, посылая по радио отчаянные сигналы, чтобы его избитые машины по ошибке не обстреляли свои же. А затем они оказались уже за передовой линией и потянулись в тыл для ремонта, возможно, на переформирование, но по-прежнему горя желанием в любой миг развернуться и, в случае необходимости, драться снова. Но в нескольких километрах от оборонительных позиций колонну остановили на контрольном посту КГБ. Кто

командир? Где замполит? Где штаб? Прежде чем Бабрышкин успел хоть что-нибудь понять, его и его офицеров согнали в кучу и разоружили, а машины двинулись дальше в тыл под началом офицеров КГБ, которые даже не могли отдать ни одной правильной команды.

Едва танки скрылись в клубах пыли, как всех офицеров связали, завязали им глаза и заткнули рты. Некоторые, в том числе Бабрышкин, возмущенно протестовали, пока подполковник КГБ не вытащил пистолет и не прострелил голову одному особо неугомонному капитану. Это так потрясло их всех, полагавших, что они наконец оказались пусть в относительной, но все же безопасности, что весь остаток пути до дознавательного центра они вели себя послушно, как овцы. Когда их, все еще с завязанными глазами и связанными руками, заставляли выпрыгивать из кузовов грузовиков, многие из офицеров, прошедших с боями до полутора тысяч километров, поломали себе руки и ноги. Наконец у них с глаз сняли повязки, чтобы достичь рассчитанного эффекта: они оказались во внутреннем дворике деревенского школьного комплекса, и первое, что бросилось им в глаза, были сваленные в беспорядке трупы — все советских офицеров, — лежавшие вдоль стен. Тем, кто получил переломы, покидая грузовики, пришлось тащиться без всякой посторонней помощи мимо этой жуткой выставки.

Все поняли ее смысл.

Бабрышкину доводилось когда-то слышать, что одно из правил ведения допроса — не давать арестованным общаться между собой. Но

в здании не хватало комнат. Их всех вместе загнали в вонючий класс, уже битком набитый другими арестантами. Окна в помещении были наспех забиты щитами, и даже ведра для отправления естественных потребностей напуганных людей туда не поставили.

Порой офицеров не разводили даже во время допросов. Бабрышкин впервые узнал ужас допроса, когда его впихнули в комнату, где уже находился его замполит. Тот смотрел затуманенным взором и при виде Бабрышкина отшатнулся, словно увидел самого сатану.

— Это он, — завопил замполит, — он во всем виноват. Я убеждал его выполнить приказ. Я говорил ему. А он отказался, он виноват. Он даже возил женщину в танке для собственной утехи.

— А почему ты не принял на себя командование? — тихо спросил следователь.

— Я не мог, — в ужасе ответил замполит. — Они все стояли за него. Я пытался исполнить свой долг. Но они были все заодно.

— Он врет, — быстро сказал Бабрышкин вопреки собственному намерению помолчать, пока не поймет получше, что тут происходит. — Я беру на себя полную ответственность за все действия моих офицеров. Действия моего подразделения явились результатом моих, и только моих, решений.

Следователь ударил его по лицу затвердевшей рукой с большим кольцом.

— Тебя никто ни о чем не спрашивал. Арестованные говорят только тогда, когда им задают вопрос.

— Они все были заодно, — повторил замполит.

Но следователь уже переключил с него свое внимание.

— Так... командир, который даже возит с собой бабу. Приятная, наверное, война.

— Чепуха, — холодно отозвался Бабрышкин. — То была беженка с грудным младенцем и маленьким сыном. Она выбилась из сил, ее ждала верная смерть.

Следователь поднял бровь и скрестил на груди руки.

— И ты решил спасти ее по доброте душевной? Но почему именно ее? Может, она тоже агент? Или просто хорошенькая?

Бабрышкин припомнил кошмарно истощенную женщину, ее крики, когда она выглянула из танка и увидела последствия химической атаки. Что ж, по крайней мере, она теперь в безопасности. Ее оставили на сборном пункте беженцев вместе с ее умирающим от голода младенцем и завшивевшим мальчиком со сломанной рукой. И, думая о ней, он поймал себя на том, что в его воображении ее изможденное лицо стало меняться, превращаться в тонкое, ясное, милое личико Вали. Валя... Интересно, увидит ли он ее когда-нибудь еще? И на короткий миг она показалась ему гораздо более реальной, чем все окружающее безумие.

— Нет, — ровным голосом ответил Бабрышкин. — Она не была хорошенькая.

— Значит, шпионка? Сообщница, которую тебе следовало встретить и эвакуировать?

Бабрышкин расхохотался от нелепости такого предпожения.

Офицеру КГБ не требовались помощники, чтобы делать за него грязную работу. Он с размаху ударил Бабрышкина по лицу, выбив ему несколько передних зубов. В отличие от кино, где люди могли драться до бесконечности, не причиняя друг другу серьезного вреда, его кулаки никогда не били впустую. Сначала в зубы, потом в скулу, в ухо, под глаз. Стул опрокинулся, и Бабрышкин оказался на полу. Майор пнул его ногой в челюсть, затем в живот. Именно в тот момент Бабрышкин осознал, что скоро его ждет смерть, и решил, по крайней мере, умереть достойно.

Сквозь застилавший глаза кровавый туман он посмотрел на дрожавшего замполита и слегка улыбнулся изуродованными губами, испытывая нечто близкое к жалости к несчастному слабаку. Он ведь знал, что скоро они вместе окажутся во все растущей груде тел на школьном дворе, и ничто не спасет ни того, ни другого. Система сошла с ума. Она начала пожирать сама себя, как обезумевшее животное.

После еще одного пинка Бабрышкин потерял сознание. Когда через какое-то время он пришел в себя, то оказался уже наедине со следователем. „Неправда, — подумал Бабрышкин, — Бог все-таки есть. И вот какое у него лицо".

Бабрышкина усадили на стул, руки связали за спиной, чтобы он не мог снова упасть. Опять посыпались вопросы, бредовые, дикие вопросы, начинающиеся с правды и чудовищно извращающие ее, извлекая из нее такие невероятные выводы, что они казались почти неопровержимыми.

— Когда ты впервые решил предать Советский Союз? Кто были твои самые первые сообщники? Какие цели ты перед собой ставил? Ты действовал из идейных соображений или руководствовался исключительно корыстными мотивами? Как долго ты готовил заговор? Со сколькими иностранцами ты имел связь? В чем заключаются твои нынешние задачи?

Ни разу не возник вопрос, виновен он или нет. Виновность подразумевалась сама собой. Бабрышкин слышал, что подобное уже случалось когда-то давно, в самые мрачные годы двадцатого столетия, но он никак не ожидал столкнуться с тем же при жизни своего поколения.

Он пытался рассказать свою историю честно, без прикрас. Он старался пояснить простую логику своих поступков, объяснить этой накрахмаленной тыловой крысе, что такое настоящий бой и как он диктует действия людей. Но в ответ на него только сыпались новые удары. Иногда майор КГБ дослушивал его до конца, прежде чем наброситься на него, а иногда сжимал свои толстые, украшенные кольцами пальцы в кулак и обрушивал его на свою жертву при первых же звуках, произносимых Бабрышкиным.

Бабрышкин изо всех сил старался не терять контроль над собой. Он поставил себе цель — проследить, чтобы обвинение не пало ни на кого из его подчиненных, чтобы все происшедшее было признано результатом только его решений. Но ему становилось все труднее и труднее формулировать свои мысли. И время от вре-

мени начинавшаяся стрельба за окном сбивала его. По мере того как следователь снова и снова повторял одни и те же вопросы, ему все труднее было сосредоточиться. А следователь цеплялся даже за малейшие неточности в его показаниях.

Когда избиения становились совсем уж невыносимыми, он пытался отключиться от происходящего, думать только о том, что любил превыше всего на свете. Он долго считал, что первое место в его жизни занимает армия, но теперь вдруг с предельной ясностью осознал, что важнее всего для него — Валя. Даже мать, погибшая в годы эпидемии, не значила для него так много. Умирать было невыразимо страшно. И все же Юрий знал, что в смерти нет ничего жуткого. Он видел на своем веку столько смертей... Только ему казалось неоправданно жестоким, просто невыносимым, что перед смертью он не сможет еще хоть разок поглядеть на свою жену.

Он испытывал облегчение от того, что ему задавали вопросы исключительно военного характера. Майор КГБ ни разу не спросил о его семье или о гражданских друзьях. Бабрышкин предполагал, что такие вопросы — для более неторопливых допросов мирного времени. Теперь же их интересовала только война и все с ней связанное. Он радовался этому. В смерти нет ничего страшного. Правда, Юрий предпочел бы погибнуть в бою, дорого продать свою жизнь. Но он все больше убеждался, что как ты умрешь — в основном дело случая. Возможно, в действительности все смерти одинаковы. Главное, лишь бы Валю сюда не втянули, лишь бы

она не пострадала. Он знал — и вспоминал без злобы, что однажды она ему изменила. Возможно, она неверна ему и сейчас. Но это все не важно. Она такая необыкновенная девушка... И поскольку Юрий верил, что тогда она изменила ему только из вредности, только, чтобы досадить, ему было бы не так больно. Другое дело, если бы она действительно полюбила другого. К тому же он знал, что сам часто нарушал свои обещания, что не раз обижал ее. Они жили в стране неисполненных обещаний. И он подозревал, что Валя на самом деле гораздо более беззащитна, чем она сама полагает.

Он заключил сделку с Богом. Не с тем маленьким, мимолетным божком, чей кулак раз за разом обрушивался на него, а с иным Богом, который все-таки, может быть, существует где-то там, наверху. Должен существовать. Он с готовностью умрет, лишь бы беда обошла Валю стороной. Лишь бы дело кончилось только тем, что он просто превратится еще в один труп. Юрий думал о Вале: о запахе любви и лилий, о маленькой врунье, считающей себя такой сильной, и преисполнился жалости к ней. Он мало что мог дать ей — только спасти от судьбы, подобной своей.

Юрию больше не удавалось контролировать свои мысли. Валя превратилась в беженку с печатью смерти на лице. Все вокруг умирали. Умирал сам мир. Хаос. Женский вопль над устланной трупами степью. Все, кто еще не умер, вот-вот умрут. Да здравствует музыка последнего крика!

Бабрышкин снова пришел в сознание. Он приподнял голову, чувствуя, что его череп раз-

росся до невероятных размеров, а сам он превратился в заключенное внутри него крошечное существо. Теперь у него открывался только один глаз. Но он сумел заметить, что в кабинете помимо следователя появились еще люди.

Форма. Оружие. Его солдаты. Они пришли спасти его. Он все-таки еще увидит Валю. И они пройдут вдвоем над рекой, поднимутся на Ленинские горы, а потом пройдут через университетские сады. И серая, печальная Москва покажется им прекрасной в лучах солнечного света. Валя... Как она стала близка ему сейчас!

Юрий увидел, как следователь склонился над столом, затем распрямился и сунул одному из солдат листок бумаги.

— Враг народа, — произнес он. — Расстрелять.

Райдер лежал, положив правую руку на маленькую грудь женщины. Он высоко задрал голову на подушке, чтобы ее растрепанные волосы не щекотали ему нос и рот. Он не закрывал глаза. Сегодня темнота была не для сна, и он крепко прижимал к себе незнакомку, околдованный теплом и молочным ароматом ее тела, горьковатым запахом жидкости, которую они пролили на простыни, женской удивительной хрупкостью. Его ладонь то заполнялась ее телом, то пустела в ритм ее дыханию. Он пытался сосредоточиться, запечатлеть в своей памяти реальность ее плоти, чтобы удержать ее после того, как она уйдет. Но его мысли разбегались. Райдер не мог понять, почему появление в его постели этой женщины из другой страны пробудило в нем столько воспоминаний.

По здравому размышлению, сейчас имело значение только соприкосновение их тел. Но он лежал в сырой от их пота постели и вспоминал вечеринки и тревожные, довольно-таки редкие радости молодости, проведенной в маленьком городке, в стороне от больших дорог. Смешливых девчонок, собиравшихся на автостоянке у мелочной лавки, и яростные схватки школьных спортивных команд, приносящих недолговечную славу городам, упустившим свой шанс во всем остальном. Неловкие, жадные, страстные поцелуи, длившиеся бесконечно, пока наконец — неожиданно, внезапно — истомившаяся девчонка не соглашалась на любовь. Слова тут бессильны. Нет на Земле места более одинокого и более необъятного, чем Небраска октябрьским вечером.

Иногда девчонки делали вид, будто не понимают, куда ты клонишь, а другие все знали на удивление хорошо. Менялись только названия телевизионных шоу да модели модных машин, да и те, если вдуматься, тоже не менялись. Райдер не мог понять, откуда у русской женщины из убогого гостиничного номера взялось столько силы, чтобы заставить его вновь почувствовать запах давно ушедших субботних вечеров, увидеть былые промахи и поражения, свои и других, таких, как он.

Ему вспомнилась девчушка, которая, набравшись смелости, твердо сказала ему, что пойдет с ним, что она всегда будет любить только его одного. И она тоже сейчас лежала рядом с ним, ближе чем на расстоянии вытянутой руки, и он снова видел белизну ее ног в машине, поздно

ночью остановившейся далеко от города, от всего мира. Только минуту назад он неловко вошел в нее, и она хватала его за плечи и кричала, боясь помочь ему, боясь не пустить его, потому что она любила его, и только его, и навсегда его одного, и ее голые ноги казались такими белыми под флюоресцирующими облаками, а глаза ее, влажные и темные, смотрели вдаль, а голова лежала на сиденье машины. „Дети, — подумал он, улыбаясь тихой грустной улыбкой, — всего лишь дети". И он вновь услышал голос, повторявший без конца: „Только ты, только ты..." Вспомнил темные волосы и холодный степной ветер, который пытался прорваться внутрь машины и проучить их. Он помнил, как испуганно отдернулась ее детская рука, случайно дотронувшись до него. Он помнил ее прекрасно, до мельчайших подробностей, ее храбрость женщины и скромность девочки из хорошей семьи. Потом ее волнение, не догадаются ли родители обо всем — по ее платью или по глазам. Только вот имени ее он не помнил.

Изящная, совсем не похожая на ту девчонку женщина, что лежала сейчас в его постели, пробормотала во сне какое-то иностранное слово и слегка пошевелилась, тем самым вернув ему яркие воспоминания об их совсем не такой далекой и гораздо менее невинной близости. „Нет, — подумал он. — Я слишком уж строго сужу". Как раз ее попытки казаться многоопытной и делали ее в его глазах до смешного невинной. В его комнате, после первых поцелуев, когда они поняли друг друга без слов, она начала исполнять жалкий в своей неумелости

стриптиз, корча гримаски из дешевого фильма, закрывая глаза в пародии на самозабвение, в то же время явно стараясь не повредить ничего из предметов своего туалета. В скудном освещении она казалась не столько бесстыдной, сколько отчаявшейся, замерзшей и худой в своем белье. Он заключил ее в объятия скорее для того, чтобы остановить, нежели в порыве страсти.

Однако, прижавшись к нему, она ожила. На стадии, предшествующей сексу, она вела себя с полным бесстыдством и почти с яростью. Там, где он предпочел бы нежность и неторопливую ласку, она спешила, игнорируя его заботливость. Казалось, она хотела поскорее исчерпать свой запас заученных приемов и вела себя почти с мужской прямолинейностью в очевидной уверенности, что по-настоящему важен только сам финал. Занимаясь любовью, она мало думала о нем, словно он был только орудием ее удовольствия. Она сильно кусалась и до боли впивалась сильными тонкими пальцами ему в ягодицы, пока он наконец не оттолкнул ее руки. Она быстро двигалась, не желая прислушиваться к его ритму. То было не соревнование, как с американкой. Скорее давний голод, подстегиваемый страхом, что она получит слишком мало. Русская оказалась сухой, неумелой любовницей, в близости с ней не было богатства чувств. Просто кости терлись о кость, потом короткий обманчивый восторг и опустошенность. Теплое, усталое дыхание, короткое движение бедер, после которого они вновь разъединились. И затем — ощущение прижавшихся к нему спины и ягодиц — женщины такой

худой, что ее тело могло бы принадлежать ребенку.

Неожиданный шум в коридоре заставил его вздрогнуть. Кто-то яростно бранился по-английски, а в ответ женский голос бросал русские слова. Очень бережно Райдер снял руку с груди женщины и закрыл ей ухо.

Да, она сухая, неумелая любовница. И, глядя на вещи трезво, он чувствовал, что он интересен ей не как человек, а просто как американец. Но — не важно. В этой пустыне постельного белья он — ее защитник, призванный оберегать ее от любой боли.

Скандал стих, удаляясь вдаль по коридору. Райдер пожалел тех, кому приходилось выяснять отношения подобным образом. В душе у него царил мир, и даже неприятная сцена в компьютерном дознавательном центре потеряла в его памяти остроту. Он больше не думал о войне. Война и так скоро вернется. Но сейчас еще несколько часов он хотел держать в объятиях эту незнакомку.

Женщина прижалась к нему, устраиваясь поудобнее. Его тело отозвалось, и он провел рукой по ее волосам вниз, до твердых косточек ключиц. Его рука ненадолго задержалась на ее мягкой груди, затем скользнула по животу, пока его пальцы не достигли влажного треугольника волос. Он погрузил палец во влагу, оставшуюся после их недавней любви, и женщина начала поворачиваться к нему, зажав его руку между бедрами. В бледнеющей темноте он увидел, что ее глаза широко открыты. Она приоткрыла для поцелуя губы, дохнув на него застоявшимся за-

пахом выкуренных сигарет. Тихо засмеялась, непонятно почему. Потом обняла его, освободив его руку.

Валя давно уже лежала без сна, притворяясь спящей и оценивая про себя мужчину, которому только что отдалась. Она очень хотела, чтобы он еще раз занялся с нею любовью — не ради удовольствия, а чтобы убедиться, что она действительно привлекательна для него, что у нее все-таки есть какой-то шанс добиться своего.

Валя не сомневалась, что американец ее не понимает. Он казался таким уверенным в себе, воспринимающим все как должное. Он слишком много улыбался, и все в нем казалось чересчур молодым, несмотря на их практически одинаковый возраст. К объятиям он приступил с нежностью, показавшейся ей ненормальной. Она привыкла к гораздо более грубому обращению со стороны своих любовников. Пытаясь расшевелить его, она скоро сама увлеклась и позволила ему делать, все что он хочет. Но ее обеспокоило, что она никак не могла заставить его кончить. Похоже, он хотел растянуть процесс как можно дольше, вместо того чтобы просто расслабиться. Все с ним было совершенно по-другому, и она сомневалась, сможет ли когда-нибудь привыкнуть к его манере. В американце чувствовалось слишком мало настоящего чувства, страсти и отрешенности.

Хуже всего, однако, была не его физическая неотзывчивость на все ее усилия. Гораздо больше ее раздражало, что она так и не достучалась до его души. Она горько бранила себя: чего же

ты хочешь, если сразу же плюхаешься в койку с иностранцем, словно какая-то шлюха? Валя чувствовала, как нарастает в ней злоба против этого мужчины, которого, похоже, вполне устраивало просто держать ее в объятиях. Интересно, испытывал ли он хоть раз чувство физической неудовлетворенности? И кого она хочет обмануть? Американки все до одной шлюхи, и он всегда может получить о них все, что угодно. Прекрасно одетые, богатые бабы. Возможно, горько подумала она, ей следует считать себя счастливой уже потому, что он снизошел и допустил ее в свою постель. Вряд ли ему знакомо настоящее одиночество — такое, какое не опишешь никакими словами, которое превращает тебя в такую дуру. „Американцы избалованы и бесчувственны, — решила она. — Все до единого".

Вдруг в соседнем номере раздался злобный мужской голос. Или в коридоре — она не разобрала. Но его звук напугал ее. Потом ему по-русски ответила женщина, она требовала денег, долларов. У Вали мороз пробежал по коже — вот в какой компании она оказалась.

Непонятно почему, американец рукой закрыл ей ухо. Почему он не хочет, чтобы она слышала, что там происходит? Возможно, эта скотина всего-навсего боится, что и она потребует с него денег.

Валя хотела свернуться в комочек, как в детстве. Одна. Она сама не могла понять, то ли ей действительно стыдно, то ли она просто разочарована, оказавшись в таком положении. Но она знала одно — она несчастна.

Валя в нетерпении прижалась к американцу: пускай либо занимается любовью, либо спит. Если он заснет, то она сможет съесть печенье, оставленное им в открытой коробке на тумбочке. „На худой конец, — сказала она себе, — я, по крайней мере, набью живот печеньем за работу".

Американец принялся водить рукой по ее телу. Он пошевелился, и ей стало ясно, чего он хочет. Потом она почувствовала в себе его палец.

„Ну что ж, ладно", — подумала Валя.

Она повернулась лицом к американцу, открыв себя ему. Прикоснулась к нему, почувствовав на руках оставшуюся от предыдущего раза влажность. По крайней мере, он ее хочет. Считает, что она стоит второго раза. Она боялась, что он нашел ее слишком худой и уже потерял к ней всякий интерес.

Возможно, еще есть надежда. Возможно, все-таки произойдет что-нибудь хорошее. Возможно...

Ни с того ни с сего она вдруг подумала о Юре. Муж... И рассмеялась про себя над своей неспособностью получить хоть от чего-нибудь удовольствие, не испортив все своими собственными руками. Американец засунул в нее второй палец, и она отвела в сторону ногу, чтобы не мешать ему. Застонала, подыгрывая.

Что ж, она надеялась, что с Юрой, по крайней мере, все в порядке. Он сейчас со своими любимыми солдатами, они его поддержат. Валя не хотела, чтобы он страдал. Она просто не желала больше никогда его видеть.

Она чувствовала прикосновение американца, он колол ее отросшей за ночь щетиной. Ее тело реагировало на него само по себе. Но она не могла выкинуть из головы мысли о муже. Ее начала охватывать злоба, даже ярость, и она еще крепче прижалась к американцу. Почему все так запутано?

— Ты не понимаешь! — выкрикнула Валя на родном языке, сама не зная, к кому обращается — к мужу ли, бросившему ее на произвол судьбы, или к этому незнакомцу, что в данную минуту владел ее телом. — Ты не понимаешь, ты ничего не понимаешь...

Литературно-художественное издание

Ральф Питерс

Война 2020 года

В двух книгах

Книга I

Редактор *Р. И. Михайлова*
Художественный редактор *Т. Н. Костерина*
Мл. редактор *А. Н. Ивашин*
Технолог *Е. Д. Бычкова*
Зав. корректорской *А. В. Минаева*
Зам. зав. корректорской *Н. Ш. Таласбаева*
Корректоры *В. А. Жечков, С. Ф. Лисовский*

Подписано в печать с диапозитивов заказчика 9 11.94 Формат 84 × 108/32. Бумага газетная. Гарнитура Банниковская Печать высокая с ФПФ Усл. печ. л. 28. Тираж 30 000 экз Заказ № 1421

Издательство «Вагриус» издательская лицензия № 061053 от 15.04.92. 103064, Москва, ул Казакова, 18

Издательство «БелВагриус», издательская лицензия № 811 от 27.04 94. 220089, Минск, ул Железнодорожная, 27а.

Минский полиграфкомбинат МППО им Я. Коласа. 220005, Минск, Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных издательством диапозитивов.

6543210

Ральф
ПИТЕРС

ВОЙНА 2020 ГОДА

К 2020 году мир пережил многое: последнюю ядерную войну, стершую с лица земли Израиль, роковую для американцев интервенцию США в Заир, страшную эпидемию неведомой и беспощадной болезни, обескровившую население всей планеты. Вся земля стала огромной шахматной доской, на которой две оставшихся сверхдержавы — США и Япония — разыгрывают решающую партию в борьбе за мировое господство. Роль одной из пешек отведена Советскому Союзу, охваченному пламенем гражданской войны, ослабленому хронической нехваткой всего на свете и бездарным руководством. В последней отчаянной попытке выжить и сохранить традиционные ценности западного мира давние противники — Соединенные Штаты и Россия — объединились для решительного сражения против нашествия с Востока.

ВАГРИУС